

М. С. Фомин

В мире мудрых мыслей

Учебное пособие

М. С. Фомин

В МИРЕ МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

Учебное пособие

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2024

УДК 1/14(07)
ББК 87я7
Ф76

Рецензенты:

д-р пед. наук, профессор кафедры Теории и методики непрерывного педагогического образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

А. Г. Козлова;

канд. пед. наук, доцент, заведующая кафедрой Гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного ордена Жукова училища

Т. Л. Лопуха

Автор:

М. С. Фомин – канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного ордена Жукова училища.

Фомин М. С.

Ф76 **В мире мудрых мыслей** : учебное пособие / М. С. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2024. – 412 с.

ISBN 978-5-907830-43-1

Учебное пособие «В мире мудрых мыслей» предназначено для курсантов военных училищ и гражданских вузов, изучающих дисциплину «Философия». Оно составлено из мыслей, воззрений и формулировок известных философов, писателей и учёных разных эпох, тематически сгруппированных для наилучшего и целенаправленного освещения фундаментальных тем и вопросов, подлежащих усвоению за время изучения курса предмета «Философия». Пособие призвано помочь обучающимся разобраться с трудными философскими проблемами. Также оно может быть полезно и преподавателям предмета в целях подготовки ими материала собственных занятий. Кроме того, данное учебное пособие может быть востребованным должностными лицами, осуществляющими воспитательную и пропагандистскую работу в Вооружённых Силах Российской Федерации, а именно заместителям командиров подразделений по военно-политической работе (замполитам).

УДК 1/14(07)
ББК 87я7

ISBN 978-5-907830-43-1
DOI 10.31483/a-10624

© Фомин М. С., 2024
© ИД «Среда», оформление, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. ПОГРУЖЕНИЕ В ТЕМУ. ЧТО ТАКОЕ МУДРОСТЬ? ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ? КТО ЕСТЬ МУДРЕЦ? КТО ЕСТЬ УЧИТЕЛЬ?.....	7
Глава 2. ВЕЧНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ. НЕУДОБНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ. СМЫСЛ ЖИЗНИ. ДОБРО И ЗЛО. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. СЧАСТЬЕ. ВРЕМЯ.....	60
Глава 3. СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ЛИЧНОСТЬ. ВОСПИТАНИЕ. ОБРАЗОВАНИЕ. МИРОВОЗЗРЕНИЕ	147
Глава 4. ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. БОГ. ВЕРА. РЕЛИГИЯ	260
Глава 5. LINGUA LATINA EST LINGUA LINGUARUM. «КРЫЛАТАЯ ЛАТЫНЬ»	380
Послесловие	408

Предисловие

Всякий раз обращаясь к источнику – книге, журналу, а в настоящее время ещё и к Интернету, сегодня ставшему чем-то само-собой разумеющимся, человеку встречаются интересные формулировки, неожиданные воззрения, хлёсткие высказывания, трогающие прозрения. Очевидно, что их количество постепенно увеличивается, даже в случае нечастого посещения им специфической кладовой, которую собирательно-обобщённо можно назвать «книга». Соответственно, чем чаще он заглядывает в эту «книгу», тем быстрее прирастает количественно (и уж тем более качественно) арсенал, потребный и пригодный для последующего использования на фронтах интеллектуальных сражений: с самим собой, товарищем-собеседником, неприятелем-оппонентом, откровенным врагом.

В такой ситуации актуальным делается сбережение некогда обнаруженного богатства, но главное – обеспечение его *доступности* и *подручности*. Очевидно, что пытливый и жаждущий ум непременно схватывает и фиксирует в ячейке памяти нечто мудрое-интересное-полезное, подвернувшееся на пути: ключевая мысль, «вся соль» формулировки откладываются и запоминаются в целом, в принципе. Это безусловно хорошо, полезно и должно. Однако постепенно становится важной именно *подручность*, а ещё несколько дальше – *точность*, некогда найденного в «книге» текста, понимаемого как в узком, т. е. прямом, так и широком, т. е. философском, смысле этого слова, а именно возникает необходимость в том, чтобы всё было рядом – с одной стороны, а с другой – чтобы всё это было абсолютно точно с точки зрения формулировки. Иными словами, в идеале необходимо, чтобы все книги-источники были всегда при себе, чтобы всегда можно было сверить точность в случае цитирования при личном использовании текста в том или ином случае.

Очевидно, что все книги с собой носить невозможно, даже если они будут в современном – электронном – формате, который, несмотря на техническое совершенство, имеет техническую же уязвимость: разрядившийся аккумулятор сводит всё на ноль.

Что касается памяти человека, то и она может подвести его, особенно в случае, если он непрестанно не тренирует и не нагружает её, чему, опять же, способствует чрезмерное упование современ-

ника на технические устройства. Дело в том, что порой и она искажает точность оригинала, которая в некоторых ситуациях имеет решающее, концептуальное значение.

Указанные обстоятельства объясняют актуальность и необходимость особого рода книги – книги-выжимки, книги-хранилища, которая, собственно, и предлагается читателю.

Она представляет собой подборку и систематизацию некогда повстречавшихся её составителю идей известных и действительно великих мыслителей и учёных различных времён и разных народов – их *точные* формулировки с *точным* указанием первоисточников и *точного* места в них. Это, как представляется автору-составителю, позволяет решить обозначенные выше трудности и тем самым существенно облегчить потенциальные баталии на интеллектуальных фронтах, как говорилось ранее, с самим собой, товарищем-собеседником, неприятелем-оппонентом, откровенным врагом.

Будучи трудом авторским, книга содержит в себе те и такие цитаты и фрагменты больших текстов больших людей, которые оказались важными её составителю, в чём, очевидно, имеется определённый субъективизм, т. е. не каждый читающий её непременно согласится с выбором составителя. Это, однако, черта всякого интеллектуального продукта.

Важно также отметить, что задача и предназначение настоящего труда заключаются не в том, чтобы просто предоставить кому-то возможность полного и точного оперирования чьими-то высказываниями и формулировками. Сознанию читателя он должен предстать в следующем статусе и цвете: во-первых, сделаться хорошим подспорьем в собственной работе по генерированию уже своих мыслей; во-вторых, быть весомым материалом для аргументации личной, уже выработанной позиции; в-третьих, оказаться разящим оружием покорения умов и душ добрых и злонамеренных оппонентов, каждого из которых оказывается должным утвердить на благородном пути обретения мудрости – осмысления и понимания, а потому созидания или переформатирования бытия, где первых нужно укрепить и поддержать, а вторых – обратить в противоположность, т. е. вывести из неверных в верных.

Лейтмотив всего труда – доказательство и уверение читателя в ошибочности широко распространённой позиции о том, что философия – это просто игра в непонятные, красивые слова. Задачей, следовательно, оказывается демонстрация и убеждение в обратном, а именно в том, что философия есть трудная и неизбежная работа по созиданию и поддержке (в себе лично и обществе в целом) подлинно человеческого облика – той самой человечности, о которой сегодня много говорится, но мало делается практически. Ясно, что в этом сложном деле требуется помощник, каковым и представляется данное издание: оно не просто книга, но голос помощи тех многих, что-то прозревших и понявших в жизни людей, которые были объединены ею в один строй и хор.

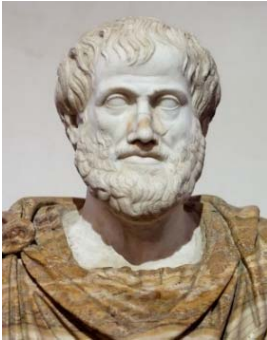
Книга может быть интересной и полезной широкому кругу читателей: от обыкновенных современников, временами начинающих испытывать идейно-смысловой голод, а потому пробующих искать какую-то «пищу» для своего ума и размышлений, до профессионалов-преподавателей, статусом и должностью обязанных глубоко и качественно прорабатывать материал своих плановых занятий со своими обучающимися – студентами и курсантами, которые, к сожалению, не особо расположены к философии и философствованию.

**Глава 1. ПОГРУЖЕНИЕ В ТЕМУ.
ЧТО ТАКОЕ МУДРОСТЬ? ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?
КТО ЕСТЬ МУДРЕЦ? КТО ЕСТЬ УЧИТЕЛЬ?**

**«Экклесиаст»
Одна из книг Ветхого Завета
Глава 1**

«Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»¹.

**Аристотель
(384–322 гг. до н. э.)
Древнегреческий философ
«Политика»**

«Ведь чуть ли не всё уже давным-давно придумано, но одно не слажено, другое, хотя и известно людям, не находит применения»².

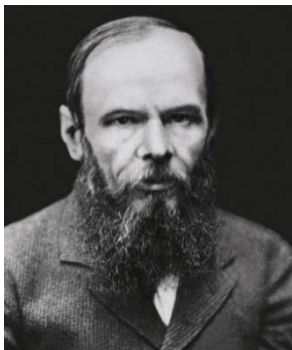
**Философский
энциклопедический словарь
«Скандал в философии»**

«Скандал в философии – название того обстоятельства, что философия, несмотря на свои тысячелетние усилия, не открыла ещё, кроме нескольких логических аксиом, никаких положений, признаваемых всеми философами в качестве очевидных»³.

¹ Экклесиаст. – Гл. 1. – Стих 18.

² Мыслители Греции. От мифа к логике: сочинения. – Москва: Эксмо-Пресс, 1998. – С. 476.

³ Философский энциклопедический словарь. – Москва: Инфра-М, 1997. – С. 416.

Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)

Русский писатель, мыслитель

«Дневник писателя»

«В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический.

В самом деле, люди сделали наконец то, что всё, что налжёт и перелжёт себе ум человеческий, им уже гораздо понятнее истины, и это сплошь на свете. Истина лежит перед людьми по сту лет на столе, и её они не берут, а гоняются за придуманным, именно потому, что её-то и считают фантастичным и утопическим»⁴.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Пусть не говорят, что я ничего не сказал нового, само расположение материала ново.

Когда играют в мяч, оба игрока отбрасывают один и тот же мячик, но один бросает его точнее.

Равно как и пусть мне скажут, что я пользуюсь старыми словами. И как одни и те же мысли образуют другое рассуждение, если их расположить иначе, так одни и те же слова при ином расположении образуют другие мысли»⁵.

⁴ Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург: Лениздат, 1999. – С. 99–100.

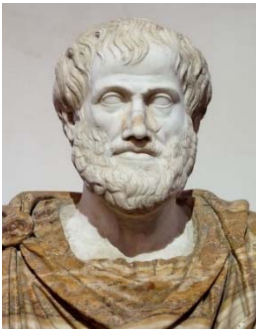
⁵ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 264.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Хороший учитель, – если говорить так, как оно есть, – не знает, как будет развиваться урок во всех его тонкостях и деталях; не знает не потому, что он работает вслепую, а потому, что он очень хорошо знает, что такое хороший урок»⁶.

**Аристотель
(384–322 гг. до н.э.)
Древнегреческий философ
«Метафизика»**

«Все люди от природы стремятся к знанию»⁷.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Атмосфера любви к книге, уважения к книге, благоговение перед книгой – в этом заключается сущность школы и педагогического труда. В школе может быть всё, но, если нет книг, нужных для всестороннего развития человека, для его богатой духовной жизни, или если книгу не любят и равнодушны к ней, это ещё не школа; в школе может многого не хватать, во многом мы можем быть бедны и скромны, но, если у нас

⁶ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 110.

⁷ Аристотель. Метафизика / Аристотель. – Москва: Эксмо, 2019. – С. 5.

есть книги, нужные для того, чтобы перед нами всегда было широко открыто окно в мир, это уже школа»⁸.

**Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)**

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Извлекайте из вашей учёности не тот вывод, что что вам нечего больше узнавать, но то, что вам остаётся узнать бесконечно много»⁹.

**Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)**

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Тот, кто, повторяя старое, узнаёт новое, может быть наставником людей»¹⁰.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)**

**Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Источником интеллектуального богатства коллектива является прежде всего индивидуальное чтение учителя. Настоящий педагог – книголюб»¹¹.

⁸ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 111.

⁹ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 174.

¹⁰ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 59.

¹¹ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 110.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Когда кругозор учителя неизмеримо шире школьной программы, когда знание программы сосредоточено в его мозгу где-то не в центре, а в стороне от самых активных участков коры, – лишь тогда он подлинный мастер, художник, поэт педагогического процесса... Мастер педагогического дела настолько хорошо знает азбуку своей науки, что на уроке, в ходе изучения материала, в центре его внимания не само содержание того, что изучается, а ученики, их умственный труд, их мышление, трудности их умственного труда.

Но как же добиться, чтобы каждый учитель знал не только азы обучения, но и глубокие истоки предмета?

Чтение, чтение и ещё раз чтение. Чтение не под нажимом или контролем директора, а чтение как первейшая духовная потребность, как пища для голодного. Вкус к чтению, желание покопаться в книгах, умение посидеть над книгой, поразмыслить. Как добиться, чтобы чтение стало потребностью каждого учителя? Здесь каких-то специальных приемов «воспитательной работы» нет и быть не может. Потребность в чтении воспитывается всей духовной жизнью педагогического коллектива!»¹².

**Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)
Древнекитайский философ**

«Беседы и суждения»

«Древние говорили с осторожностью, т.к. опасались, что не смогут выполнить сказанное»¹³.

¹² Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 110.

¹³ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 71.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Любящим учиться может быть назван человек, который ежедневно осознаёт свои несовершенства и каждый месяц восстанавливает в памяти всё то, чему не научен»¹⁴.

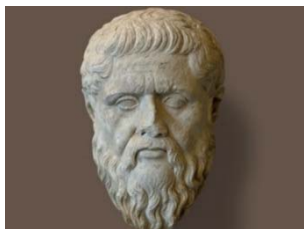

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

*«Когда я думаю о кратком сроке своей жизни, поглощаемом вечностью до и после неё – *memoria hospitis unius diei praetereuntis*¹⁵ – о крошечном пространстве, которое я занимаю, и даже о том, которое вижу перед собой, затерянном в бесконечной протяженности пространств, мне неведомых и не ведающих обо мне, я чувствую страх и удивление, отчего я здесь, а не там; ведь нет причины, почему бы мне оказаться скорее здесь, чем там, почему скорее сейчас, чем тогда. Кто меня сюда поместил? Чьей волей и властью назначено мне это место и это время?»¹⁶.*

Платон
(427–347 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ

«Апология Сократа»

«В свидетели моей мудрости, если есть у меня какая-то мудрость, я приведу вам бога, который в Дельфах. Вы ведь знаете Херефонта – он смолodu

¹⁴ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 152.

¹⁵ Проходит, как память об однодневном госте (лат.)// Книга Премудрости Соломона.

¹⁶ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 73.

был моим другом и другом многих из вас, он разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами. И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неудержим во всём, что бы ни затевал. Прибыв однажды в Дельфы, осмелился он обратиться к оракулу с такими вопросом.

Я вам сказал, не шумите, афиняне!

Вот Херефонт и спросил, есть ли кто на свете мудрее меня, и Пифия ответила ему, что никого нет мудрее. И хотя самого Херефонта уже нет в живых, но вот брат его, здесь присутствующий, засвидетельствует вам, что это так. Посмотрите, ради чего я это говорю: ведь мое намерение – объяснить вам, откуда пошла клевета на меня.

Услыхав про это, стал я размышлять сам с собою таким образом: «Что такое бог хотел сказать и что он подразумевает? Потому что я сам, конечно, нимало не считаю себя мудрым. Что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не лжёт же он: не пристало ему это». Долго недоумевал я, что такое бог хотел сказать, потом через силу прибегнул я к такому разрешению вопроса: пошёл я к одному из тех людей, которые слывут мудрыми, думая, что уж где-где, а тут я скорее всего опровергну прорицание, объявив оракулу: «Вот этот мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым». Но когда я присмотрелся к этому человеку, – называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что тот, наблюдая которого я составил такое впечатление, был одним из государственных людей, афиняне, – так вот я, когда побеседовал с ним, решил, что этот человек только кажется мудрым и многим другим людям, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет. Потом я попробовал показать ему, что он только мнит себя мудрым, а на самом деле вовсе не мудр. Из-за этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня. Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего дельного и путного не знаем, но он, не зная, воображает, будто что-то знает, а я если уж не знаю, то и не воображаю. На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я коли ничего не знаю, то и не воображаю, будто знаю. Оттуда я пошел к другому, из тех, которые казались мудрее первого, и увидел то же самое: и здесь возненавидели меня и сам он, и многие другие.

«...» Наконец пошёл я и к тем, кто занимается ручным трудом. Я сознавал, что сам, попросту говоря, ничего не умею, зато был

уверен, что уже среди них найду таких, кто знает много хорошего. Тут я не ошибся; в самом деле они умели делать то, чего я не умел, и в этом были мудрее меня. Но, афиняне, мне показалось, что они грешили тем же, чем и поэты: оттого что они хорошо владели своим делом, каждый из них считал себя самым мудрым также и во всём прочем, даже в самых важных вопросах, и это заблуждение заслоняло собою ту мудрость, какая у них была; так что, желая оправдать слова оракула, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочёл: оставаться ли таким, как есть, и не быть ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством или, как они, быть и мудрым и невежественным. И я отвечал самому себе и оракулу, что лучше уж мне оставаться как есть.

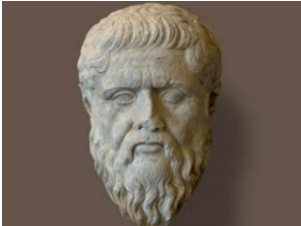
Из-за этого самого исследования, афиняне, с одной стороны, многие меня возненавидели так, что сильнее и глубже и нельзя ненавидеть, отчего и возникло множество наветов, а с другой стороны, начали мне давать прозвание мудреца, потому что присутствовавшие каждый раз думали, будто если я доказываю, что кто-то вовсе не мудр в чём-то, то сам я в этом весьма мудр.

«...» Вот вам, афиняне, правда, как она есть, и говорю я вам без утайки, не умалчивая ни о важном, ни о пустяках. Хотя я почти уверен, что этим самым я вызываю ненависть, но как раз это и служит доказательством, что я говорю правду и что в этом-то и состоит клевета на меня, и именно таковы её причины. И когда бы вы ни стали расследовать моё дело, теперь или потом, всегда вы найдете, что это так.

«...» Но не самое ли позорное невежество – воображать, будто знаешь то, чего не знаешь? Я, афиняне, этим, пожалуй, и отличаюсь от большинства людей, и если я кому кажусь мудрее других, то разве только тем, что, недостаточно зная об Аиде, я так и считаю, что не знаю.

«...» Я вам предан, афиняне, и люблю вас, но слушаться буду скорее бога, чем вас, и, пока я дышу и остаюсь в силах, не перестану философствовать, уговаривать и убеждать всякого из вас, кого только встречу, говоря то самое, что обыкновенно говорю: «Ты лучший из людей, раз ты афинянин, гражданин величайшего города, больше всех прославленного мудростью и могуществом, не стыдно ли тебе заботиться о деньгах, чтобы их у тебя было как можно больше, о славе и о почестях, а о разумности, об истине и о душе своей не заботиться и не помышлять, чтобы она была как можно лучше?»

«...» Ведь если вы меня казните, вам нелегко будет найти ещё такого человека, который попросту – смешно сказать – приставлен богом к нашему городу, как к коню, большому и благородному, но обленившемуся от тучности и нуждающемуся в том, чтобы его подгонял какой-то овод. Вот, по-моему, бог послал меня в этот город, чтобы я, целый день носясь повсюду, каждого из вас будил, уговаривал, упрекал непрестанно»¹⁷.

**Платон
(427–347 гг. до н.э.)**

Древнегреческий философ

«Апология Сократа»

«Из-за малого срока, который мне осталось жить, афиняне, теперь пойдёт о вас дурная слава, и люди, склонные поно-

сить наш город, будут винить вас в том, что вы лишили жизни Сократа, человека мудрого, – ведь те, кто склонны вас упрекать, будут утверждать, что я мудрец, хотя это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собою: вы видите мой возраст, я уже глубокий старик, и моя смерть близка. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А ещё вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, афиняне, что я осужден потому, что у меня не хватало таких доводов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы избежать приговора. Совсем нет. Не хватить-то у меня правда, что не хватило, только не доводов, а дерзости и бесстыдства, и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать: чтобы я оплакивал себя, горевал, словом, делал и говорил многое, что вы привыкли слышать от других, но что недостойно меня, как я утверждаю. Однако и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным прибегать к тому, что подобает лишь рабу, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом. Я скорее предпочитаю умереть после такой защиты, чем оставаться в живых, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти любыми способами без разбора. И в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти можно уйти, бросив оружие

¹⁷ Мыслители Греции. От мифа к логике: сочинения. – Москва: Эксмо-Пресс, 1998. – С. 12–24.

или обратившись с мольбой к преследователям; много есть и других уловок, чтобы избежать смерти в опасных случаях, – надо только, чтобы человек решился делать и говорить всё, что угодно.

Избегнуть смерти не трудно, афиняне, а вот что гораздо труднее – избежать нравственной порчи: она настигает стремительней смерти. И вот меня, человека медлительного и старого, догнала та, что настигает не так стремительно, а моих обвинителей, людей сильных и проворных, – та, что бежит быстрее, – нравственная порча. Я ухажу отсюда, приговорённый вами к смерти, а они уходят, уличённые правдою в злодействе и несправедливости. И я остаюсь при своём наказании, и они при своём. Так оно, пожалуй, и должно было быть, и мне думается, что это в порядке вещей.

А теперь, афиняне, мне хочется предсказать будущее вам, осудившим меня. Ведь для меня уже настало то время, когда люди бывают особенно способны к прорицаниям, – тогда, когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, афиняне, меня умертвившие, что тотчас за моей смертью постигнет вас кара тяжелее, клянусь Зевсом, той смерти, которой вы меня покарали. Теперь, совершив это, вы думали избавиться от необходимости давать отчёт в своей жизни, а случится с вами, говорю я, обратное: больше появится у вас обличителей – я до сих пор их сдерживал. Они будут тем тягостней, чем они моложе, и вы будете ещё больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, умерщвляя, людей, вы заставите их не порицать вас за то, что вы живёте неправильно – то вы заблуждаетесь. Такой способ самозащиты и не вполне надёжен, и нехорош, а вот вам способ и самый хороший и самый лёгкий: не затыкать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Предсказав это вам, тем, кто меня осудил, я покидаю вас.

А с теми, кто голосовал за мое оправдание, я бы охотно побеседовал о случившемся, пока архонты заняты, и я ещё не отправился туда, где я должен умереть. Побудьте со мною это время, друзья мои! Ничто не мешает нам потолковать друг с другом, пока можно. Вам, раз вы мне друзья, я хочу показать, в чём смысл того, что сейчас меня постигло. Со мною, судьи, – вас-то я, по справедливости, могу назвать судьями, – случилось что-то поразительное.

В самом деле, ведь раньше всё время обычный для меня вещей голос слышался мне постоянно и удерживал меня даже в мало-важных случаях, если я намеревался сделать что-нибудь неправильно, а вот теперь, когда, как вы сами видите, со мной случилось

то, что всякий признал бы – да так оно и считается – наихудшей бедой, божественное знамение не остановило меня ни утром, когда я выходил из дому, ни когда я входил в здание суда, ни во время всей моей речи, что бы я ни собирался сказать. Ведь прежде, когда я что-нибудь говорил, оно нередко останавливало меня на полуслове, а теперь, пока шёл суд, оно ни разу не удержало меня ни от одного поступка, ни от одного слова. Как же мне это понимать? Я скажу вам: пожалуй, всё это произошло мне на благо, и, видно, неправильно мнение всех тех, кто думает, будто смерть – это зло. Этому у меня теперь есть великое доказательство: ведь быть не может, чтобы не остановило меня привычное знамение, если бы я намеревался совершить что-нибудь нехорошее.

Заметим ещё вот что: ведь сколько есть оснований надеяться, что смерть – это благо! Смерть – это одно из двух: или умереть значит не быть ничем, так что умерший ничего уже не чувствует, или же, если верить преданиям, это есть для души какая-то перемена, переселение её из здешних мест в другое место. Если ничего не чувствовать, то это всё равно что сон, когда спишь так, что даже ничего не видишь во сне; тогда смерть – удивительное приобретение. По-моему, если бы кому-нибудь предстояло выбрать ту ночь, в которую он спал так крепко, что даже не видел снов, и сравнить эту ночь с остальными ночами и днями своей жизни и, подумавши, сказать, сколько дней и ночей прожил он в своей жизни лучше и приятнее, чем ту ночь, – то, я думаю, не только самый простой человек, но и сам великий царь нашёл бы, что таких ночей было у него наперечёт по сравнению с другими днями и ночами. Следовательно, если смерть такова, я тоже назову её приобретением, потому что, таким образом, всё время покажется не дольше одной ночи.

С другой стороны, если смерть есть как бы переселение отсюда в другое место и верно предание, что там находятся все умершие, то есть ли что-нибудь лучше этого, судьи? Если кто придёт в Аид, избежавшись вот от этих самозванных судей, и найдёт там истинных судей, тех, что, по преданию, судят в Аиде, – Миноса, Радаманта, Эака, Триптолема и всех тех полубогов, которые в своей жизни отличались справедливостью, – разве плохо будет такое переселение?

А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером? Да я готов умирать много раз, если все это правда, – для кого другого, а для меня было бы восхитительно

вести там беседы, если бы я там встретился, например, с Паламедом и с Аянтом, сыном Теламона, или ещё с кем-нибудь из древних, кто умер жертвою несправедного суда, и я думаю, что сравнивать мою участь с их участью было бы отрадно.

А самое главное – проводить время в том, чтобы испытывать и разбирать обитающих там точно так же, как здешних: кто из них мудр и кто из них только думает, что мудр, а на самом деле не мудр. Чего не дал бы всякий, судьбы, чтобы испытать того, кто привёл великую рать под Трою, или Одиссея, Сизифа и множество других мужей и жён, – с ними беседовать, проводить время, испытывать их было бы несказанным блаженством. Во всяком случае, уж там-то за это не казнят. Помимо всего прочего, обитающие там блаженнее здешних ещё и тем, что остаются всё время бессмертными, если верно предание.

Но и вам, судьбы, не следует ожидать ничего плохого от смерти, и уж если что принимать за верное, так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего плохого ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах. И моя участь сейчас определилась не сама собою, напротив, для меня это ясно, что мне лучше умереть и избавиться от хлопот. Вот почему и знамение ни разу меня не удержало, и я сам ничуть не сержусь на тех, кто осудил меня, и на моих обвинителей, хотя они выносили приговор и обвиняли меня не с таким намерением, а думая мне повредить, – это в них заслуживает порицания. Всё же я попрошу их о немногом: если, афиняне, вам будет казаться, что мои сыновья, повзрослев, заботятся о деньгах или ещё о чем-нибудь больше, чем о доблести, воздайте им за это, донимая их тем же самым, чем и я вас донимал; и если они будут много о себе думать, будучи ничем, укоряйте их так же, как и я вас укорял, за то, что они не заботятся о должном и много воображают о себе, тогда как сами ничего не стоят. Если станете делать это, то воздадите по заслугам и мне и моим сыновьям»¹⁸.

¹⁸ Мыслители Греции. От мифа к логике: сочинения. – Москва: Эксмо-Пресс, 1998. – С. 32–35.

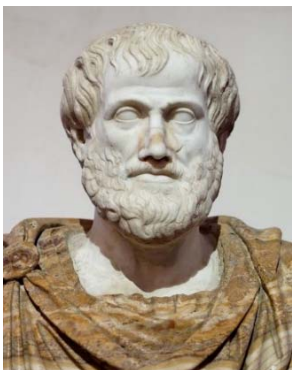

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Поскольку нельзя достичь универсальности, познав всё, что можно знать обо всём, нужно знать обо всём понемногу; лучше знать что-то обо всём, чем знать всё о чём-то. Подобная универсальность лучше всего. Если бы можно было обладать обеими, было бы ещё лучше; но коль скоро нужно выбирать, следует выбрать такую. Свет это знает и так и делает, ведь свет зачастую судит верно»¹⁹.

Аристотель
(384–322 гг. до н.э.)

Древнегреческий философ

«Метафизика»

«Ибо и теперь, и прежде удивление побуждает людей философствовать, причём вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например, о смене положения Луны, Солнца и звёзд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы. Сам ход вещей подтверждает это; а именно: когда оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие, тогда стали искать такого рода разумение. Ясно поэтому, что мы не ищем его ни для какой другой надобности. И так же, как свободным

¹⁹ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 113.

называем того человека, который живёт ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя»²⁰.

**Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)**

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Учиться и не размышлять – напрасно терять время; размышлять и не учиться – губительно»²¹.

**Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)**

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Учитель ласков был, но строг. Внушительен, но не свиреп, полон почтительности и покоя»²².

**Святитель Григорий Богослов
(329–389 гг.)**

**Христианский богослов,
один из Отцов
Христианской Церкви**

«Избранные творения»

«Или, буду говорить в уши слышащих, и тогда слово принесёт некоторый плод, именно тот, что вы воспользуетесь словом, потому что, хотя сеющий слово сеет в сердце каждого, однако же плодоносит одно доброе и плодотворное сердце.

Или пойдите от меня, смеясь и над этим словом, находя в нём новый предмет к возражениям и злословию на меня, что доставит вам ещё большее удовольствие»²³.

²⁰ Аристотель Метафизика / Аристотель. – Москва: Эксмо, 2019. – С. 11–12.

²¹ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 60.

²² Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 87.

²³ Святитель Григорий Богослов. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2008. – С. 19.

**Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)
Древнекитайский философ**

«Беседы и суждения»

«Учись в свободное от службы время, служи, когда свободен от учёбы»²⁴.

**Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)
Древнекитайский философ**

«Беседы и суждения»

«Человек может сделать великим путь, которым идёт, но путь не может сделать человека великим»²⁵.

**Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)
Древнекитайский философ**

«Беседы и суждения»

«Благородный муж предъявляет требования к себе, низкий человек предъявляет требования к людям»²⁶.

Педагогическая энциклопедия

«Учитель»

«Учитель – специалист, ведущий учебную и воспитательную работу с учащимися в общеобразовательных школах различных типов. Лица ведущие учебно-воспитательную работу в профессионально-технических и средних специальных учебных заведениях, именуются преподавателями»²⁷.

²⁴ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 153.

²⁵ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 134.

²⁶ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 133.

²⁷ Педагогическая энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1968. – С. 441–442.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Учитель готовится к хорошему уроку всю жизнь... такова духовная и философская основа нашей профессии и технология нашего труда: чтобы дать учениками искорку знаний, учителю надо впитать целое море света»²⁸.

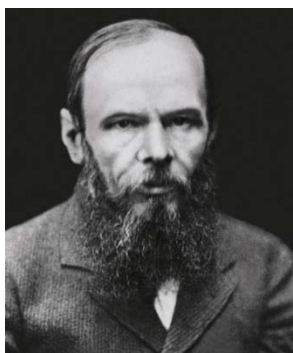

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Знающий, думающий, опытный педагог не засиживается долго, готовясь к завтрашнему уроку. Он не пишет длинных поурочных планов, тем более не записывает в план содержание фактического материала по данному уроку.

Он действительно готовится к хорошему уроку всю жизнь»²⁹.

**Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)**

Русский писатель, мыслитель

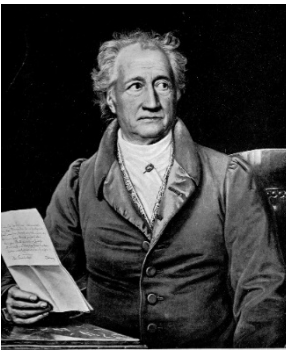
«Дневник писателя» за 1873 г.

«Учитель – это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом. Но, положим, наделаете деньгами не только учителей, но даже, наконец, и учёных; и

²⁸ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 109.

²⁹ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 109.

что же? – всё-таки людей не наделаете. Что в том, что он учёный, коли дела не смыслит? Педагогии он, например, выучится и будет с кафедры отлично преподавать педагогию, а сам всё-таки педагогом не сделается. Люди, люди – это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделяются; ну а на века надо время, годков этак двадцать пять или тридцать, даже и у нас, где века давно уже ничего не стоят. Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельной жизнью нации, вековым многострадальным трудом её – одним словом, образуется всюю историческою жизнью страны»³⁰.

Иоганн Вольфганг фон Гёте
(1749–1832 гг.)

**Немецкий поэт, драматург,
учёный-энциклопедист, критик**

«Фауст»

*«Где нет нутра, там
не поможешь потом.*

*Цена таким усильям медный грош.
Лишь проповеди искренним полётом
Наставник в вере может
быть хорош,*

*А тот, кто мыслью беден и усидчив,
Кропает понапрасну пересказ
Заемствованных отовсюду фраз,
Всё дело выдержками ограничив.
Он, может быть, создаст
авторитет*

*Среди детей и дурней недалёких,
Но без души и помыслов высоких
Живых путей от сердца
к сердцу нет»³¹.*

³⁰ Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург: Лениздат, 1999. – С. 78–79.

³¹ Гёте, И. В. Фауст: трагедия / И. В. Гёте. – Москва: Э, 2016. – С. 19–21.

**Преподобный Иоанн Лествичник
(VI–VII вв.)
Христианский богослов, философ.
Почитается Православными
и Католиками**

«Лествица»

1. *Стыдно пастырю бояться смерти; ибо о самом послушании иноческом говорят, что оно есть неоязненность смерти.*

2. *Испытуй, блаженный отче, какая та добродетель, без которой никто не узрит Господа; и её прежде всего усваивай твоим чадам, всячески охраняя их от красивых и женовидных лиц.*

3. *Все находящиеся под твоим руководством, по различию телесного их возраста, должны иметь различные занятия и различные жилища, ибо никого из приходящих к нашему пристанищу не должно отвергать. Прежде довольного рассмотрения, которое и у мирских скорогоразумно употребляется, «руки» (к пострижению) «ни на кого скоро не возлагай» (1 Тим. 5, 22), чтобы некоторые из овец, пришедшие к нам, в неведении, со временем достигли полного разума, и не стерпев нашей тяготы и зноя, снова не обратились в мир; за что будут отвечать пред Богом возложившие на них руку прежде времени.*

4. *Есть ли такой домостроитель Божий, который не имел бы более нужды в слёзных источниках и в трудах для себя самого, но нещадно употреблял бы их перед Богом для очищения других?*

5. *Никогда не переставай очищать души, и ещё более тела осквернённые, чтобы ты мог с дерзновением искать у доброго Подвигоположника венцов не только за труды о себе, но и за души других. Видел я одного немощного, который, укрепившись верою, очистил немощь другого немощного, помолившись за него с похвальным бесстыдством, и положив душу свою за душу ближнего, однако со смирением. Таким образом чрез исцеление ближнего, он исцелил и самого себя. Видел я и другого, который сделал подобное этому, но с возношением; и ему сказано в обличение: «врачу, исцелися сам» (Лк. 4, 23).*

6. *Можно оставить одно добро ради другого большего добра. Так поступал тот, который бежал мученичества не по страху, но для пользы спасаемых и просвещаемых под его руководством.*

7. *Иной сам себя предаёт бесчестию, чтобы сохранить честь ближних; и когда многие почитают его за сластолюбца, он поступает «яко льстец и истинен» (2 Кор. 6, 8).*

8. Если тот, кто может пользоваться других словом, но не преподаёт его изобильно, не избежит наказания: то какой беде подвергают себя, возлюбленный отче, те, которые трудами своими могут помочь злостраждущим, и не помогают? Избавляй братий, о ты, избавленный Богом! Спасенный! спасай ведомых на смерть, и не будь скуп к искуплению души, убиваемых бесами. Ибо в этом состоит величайшая почесть, данная от Бога разумному созданию, и она выше всякого делания и видения смертных и бессмертных.

9. Тот, кто отирает скверну других чистою, данную ему от Бога и от нечистых приносит Богу чистые дары, показывает себя споспешником бесплотных и умных сил. Ибо это составляет единственное и всегдашнее дело слуг Божиих, по слову Давидову: «вси, иже окрест Его, принесут дары» (Пс. 75, 12); и сии дары суть души.

10. Ни в чём столько не открывается человеколюбие и благодать к нам Создателя нашего, как в том, что Он оставил девязносто девять овец, и разыскал одну заблудшую. Внимай сему, возлюбленный отче, и всё твоё старание и любовь, горячность, прилежание, и моление к Богу покажи о далеко заблудших и сокрушенных. Ибо где тяжки недуги, и злокачественны язвы и струпы, там без сомнения и награду великую дают врачующим.

11. Всмотримся, вникнем и сотворим. Ибо пастырь не всегда должен держаться справедливости, по причине немощи некоторых. Видел я, как двое судились у мудрого пастыря, и он оправдал неправого, потому что сей малодушествовал; а обвинил правого, как мужественного и благодушного, чтобы правдою не усилить вражды; впрочем, каждому порознь он сказал должное, и особенно недугующему душою.

12. Поле, изобилующее травами, полезно всем овцам; а назидательное учение и воспоминение об исходе из сего мира прилично всем словесным овцам, и может их очистить от всякой проказы.

13. Примечай благодушных, и без всякой вины уничижай их в присутствии немощных, чтобы тебе можно было врачеванием одного исцелить болезнь другого и научить малодушных терпению.

14. Нигде не видно, чтобы Бог (Азбука Веры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/1/o_boge), приняв исповедь, обнаружил грехи покаявшегося; ибо Он отвернул бы этим грешников от исповеди, и недуги их сделал бы неисцельными. Итак, хотя бы мы и дар прозорливости имели; не должны предупреждать согрешивших изъявлением их грехов, но лучше побуждать их к исповеданию гадательными выражениями; ибо и за самое их исповедание пред нами бывает им не малое прощение. По исповедании же должны мы удостоивать их большего нежели прежде

попечения и свободнейшего к нам доступа; ибо чрез это они более преуспевают в вере и любви к нам.

Покажем также им в себе самих образ крайнего смирения, и научим их иметь к нам страх. Смотри, чтобы излишнее твоё смирение не привлекло угля огненного на главу чад твоих.

15. Во всём ты должен быть терпелив, кроме преслушания повелений твоих.

16. Смотри со вниманием, нет ли в твоём саду таких деревьев, которые понапрасну только занимают землю, а на другом месте, может быть, были бы плодоносны. В таком случае отнюдь не отрицайся, с советом, человеколюбиво пересаживать их.

17. Иногда настоятель может безбедно руководить своих овец к добродетели в местах, по-видимому, несвойственных иночеству, весёлых или многолюдных. Поэтому в принятии к себе приходящих овец да будет он осмотрителен, потому что уклонение от принятия и отказ не во всяком случае возбраняются Богом.

Если духовный врач избилует душевных безмолвием, то при попечении о недугующих немного имеет нужды во внешнем; если же он не обладает первым, то должен употреблять последнее.

18. Никакой дар от нас Богу не может быть столько приятен, как приношение Ему словесных душ чрез покаяние. Ибо весь мир не стоит одной души, потому что мир преходит, а душа нетленна, и пребывает во веки»³².

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Человек – всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей Вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть

Вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что он умирает, и знает превосходство Вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает. Итак, всё наше достоинство

³² Преподобный Иоанн Лествичник. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2007. – С. 444–449.

заключено в мысли. Вот в чём наше величие, а не в пространстве и времени, которых мы не можем заполнить. Постараемся же мыслить как должно: вот основание морали»³³.

В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель

«О воспитании»

«Что значит хороший учитель? Это прежде всего человек, который любит детей, находит радость в общении с ними, верит в то, что каждый ребёнок может стать хорошим человеком,

умеет дружить с детьми, принимает близко к сердцу детские радости и горести, знает душу ребёнка, никогда не забывает, что и сам он был ребёнком.

Хороший учитель – это, во-вторых, человек, хорошо знающий науку, на основе которой построен преподаваемый им предмет, влюблённый в неё, знающий её горизонты – новейшие открытия, исследования, достижения. Гордостью школы становится учитель, который, в дополнение к сказанному, сам неравнодушен к проблемам, над которыми бьётся его наука, обладает способностью к самостоятельному исследованию. Хороший учитель знает во много раз больше, чем предусматривает программа средней школы. Учебный предмет для него лишь азбука науки. Глубокие знания, хороший кругозор, интерес к проблемам науки – всё это необходимо учителю для того, чтобы раскрывать перед воспитанниками притягательную силу знаний, предмета, науки, процесса учения. Ученик должен видеть в учителе умного, знающего, думающего, влюбленного в знания человека. Чем глубже знания, чем шире кругозор, всесторонняя научная образованность учителя, тем в большей мере он не только преподаватель, но и воспитатель. Для учителя начальных классов важно не только всестороннее образование, но и особенный интерес к какой-нибудь определённой науке, отрасли знаний.

³³ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 120.

Хороший учитель – это, в-третьих, человек, знающий психологию и педагогику, понимающий и чувствующий, что без знания науки о воспитании работать с детьми невозможно.

Хороший учитель – это, в-четвёртых, человек, в совершенстве владеющий умениями в той или иной трудовой деятельности, мастер своего дела... В хорошей школе у каждого учителя есть какая-нибудь трудовая страсть.

Где же найти людей с таким всесторонним развитием? Хорошие люди вокруг нас, их надо уметь искать. Я всегда добивался права совершенно самостоятельно подбирать учителей и считаю, что без этого школа немислима»³⁴.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Благородный муж стыдится, когда его слова расходятся с поступками»³⁵.

Преподобный Иоанн Лествичник
(VI–VII вв.)

Христианский богослов, философ.

**Почитается Православными
и Католиками**

«Лествица»

1. *Истинный пастырь есть тот, кто может погибших словесных овец взыскать и исправить своим незлобием, тщанием и молитвою.*

2. *Кормчий духовный тот, кто получил от Бога и чрез собственные подвиги*

такую духовную крепость, что не только от треволнения, но и от самой бездны может избавить корабль душевный.

³⁴ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 106–107.

³⁵ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 133.

3. *Врач духовный есть тот, кто стяжал и тело, и душу свободные от всякого недуга, и уже не требует никакого врачевства от других.*

4. *Истинный учитель тот, кто непосредственно принял от Бога книгу духовного разума, начертанную в уме перстом Божиим, т. е. действием осияния, и не требует прочих книг.*

5. *Учителям неприлично преподавать наставления, выписанные из сочинений других, так как и живописцам, когда они делают только списки с чужих рисунков.*

6. *Наставляя низших, сам учись сначала свыше; и от чувственного научайся духовному, и не забывай того, который сказал: ни от человек, ни человеком проповедую учение. Ибо земное не может исцелить земных.*

7. *Добрый кормчий спасает корабль; и добрый пастырь оживотворяет и исцелит недужных овец.*

8. *Насколько овцы сии, преуспевая безостановочно, последуют своему пастырю, настолько и он должен отдать за них ответ Домовладыке.*

9. *Да мецет пастырь, как камнем, грозным словом на тех овец, которые по лености или по чревоугодию отстают от стада; ибо и это признак доброго пастыря.*

10. *Когда овцы сии, от зноя, т. е. от телесного распаления, станут дремать душою, тогда пастырь, взирая на небо, должен ещё усерднее бодрствовать над ними; ибо многие из них во время такого зноя делаются добычею волков. Впрочем, если и сии духовные овцы, по примеру бессловесных овец, во время зноя низко к земле преклоняют главу души своей, то имеем ободряющее нас свидетельство: «сердца сокрушенна и смиренна Бог не уничижит» (Пс. 50, 19).*

11. *Когда тьма и ночь страстей постигла паству, тогда определяй пса твоего, т. е. ум, на неотступную стражу к Богу; ибо ничего тут не будет несообразного считать ум губителем мысленных зверей»³⁶.*

³⁶ Преподобный Иоанн Лествичник. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2007. – С. 427–429.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Человек, который не думает о том, что может случиться в будущем, обязательно вскоре столкнётся с горестями»³⁷.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Недостойн быть учёным тот, кто думает о сытой и спокойной жизни»³⁸.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Я не родился со знаниями. Я получил их благодаря любви к древности и настойчивости в учёбе»³⁹.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Благородный муж знает только долг, низкий человек знает только выгоду»⁴⁰.

³⁷ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 132.

³⁸ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 122.

³⁹ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 85.

⁴⁰ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 70.

«Философский словарь»

«Философия»

«Философия – наука о всеобщих закономерностях, которым подчинены как бытие (т.е. природа и общество), так и мышление человека, процесс познания. Философия является одной из форм общественного сознания, определяется в конечном счёте экономическими отношениями общества.»

Основным вопросом философии как особой науки является проблема отношения мышления к бытию, сознания к материи. Любая философская система представляет собой конкретно развёрнутое решение этой проблемы»⁴¹.

«Советский энциклопедический словарь»

«Философия»

«Философия – форма общественного сознания, мировоззрение, система идей, взглядов на мир и место в нём человека; исследует познавательное, социально-политическое, ценностное, этическое и эстетическое отношение

человека к миру. Марксистско-ленинская философия – наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления, общая методология научного познания. Философия неразрывно связана с классовыми интересами, с политической и идеологической борьбой. Будучи обусловлена социальной действительностью, оказывает активное воздействие на социальное бытие, способствует формированию новых идеалов, норм и культурных ценностей»⁴².

⁴¹ Философский словарь. – Москва: Политиздат, 1987. – С. 510.

⁴² Советский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – С. 1417.

«Философия»

«Философия»

«Философия существует и развивается не только, если можно так выразиться, в академической, университетской форме, в виде специально философских сочинений, но и в совсем не похожей на науку форме, например, в виде творений писателей, когда они через художественные образы, через образную ткань искусства выражают порой гениальные собственно философские воззрения»⁴³.

«Малый толковый словарь русского языка»

«Мудрость»

«Мудрость – глубокое знание, понимание чего-нибудь, основанное на жизненном опыте»⁴⁴.

**Преподобный Иоанн Лествичник
(VI–VII вв.)**

**Христианский богослов, философ
Почитаем Православными
и Католиками**

«Лествица»

«1. Тогда духовный врач познает данную премудрость от Бога, когда успеет исцелить такие страсти, которых многие не могли уврачевать.

Не тот учитель достоин удивления, который способных отроков сделал знающими людьми; но тот, который невежд и тупоумных умудрил и довёл до совершенства. Искусство

⁴³ Спиркин, А. Г. Философия / А. Г. Спиркин. – Москва: Гардарики, 2006. – С. 11–12.

⁴⁴ Малый толковый словарь русского языка. – Москва: Русский язык, 1990. – С. 262.

ездокое тогда является и похваляется, когда они и на плохих конях одержат верх над своими противниками, и сберегут коней.

2. Если ты получил от Бога дар предвидеть бури, то явно предвозвещаешь о них находящимся с тобою в корабле. Если не так, то ты будешь виновен в крушении корабля, потому что все с полной доверенностью возложили на тебя управление оногo.

3. Видал я врачей, который не предупредили больных о причинах усиления болезни, и чрез то сделались виновными многих трудов и скорбей, и больным и себе.

4. Настолько настоятель видит в себе серу, как послушников, так и мирских посетителей, настолько он обязан со всяким опасением блюсти себя во всём, что делает и говорит, зная, что все смотрят на него, как на главный образец, и все от него принимают за правило и закон.

5. Истинного пастыря укажет любовь; ибо из любви предал Себя на распятие Великий Пастырь»⁴⁵.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Когда видишь мудрого человека, подумай о том, чтобы уподобиться ему. Когда видишь человека, который не обладает мудростью, взвесь свои собственные поступки»⁴⁶.

⁴⁵ Преподобный Иоанн Лествичник. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2007. – С. 432–433.

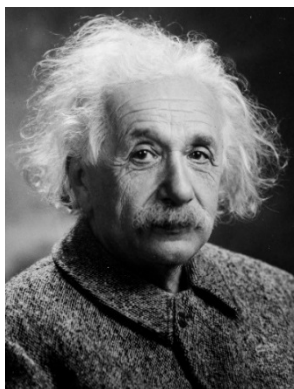
⁴⁶ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 70.

**Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)
Французский физик, философ**

«Мысли. Афоризмы»

«Обычно мы больше верим тем соображениям, до которых додумались сами, чем тем, что пришли в голову другим»⁴⁷.

**А. Эйнштейн
(1879–1955 гг.)
Немецкий физик-теоретик,
лауреат Нобелевской премии (1921 г.).
Общественный деятель, философ**

«Наука и Бог»

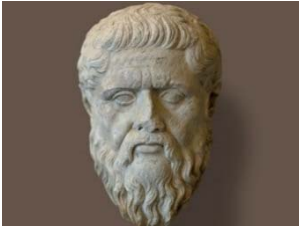
«...1896–1900 гг. – обучение на отделении преподавателей специальных дисциплин швейцарского политехникума. Вскоре я заметил, что довольствуюсь ролью посредственного студента. Для того чтобы быть хорошим

студентом, нужно обладать лёгкостью восприятия; готовностью сконцентрировать свои силы на всём том, что читается на лекции; любовью к порядку, чтобы записывать и затем добросовестно обрабатывать преподносимое на лекциях. Всех этих качеств мне основательно не доставало, как я с сожалением установил. Так постепенно я научился ладить с не совсем чистой совестью и организовать своё ученье так, как это соответствовало моему интеллектуальному желудку и моим интересам.

Некоторые лекции я слушал с большим интересом. Но обыкновенно я много «прогуливал» и со священным рвением штудировал дома корифеев теоретической физики. Само по себе это было хорошо и служило также тому, что нечистая совесть так действительно успокоилась, что душевное равновесие не нарушалось сколько-нибудь заметно. Это широкое самостоятельное обучение

⁴⁷ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 273.

было простым продолжением более ранней привычки; в нём принимала участие сербская студентка Милева Марич, которая позднее стала моей женой. Однако в физической лаборатории профессора Г.Ф. Вебера я работал с рвением и страстью. Захватывали меня также лекции профессора Гейзера по дифференциальной геометрии, которые были настоящими шедеврами педагогического искусства и очень помогли мне позднее в борьбе, развернувшейся вокруг общей теории относительности. Но высшая математика ещё мало интересовала меня в студенческие годы. Мне ошибочно казалось, что это настолько разветвлённая область, что можно легко растратить всю свою энергию в далекой провинции. К тому же по своей наивности я считал, что для физики достаточно твёрдо усвоить элементарные математические понятия и иметь их готовыми для применения, а остальное состоит в бесполезных для физики тонкостях, – заблуждение, которое только позднее я с сожалением осознал. У меня, очевидно, не хватало математических способностей, чтобы отличить центральное и фундаментальное от периферийного и не принципиально важного»⁴⁸.

Платон
(427–347 гг. до н.э.)
Древнегреческий философ
«Государство»

Книга 7. Символ пещеры

«После этого, – сказал я, – ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещённости и непросвещённости вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю её длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнём и узниками проходит верхняя дорога, ограждённая – глянь-ка – невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

– Это я себе представляю.

⁴⁸ Тесла, Н. Куда идёт мир: к лучшему или к худшему? / Н. Тесла. – Москва: Алгоритм, 2014. – С. 147–148.

– Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа её так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

– Странный ты рисуешь образ и странных узников!

– Подобных нам. Прежде всего разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, своё ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнём на расположенную перед ними стену пещеры?

– Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

– А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

– То есть?

– Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

– Непременно так.

– Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом всё, что бы ни произнёс любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

– Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

– Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

– Это совершенно неизбежно.

– Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это всё у них происходило, если бы с ними естественным путём случилось нечто подобное.

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх – в сторону света, ему будет мучительно выполнять всё это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да ещё если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

– Конечно, он так подумает.

– А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не вернётся он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?

– Да, это так.

– Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечёт его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят.

– Да, так сразу он этого бы не смог.

– Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть всё то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем – на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом – на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днём, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и, его свет.

– Несомненно.

– И наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах.

– Конечно, ему это станет доступно.

– И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведаёт всем в видимом пространстве и оно же каким-то с образом есть причина всего того, что этот человек и другие узники видели раньше в пещере.

– Ясно, что он придёт к такому выводу после тех наблюдений.

– Так как же? Вспомнив своё прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтёт он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?

– И даже очень.

– А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запомнил, что обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен? Или он испытывал бы то, о чём говорит Гомер, то есть сильнейшим образом желал бы «как поденицик, работая в

поле, службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный» и скорее терпеть что угодно, только бы не разделять представлений узников и не жить так, как они?

– Я-то думаю, он предпочтёт вытерпеть всё что угодно, чем жить так.

– Обдумай ещё и вот что: если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца?

– Конечно.

– А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут – а на это потребовалось бы немалое время, – разве не казался бы он смешон? О нём стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто признался бы освободить узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?

– Непременно убили бы.

– Так вот, дорогой мой Главкон, это уподобление следует применить ко всему, что было сказано ранее: область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, – это подъём души в область умопостигаемого. Если ты всё это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль – коль скоро ты стремишься её узнать, – а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага – это предел, и она с трудом различима, но стоит только её там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она – причина всего с правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама – владычица, от которой зависят истина и разумение, и на неё должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни.

– Я согласен с тобой, насколько мне это доступно.

– Тогда будь со мной заодно ещё вот в чём: не удивляйся, что пришедшие ко всему этому не хотят заниматься человеческими делами; их души всегда стремятся ввысь. Да это и естественно, поскольку соответствует нарисованной выше картине.

– Да, естественно»⁴⁹.

⁴⁹ Мыслители Греции. От мифа к логике: сочинения. – Москва: Эксмо-Пресс, 1998. – С. 311–314.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Простые люди судят о вещах верно, потому что они пребывают в естественном неведении, как и подobaет человеку. У знания две крайности, и крайности эти сходятся: одна – полное естественное неведение, с кото-

рым человек рождается на свет; другая крайность – та точка, на которой великие умы, объявшие всё доступное людям знание, обнаруживают, что они не знают ничего, и возвращаются к тому самому невежеству, откуда начали свой путь; но это невежество умное, сознающее себя. А те между этими двумя крайностями, кто утратили неведение естественное и не обрели другого, тешатся крохами поверхностного знания и строят из себя умников. Они-то и сбивают людей с толку и ложно судят обо всём.

Простые люди и мудрецы поддерживают течение жизни; а эти его презирают, и им платят тем же. Они судят ложно обо всех вещах, а остальные судят верно»⁵⁰.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Вред приносят те, кто знают истину, но защищают её до тех пор, пока их выгода с нею совпадает, а без этого от неё отворачиваются»⁵¹.

⁵⁰ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 76–77.

⁵¹ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 274.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Учитесь так, как будто вы не в состоянии достичь знаний, словно вы боитесь их потерять»⁵².

Н. Больц
(род. в 1953 г.)
Немецкий философ,
теоретик СМИ

«Азбука медиа»

«Главная проблема современного мира – так можно резюмировать сказанное – это менеджмент дефицитнейшего из всех ресурсов: внимания. Простейший приём состоит в том, чтобы отделить срочные задачи от менее срочных. Такая селекционная техника становится тем важнее, чем выше человек поднимается по иерархической лестнице организации.

Ибо главное правило здесь: чем выше уровень решений, тем уже бутылочное горлышко внимания. Чем важнее задача, тем более целенаправленна и поэтому проста операция.

Богатство информации и бедность внимания – это лицевая и обратная стороны одной и той же медали. Компьютер и Интернет создали культуру, в которой в дефиците не информация, а ориентация. То есть не хватает времени, которое мы должны уделять избыточно прибывающей информации. Управление знаниями поэтому должно сосредоточиться прежде всего на фильтрации релевантной, имеющей прямое отношение к задаче информации для принятия решений в условиях неопределённости и недостатка времени.

Мы непрерывно отправляем, получаем и сохраняем информацию, мы включены в мировую коммуникацию. Поэтому, чтобы не захлебнуться в информационном потоке, нам нужны техники отбора, фильтрации и оценки. Фильтр снижает сложность, поскольку некоторое количество информации он дисквалифицирует как шум. Так

⁵² Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 91.

функционирует сознание, которое отсеивает некоторые сигналы. Так же функционирует и ухо, представляющее собой – в скупой научной прозе Норберта Винера – приёмник с ограниченным диапазоном частот. Точно так же функционируют массмедиа с их фильтром сенсационности. Они знают: кризис, боль, ценность, новость, значимость, успех привлекают внимание.

В информационном потоке невозможно выделить действительно важное, поскольку всё происходящее могло принять иной оборот и отсутствует ответственный источник оценки происходящих событий. Всякое действие оказывается цепочкой рискованных предпочтений и случайных актов выбора. Выбор – это регулируемая потеря информации. Ни один человек и ни одна система не смогли бы выжить под градом данных и опций. Поэтому нельзя обойтись без защиты восприятия, а это значит – без незнания.

Задача менеджера знаний состоит, следовательно, не столько в том, чтобы предоставить человеку больше информации, сколько в том, чтобы защитить его от излишней информации, то есть от отвлечения внимания. Дизайн мира с дефицитом информации не имеет ничего общего с дизайном мира, где в дефиците внимание. Это должно стать фундаментальным принципом современного менеджмента знаний.

В мире множества возможностей постоянный недостаток времени превращает жизнь в борьбу за внимание. Это можно выразить в более точной, даже математической форме: арифметический рост числа элементов в сети мировой коммуникации ведёт к геометрическому возрастанию числа связей между элементами. Поэтому культура Интернета требует такой организации, которая сумела бы ограничить возможность общения каждого с каждым на всевозможные темы.

Это приводит к интересному парадоксу. В потоке данных современного мультимедийного общества в качестве прибавочной стоимости может выступать только уменьшение объёма информации. «Информация на кончиках пальцев» больше не помогает. Под давлением новых информационных технологий люди склонны толковать все проблемы как проблемы незнания. На самом деле вопросы смысла и проблемы ориентации не разрешить путем информирования. Иначе говоря, запутанное не распутать, вливая новую информацию.

Перед нами стоит не проблема информации, а проблема ориентации. Нам требуется ежедневный Ноев ковчег во всемирном потоке смыслов. Одна лишь информация уже не в состоянии помочь решению проблем. Её нужно отфильтровывать, конфигурировать и структурировать. Для того чтобы сделать информацию осмысленной, нужны дизайнеры знания, редакторы, журналисты. Как учёные, режиссеры, маркетологи, финансовые советники или поэты, так и газетчики относятся к людям, которые решают проблемы и манипулируют данными. Все они вырабатывают смыслы и продают ориентации.

Наши важнейшие проблемы возникают, следовательно, из недостатка не знаний, а ориентации. Мы не невежественны – мы запутались. Однако именно это и не осознается в силу энтузиазма информационно-эпохи, нагромождающей факты, факты, факты. Кто хочет понять, тот должен уничтожать информацию. Вот так мы приходим к парадоксальному результату: прибавочная стоимость в современном мультимедийном обществе – это не больше, а, наоборот, меньше информации.

Когда собираешь информацию при помощи поисковой машины, сталкиваешься с основной проблемой эпохи Интернета: тысячи ответов на один простейший запрос. Да не хочу я такого обилия! Меньше было бы лучше. Нельзя хотеть знать всё, что можно знать. Кто хочет исчерпывающей информации, будет исчерпан сам, прежде чем сможет её использовать. Отсюда великий вопрос эпохи Интернета: где начинать поиск? Нужно решать, какой выбрать браузер, какую поисковую машину, какой портал. Лишь навигатор облегчает пользователю выбор. Поэтому навигаторы – суперзвезды экономики Интернета.

Навигаторы, заметим, в виртуальном пространстве. Новую экономику уже нельзя локализовать. Снижение значимости реального пространства проявляется прежде всего в том, что коммуникационные сети всё более отделяются от передающих сетей. Это легко видеть на примере мобильных телефонов: номер не связан с местом. Благодаря мобильному телефону и ноутбуку современные коммуникационные технологии впервые освободились от жёсткой привязки к месту. Мой офис там, где мой модем. На заре современности разделились работа и дом. Офис до сих пор предполагал отделение работы от остальной жизни, а также документальное оформление. Раньше

человек шёл в офис, сегодня он через логин входит в сеть. Так работа освобождается от рабочего места.

Мобильность означает также доступность. Всегда готов! В Америке это превратилось уже в этическое требование: нужно всегда быть доступным. Можно предположить, что в будущем руководителем будет считаться тот, кто сможет посылать сообщения, но не будет обязан их принимать. Кто, напротив, постоянно должен принимать сообщения, но не имеет права посылать свои, относится к «персоналу».

Там, где в самолёте раскрыт ноутбук или в вагоне экспресса идёт разговор по мобильному телефону, – там спонтанно возникает офис в одном лице. Телефон, факс, компьютер, Интернет – офис у меня в руках. Новые медиа демонстрируют превосходство технической коммуникации, совершенно не учитывая при этом социальной ситуации. Даже запрещающие объявления не заставляют смолкнуть звонки мобильников в накопителях аэропортов. А когда делаешь доклад, приходится мириться с треньканьем звонков и, естественно, с тем, что вызванный выходит из аудитории. Это соответствует социальному идеалу, согласно которому надо быть всегда и везде доступным и быть в состоянии принимать и отправлять.

У мирового сообщества нет больше географического места. Что теперь важно, так это время, которого всегда не хватает; все проблемы решаются путём манипулирования временем. Спешка, срочность, *deadline* – величайшие темы нашего времени. Поэтому мы так остро реагируем на тех, кто крадёт время. Те, кто заставляет нас ждать или напрягаться, крадут наше время. Это относится и к тем, кто безжалостно эксплуатирует возможности прямой коммуникации. Каждый знает, каково это, когда постоянно звонит телефон. Поэтому изобретение автоответчика стало благословением. Теперь можно посоветовать звонящему «оставить свое сообщение». Так можно дать себе отсрочку. Активные варианты того же самого – это имейл и СМС. Они почти так же скоры, как телефон, но дают адресату возможность выбрать время коммуникации. С имейлом не теряешь времени, да он ещё и не дергает.

При описании этого нового мира труда постоянно возникает соблазн употребить такие слова, как «освобождение», «эмансипация». И в самом деле, всемирный поток информации разрушает старые

структуры господства. Говоря формально, раньше авторитет был источником информации, теперь информация – источник авторитета. Тем не менее информация не есть мера ценности сообщения.

Если никто не в состоянии определить, что действительно является важным, то вполне разумно будет отхватывать понемножку – то оттуда, то отсюда. Другими словами, если внимание – дефицитнейший ресурс и приходится выбирать между основательностью и скоростью, то все сегодня говорит за скорость. Поэтому щёлканье переключателем программ во всех сферах жизни пробивается как особый стиль восприятия и техника селекции.

Во времена, когда нет времени смотреть и видеть, требуется готовый товар восприятия: фотографии и телефильмы. Фотограф и оператор уполномочены отбирать информацию в мире образов – как автор в мире данных. Недостаток времени в повседневности ведёт к тому, что приходится полагаться на первое впечатление, и отсюда следует, что чем шире поток информации, тем неизбежнее становится такая бессознательная уступчивость. Мы живём в информационной анархии, и, как правило, у индивида отсутствуют всякие возможности контроля. Поэтому возникает недоверчивость – обратная сторона уступчивости. Чем больше информации, тем меньше готовность её принять.

Это и есть подлинная проблема современного общества – подлинная, поскольку неразрешимая»⁵³.

⁵³ Больц, Н. Азбука медиа / Н. Больц. – Москва: Европа, 2011. – С. 18–22.

**Преподобный Иоанн Лествичник
(VI–VII вв.)
Христианский богослов, философ
Почитаем Православными
и Католиками**

«Лествица»

«1. Когда овцы пасутся, пастырь да не перестаёт употреблять свирель слова, и особенно когда они преклоняются ко сну; ибо волк ничего так не боится, как гласа пастырьской свирели.

2. Пастырь не должен всегда безрассудно смиряться перед подчинёнными; но не должен и возноситься всегда несмысленно, взирая в обоих случаях на пример Апостола Павла. Господь часто закрывает очи подчинённых, не видит немощей в предстоятеле; а когда сам предстоятель начнёт им объявлять свои недостатки, тогда родит в них неверие.

3. Видел я настоятеля, который от крайнего смирения советовался в некоторых делах с своими духовными чадами. Но видел я и другого, который от возношения старался являть подчинённым свою немудрую премудрость и обращался с ними насмешливо.

4. Видел я, – хотя это и редко случается, – что страстные, по некоторым обстоятельствам, начальствовали над бесстрастными и мало-помалу, устыдившись своих подчинённых, отсекали собственные страсти. Я думаю, что воздаяние за спасаемых произвело в них эту перемену, и таким образом начальствование в страстном устройении послужило для них основанием бесстрастия»⁵⁴.

⁵⁴ Преподобный Иоанн Лествичник. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2007. – С. 436–437.

**А.С. Макаренко
(1888–1939 гг.)**

**Советский воспитатель,
писатель.**

**Решением ЮНЕСКО (1988 г.)
признан одним из четырёх
педагогов, определивших
педагогическое мышление в XX веке**

«Лекции о воспитании детей»

О родительском авторитете

*«В прошлой беседе мы говорили о том,
что советская семья многим отличается*

от семьи буржуазной. И прежде всего её отличие заключается в характере родительской власти. Наши отец и наша мать уполномочены обществом воспитать будущего гражданина нашего Отечества, они отвечают перед обществом. На этом и основывается их родительская власть и их авторитет в глазах детей.

Однако будет просто неудобно в самой семье перед детьми доказывать родительскую власть постоянной ссылкой на такое общественное полномочие. Воспитание детей начинается с того возраста, когда никакие логические доказательства и предъявление общественных прав вообще невозможны, а между тем без авторитета невозможен воспитатель.

Наконец, самый смысл авторитета в том и заключается, что он не требует никаких доказательств, что он принимается как несомненное достоинство старшего, как его сила и ценность, видимая, так сказать, простым детским глазом.

Отец и мать в глазах ребёнка должны иметь этот авторитет. Часто приходится слышать вопрос: что делать с ребёнком, если он не слушается? Вот это самое «не слушается» и есть признак того, что родители в его глазах не имеют авторитета.

Откуда берётся родительский авторитет, как он организуется?

Те родители, у которых дети «не слушаются», склонны иногда думать, что авторитет даётся от природы, что это – особый талант. Если таланта нет, то и поделать ничего нельзя, остаётся только позавидовать тому, у кого такой талант есть. Эти родители ошибаются. Авторитет может быть организован в каждой семье, и это даже не очень трудное дело.

К сожалению, встречаются родители, которые организуют такой авторитет на ложных основаниях. Они стремятся к тому, чтобы дети их слушались, это составляет их цель. А на самом деле это

ошибка. Авторитет и послушание не могут быть целью. Цель может быть только одна: правильное воспитание. Только к этой одной цели и нужно стремиться. Детское послушание может быть только одним из путей к этой цели. Как раз те родители, которые о настоящих целях воспитания не думают, добиваются послушания для самого послушания. Если дети послушны, родителям живётся спокойнее. Вот это самое спокойствие и является их настоящей целью. На поверку всегда выходит, что ни спокойствие, ни послушание не сохраняются долго. Авторитет, построенный на ложных основаниях, только на очень короткое время помогает, скоро всё разрушается, не остаётся ни авторитета, ни послушания. Бывает и так, что родители добиваются послушания, но зато все остальные цели воспитания в загоне: вырастают, правда, послушные, но слабые дети.

Есть много сортов такого ложного авторитета. Мы рассмотрим здесь более или менее подробно десяток этих сортов. Надеемся, что после такого рассмотрения легче будет выяснить, каким должен быть авторитет настоящий. Приступим.

Авторитет подавления. *Это самый страшный сорт авторитета, хотя и не самый вредный. Больше всего таким авторитетом страдают отцы. Если отец дома всегда рычит, всегда сердит, за каждый пустяк раздражается громом, при всяком удобном и неудобном случае хватается за палку или ремень, на каждый вопрос отвечает грубостью, каждую вину ребёнка отмечает наказанием, то это и есть авторитет подавления. Такой отцовский террор держит в страхе всю семью: не только детей, но и мать. Он приносит вред не только потому, что запугивает детей, но и потому, что делает мать нулевым существом, которое способно быть только прислугой. Не нужно доказывать, как вреден такой авторитет. Он ничего не воспитывает, он только приучает детей подальше держаться от страшного папаши, он вызывает детскую ложь и человеческую трусость, и в то же время он воспитывает в ребёнке жестокость. Из забытых и безвольных детей выходят потом либо слякотные, никчемные люди, либо самодуры, в течение всей своей жизни мстящие за подавленное детство. Этот самый дикий сорт авторитета бывает только у некультурных родителей и в последнее время, к счастью, вымирает.*

Авторитет расстояния. *Есть такие отцы, да и матери, которые серьёзно убеждены: чтобы дети слушались, нужно поменьше с ними разговаривать, подальше держаться, изредка только выступать в виде начальства. Особенно любили этот вид в некоторых старых интеллигентских семьях. Здесь сплошь и рядом у отца какой-нибудь от-*

дельный кабинет, из которого он показывается изредка как первосвященник. Обедает он отдельно, развлекается отдельно, даже свои распоряжения по вверенной ему семье он передаёт через мать. Бывают и такие матери: у них своя жизнь, свои интересы, свои мысли. Дети находятся в ведении бабушки или даже домработницы.

Нечего и говорить, что такой авторитет не приносит никакой пользы и такая семья не может быть названа советской семьей.

Авторитет чванства. Это особый вид авторитета расстояния, но, пожалуй, более вредный. У каждого гражданина Советского государства есть свои заслуги. Но некоторые люди считают, что они самые заслуженные, самые важные деятели, и показывают эту важность на каждом шагу, показывают своим детям. Дома они даже больше пьются и надуваются, чем на работе, они только и делают, что толкуют о своих достоинствах, они высокомерно относятся к остальным людям. Бывает очень часто, что, поражённые таким видом отца, начинают чваниться и дети. Перед товарищами они тоже выступают не иначе, как с хвастливым словом, на каждом шагу повторяя: мой папа – начальник, мой папа – писатель, мой папа – командир, мой папа – знаменитость. В этой атмосфере высокомерия важный папа уже не может разобрать, куда идут его дети и кого он воспитывает. Встречается такой авторитет и у матерей: какое-нибудь особенное платье, важное знакомство, поездка на курорт – всё это дает им основание для чванства, для отделения от остальных людей и от своих собственных детей.

Авторитет педантизма. В этом случае родители больше обращают внимания на детей, больше работают, но работают, как бюрократы. Они уверены в том, что дети должны каждое родительское слово выслушивать с трепетом, что слово их – это святыня. Свои распоряжения они отдают холодным тоном, и раз оно отдано, то немедленно становится законом. Такие родители больше всего боятся, как бы дети не подумали, что папа ошибся, что папа человек нетвердый. Если такой папа сказал: «Завтра будет дождь, гулять нельзя», то хотя бы завтра была и хорошая погода, всё же считается, что гулять нельзя. Папе не понравилась какая-нибудь кинокартина, он вообще запретил детям ходить в кино, в том числе и на хорошие картины. Папа наказал ребенка, потом обнаружилось, что ребёнок не так виноват, как казалось сначала, пап ни за что не отменит своего наказания: раз я сказал, так и должно быть. На каждый день хватает для такого папы дела, в каждом движении ребёнка он видит нарушение порядка и

законности и пристает к нему с новыми законами и распоряжениями. Жизнь ребёнка, его интересы, его рост проходят мимо такого папы незаметно; он ничего не видит, кроме своего бюрократического начальствования в семье.

Авторитет резонерства. В этом случае родители буквально заедают детскую жизнь бесконечными поучениями и назидательными разговорами. Вместо того чтобы сказать ребёнку несколько слов, может быть даже в шутовском тоне, родитель усаживает его против себя и начинает скучную и надоедливую речь. Такие родители уверены, что в поучениях заключается главная педагогическая мудрость. В такой семье всегда мало радости и улыбки. Родители изо всех сил стараются быть добродетельными, они хотят в глазах детей непогрешимыми. Но они забывают, что дети – это не взрослые, что у детей своя жизнь и что нужно эту жизнь уважать. Ребёнок живёт более эмоционально, более страстно, чем взрослый, он меньше всего умеет заниматься рассуждениями. Привычка мыслить должна приходиться к нему постепенно и довольно медленно, а постоянные разглагольствования родителей, постоянное их хуление и болтливость проходят почти бесследно в их сознании. В резонерстве родителей дети не могут увидеть никакого авторитета.

Авторитет любви. Это у нас самый распространённый вид ложного авторитета. Многие родители убеждены: чтобы дети слушались, нужно, чтобы они любили родителей, а чтобы заслужить эту любовь, необходимо на каждом шагу показывать детям свою родительскую любовь. Нежные слова, бесконечные лобзания, ласки, признания сыплются на детей в совершенно избыточном количестве. Если ребенок не слушается, у него немедленно спрашивают: «Значит, ты папу не любишь?» Родители ревниво следят за выражением детских глаз и требуют нежности и любви. Часто мать при детях рассказывает знакомым: «Он страшно любит папу и страшно любит меня, он такой нежный ребёнок...»

Такая семья настолько погружается в море сентиментальности и нежных чувств, что уже ничего другого не замечает. Мимо внимания родителей проходят многие важные мелочи семейного воспитания. Ребенок всё должен делать из любви к родителям.

В этой линии много опасных мест. Здесь вырастает семейный эгоизм. У детей, конечно, не хватает сил на такую любовь. Очень скоро они замечают, что папу и маму можно как угодно обмануть, только нужно это делать с нежным выражением. Папу и маму можно даже запугать, стоит только надуться и показать, что любовь начинает проходить. С самых малых лет ребёнок

начинает понимать, что к людям можно подыгрываться. А так как он не может любить так же сильно и других людей, то подыгрывается к ним уже без всякой любви, с холодным и циническим расчётом. Иногда бывает, что любовь к родителям сохраняется надолго, но все остальные люди рассматриваются как посторонние и чуждые, к ним нет симпатии нет чувства товарищества.

Это очень опасный вид авторитета. Он выращивает неискренних и лживых эгоистов. И очень часто первыми жертвами такого эгоизма становятся сами родители.

Авторитет доброты. Это самый неумный вид авторитета. В этом случае детское послушание также организуется через детскую любовь, но она вызывается не поцелуями и излияниями, а уступчивостью, мягкостью, добротой родителей. Папа или мама выступает перед ребёнком в образе доброго ангела. Они всё разрешают, им ничего не жаль, они не скупые, они замечательные родители. Они боятся всяких конфликтов, они предпочитают семейный мир, они готовы чем угодно пожертвовать только бы все было благополучно. Очень скоро в такой семье дети начинают просто командовать родителями, родительское непротивление открывает самый широкий простор для детских желаний капризов, требований. Иногда родители позволяют себе небольшое сопротивление, но уже поздно, в семье уже образовался вредный опыт.

Авторитет дружбы. Довольно часто ещё и дети не родились, а между родителями есть уже договор: наши дети будут нашими друзьями. В общем, это, конечно, хорошо. Отец и сын, мать и дочь могут быть друзьями и должны быть друзьями, но всё же родители остаются старшими членами семейного коллектива, и дети всё же остаются воспитанниками. Если дружба достигает крайних пределов, воспитание прекращается или начинается противоположный процесс: дети начинают воспитывать родителей. Такие семьи приходится иногда наблюдать среди интеллигенции. В этих семьях дети называют родителей Петькой или Марушкой, потешаются над ними, грубо обрывают, поучают на каждом шагу, ни о каком послушании не может быть и речи. Но здесь нет и дружбы, так как никакая дружба невозможна без взаимного уважения.

Авторитет подкупа – самый безнравственный вид авторитета, когда послушание просто покупается подарками и обещаниями. Родители, не стесняясь, так и говорят: будешь слушаться – куплю тебе лошадку, будешь слушаться – пойдём в цирк.

Разумеется, в семье тоже возможно некоторое поощрение, нечто похожее на премирование; но ни в каком случае нельзя детей

премировать за послушание, за хорошее отношение к родителям. Можно премировать за хорошую учебу, за выполнение действительно какой-нибудь трудной работы. Но и в этом случае никогда нельзя заранее объявлять ставку и подстегивать детей в их школьной или иной работе соблазнительными обещаниями.

Мы рассмотрели несколько видов ложного авторитета. Кроме них, есть ещё много сортов. Есть авторитет весёлости, авторитет учёности, авторитет «рубахи-парня», авторитет красоты. Но бывает часто и так, что родители вообще не думают ни о каком авторитете, живут как-нибудь, как попало и как-нибудь тянут волюнку воспитания детей. Сегодня родитель нагрел и за пустяк наказал мальчика, завтра он признаётся ему в любви, послезавтра ему что-нибудь обещает в порядке подкупа, а на следующий день снова наказал, да ещё и упрекнул за все свои добрые дела. Такие родители всегда мечутся, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном непонимании того, что они делают. Бывает и так, что отец придерживается одного вида авторитета, а мать – другого. Детям в таком случае приходится быть прежде всего дипломатами и научиться лавировать между папой и мамой. Наконец, бывает и так, что родители просто не обращают внимания на детей и думают только о своем спокойствии.

В чём же должен состоять настоящий родительский авторитет в советской семье?

Главным основанием родительского авторитета только и может быть и жизнь, и работа родителей, их гражданское лицо, их поведение. Семья есть большое и ответственное дело, родители руководят этим делом и отвечают за него перед обществом, перед своим счастьем и перед жизнью детей. Если родители это дело делают честно, разумно, если перед ними поставлены значительные и прекрасные цели, если они сами всегда дают себе полный отчёт в своих действиях и поступках, это значит, что у них есть и родительский авторитет, и не нужно искать никаких иных оснований, и тем более не нужно придумывать ничего искусственного.

Как только дети начинают подрастать, они всегда интересуются, где работает отец или мать, каково их общественное положение. Как можно раньше они должны узнать, чем живут, чем интересуются, с кем рядом стоят их родители. Дело отца или матери должно выступать перед ребёнком как серьёзное, заслуживающее уважения дело. Заслуги родителей в глазах детей должны быть прежде всего заслугами перед обществом, действительной ценностью, а не только внешностью. Очень важно, если эти заслуги дети

видят не изолированно, а на фоне достижений нашей страны. Не чванство, а хорошая советская гордость должна быть у детей, но в то же время необходимо, чтобы дети гордились не только своим отцом или матерью, чтобы они знали имена великих и знатных людей нашего Отечества, чтобы отец или мать в их представлении выступали как участники этого большого ряда деятелей.

При этом нужно всегда помнить, что в каждой человеческой деятельности есть свои напряжения и своё достоинство. Ни в коем случае родители не должны предоставляться детям как рекордсмены в своей области, как ни с чем не сравнимые гении. Дети должны видеть и заслуги других людей, и обязательно заслуги ближайших товарищей отца и матери. Гражданский авторитет родителей только тогда станет на настоящую высоту, если это не авторитет выскочки или хвастуна, а авторитет члена коллектива. Если вам удастся воспитать своего сына так, что он будет гордиться целым заводом, на котором отец работает, если его будут радовать успехи этого завода, – значит, вы воспитали его правильно.

Но родители должны выступать не только как деятели ограниченного фронта своего коллектива. Наша жизнь есть жизнь социалистического общества. Перед своими детьми отец и мать должны выступать как участники этой жизни. События международной жизни, достижения литературы – все должно отражаться в мыслях отца, в его чувствах, в его стремлениях. Только такие родители, живущие полной жизнью, – граждане нашей страны, будут иметь у детей настоящий авторитет. При этом не думайте, пожалуйста, что такой жизнью вы должны жить «нарочно», чтобы дети видели, чтобы поразить их вашими качествами. Это – порочная установка. Вы должны искренне, на самом деле жить такой жизнью, вы не должны стараться особо демонстрировать её перед детьми. Будьте покойны, они сами все увидят, что нужно.

Но вы не только гражданин. Вы ещё и отец. И родительское ваше дело вы должны выполнять как можно лучше, и в этом заключаются корни вашего авторитета. И прежде всего вы должны знать, чем живёт, интересуется, что любит, что не любит, чего хочет и чего не хочет ваш ребёнок. Вы должны знать, с кем он дружит, с кем играет и во что играет, что читает, как воспринимает прочитанное. Когда он учится в школе, вам должно быть известно, как он относится к школе и к учителям, какие у него затруднения, как он ведёт себя в классе. Это всё вы должны знать всегда, с са-

мых малых лет вашего ребёнка. Вы не должны неожиданно узнавать о разных неприятностях и конфликтах, вы должны их предупреждать и предупреждать.

Всё это нужно знать, но это вовсе не значит, что вы можете преследовать вашего сына постоянными и надоедливymi расспросами, дешёвым и назойливым шпионством. С самого начала вы должны так поставить дело, чтобы дети сами вам рассказывали о своих делах, чтобы им хотелось вам рассказать, чтобы они были заинтересованы в вашем знании. Иногда вы должны пригласить к себе товарищей сына, даже угостить их чем-нибудь, иногда вы сами должны побывать в той семье, где есть эти товарищи, вы должны при первой возможности познакомиться с этой семьёй.

Для всего этого не требуется много времени, для этого нужно только внимание к детям и к их жизни.

И если у вас будет такое знание и такое внимание, это не пройдёт незамеченным для ваших детей. Дети любят такое знание и уважают родителей за это.

Авторитет знания необходимо приведёт и к авторитету помощи. В жизни каждого ребёнка бывает много случаев, когда он не знает, как нужно поступить, когда он нуждается в совете и в помощи. Может быть, он не попросит вас о помощи, потому что не умеет это сделать, вы сами должны прийти с помощью.

Часто эта помощь может быть оказана в прямом совете, иногда в шутке, иногда в распоряжении, иногда даже в приказе. Если вы знаете жизнь вашего ребёнка, вы сами увидите, как поступить наилучшим образом. Часто бывает, что эту помощь нужно оказать особым способом. Нужно бывает либо принять участие в детской игре, либо познакомиться с товарищами детей, либо побывать в школе и поговорить с учителем. Если в вашей семье несколько детей, а это – самый счастливый случай, к делу такой помощи могут быть привлечены старшие братья и сёстры.

Родительская помощь не должна быть навязчива, надоедлива, утомительна. В некоторых случаях совершенно необходимо предоставить ребёнку самому выбраться из затруднения, нужно, чтобы он привыкал преодолевать препятствия и разрешать более сложные вопросы. Но нужно всегда видеть, как ребёнок совершает эту операцию, нельзя допускать, чтобы он запутался и пришёл в отчаяние. Иногда даже нужно, чтобы ребёнок видел вашу настороженность, внимание и доверие к его силам.

Авторитет помощи, осторожного и внимательного руководства счастливо дополнится авторитетом знания. Ребёнок будет

чувствовать ваше присутствие рядом с ним, вашу разумную заботу о нём, вашу страховку, но в то же время он будет знать, что вы от него кое-что требуете, что вы и не собираетесь всё делать за него, снять с него ответственность.

Вот именно линия ответственности является следующей важной линией родительского авторитета. Ни в каком случае ребёнок не должен думать, что ваше руководство семьей и им самим есть ваше удовольствие или развлечение. Он должен знать, что вы отвечаете не только за себя, но и за него перед советским обществом. Не нужно бояться открыто и твёрдо сказать сыну или дочери, что они воспитываются, что им нужно ещё многому учиться, что они должны вырасти хорошими гражданами и хорошими людьми, что родители отвечают за достижение этой цели, что они не боятся этой ответственности. В этой линии ответственности лежат начала не только помощи, но и требования. В некоторых случаях это требование должно быть выражено в самой суровой форме, не допускающей возражений. Между прочим, нужно сказать, что такое требование только и может быть сделано с пользой, если авторитет ответственности уже создан в представлении ребёнка. Даже в самом малом возрасте он должен чувствовать, что его родители не живут вместе с ним на необитаемом острове.

Заканчивая нашу беседу, кратко резюмируем сказанное.

Авторитет необходим в семье.

Надо отличать настоящий авторитет от авторитета ложного, основанного на искусственных принципах и стремящегося создать послушание любыми средствами.

Действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребёнка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание»⁵⁵.

⁵⁵ Макаренко, А. С. Сочинения в семи томах / А. С. Макаренко. – Т. 4. – Москва: Издательство академии педагогических наук, 1958. – С. 351–360.

**Преподобный Иоанн Лествичник
(VI–VII вв.)
Христианский богослов, философ
Почитаем Православными
и Католиками**

«Лествица»

«1. Несвойственно льву пасти овец; небезбедно и тому, кто ещё сам страстен, начальствовать над другими страстными.

2. Несообразно видеть лисицу между курами; но ещё несообразнее видеть пастыря гневливого. Ибо лисица губит кур, а сей смущает и погубляет разумные души.

3. Смотри, не будь строго взыскателен за малейшие согрешения; иначе ты не будешь раздражателем Бога.

4. Имей и сам Бога руководителем и наставником твоим. Наставляемый Им, как превосходнейшим правителем, во всех твоих внутренних и внешних действиях, и пред волею Его отсекая свою волю, будешь и ты без попечения, водимый единым Его мановением.

5. Ещё должно тебе и всякому пастырю рассмотреть и то, что если благодать Божия через нас действует на приходящих к нам, то не от веры ли их это бывает, а не от нашей чистоты? Ибо многие и страстные таким образом чудодествовали; и, если многие, как говорит Спаситель, скажут Ему в день судный: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом (Мф. 7, 22) и проч., то сказанное мною не должно казаться невероятным.

6. Кто поистине обрёл милость у Бога, тот неприметно может благодетельствовать недужным, чрез то, имея две выгоды, и себя сохраняя невредимым от ржавчины славы, и располагая помилованных воздавать благодарение Единому Богу»⁵⁶.

⁵⁶ Преподобный Иоанн Лествичник. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2007. – С. 439–440.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Трудно переоценить роль личности учителя, его духовного облика в пробуждении и развитии способностей, склонностей, талантов ученика. Если в педагогическом коллективе есть талантливейший, влюблённый в свое дело преподаватель математики, среди учеников обязательно обнаруживаются способные и талантливые математики. Нет хорошего учителя математики – нет и талантливых учеников; в этом случае тот, кто обладает математическими способностями, никогда не проявит их. Учитель – это первый светоч интеллектуальной жизни»⁵⁷.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Близость педагогического труда к научному исследованию заключается прежде всего в анализе фактов и в необходимости предвидеть. Учитель, не умеющий или не желающий проникать мысленно в глубину фактов, в причинно-следственные связи между ними, превращается в ремесленника, а его труд при отсутствии умения предвидеть становится мучением: учитель мучает детей и мучается сам»⁵⁸.

⁵⁷ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 105.

⁵⁸ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 109.

**Преподобный Иоанн Лествичник
(VI–VII вв.)
Христианский богослов, философ
Почитаем Православными
и Католиками**

«Лествица»

«1. Тем, которые, подобны крепким юношам, ревностно и мужественно подвизаются на духовном поприще, предлагай лучшее и высшее, а тех, которые разумением или жизнью остаются позади, питай млеком, как младенчествующих.

Ибо для всякой пищи есть свое время: часто одна и та же пища в некоторых производит усердие, а в других печаль. При сеянии духовного семени должно рассуждать о времени, о лицах, о количестве и качестве семени.

2. Некоторые, ни во что вменяя суд за духовное восприимчивость, безрассудно покусились пасти души; и имевши прежде большое богатство, с пустыми руками отошли из этой жизни, разделив во время своего правления другим всё добро своё.

3. Как дети бывают разных родов, одни законные от первого брака; другие от второго брака; иные подкинутые, а иные от рабынь: так и восприятие пастырского попечения о душах бывает различных видов.

Совершенное восприятие есть предание души своей за душу ближнего во всё. Иное, когда пастырь принимает на себя прежде сделанные грехи, и только. Иное, когда он принимает согрешения после (восприятия) бывающие, и только. Некоторые же, по недостатку духовной силы и по неимению бесстрастия, принимают на свою ответственность пред Богом только тяготу повелений своих. Но и в самом совершенном восприятии, пастырь подлежит суду по мере того, сколько принятый им отсекает пред ним свою волю.

4. Истинный сын познаётся в отсутствии отца.

5. Предстоятелю надобно внимательно замечать противящихся в некоторых случаях и прекословящих ему братий; и в присутствии почтенных мужей делать им строгие выговоры, наводя этим страх и на других; хотя бы наказываемые очень огорчились за такие уничижения. Вразумление многих должно предпочитать огорчению одного.

6. *Некоторые, движимые духовною любовью, принимают на себя бремена других сверх силы своей, помяная слово Спасителя: «больше сея любви никтоже имать», и проч. (Ин. 15, 13). Другие же, может быть, и получили от Бога силу принимать на себя бремена иных, но неохотно подклоняются, чтобы нести тяготу для спасения братий. Сих последних, как нестяжавших любви, я считаю весьма жалкими. О первых же сказано в Писании: «изводя честное от недостойнаго яко уста Моя будет» (Иер. 15, 19); и «якоже сотворил еси, будет ти» (Авд. 1, 15).*

7. *Прошу тебя также иметь в виду, что мысленный грех пастыря на суде Божием оказывается важнее греха (Ну, и какие у меня грехи? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/1/o_grehe), на самом деле совершённого послушником; так как и преступление воина легче злоумышления полководца.*

8. *Научай послушников исповедывать Богу плотские и блудные искушения не по виду; а все прочие согрешения днём и ночью вспоминать подробно.*

9. *Обучай их словом и собственным примером быть незлобивыми друг к другу; а против бесов мудрыми и осмотрительными.*

10. *От тебя не должно быть скрыто, какая цель у твоих овец во взаимных их и дружественных между собою сношениях; ибо невидимые волки стараются чрез ленивых расстраивать тщательных.*

11. *Не ленись просить и молить Бога за самых ленивейших; не о том, чтобы они были помилованы, ибо это без их содействия невозможно, но чтобы Господь воздвиг их к усердию.*

12. *Немощные не должны вкушать пищу с еретиками, как и правила повелевают. Сильные же, если неверные призывают их для познания православной веры, и они хотят идти, пусть идут в приличное время во славу Господа.*

13. *Не извиняйся неведением; ибо «неведевый, сотворивый же достойная ранам, биен будет» за то, что не узнал (Лк. 12, 48)»⁵⁹.*

⁵⁹ Преподобный Иоанн Лествичник. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2007. – С. 440–444.

«Розыгрыш»
Художественный фильм
Режиссёр В. Меньшов,
1976 г., СССР
Композитор: А. Флярковский
Поэт: А. Дидуров

**«Когда уйдём
со школьного двора»**

*Когда уйдём со школьного двора
Под звуки нестареющего вальса,
Учитель нас проводит до угла,
И вновь назади вновь ему с утра:
Встречай, учи и снова расставайся,
Когда уйдём со школьного двора.*

*Пройди по тихим школьным этажам.
Здесь прожито и понято немало,
Был голос робок, мел в руке дрожал,
Но ты домой с победою бежал.
И если вдруг удача запропала,
Пройди по тихим школьным этажам.*

*Для нас всегда открыта в школе дверь,
Прощаться с ней не надо торопиться.
Но как забыть звончей звонка капель
И девочку, которой нёс портфель.
Пускай потом ничто не повторится,
Для нас всегда открыта в школе дверь.*

*Спасибо, что конца урокам нет,
Хотя с надеждой ждёшь ты перемены,
Но жизнь – она особенный предмет:
Задаст вопросы новые в ответ.
Но ты найди решенье непременно,
Спасибо, что конца урокам нет.*

(1976 г.)⁶⁰

⁶⁰ Когда уйдём со школьного двора. – URL: <https://stihi.ru/diary/yrapozidaev/2020-06-27?ysclid=lpaj4z6jkb525760220> (дата обращения: 23.11.2023).

**Глава 2. ВЕЧНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ.
НЕУДОБНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ.
СМЫСЛ ЖИЗНИ. ДОБРО И ЗЛО. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.
СЧАСТЬЕ. ВРЕМЯ**

«Гостья из будущего»
Художественный фильм
Режиссёр П. Арсенов, 1984 г., СССР
Композитор: Е. Крылатов
Поэт: Ю. Энтин

«Прекрасное далёко»

*Слышу голос из прекрасного далёка,
Голос утренний в серебряной росе,
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову, как в детстве карусель.
Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.*

*От чистого истока в прекрасное далёко,
В прекрасное далёко я начинаю путь.*

*Слышу голос из прекрасного далёка,
Он зовёт меня в чудесные края,
Слышу голос, голос спрашивает строго –
А сегодня что для завтра сделал я.*

*Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.*

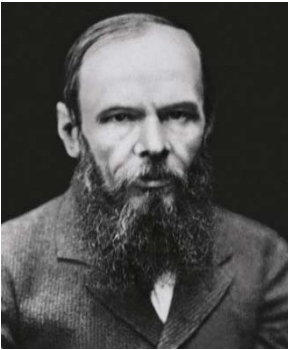
*От чистого истока в прекрасное далёко,
В прекрасное далёко я начинаю путь.*

*Я клянусь, что стану чище и добрее,
И в беде не брошу друга никогда,
Слышу голос, и спешу на зов скорее
По дороге, на которой нет следа.*

*Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.
От чистого истока в прекрасное далёко,
В прекрасное далёко я начинаю путь.*

*Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.
От чистого истока в прекрасное далёко,
В прекрасное далёко мы начинаем путь...*

1984 г.⁶¹

**Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)**

Русский писатель, мыслитель

«Идиот»

«Но я вам лучше расскажу про другую мою встречу прошлого года с одним человеком. Тут одно обстоятельство очень странное было, – странное тем, собственно, что случай такой очень редко бывает. Этот человек был раз взведён, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрёт. Мне ужасно хотелось слушать, когда он иногда припоминал свои тогдашние впечатления, и я несколько раз начинал его вновь спрашивать. Он помнил всё с необыкновенною ясностью и говорил, что никогда ничего из этих минут не забудет. Шагах в двадцати от эшафота, около которого стоял народ и солдаты, были врыты три столба, так как преступников было несколько человек. Трёх первых повели к столбам, привязали, надели на них смертный костюм (белые длинные балахоны), а на глаза надвинули им белые колпаки, чтобы не видно было ружей; затем против каждого столба выстроилась команда из нескольких человек солдат. Мой знакомый стоял восьмым

⁶¹ Энтин, Ю. Прекрасное далёко / Ю. Энтин. – URL: <https://www.chitalnya.ru/work/3012043/> (дата обращения: 04.12.2023).

по очереди, стало быть, ему приходилось идти к столбам в третью очередь. Священник обошёл всех с крестом. Выходило, что остаётся жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживёт столько жизней, что ещё сейчас нечего и думать о последнем мгновении, так что он ещё распоряжения разные сделал: рассчитал время, чтобы проститься с товарищами, на это положил минуты две, потом две минуты ещё положил, чтобы подумать в последний раз про себя, а потом, чтобы в последний раз кругом поглядеть. Он очень хорошо помнил, что сделал именно эти три распоряжения и именно так рассчитал. Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный; прощаясь с товарищами, он помнил, что одному из них задал довольно посторонний вопрос и даже очень заинтересовался ответом. Потом, когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про себя; он знал заранее, о чём он будет думать: ему всё хотелось представить себе как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живёт, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, – так кто же? где же? Всё это он думал в эти две минуты решить! Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей; ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольётся с ними... Незвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: «Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И всё это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счётом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!». Он говорил, что эта мысль у него наконец в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтобы его поскорей застрелили.

Князь вдруг замолчал; все ждали, что он будет продолжать и выведет заключение.

– Вы кончили? – спросила Аглая.

– Что кончили? – сказал князь, выходя из минутной задумчивости.

– Да для чего же вы про это рассказали?

– Так... мне припомнилось... я к разговору...

– Вы очень обрывисты, – заметила Александра, – вы, князь, верно, хотели вывести, что ни одного мгновения на копейки ценить нельзя, и

иногда пять минут дороже сокровища. Всё это похвально, но позвольте, однако же, как же этот приятель, который вам такие страсти рассказывал... ведь ему переменили же наказание, стало быть, подарили же эту «бесконечную жизнь». Ну, что же он с этим богатством сделал потом? Жил ли каждую минуту «счётом»?

– О нет, он мне сам говорил, – я его уже про это спрашивал, – вовсе не так жил и много-много минут потерял»⁶².

А.Я. Розенбаум
(род. 1951 г.)
Советский и российский
поэт и певец.
Народный артист
Российской Федерации

Размышление на прогулке

*Уже прошло лет тридцать после детства,
Уже душою всё трудней раздеться,
Уже всё чаще хочется гулять
Не за столом, а старым тихим парком,
В котором в сентябре уже не жарко,
Где молодости листья не сулят.*

*Уже старушки кажутся родными,
А девочки – как куклы заводные,
И Моцарта усмешка всё слышней.
Уже уходят за полночь соседи,
Не выпито вино, и торт не съеден,
И мусор выносить иду в кашне.
В дом наш как-то туча забрела
И стекла со стекла.
Мы свои дожди переживём,
Я да ты, вдвоём.*

*Уже прошло лет двадцать после школы,
И мир моих друзей уже не молод,
Не обошли нас беды стороной.*

⁶² Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – Москва: Эксмо-Пресс, 1998. – С. 64–65.

*Но ночь темна, а день, как прежде, светел,
Растут у нас и вырастают дети,
Пусть наша осень станет их весной.*

*Уже прошло лет десять после свадеб,
Уже не мчимся в гости на ночь глядя
И бабушек приходим навестить
На день рожденья раз и раз в день смерти,
А в третий раз, когда сжимает сердце
Желание внучатами побыть.*

*Уже прошло полжизни после свадеб,
Друзья, не расходитесь, Бога ради,
Уже нам в семьях не до перемен.
И пусть порой бывает очень туго,
Но всё же попривыкли мы друг к другу,
Оставим Мельпомене горечь сцен,
Давайте не стесняться старых стен.*

*В дом наш как-то туча забрела
И стекла со стекла.
Мы свои дожди переживём,
Я да ты, вдвоём.*

(1986 г.)⁶³

А.П. Чехов
(1860–1904 гг.)

Русский писатель, драматург

«Крыжовник»

*«Принято говорить, что человеку
нужно только три аршина земли. Но ведь
три аршина нужны трупу, а не человеку.
И говорят также теперь, что если наша
интеллигенция имеет тяготение к земле и
стремится в усадьбы, то это хорошо. Но
ведь эти усадьбы те же три аршина
земли. Уходить из города, от борьбы, от
житейского шума, уходить и прятаться*

⁶³ Розенбаум, А. Я. Размышления на прогулке / А. Я. Розенбаум. – URL: <http://rozenbaum.ru/songs/razmyshlenie-na-progulke.html> (дата обращения: 29.11.2023).

у себя в усадьбе – это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа»⁶⁴.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Стоя не берегу реки, учитель сказал: «Всё течёт так же, как вода. Время бежит, не останавливаясь»⁶⁵.

«Философский словарь»

«Смысл жизни»

«Регулятивное понятие, присущее всякой развитой мировоззренческой системе, которое оправдывает и истолковывает свойственные этой системе моральные нормы и ценности, показывает, во имя чего необходима предписываемая ими деятельность. Подвергая теорети-

ческому анализу представления массового сознания о Смысле жизни, домарксистские философы исходили из существования некой абстрактной и неизменной «человеческой природы», конструируя на этой основе некий идеал человека, в достижении которого и усматривался Смысл жизни, основное назначение человеческой деятельности. Отсюда вытекали их представления о возможности преобразовать мир (в соответствии с этими идеальными представлениями) чисто духовными средствами. Претендуя на универсальность, эти теоретические истолкования Смысла жизни фактически обосновывали такие цели и идеалы, в которых выражались интересы господствующих классов. В современных буржуазных теориях Смысл

⁶⁴ Чехов, А. П. Крыжовник / А. П. Крыжовник. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/chelovek-v-futljare-chehov/30> (дата обращения: 18.11.2023).

⁶⁵ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 95.

жизни людей по-прежнему усматривается либо в реализации внеисторических задач, либо в достижении определённых потребительских стандартов и индивидуального благополучия, или же провозглашается бессмысленность и абсурдность любой деятельности ввиду отсутствия у неё какой-либо объективной направленности. Распространены и теории, отрицающие возможность научно достоверного ответа на вопрос о Смысле жизни. Согласно марксистской точке зрения, существование человека, определяется социальными условиями; он является активной силой, существенным образом влияет на социальное развитие, ускоряя или замедляя его. Единство противоположностей личного и общественного, вернее, их мера, изменяющаяся на разных этапах истории и в разных общественно-экономических формациях, и определяет смысл человеческой жизни, её ценность. Она не является надличной или надобщественной, но диалектически объединяет цели и Смысла жизни человека и общества, которые могут находиться в непримиримом противоречии в классово-антагонистических формациях или всё более совпадать по мере движения общества к коммунизму. Это движение связано с постоянным изменением меры личного и общественного, со всё более глубокой индивидуализацией личности и вместе с тем её единением с обществом, его целями и смыслом его существования и развития. Эта устремлённость в будущее придаёт смысл и ценность человеческой жизни как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Таким образом, подлинный Смысл жизни, «тайна бытия» человека заключены в содействии разрешению назревших задач общественного развития, в созидательном труде, в ходе которого формируются предпосылки для всестороннего развития личности. Лишь такая форма жизнедеятельности человека обладает объективной ценностью и смыслом»⁶⁶.

⁶⁶ Философский словарь. – Москва: Политиздат, 1987. – С. 432.

**И.А. Ильин
(1883–1954 гг.)**

Русский философ, публицист

«Путь духовного обновления»

«Смерть ставит перед нами вопрос о самом главном, об основах нашего земного существования, о личной жизни в её целом. Смерть есть та сила, которая обрывает поток повседневных обстоятельств и впечатлений и выводит человека из него; она ставит нас перед основным вопросом: ради чего ты живешь? во что веришь? чему ты служишь? в чём смысл твоей жизни? верен ли твой выбор, или ты до сих пор даже и не удосужился выбрать что-нибудь? стоит ли жить тем, чем ты живёшь, и верить в то, во что ты веришь? если стоит, то за это стоит бороться и умереть! Ибо то, что не стоит смерти, то не стоит ни жизни, ни веры! ...

Это обнаруживается и подтверждается даже в самых простых, житейски повседневных условиях: кто живёт для собственного удовольствия или личного наслаждения и ни во что другое не верит, тот видит во всём (в вещах, в богатстве, в людях, в своём государстве) лишь средство или орудие и ни с чем не связывает себя безусловной связью, на жизнь и на смерть; ему не за что бороться до конца, ему нет смысла рисковать в этой борьбе своей жизнью; и потому при появлении смертельной опасности он будет думать только о себе и о спасении своей жизни любой ценой. Он всё бросает и от всего отречётся, соображая, что если он сохранит жизнь, то он сохранит и возможность новых наслаждений в будущем, а если он утратит жизнь, то он утратит и все возможные земные наслаждения. И, став неожиданно для самого себя дезертиром своего жизненного пути, он, может быть, впервые спросит себя: «да стоило ли мне жить тем, чем я жил доселе, если я так легко отрёкся от этого без борьбы? не служил ли я каким-то кумирам, которым не стоило и служить?»

Так обстоит со всеми людьми, которые не видят в жизни ничего, кроме земного, чувственного, и не имеют в виду главного, всеобщего и духовного: как только перед ними встаёт вопрос о главном и личная смерть оказывается у порога, они бросают всё и спасают свою жизнь; им нет смысла бороться за какую бы то ни было земную единичность, ибо личная жизнь кажется им дороже всякого отдельного (да ещё земного и чувственного) жизненного содержания. Но если они

Так обстоит со всеми людьми, которые не видят в жизни ничего, кроме земного, чувственного, и не имеют в виду главного, всеобщего и духовного: как только перед ними встаёт вопрос о главном и личная смерть оказывается у порога, они бросают всё и спасают свою жизнь; им нет смысла бороться за какую бы то ни было земную единичность, ибо личная жизнь кажется им дороже всякого отдельного (да ещё земного и чувственного) жизненного содержания. Но если они

начинают борьбу и ведут её на смерть, говоря: «лучше совсем не жить, чем потерять отчий дом, семью или свободу», – то это означает, что с этими благами у них был связан некоторый высший смысл и священное значение и что здесь у них дело не сводилось к личным наслаждениям. Можно понять, что человек отдаёт свою жизнь в борьбе за своё право, за свободу, за веру, за родину, за храмы, за свой народ, но отдать её за личные удовольствия – просто не стоит.

Это мы видим всюду, где у людей сохранилось хотя бы немножко чутья для высшего смысла жизни и для истинного значения веры: там они воспринимают смертельную опасность, откуда бы она ни надвигалась, – будь это болезнь или война, или землетрясение, или политический террор, или какая бы то ни была иная катастрофа, – как призыв, как пробуждение, как потребность одуматься или даже как начало глубокого жизненного обновления. И только там, где это чутье для высшего смысла жизни и для истинного значения веры совсем иссякло и отлетело, где душа впала в совершенную религиозную слепоту и бесплодность, – только там человек может перед лицом какой-нибудь опасности или неудачи проклясть самую жизнь свою и от случившегося с ним несчастья искать спасения в смерти. Такие люди живут всю свою жизнь так, как если бы для них были только две возможности: наслаждение или смерть. Наслаждение определяет и исчерпывает смысл их жизни и содержание их веры; но именно поэтому смерть их остаётся столь же бессмысленной, сколь бессмысленна была и вся их жизнь.

Скажи мне, за что ты хотел бы отдать свою жизнь, а я скажу тебе, во что ты веришь. Ибо вера ставит каждого из нас перед высшей ценностью жизни, перед последним вопросом бытия, перед нашим существованием в целом: когда смерть вопрошает душу, то душа отвечает верою. Верующему свойственно крепко держаться за свою веру – и в жизни, и перед лицом смерти; но именно перед лицом смерти ему неизбежно спросить самого себя: да стоило ли, в самом деле, жить тем, чем я жил до сих пор? верна ли и крепка ли была моя вера?

Вот почему каждый из нас должен спросить себя: стоит ли отдавать жизнь за то, во что я верю? Имеет ли смысл умирать за это? Послужит ли моя смерть некоторому высшему и общему делу, которое не кончится с моей жизнью, но переживет меня, которое осмыслит мою жизнь и освятит мою смерть, которое вознесёт меня выше меня самого и вpletёт мои силы и мое служение в божественную ткань мироздания? Если да, то я верю во что-то истинно священное, во что стоит веровать, за что стоит бороться и умереть. Если нет, то я, вероятно, заблуждаюсь в моей вере и верю в

нечто нестоящее; и тогда мне необходимо пересмотреть всю мою веру и всю мою жизнь до самой глубины и обновить их так, чтобы вера моя стояла борьбы на смерть, а жизнь приобрела бы смысл, не исчерпывающийся смертью»⁶⁷.

Н.А. Островский
(1904–1936 гг.)
Советский писатель

«Как закалялась сталь»

«Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному в мире: борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать её. Охваченный этими мыслями, Корчагин ушёл с братского кладбища»⁶⁸.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Если утром познаешь правильный путь, вечером можно умереть»⁶⁹.

⁶⁷ Ильин, И. А. Основы христианской культуры / И. А. Ильин. – Санкт-Петербург: Шпиль, 2004. – С. 80–83.

⁶⁸ Островский, Н. А. Как закалялась сталь / Н. А. Островский. – Москва: АСТ, 2018. – С. 275.

⁶⁹ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 69.

**В. Франкл
(1905–1997 гг.)**

Австрийский психиатр, философ

**«Доктор и душа. Логотерапия
и экзистенциальный анализ»**

«При попытке ответить на вопрос о смысле жизни – самый важный для человека вопрос – мы вынуждены вновь обратиться к самим себе, осознать, что это нас вопрошает жизнь, это мы несем за неё ответственность. То есть мы возвращаемся к первоосновам человеческого бытия-в-мире, к ответственному существованию. Экзистенциальный анализ рассматривает ответственность в конкретике личности и ситуации – ответственность из этой конкретики возникает и в ней прорастает. Ответственность, как было показано, связана с неповторимостью человека и уникальностью ситуации. Неповторимость и уникальность, как мы говорили, составляют основу для смысла человеческой жизни. Но в этих же наиболее существенных для человека аспектах бытия проявляется и конечность человеческой жизни. Значит, и эта ограниченность представляет собой нечто, придающее человеческому бытию-в-мире смысл, а не лишаящее его смысла. Этот пункт требует дальнейшего обсуждения. Прежде всего, разберём вопрос, способна ли конечность человека во времени, ограниченность его жизни во времени, то есть факт смерти, лишить смысла всю жизнь в целом.

Как часто раздаются утверждения, будто смерть ставит под вопрос смысл всей жизни. Всё в итоге становится бессмысленным, ведь всё будет уничтожено смертью. Способна ли смерть на самом деле истребить осмысленность жизни? Напротив. Ведь что бы произошло, будь наша жизнь не ограничена во времени, но бесконечна? Если бы мы обладали бессмертием, мы могли бы бесконечно откладывать любое дело, не было бы причины заняться им сейчас, вполне можно разобраться завтра, послезавтра, через год или через десять лет. Но ввиду смерти, непреодолимой границы нашего будущего и предела наших возможностей, мы вынуждены использовать по максимуму время своей жизни и не упускать без пользы уникальные возможности, из чьей «конечной» суммы и состоит вся жизнь.

Итак, конечность жизни, её временный характер представляют собой не только существенную характеристику человеческого бытия, но основополагающий фактор смысла. Смысл челове-

ческого бытия проистекает из его невозвратности. Жизненную ответственность человека следует понимать как ответственность в рамках однократного и преходящего бытия. И если мы в процессе экзистенциального анализа хотим подвести пациента к осознанию ответственности, чтобы он подлинно ощутил ее, нужно попытаться применить сравнения, представить исторический характер жизни и проистекающую из этого человеческую ответственность. Например, можно предложить пациенту во время беседы представить себе, как он на закате дней листает собственную биографию, как раз открыв её на той главе, где описан нынешний его отрезок жизни, и вдруг чудом получает возможность решить, что будет в следующей главе: в его власти внести изменения в решающую главу своей еще не написанной внутренней истории. Основную идею экзистенциального анализа можно свести к максиме: «Живи так, словно живёшь во второй раз, а в первый испортил все, что только можно было испортить». Как только человеку удастся вообразить это, ему в тот же миг открывается вся полнота ответственности, которую он несёт в любой момент своей жизни, — ответственности за то, как он распорядится ближайшим часом, какую форму придаст грядущему дню.

Или же мы предлагаем пациенту вообразить свою жизнь как кино, которое сейчас «снимается», но которое нельзя «резать», то есть из «снятого» ничего нельзя будет выбросить. Такими примерами рано или поздно удастся показать пациенту необратимость человеческой жизни, историчность его существования.

Вначале жизнь содержит в себе всё, ещё не использованная, но по мере разворачивания она всё больше утрачивает возможности, всё больше превращается в функцию, а в итоге состоит только из тех поступков, переживаний, страданий, которые совершил или испытал проживший. Жизнь человека подобна радио: радий, как известно, имеет ограниченную «продолжительность жизни», поскольку его атомы распадаются, и материя постепенно превращается в энергию, которая излучается, чтобы никогда больше не вернуться и не превратиться снова в материю. Процесс атомного распада невозвратим и «направлен», и у радия первоначальная субстанция всё более сходит на нет. Это можно применить и к жизни в том смысле, что её изначальная материальная основа постепенно отступает, пока под конец не превращается в чистую форму. Ибо человек подобен скульптору, который обрабатывает молотком и зубилом материал, создавая образ. Человек имеет дело с тем материалом, который предоставила ему судьба. Творя, переживая, страдая, он пытается «высечь», насколько удастся,

из своей жизни ценности творчества, переживания или позиции. И в этом сравнении со скульптором можно уточнить также фактор времени: нужно представить себе, что ему отведён ограниченный срок для выполнения шедевра и при этом ему не сообщили день, когда пора будет представить работу. Он не знает, когда будет «призван к ответу» и не произойдёт ли это в ближайший момент, а вынужден как можно лучше использовать время, хотя, быть может, успеет только вырубить грубый торс. Если он не успеет закончить работу, это её не обесценит. «Фрагментарность» жизни (Зиммель) не лишает её смысла. Мы судим о полноте смысла не по продолжительности жизни. Биографию мы также судим не по «длине», не по количеству страниц в книге, но по богатству содержания. Героическая жизнь погибшего юноши обладает не меньшим содержанием и смыслом, чем жизнь какого-нибудь зажившегося филистера. Как часто «незавершённое» обладает прекраснейшей гармонией!

Жизнь человека – словно выпускное сочинение: здесь важно не то, полностью ли сделана работа, а насколько высоко её качество. Пишущий сочинение слышит звонок и понимает, что предоставленное ему время истекло, – так и из жизни человек может в любой момент быть «отозван» и должен быть к этому готов.

Человек должен – во времени, в своей ограниченности – что-то завершить, то есть принять эту ограниченность, сознательно принять конец как часть «сделки». Эта позиция не исключительно героическая, она с очевидностью присутствует и в повседневном поведении обычного человека. Например, в кино зрителя интересует, есть ли у фильма хоть какой-то финал, а не вопрос, есть ли непременно счастливый конец. Сам факт, что обычному человеку нужны театр и кино, уже доказывает осмысленность исторического протекания времени: если бы не требовалось нечто важное сперва эксплицитировать, то есть развернуть во времени, представить исторически, то человек мог бы вполне удовлетвориться кратким пересказом «морали истории», а не высиживать часами в театре и кино.

Итак, нет никакой необходимости как-то устранять из жизни смерть: смерть непосредственно принадлежит жизни! И нет никакой возможности «победить» её, как люди порой пытаются, «увекочивая» себя в потомстве. Утверждение, будто смысл жизни заключён в потомстве, неверно и с легкостью доводится до абсурда. Во-первых, наша жизнь не будет продлена до бесконечности: умрут и потомки, а когда-нибудь вымрет и всё человечество, пусть даже и случится это лишь в результате космической катастрофы и гибели Земли. Если бы ограниченность лишила жизнь

смысла, то было бы всё равно, когда наступит конец, в обозримом будущем или позже. Кто не видит нерелевантности самой даты конца, тот уподобляется даме, которая, услышав предсказание астронома о грозящей миру через миллиард лет гибели, отшатнулась в испуге, а когда её утешили, повторив, что «до тех пор ещё миллиард лет», вздохнула с облегчением: «Я поначалу слышала: уже через миллион лет». Либо жизнь имеет смысл, тогда она обладает им независимо от своей продолжительности и от потомства, либо жизнь не имеет смысла, и тогда его не прибавится и от многих лет, и от возможности иметь потомство из рода в род. Если бы жизнь бездетной женщины лишь по этому признаку считалась бессмысленной, это означало бы, что человек живёт лишь ради детей и исключительный смысл его существования заключается в следующих поколениях. Но это лишь откладывает вопрос. В чём тогда будет смысл жизни следующего поколения, если не в рождении ещё одного? Увековечивать нечто само по себе бессмысленное тоже бессмысленно, ведь бессмысленное не станет осмысленным лишь потому, что увековечится.

Даже когда факел гаснет, его свет имел смысл, но нет смысла в том, чтобы в вечной (до бесконечности) эстафете передавать из рук в руки факел, который так и не загорится. «Что светит, то должно гореть», – сказал Вильдганс, и это значит «страдать должно». И более того, скажем: должно «до-гореть», должно гореть «до конца».

Так мы приходим к парадоксу: жизнь, чей единственный смысл сводится к продолжению рода, тем самым, становится и сама столь же бессмысленна, как её продолжение. И наоборот: продолжение жизни лишь тогда обретает смысл, когда жизнь уже представляет собой нечто ценное. Кто видит последний и окончательный смысл женской жизни в материнстве, отнимает смысл не только у жизни той, кто осталась бездетной, но и у жизни многодетной матери. Отсутствие потомства не может сделать бессмысленным существование значимого человека, и более того: вся цепочка предков, которая привела к рождению этого человека, в обратной перспективе получает венчающий их жизни смысл. Из всего этого мы вновь убеждаемся, что жизнь никогда не может быть самоцелью, что её продолжение не может быть единственным смыслом, и более того: она впервые обретает смысл на других, не биологических уровнях. Эти уровни уходят в трансцендент-

ность. Жизнь вырывается за собственные пределы не «продолжительностью» или «продолжением» (в потомстве), но «по вертикали», устремляясь к смыслу»⁷⁰.

**Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)**

**Французский физик, философ
«Мысли. Афоризмы»**

«Развлечение – величайшее из наших несчастий. Это оно больше всего мешает нам думать о самих себе и незаметно губи нас. Без него мы стали бы скучать, и скука заставила бы нас искать более надежного средства от нее избавиться; но развлечение нас забавляет и позволяет приблизиться к смерти незаметно»⁷¹.

**Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(1829–1908 гг.)**

**Православный священник,
общественный деятель.
В 1990-м году канонизирован
Русской Православной Церковью
в лике праведных**

«Моя жизнь во Христе»

«Всё вещественное, мы видим, тлеет, начиная с пищи и одежды, грехи также, все, как замечаем, растлевают душу и тело. Это должно возродить в нас надежду нетленного, непреходящего. Вы, сладкопитающиеся, вы, тщеславящиеся одеждою, домами, богатством – что вы делаете? Играете в мыльные пузыри»⁷².

⁷⁰ Франкл, В. Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ / В. Франкл. – Москва: Альпина Нон-Фикшн, 2018. – С. 101–106.

⁷¹ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель. – С. 169.

⁷² Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе / Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. – Москва: Центр Благо, 1999. – С. 821.

**Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(1829–1908 гг.)
Православный священник,
общественный деятель.
В 1990-м году канонизирован
Русской Православной
Церковью в лике праведных**

«Моя жизнь во Христе»

*«Что значит искать развлечений?
Значит хотеть наполнить чем-нибудь
внутреннюю болезненную пустоту
души, созданной для деятельности и не
терпящей быть праздною»⁷³.*

**И.А. Крылов
(1769–1844 гг.)
Русский баснописец, публицист**

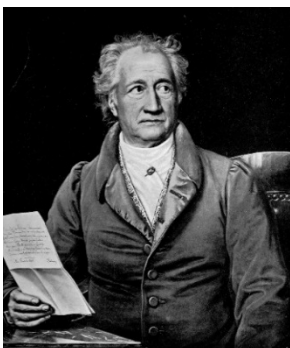
«Стрекоза и Муравей»

*Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» –
«Кумушка, мне странно это:*

⁷³ Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе / Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. – Москва: Центр Благо, 1999. – С. 343.

*Да работала ль ты в лето?»
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило». –
«А, так ты...» – «Я без души
Лето целое всё пела». –
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»*

(1808)⁷⁴

**Иоганн Вольфганг фон Гёте
(1749–1832 гг.)**

**Немецкий поэт, драматург,
учёный-энциклопедист, критик**

«Фауст»

*Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всё м
Был и остался дураком.
В магистрах, в докторах хожу
И за нос десять лет вожу
Учеников, как буквоед,
Толкуя так и сяк предмет.
Но знанья это дать не может,
И этот вывод мне сердце гложет,
Хотя я разумнее многих хватов,
Врачей, попов и адвокатов,
Их точно всех попутал леший,
Я ж и пред чёртом не опешу, –
Но и себе я знаю цену,
Не тешусь мыслию надменной,
Что светоч я людского рода
И вверен мир моему уходу.
Не нажил чести и добра
И не вкусил, чем жизнь остра.
И пёс с такой бы жизни взвыл!*

⁷⁴ Крылов, И. А. Басни / И. А. Крылов. – Москва: Детская литература, 1965. – С. 33–35.

*И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился
И тайну бытия открыл.
Чтоб я, невежда, без конца
Не корчил большие мудреца,
А понял бы, уединясь,
Вселенной внутреннюю связь,
Постиг всё сущее в основе
И не вдавался в суесловье.*

*О месяц, ты меня привык
Встречать среди бумаг и книг
В ночных моих трудах, без сна
В углу у этого окна.
О, если б тут твой бледный лик
В последний раз меня застиг!
О, если бы ты с этих пор
Встречал меня на высях гор,
Где феи с эльфами в тумане
Играют в прятки на поляне!
Там, там росой у входа в грот
Я б смысл учёности налёт!*

*Но как? Назло своей хандре
Ещё я в этой конуре,
Где доступ свету заграждён
Цветною росписью окон!
Где запylённые тома
Навалены до потолка;
Где даже утром полутьма
От чёрной гари ночника;
Где собран в кучу скарб отцов.
Таков твой мир! Твой отчий кров!
И для тебя ещё вопрос,
Откуда в сердце этот страх?
Как ты всё это перенёс
И в заточенье не зачах,
Когда насильственно, взамен
Живых и богом данных сил,
Себя средь этих мёртвых стен
Скелетами ты окружил?*

(1774–1831 гг.)⁷⁵

⁷⁵ Гёте, И. В. Фауст: трагедия / И. В. Гёте. – Москва: Э, 2016. – С. 19–21.

А.П. Чехов
(1860–1904 гг.)

Русский писатель, драматург

«Крыжовник»

«Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своею судьбой, самим собой. К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека, мною овладело тяжелое чувство, близкое к отчаянию. Особенно тяжело было ночью. Мне постлали постель в комнате рядом с спальней брата, и мне было слышно, как он не спал и как вставал и подходил к тарелке с крыжовником и брал по яголке. Я соображал: как, в сущности, много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, враньё... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч живущих в городе ни одного, который бы вскрикнул, громко возмущился. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днём едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников, но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Всё тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведёр выпито, столько-то детей погибло от недоедания... И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут своё бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз. Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясётся беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других. Но чело-

века с молоточком нет, счастливый живёт себе, и мелкие житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину, – и всё обстоит благополучно.

– В ту ночь мне стало понятно, как я тоже был доволен и счастлив, – продолжал Иван Иванович, вставая. – Я тоже за обедом и на охоте поучал, как жить, как верить, как управлять народом. Я тоже говорил, что ученье свет, что образование необходимо, но для простых людей пока довольно одной грамоты. Свобода есть благо, говорил я, без неё нельзя, как без воздуха, но надо подождать. Да, я говорил так, а теперь спрашиваю: во имя чего ждать? – спросил Иван Иванович, сердито глядя на Буркина.

– Во имя чего ждать, я вас спрашиваю? Во имя каких соображений? Мне говорят, что не всё сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в своё время. Но кто это говорит? Где доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою надо рвом и жду, когда он зарастёт сам или затянет его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!

Я уехал тогда от брата рано утром, и с тех пор для меня стало невыносимо бывать в городе. Меня угнетают тишина и спокойствие, я боюсь смотреть на окна. Я уже стар и не гожусь для борьбы, я неспособен даже ненавидеть. Я только скорблю душевно, раздражаюсь, досадную, по ночам у меня горит голова от наплыва мыслей, и я не могу спать... Ах, если б я был молод!

Иван Иванович прошёлся в волнении из угла в угол и повторил:

– Если б я был молод! Он вдруг подошёл к Алехину и стал пожимать ему то одну руку, то другую.

– Павел Константиныч, – проговорил он умоляющим голосом, – не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро! Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чём-то более разумном и великом. *Делайте добро!*»⁷⁶.

⁷⁶ Чехов, А. П. Крыжовник / А. П. Чехов. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/chelovek-v-futljare-chehov/30> (дата обращения: 18.11.2023).

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Поскольку от природы мы несчастны всегда, в любом состоянии, то наши желания рисуют нам некое блаженное состояние, соединя с нашим нынешним состоянием радости воображаемого; а если мы получим эти радости, то не будем счастливы ими, потому что у нас появятся другие желания, рождённые этим новым состоянием»⁷⁷.

В.М. Шукшин
(1929–1974 гг.)

**Русский, Советский писатель,
кинорежиссёр, актёр**

«Сапожки»

«Ездили в город за запчастями... И Сергей Духанин увидел там в магазине женские сапожки. И потерял покой: захотелось купить такие жене. Хоть один раз-то, думал он, надо сделать ей настоящий подарок. Главное, красивый подарок... Она таких сапожек во сне не носила.

Сергей долго любовался на сапожки, потом пощёлкал ногтем по стеклу прилавка и спросил весело:

– Это сколько же такие пипеточки стоят?

– Какие пипеточки? – не поняла продавищица.

– Да вот... сапожки-то.

– Пипеточки какие-то... Шестьдесят пять рублей. Сергей чуть вслух не сказал: «О, ё!» – протянул:

– Да... Кусаются.

Продавищица презрительно посмотрела на него. Станный они народ, продавищицы: продаст обыкновенный килограмм пшена, а с таким видом, точно вернула забытый долг.

⁷⁷ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель. – С. 255.

Ну, дьявол с ними, с продавицами. Шестьдесят пять рублей у Сергея были. Было даже семьдесят пять. Но... Он вышел на улицу, закурил и стал думать. Вообще-то не для деревенской грязи такие сапожки, если уж говорить честно. Хотя она их, конечно, беречь будет... Раз в месяц и наденет-то – сходить куда-нибудь. Да и не наденет в грязь, а – посуху. А радости сколько! Ведь это же чёрт знает какая дорогая минута, когда он вытащит из чемодана эти сапожки и скажет: «На, носи».

Сергей пошёл к ларьку, что неподалёку от магазина, и стал в очередь за пивом.

Представил Сергей, как заблестят глаза у жены при виде этих сапожек. Она иногда, как маленькая, до слез радуется. Она вообще-то хорошая. С нами жить – надо терпение да терпение, думал Сергей. Одни проклятые выпивки чего стоят. А ребяташки, а хозяйство... Нет, они двужильные, что могут выносить столько. Тут хоть как-нибудь, да отведёшь душу: вытнешь когда – всё легче маленько, а ведь они с утра до ночи, как заводные.

Очередь двигалась медленно, мужики без конца «повторяли». Сергей думал.

Босиком она, правда, не ходит, чего зря приbedняться-то? Ходит, как все в деревне ходят... Красивые, конечно, сапожки, но не по карману. Привезёшь, а она же первая заругает. Скажет, на кой они мне, такие дорогие! Лучше бы девчонкам чего-нибудь взял, пальтишечки какие-нибудь – зима подходит.

Наконец Сергей взял две кружки пива, отошёл в сторону и медленно стал пропускать по глоточку. И думал.

Вот так живёшь – сорок пять лет уже, – всё думаешь: ничего, когда-нибудь буду жить хорошо, легко. А время идёт... И так и подойдёшь к той ямке, в которую надо ложиться, – а всю жизнь чего-то ждал. Спрашивается, какого дьявола надо было ждать, а не делать такие радости, какие можно делать? Вот же: есть деньги, лежат необыкновенные сапожки – возьми, сделай радость человеку! Может, и не будет больше такой возможности. Дочери ещё не невесты – чего-ничего, а надеть можно – износить. А тут – один раз в жизни... Сергей пошёл в магазин.

– Ну-ка дай-ка их посмотреть, – попросил он.

– Чего?

– Сапожки.

– Чего их смотреть? Какой размер нужен?

– Я на глаз прикину. Я не знаю, какой размер.

– Едет покупать, а не знает, какой размер. Их примерять надо, это не тапочки.

– Я вижу, что не тапочки. По цене видно, хэ-хэ...

– Ну и нечего их смотреть.

– А если я их купить хочу?

– Как же купить, когда даже размер не знаете?

– А вам-то что? Я хочу посмотреть.

– Нечего их смотреть. Каждый будет смотреть.

– Ну, вот чего, милая, – обозлился Сергей, – я же не прошу показать мне ваши панталоны, потому что не желаю их видеть, а прошу показать сапожки, которые лежат на прилавке.

– А вы не хамите здесь, не хамите! Нальют глаза-то и начинают...

– Чего начинают? Кто начинает? Вы то, поили меня что так говорите?

Продавищица швырнула ему один сапожок. Сергей взял его, повертел, поскрипел хромом, пощёлкал ногтем по лаково блестящей подошве... Осторожненько запустил руку вовнутрь...

«Нога-то в нём спать будет», – подумал радостно

– Шестьдесят пять ровно? – спросил он.

Продавищица молча, зло смотрела на него.

«О господи! – изумился Сергей. – Прямо ненавидит. За что?»

– Беру, – сказал он поспешно, чтоб продавищице поскорей бы уже отмякла, что ли, – не зря же он отвлекает её, берёт же он эти сапожки. – Вам платить или кассиру?

Продавищица, продолжая смотреть на него, сказала негромко:

– В кассу.

– Шестьдесят пять ровно или с копейками?

Продавищица всё глядела на него; в глазах её, когда Сергей внимательней посмотрел, действительно стояла белая ненависть. Сергей струсил... Молча поставил сапожок и пошёл к кассе. «Что она?! Сдурела, что ли, – так злиться? Так же засохнуть можно, не доживя веку».

Оказалось, шестьдесят пять рублей ровно. Без копеек. Сергей подал чек продавищице. В глаза ей не решался посмотреть, глядел выше тощей груди. «Болезная, наверно», – пожалел Сергей.

А продавищица чек не брала. Сергей поднял глаза... Теперь в глазах продавищицы была и ненависть, и какое-то ещё странное удовольствие.

– Я прошу сапожки.

– На контроль, – негромко сказала она.

– Где это? – тоже негромко спросил Сергей, чувствуя, что и сам начинает ненавидеть сухопарую продавщицу.

Продавщица молчала. Смотрела.

– Где контроль-то? – Сергей улыбнулся прямо в глаза ей. – А? Да не гляди ты на меня, не гляди, милая, – женатый я. Я понимаю, что в меня сразу можно влюбиться, но... что я сделаю? Терпи уж, что сделаешь? Так где, говоришь, контроль-то?

У продавщицы даже ротик сам собой открылся... Такого она не ждала.

Сергей отправился искать контроль.

«О-о! – подивился он на себя. – Откуда что взялось! Надо же так уесть бабу. А вот не будешь психовать зря. А то стоит – вся изозлилась».

На контроле ему выдали сапожки, и он пошёл к своим, на автобазу, чтобы ехать домой. (Они приезжали на своих машинах, механик и ещё два шофёра.)

Сергей вошёл в дежурку, полагая, что тотчас же все потянутся к его коробке – что, мол, там? Никто даже не обратил внимания на Сергея. Как всегда – спорили. Видели на улице молодого попа и теперь выясняли, сколько он получает. Большие других орал Витька Кибяков, рябой, бледный, с большими печальными глазами. Даже когда он надрывался и, между прочим, оскорблял всех, глаза оставались печальными и умными, точно они смотрели на самого Витьку – безнадежно грустно.

– Ты знаешь, что у него персональная «Волга»?! – кричал Рашиль (Витьку звали «Рашиль»), – У их, когда они ещё учатся, стипендия – сто пятьдесят рублей! Понял? Сти-пен-дия!

– У них есть персональные, верно, но не у молодых. Чего ты мне будешь говорить? Персональные – у этих... апостолов. Не у апостолов, а у этих... как их?..

– Понял? У апостолов – персональные «Волги»! Во, пень дремучий. Сам ты апостол!

– Сто пятьдесят стипендия! А сколько же тогда оклад?

– А ты что, думаешь, он тебе за так будет гонениям подвергать? На! Пятьсот рублей хотел?

– Он должен быть верующим!

Сергей не хотел ввязываться в спор, хотя мог бы поспорить: пятьсот рублей молодому попу – это много. Но спорить сейчас об этом... Нет, Сергею охота было показать сапожки. Он достал их, стал разглядывать. Сейчас все заткнутся с этим попом... Замолкнут. Не за-

молкли. Посмотрели, и всё. Один только протянул руку – покажи. Сергей дал сапожок. Шофёр (незнакомый) поскрипел хромом, пощелкал железным ногтем по подошве... И полез грязной лапой в белоснежную, нежную... внутрь сапожка. Сергей отнял сапожок.

– Куда ты своим поршинем?

Шофёр засмеялся.

– Кому это?

– Жене.

Тут только все замолкли.

– Кому? – спросил Рашиль.

– Клавке.

– Ну-ка?..

Сапожок пошёл по рукам; все тоже мяли голенище, щелкали по подошве... Внутрь лезть не решались. Только расшеперивали голенище и заглядывали в белый, пушистый мирок. Один даже дунул туда зачем-то. Сергей испытывал прежде незнакомую гордость.

– Сколько же такие?

– Шестьдесят пять.

Все посмотрели на Сергея с недоумением. Сергей слегка растерялся.

– Ты что, офонарел?

Сергей взял сапожок у Рашиля.

– Во! – воскликнул Рашиль. – Серьга... дал! Зачем ей такие?

– Носить.

Сергей хотел быть спокойным и уверенным, но внутри у него вздрагивало. И привязалась одна тупая мысль: «Половина мотоллера. Половина мотоллера». И хотя он знал, что шестьдесят пять рублей – это не половина мотоллера, всё равно упрямо думалось. «Половина мотоллера».

– Она тебе велела такие сапожки купить?

– Причём тут велела? Купил, и всё.

– Куда она их наденет-то? – весело пытали Сергея. – Грязь по колено, а он – сапожки за шестьдесят пять рублей.

– Это ж зимние!

– А зимой в них куда?

– Потом, это ж на городскую ножку. Клавкина-то не полезет сроду... У ей какой размер-то? Это ж ей – на нос только.

– Какой она носит-то?

– Пошли вы!.. – вконец обозлился Сергей. – Чего вы-то переживаете?

Засмеялись.

– Да ведь жалко, Серёжа! Не нашёл же ты их, шестьдесят пять рублей-то.

– Я заработал, я и истратил, куда хотел. Чего базарить-то зря?

– Она тебе, наверно, резиновые велела купить? Резиновые... Сергей всю злился.

– Валяйте лучше про попа – сколько он всё же получает?

– Больше тебя.

– Как эти... сидят, курва, чужие деньги считают. – Сергей встал. – Больше делать, что ли, нечего?

– А чего ты в бутылку-то лезешь? Сделал глупость, тебе сказали. И не надо так нервничать...

– Я и не нервничаю. Да чего ты за меня переживаешь-то?! Во, переживатель нашёлся! Хоть бы у него займы взял, или что...

– Переживаю, потому что не могу спокойно на дураков смотреть. Мне их жалко...

– Жалко – у пчёлки в попе. Жалко ему!

Ещё немного позубатились и поехали домой. Дорогой Сергея донаёл механик (они в одной машине ехали).

– Она тебе на что деньги-то давала? – спросил механик. Без ехидства спросил, сочувствуя. – На что-нибудь другое?

Сергей уважал механика, поэтому ругаться не стал.

– Ни на что. Хватит об этом.

Приехали в село к вечеру.

Сергей ни с кем не подосвиданькался... Не пошёл со всеми вместе – отделился, пошёл один. Домой. Клавдя и девочки вечеряли.

– Чего это долго-то? – спросила Клавдя. – Я уж думала, с ночевкой там будете.

– Пока получили да пока на автобазу перевезли... Да пока там их разделили по районам...

– Пап, ничего не купил? – спросила дочь, старшая, Груша.

– Чего? – По дороге домой Сергей решил так: если Клавка начнёт косоротиться, скажет – дорого, лучше бы вместо этих сапожек... «Пойду и брошу их в колодец».

– Купил.

Трое повернулись к нему от стола. Смотрели. Так это «купил» было сказано, что стало ясно – не платок за четыре рубля купил муж, отец, не мясорубку. Повернулись к нему... Ждали.

– Вон, в чемодане. – Сергей присел на стул, полез за папиросами. Он так волновался, что заметил: пальцы трясутся.

Клавдя извлекла из чемодана коробку, из коробки вытянула сапожки... При электрическом свете они были ещё красивей. Они

прямо смеялись в коробке. Дочери повскакивали из-за стола... Заахали, заохали.

– Тошно мнеченьки! Батюшки мои!.. Да кому это?

– Тебе, кому.

– Тошно мнеченьки!.. – Клавдя села на кровать, кровать заскрипела... Городской сапожок смело полез на крепкую, крестьянскую ногу. И застрял. Сергей почувствовал боль. Не лезли... Голенище не лезло.

– Какой размер-то?

– Тридцать восьмой...

Нет, не лезли. Сергей встал, хотел натиснуть. Нет.

– И размер-то мой...

– Вот где не лезут-то. Голяшка.

– Да что же это за нога проклятая!

– погоди! Надень-ка тоненький какой-нибудь чулок.

– Да кого там! Видишь?..

– Да...

– Эх-х!.. Да что же это за нога проклятая!

Возбуждение угасло.

– Эх-х! – сокрушалась Клавдя. – Да что же это за нога! Сколько они?..

– Шестьдесят пять. – Сергей закурил папироску. Ему показалось, что Клавдя не расслышала цену. Шестьдесят пять рубликов, мол, цена-то.

Клавдя смотрела на сапожок, машинально поглаживала ладонью гладкое голенище. В глазах её, на ресницах, блестели слезы... Нет, она слышала цену.

– Черт бы её побрал, ноженьку! – сказала она. – Разок довелось, и то... Эхма!

В сердце Сергея опять толкнулась непрошенная боль... Жалость. Любовь, слегка забытая. Он тронул руку жены, поглаживающую сапожок. Пожал. Клавдя глянула на него... Встретились глазами. Клавдя смущённо усмехнулась, тряхнула головой, как она делала когда-то, когда была молодой, – как-то по-мужичьи озорно, простецки, но с достоинством и гордо.

– Ну, Груша, повезло тебе. – Она протянула сапожок дочери. – На-ка, примерь.

Дочь растерялась.

– Ну! сказал Сергей. И тоже тряхнул головой. – Десять хорошо кончишь – твои. Клавдя засмеялась.

Перед сном грядущим Сергей всегда присаживался на низенькую табуретку у кухонной двери – курил последнюю папироску. Присел и

сегодня... Курил, думал, ещё раз переживал сегодняшнюю попку, постигал её нечаянный, большой, как ему сейчас казалось, смысл. На душе было хорошо. Жалко, если бы сейчас что-нибудь спугнуло бы это хорошее состояние, эту редкую гостью-минуту.

Клавдя стелила в горнице постель.

– Ну, иди... – позвала она.

Он нарочно не откликнулся, – что дальше скажет.

– Сергунь! – ласково позвала Клава.

Сергей встал, загасил окурок и пошёл в горницу.

Улыбнулся сам себе, качнул головой... Но не подумал так: «Купил сапожки, она ласковая сделалась». Нет, не в сапожках дело, конечно, дело в том, что...

Ничего. Хорошо»⁷⁸.

В.В. Путин
(род. в 1952 г.)

**Президент России,
государственный деятель**

**Встреча с победителями
конкурса «Лидеры России»**

«Со своей стороны я уже ска-
зал и хочу повторить, хочу по-

благодарить вас за то, что вы так активно работаете каждый на своём направлении, на своём участке, стремитесь к тому, чтобы достичь новых вершин, стремитесь к результатам.

Вы знаете, жизнь скоротечна. Нам кажется, что она бесконечна, но на самом деле это не так. Очень важно уметь сконцентрировать все свои навыки, все свои интеллектуальные возможности, чтобы получать удовольствие от этой жизни. А самое главное удовольствие – в самореализации, а самореализация невозможна без служения людям, без служения Отечеству, без служения Родине. Это служение может быть самым разным. Кто-то был подводником, кто-то корабли строит, кто-то культурой занимается. Если каждый на своём участке будет добиваться успехов, стремясь к самореализации, из этого и будет состоять успех страны в целом. Я искренне вам желаю этих успехов»⁷⁹.

⁷⁸ Шукшин, В. М. Рассказы / В. М. Шукшин. – Москва: Художественная литература, 1979. – С. 133–139.

⁷⁹ Путин, В. В. Встреча с победителями конкурса «Лидеры России» (07.07.2022 г.) / В. В. Путин. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68835#> (дата обращения: 29.11.2023).

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Чтобы страсти нам не вредили, будем поступать так, как если б нам оставалась неделя жизни»⁸⁰.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Мы беззаботно мчимся к пропасти, держа перед собой какой-нибудь экран, чтобы не видеть её»⁸¹.

Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(1829–1908 гг.)

Православный священник,
общественный деятель.

В 1990-м году канонизирован
Русской Православной Церковью
в лике праведных

«Моя жизнь во Христе»

«День есть символ скоротечности земной жизни: наступает утро, потом день, затем вечер, и с наступлением ночи и день весь прошёл. Так и жизнь пройдёт. Сначала младенчество, как раннее утро, потом отрочество и мужество, как полный рассвет и полдень, и затем старость, как вечер, если Бог даст, а затем – неизбежно смерть»⁸².

⁸⁰ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 164.

⁸¹ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 108.

⁸² Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе / Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. – Москва: Центр Благо, 1999. – С. 436.

**И.А. Гончаров
(1812–1891 гг.)**

**Русский писатель,
литературный критик**

«Обломов»

«Они успели захватить куда-то по делам, потом Штольц захватил с собой обедать одного золотопромышленника, потом поехали к этому последнему на дачу пить чай, застали большое общество, и Обломов из совершенного уединения вдруг очутился в толпе лю-

дей. Воротились они домой к поздней ночи.

На другой, на третий день опять, и целая неделя промелькнула незаметно. Обломов протестовал, жаловался, спорил, но был увлекаем и сопутствовал другу своему всюду.

Однажды, возвратясь откуда-то поздно, он особенно восстал против этой суеты.

– Целые дни, – ворчал Обломов, надевая халат, – не снимаешь сапог: ноги так и зудят! Не нравится мне эта ваша петербургская жизнь! – продолжал он, ложась на диван.

– Какая же тебе нравится? – спросил Штольц.

– Не такая, как здесь.

– Что ж здесь именно так не понравилось?

– Всё, вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно жадности, перебиванья друг у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки друг другу, это оглядывание с ног до головы, слушаешь, о чем говорят, так голова закружилась, одуреешь. Кажется, люди на взгляд такие умные, с таким достоинством на лице, только и слышишь: «Этому дали то, тот получил аренду». – «Помилуйте, за что?» – кричит кто-нибудь. «Этот проигрался вчера в клубе, тот берет триста тысяч!» Скука, скука, скука!.. Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?

– Что-нибудь да должно же занимать свет и общество, – сказал Штольц, – у всякого свои интересы. На то жизнь...

– Свет, общество! Ты, верно, нарочно, Андрей, посылаешь меня в этот свет и общество, чтоб отбить больше охоту быть там. Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается все это: нет

его, нет ничего глубокого, задающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а спуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку? Войдешь в залу и не налюбуйешься, как симметрически рассажены гости, как смирно и глубокомысленно сидят – за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! Отличный пример для ищущего движения ума! Разве это не мертвецы? Разве не спят они всю жизнь сидя? Чем я виноватее их, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами?

– Это все старое, об этом тысячу раз говорили, – заметил Штольц. – Нет ли чего поновее?

– А наша лучшая молодежь, что она делает? Разве не спит, ходя, развезжая по Невскому, танцует? Ежедневная пустая перетасовка дней! А посмотри, с какою гордостью и неведомым достоинством, отталкивающим взглядом смотрят, кто не так одет, как они, не носят их имени и звания. И воображают несчастные, что еще они выше толпы: «Мы-де служим, где, кроме нас, никто не служит, мы в первом ряду кресел, мы на бале у князя N, куда только нас пускают» ... А сойдутся между собой, перепьются и подерутся, точно дикие! Разве это живые, не спящие люди? Да не одна молодежь: посмотри на взрослых. Собираются, кормят друг друга, ни радушия... ни доброты, ни взаимного влечения! Собираются на обед, на вечер, как в должность, без веселья, холодно, чтоб похвастать поваром, салоном, и потом под рукой осмеять, подставить ногу один другому. Третьего дня, за обедом, я не знал, куда смотреть, хоть под стол залезть, когда началось терзание репутаций отсутствующих: «Тот глуп, этот низок, другой вор, третий смешон» – настоящая травля! Говоря это, глядят друг на друга такими же глазами: «вот уйди только за дверь, и тебе то же будет» ... Зачем же они сходятся, если они таковы? Зачем так крепко жмут друг другу руки? Ни искреннего смеха, ни проблеска симпатии! Стараются залучить громкий чин, имя. «У меня был такой-то, а я был у такого-то», – хвастают потом... Что ж это за жизнь? Я не хочу ее. Чему я там научусь, что извлеку?

– Знаешь, что, Илья? – сказал Штольц. – Ты рассуждаешь, точно древний: в старых книгах вот так все писали. А впрочем, и то хорошо: по крайней мере, рассуждаешь, не спишь. Ну, что еще? Продолжай.

– Что продолжать-то? Ты посмотри: ни на ком здесь нет свежего, здорового лица...

– Климат такой, – перебил Штольц. – Вон и у тебя лицо измято, а ты и не бегаешь, все лежишь.

– Ни у кого ясного, покойного взгляда, – продолжал Обломов, – все заражаются друг от друга какой-нибудь мучительной заботой, тоской, болезненно чего-то ищут. И добро бы истины, блага себе и другим – нет, они бледнеют от успеха товарища. У одного забота: завтра в присутственное место зайти, дело пятый год тянется, противная сторона одолевает, и он пять лет носит одну мысль в голове, одно желание: сбить с ног другого и на его падении выстроить здание своего благосостояния. Пять лет ходить, сидеть и вздыхать в приемной – вот идеал и цель жизни! Другой мучится, что осужден ходить каждый день на службу и сидеть до пяти часов, а тот вздыхает тяжко, что нет ему такой благодати...

– Ты философ, Илья! – сказал Штольц. – Все хлопочут, только тебе ничего не нужно!

– Вот этот желтый господин в очках, – продолжал Обломов, – пристал ко мне: читал ли я речь какого-то депутата, и глаза вытаращил на меня, когда я сказал, что не читаю газет. И пошел о Людовике-Филиппе, точно как будто он родной отец ему. Потом привязался, как я думаю: отчего французский посланник выехал из Рима? Как, всю жизнь обречь себя на ежедневное заряжанье всесветными новостями, кричать неделю, пока не выкричишься? Сегодня Мехмет-Али послал корабль в Константинополь, и он ломает себе голову: зачем? Завтра не удалось Дон-Карлосу – и он в ужасной тревоге. Там роют канал, тут отряд войска послали на Восток, батюшки, загорелось! лица нет, бежит, кричит, как будто на него самого войско идет. Рассуждают, соображают вкривь и вкось, а самим скучно – не занимает это их, сквозь эти крики виден непробудный сон! Это им постороннее, они не в своей шапке ходят. Делать своего нет, они и разбросались на все стороны, не направились ни на что. Под этой всеобъемлемостью кроется пустота, отсутствие симпатии ко всему! А избрать скромную, трудовую тропинку и идти по ней, прорывать глубокую колею – это скучно, незаметно, там всезнание не поможет и пыль в глаза пустить некому»⁸³.

⁸³ Гончаров, И. А. Обломов / И. А. Гончаров. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/oblomov> (дата обращения: 04.12.2023).

**В. Франкл
(1905–1997 гг.)**

Австрийский психиатр, философ

**«Доктор и душа. Логотерапия
и экзистенциальный анализ»**

«Вопрос о смысле жизни – сформулированный или подразумеваемый – следовало бы считать главным человеческим вопросом. Сомнения в смысле жизни ни в коем случае не могут быть признаком заболевания, это безусловный признак человеческого в человеке и даже – самого в нём человеческого. Ибо вполне могут существовать высокоорганизованные животные, те же пчёлы или муравьи, создающие социальные структуры, во многих аспектах совпадающие с человеческим государством или даже превосходящие человеческое общество, но мы не можем даже вообразить, чтобы животное усомнилось в смысле собственного существования и сумело поставить под вопрос само свое бытие-в-мире. Исключительно человеческой природе дано оцутить сомнительность своего существования, сомнительность всего бытия вообще.

Поставленный со всей категоричностью вопрос о смысле жизни может целиком захватить человека. Это часто случается в отрочестве, когда насущная проблематика человеческого бытия обрушивается на духовно созревающего и пребывающего в духовных борениях подростка. Однажды на уроке биологии в средней школе учитель заявил, что жизнь организма, в том числе и жизнь человека, «в конечном счете представляет собой всего лишь» процесс окисления или горения. И вдруг один из мальчиков вскочил и задал страстный вопрос: «Тогда какой же смысл в этой жизни?» Этот мальчик уловил главное: человек существует на ином плане бытия, нежели свеча, которая на наших глазах горит и догорает до конца. Бытие свечи, ее способность «быть налицо», как выразился бы Хайдеггер, можно определить как процесс горения, но человеку именно как человеку подобает совершенно иная форма бытия. Бытие человека прежде всего является бытием историческим, оно разворачивается в пространстве истории, из чьей системы координат его невозможно изъять. И эта система ориентиров всегда пронизана неким смыслом, даже если этот смысл не осознан и не получил никакого выражения. Деятельность муравей-

ника можно назвать «целенаправленной», однако ее нельзя считать «исполненной смысла», а с устранением категории смысла исчезает и все то, что именуется «историческим»: муравьиное «государство» не имеет «истории».

Эрвин Штраус (в книге «Событие и переживание», *Geschehnis und Erlebnis*) показал, что временной фактор истории никоим образом не может быть изъят из жизненной реальности человека, в том числе из реальности невротика, из того, что Штраус именуется «становящейся реальностью». Он не может быть изъят даже в том случае (и в особенности в том случае), когда человек – так развивается невроз – «деформирует» эту становящуюся реальность. Один из видов деформации представляет собой попытку уйти, отпасть от исконно человеческого плана бытия. Эту форму Штраус назвал «презентизмом»: речь идет о позиции, отвергающей направленное движение жизни, о поведении, которое не опирается на прошлое и не направлено в будущее, но связано лишь с чистым, внеисторическим настоящим. Мы обнаруживаем презентизм в виде невротического бегства в эстетизм, в творческие переживания или в преувеличенную любовь к природе. Страдающий таким расстройством человек в определенном смысле забывает о себе, можно также сказать – забывает о своем долге: в такие моменты он оказывается по ту сторону любого долга, проистекающего из индивидуально-исторической осмысленности его жизни.

«Нормальный» человек (нормальный как в смысле «обычный», так и в смысле соответствия этическим нормам) может и имеет право лишь в определенные моменты и только до известной степени поддаваться презентизму: в такие моменты, когда он сознательно отворачивается на время от осмысленной жизни, например, предаваясь празднованию, опьянению. В этом состоянии – опьянении, искусственном и кратковременном самозабвении – человек сознательно дает себе отдых от невыносимого бремени реальной ответственности. Но человек, во всяком случае западный человек, постоянно оглядывается на требования тех ценностей, которые он обязан творчески воплотить. Из этого отнюдь не следует, что человек не может опьяняться самим процессом деятельности, полностью в нем растворяясь. Тот тип человека, который подвержен такому заблуждению, Шелер описал под именем «мещанина»: это человек, который за средствами воплощения ценности не видит конечной цели, забывает о ценности как таковой. К этой категории принадлежат люди, которые неделю напролет напряженно трудятся, а в выходной, поскольку в жизни

образуются провал и пустота и в сознание прорывается отсутствие жизненного содержания, впадают в депрессию (воскресный невроз) или же из страха перед пустотой, духовного horror vacui⁸⁴, ищут прибежища в какой-нибудь форме опьянения.

Вопрос о смысле жизни терзает нас не только в пору созревания, но и на различных поворотах судьбы, особенно когда нас настигает какое-то потрясение. И как в пору отрочества сомнения в смысле жизни не являются сами по себе симптомом болезни, так и душевная нужда человека, бьющегося за смысл жизни, все его духовное борение не представляет собой нечто патологическое. И вообще не следует забывать, что на новом этапе психотерапия как логотерапия и экзистенциальный анализ как метод логотерапии работают в определенных обстоятельствах с душевно страдающими людьми, которые в клиническом смысле слова не считаются больными. Наша версия «психотерапии духа» для того и разработана, чтобы помочь людям, страдающим от философских проблем сугубо человеческого бытия. И даже если наблюдаются также клинические симптомы, логотерапия помогает установить с пациентом более прочную духовную связь, в которой здоровый «нормальный» человек нуждается меньше, а душевно неустойчивый – неотложно, именно для компенсации неуверенности. Ни в коем случае нельзя отметить духовную проблематику как «симптом»: она всегда некое «достижение» (прибегну к антитезе Освальда Шварца). В одних случаях – то достижение, которого пациент добился сам, в других – к которому нам еще предстоит его подвести. Последнее относится к людям, которые утратили душевное равновесие из-за сугубо внешних обстоятельств. К пациентам такого типа следует, например, причислить человека, который, потеряв кого-то близкого и наиболее в своей жизни значимого, кому он всецело посвятил себя, не знает теперь, остался ли какой-то смысл в его собственной жизни. Горе человеку, чья вера в смысл собственного существования колеблется в такие мгновения: никаких ресурсов у него нет, нет жизненных сил, избыток которых побуждает сказать жизни безусловное «да», пусть и без ясного осознания своей позиции и без точной формулировки, и в тяжкий час он оказывается слишком слаб, чтобы выдержать удар судьбы и самостоятельно противостоять ее натиску. Тогда и возникает та или иная форма душевной декомпенсации.

⁸⁴ Страх пустоты (лат.).

*Насколько важно позитивное мировоззрение и как глубоко оно проникает даже на биологический уровень, свидетельствуют данные широкомасштабного статистического исследования долгожителей: у всех участников опроса отмечалось «радостное», то есть жизнеутверждающее, мировоззрение. Также доказано, что и в области психологии мировоззренческие установки занимают столь важное место, что всегда «проступают»: так, пациенты, пытающиеся скрыть негативное отношение к жизни, оказываются неспособны к такой «диссимуляции». Правильные методы психиатрического обследования сразу же выявят скрытое отвращение к жизни. Если мы подозреваем, что пациент тщательно скрывает суицидальные намерения, рекомендуется следующий подход: сначала мы его спрашиваем о суицидальных намерениях – испытывает ли он по-прежнему то желание покончить с собой, которое выражал ранее. На этот вопрос пациент в любом случае – и особенно в фазе диссимуляции – ответит отрицательно. Однако затем мы зададим дальнейшие вопросы, которые помогут нам поставить дифференциальный диагноз, отграничив подлинный свободный выбор (отсутствие **taedium vitae**, отвращения к жизни) от диссимуляции. Мы спросим (и пусть этот вопрос покажется грубым и жестоким), а почему он не думает (больше) о самоубийстве. На это свободный или исцелившийся сразу же ответит, что ему нужно позаботиться о близких, его ждет работа и т. д. Но больной, который лишь пытается скрыть суицидальные намерения, тут зайдет в тупик: ему не хватит аргументов для подтверждения позитивного (неискреннего) приятия жизни. Если этот пациент помещен в клинику, наиболее типичное в таком случае поведение – требование, чтобы его поскорее выписали, с уверениями, что он более не питает помышлений о самоубийстве, которые препятствовали бы выписке. Так обнаруживается, что пациент психологически не способен привести аргументы в пользу жизни, в пользу своего дальнейшего существования, то есть доводы против своего устремления к самоубийству. У него имеются разве что отговорки: будь у него в самом деле наготове доводы, аргументы, постоянно присутствующие в сознании, его бы преградили одолевать мысли о суициде и не понадобились бы отговорки и диссимуляция»⁸⁵.*

⁸⁵ Франкл, В. Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ / В. Франкл. – Москва: Альпина Нон-Фикшн, 2018. – С. 51–56.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Я могу представить себе человека без рук, без ног, без головы – ведь нас только опыт учит, что голова человеку необходима, чем ноги. Но я не могу вообразить человека без мысли. Это был бы камень или животное»⁸⁶.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Нужно знать самого себя. Пусть это не поможет найти истину, но поможет хотя бы правильно устроить свою жизнь, а это самое благое дело»⁸⁷.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Какая суетность: мы восхищаемся картиной за то, что на ней похоже изображены такие вещи, которыми мы вовсе не восхищаемся в натуре»⁸⁸.

⁸⁶ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 84.

⁸⁷ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 74.

⁸⁸ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 63.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Узник в темнице не знает, вынесен ли ему приговор; у него есть только час на то, чтобы это узнать; но, если он узнает, что приговор вынесен, этого часа достаточно, чтобы добиться его отмены. Было бы противоестественно,

если бы он употребил этот час не на выяснение того, вынесен ли приговор, а на игру в пикет»⁸⁹.

С.Л. Франк
(1877–1950 гг.)

Русский философ,

религиозный мыслитель

«Смысл жизни»

«Есть один довольно простой внешний критерий, по которому можно распознать, установил ли человек правильное, внутренне обоснованное отношение к своей внешней, мирской деятельности, утвердил ли он её на связи со своим подлинным, духовным делом или нет. Это есть степень, в какой эта

внешняя деятельность направлена на ближайшие, неотложные нужды сегодняшнего дня, на живые конкретные потребности окружающих людей. Кто весь целиком узел в работу для отдаленного будущего, в благотворительство далеких, неведомых ему, чуждых людей, родины, человечества, грядущего поколения, равнодушен, невнимателен и небрежен в отношении окружающих его и считает свои конкретные обязанности к ним, нужду сегодняшнего дня, чем-то несущественным и незначительным по сравнению с величием захватившего его дела – тот, несомненно, идолопоклонствует. Кто говорит о своей великой исторической миссии и

⁸⁹ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 107.

о чаемом светлом будущем и не считает нужным согреть и осветить сегодняшний день, сделать его хоть немного более разумным и осмысленным для себя и своих близких, тот, если он не лицемерит, идолопоклонствует. И наоборот, чем более конкретна нравственная деятельность человека, чем больше она считается с конкретными нуждами живых людей и сосредоточена на сегодняшнем дне, – чем больше она проникнута не отвлеченными принципами, а живым чувством любви или живым сознанием обязанности любовной помощи людям, тем ближе человек к подчинению своей внешней деятельности духовной задаче своей жизни. Завет не заботиться о завтрашнем дне, ибо «довлеет дневи злоба его», есть не только завет не перегружать себя чрезмерными земными заботами, но вместе с тем требование ограничить себя заботами о реальной жизни, а не о предметах мечтаний и отвлеченной мысли. Сегодня я живу и живут окружающие меня люди; сегодня есть дело воли и жизни. Завтра есть область мечты и отвлеченных возможностей. Завтра легко совершить величайшие подвиги, облагодетельствовать весь мир, завести разумную жизнь. Сегодня, сейчас трудно побороть и уничтожить свою слабость, трудно уделить нищему и больному минуту внимания, помочь ему и немногим, трудно заставить себя выполнить и небольшое нравственное дело. Но именно это небольшое дело, это преодоление себя, хотя и в мелочи, это хотя бы ничтожное проявление действительной любви к людям есть моя обязанность, есть непосредственное выражение и ближайшая проверка степени подлинной осмысленности моей жизни. Ибо дело сегодняшнего дня и текущего часа и мои отношения к окружающим меня ближним непосредственно связаны с конкретностью моей жизни, с самим ее вечным существом; направляясь на вечное, стремясь исполнить заповеди Божии и питаться из вечного источника жизни, я необходимо должен осуществить ближайшие конкретные дела, в которых находит свое выражение вечное начало жизни. Кто живет в сегодняшнем дне – не отдаваясь ему, а подчиняя его себе – тот живет в вечности. Свое нравственно-психологическое выражение такая правильная установка находит в смирении, в сознании ограниченности своих сил и вместе с тем в душевной тишине и прочности, с какою совершаются эти дела сегодняшнего дня, это соучастие в конкретной жизни мира; тогда как идолопоклонническое служение миру, с одной стороны, всегда проявляется в гордыне и восторженности и, с другой стороны, связано с чувством беспокойства, неуверенности и суеты. Ибо кто считает основной

целью своей деятельности достижение какого-либо определенного внешнего результата, осуществление объективной перемены в устройстве мира, – с одной стороны, должен преувеличить и значение своего дела, и свои собственные силы, и, с другой стороны, ввиду шаткости и слепоты в течение всех земных дел, никогда не уверен в успехе и тем ставит свою жизнь в зависимость от условий, над которыми его воля не властна. Лишь тот, кто живет в вечном и задачу своей деятельности видит в возможно большем действительном обнаружении вечных сил – независимо от их внешнего успеха и объективного результата, – ... живет в душевном покое и в своем внешнем делании не отрывается от внутреннего корня своего бытия, от основного, внутреннего своего делания, направленного на укрепление этого корня.

Таким образом, внешнее, мирское делание, будучи производным от основного, духовного делания и им только и осмысляясь, должно стоять в нашей общей духовной жизни на надлежащем ему месте, чтобы не было опрокинуто нормальное духовное равновесие. Силы духа, укрепленные и питаемые изнутри, должны свободно излиться наружу, ибо вера без дела мертва; свет, идущий из глубины, должен озарять тьму во вне. Но силы духа не должны идти в услужение и плен к бессмысленным силам мира, и тьма не должна заглушать вечного Света.

Это есть ведь тот живой Свет, который просвещает всякого человека, приходящего в мир; это – сам Богочеловек Христос, который есть для нас «путь, истина и жизнь» и который именно потому есть вечный и ненарушимый смысл нашей жизни»⁹⁰.

⁹⁰ Хрестоматия по философии: учебное пособие. – Москва: Проспект, 1997. – С. 537–539.

А.П. Чехов
(1860–1904 гг.)

Русский писатель, драматург

«Крыжовник»

«Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение, самое наглое»⁹¹.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«И так проходит вся жизнь; люди ищут покоя, борясь с препятствиями, а когда их преодолевают, покой становится для них невыносим из-за скуки, им порождаемой. Нужно вырываться из него и кланчить себе тревог.

Ибо иначе придётся думать либо о настоящих несчастьях, либо о тех, что нам грозят. А если даже мы как будто в безопасности со всех сторон, скука собственной властью будет постоянно расплываться из глубины сердца, где прорастают её природные корни, и отравлять наш разум своим ядом»⁹².

⁹¹ Чехов, А. П. Крыжовник / А. П. Чехов. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/chelovek-v-futljare-chehov/30> (дата обращения: 18.11.2023).

⁹² Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 95.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Можно по-разному жить в мире, в зависимости от того, какое предположение принять.

1. *(Если известно наверное, что мы будем здесь всегда.) Если мы сможем быть здесь всегда.*
 2. *Если неизвестно, будем мы всегда или нет.*
 3. *Если известно наверное, что мы не будем здесь всегда – но известно, что мы будем здесь долго.*
 4. *Если известно наверное, что мы не будем здесь всегда, и неизвестно – будем ли мы – долго – ложно.*
 5. *Если известно наверное, что мы не будем здесь долго, и неизвестно, пробудем ли еще час.*
- Мы принимаем это последнее предположение»⁹³.*
-

В. Франкл
(1905–1997 гг.)

Австрийский психиатр, философ

**«Доктор и душа. Логотерапия
и экзистенциальный анализ»**

«Что же такое ответственность?

Ответственность – то, к чему человек «склонен» и от чего он пытается «уклониться». Сам язык указывает нам на присутствие в человеке сил, которые пытаются его удержать от его же собственной ответственности. Ответственность разверзается перед нами, словно бездна, и чем дольше и глубже размышляем мы о ее природе, тем более опасаемся, покуда не охватят дурнота и головокружение. Ведь стоит углубиться в суть человеческой ответственности – и устроишься: что-то ужасающее есть в этом понятии, но есть и ободряющее. Пугает – знать, что в любой момент жизни я

⁹³ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 106.

несу ответственность за следующий миг, что каждое мое решение, самое малое, как и самое крупное, свершается «на все времена»: в каждый момент я воплощаю или упускаю какую-то возможность, возможность этого момента. Каждое мгновение приносит тысячи возможностей, а я могу избрать и осуществить только одну, а все остальные таким образом обрекаю на небытие – и опять-таки «на все времена», навеки! Но вот что ободряет: знать, что будущее, мое собственное и разных вещей, людей вокруг меня, каким-то образом, пусть даже в малой мере, каждый миг зависит от моего решения. То, что я сейчас осуществляю, что «свершило в мире», то спасу в реальности и сохраню в убежище прошлого»⁹⁴.

**С.Л. Франк
(1877–1950 гг.)**

**Русский философ,
религиозный мыслитель**

«Смысл жизни»

«Вопрос о смысле жизни сам по себе совсем не бессмысленный вопрос, и как бы тягостна ни была для нас его неразрешимость или неразрешенность, рассуждение о незаконности самого вопроса нас не успокаивает. Мы можем на время отмахнуться от этого вопроса, отогнать его от себя, но в следующее же мгновение не «мы» и не наши «ум» его ставит, а он сам неотвязно стоит перед нами, и душа наша, часто со смертельной мукой, вопрошает: «Для чего жить?»»

Очевидно, что наша жизнь, простой стихийный процесс изживания ее, пребывания на свете и сознания этого факта, вовсе не есть для нас «самоцель». Она не может быть самоцелью, во-первых, потому, что в общем страдания и тягости преобладают в ней над радостями и наслаждениями и, несмотря на всю силу животного инстинкта самосохранения, мы часто недоумеваем, для чего же мы должны тянуть эту тяжелую лямку. Но и независимо от этого она не может быть самоцелью и потому, что жизнь, по своему своему существованию, есть не неподвижное пребывание в себе, самодовлеющий покой, а делание чего-то или стремление к чему-то;

⁹⁴ Франкл, В. Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ / В. Франкл. – Москва: Альпина Нон-Фикшн, 2018. – С. 62.

миг в котором мы свободны от всякого дела или стремления, мы испытываем как мучительно-тоскливое состояние пустоты и неудовлетворенности. Мы не можем жить для жизни; мы всегда – хотим ли мы того или нет – живем для чего-то. Но только в большинстве случаев это «что-то», будучи целью, к которой мы стремимся, по своему содержанию есть в свою очередь средство, и притом средство для сохранения жизни. Отсюда получается тот мучительный заколдованный круг, который острее всего дает нам чувствовать бессмысленность жизни и порождает тоску по ее осмыслению: мы живем, чтобы трудиться над чем-то, стремиться к чему-то, а трудимся, заботимся и стремимся – для того, чтобы жить. И, измученные этим кружением в беличьем колесе, мы ищем «смысла жизни» – мы ищем стремления и дела, которое не было бы направлено на простое сохранение жизни, и жизни, которая не тратилась бы на тяжкий труд ее же сохранения.

Мы возвращаемся, таким образом, назад к поставленному вопросу. Жизнь наша осмысленна, когда она служит какой-то разумной цели, содержанием которой никак не может быть просто сама эта эмпирическая жизнь. Но в чем же ее содержание, и прежде всего при каких условиях мы можем признать конечную цель «разумной»?

Если разумность ее состоит не в том, что она есть средство для чего-либо иного – иначе она не была бы подлинной, конечной целью, – то она может заключаться лишь в том, что эта цель есть такая бесспорная, самодовлеющая ценность, о которой уже бессмысленно ставить вопрос: «Для чего?» Чтобы быть осмысленной, наша жизнь – вопреки уверениям поклонников «жизни для жизни» и в согласии с явным требованием нашей души – должна быть служением высшему и абсолютному благу.

Но этого мало. Мы видим, что в сфере относительной «разумности» возможны и часто встречаются случаи, когда что-либо осмысленно с точки зрения третьего лица, но не для самого себя. То же мыслимо в сфере абсолютной разумности. Если бы наша жизнь была отдана служению хотя бы высшему и абсолютному благу, которое, однако, не было бы благом для нас или в котором мы сами не участвовали бы, то для нас она все же оставалась бы бессмысленной.

«...» Жизнь осмысленна, когда она, будучи служением абсолютному и высшему благу, есть вместе с тем не потеря, а утверждение и обогащение самой себя – когда она есть служение абсолютному благу, которое есть благо и для меня самого. Или, иначе говоря: абсолютным в смысле совершенной бесспорности мы можем признать только такое благо, которое есть одновременно и самодовлеющее, превышающее все мои личные интересы благо и благо для меня. Оно

должно быть одновременно благом и в объективном и в субъективном смысле – и высшей ценностью, к которой мы стремимся ради нее самой, и ценностью, пополняющей, обогащающей меня самого»⁹⁵.

**Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(1829–1908 гг.)
Православный священник,
общественный деятель.
В 1990-м году канонизирован
Русской Православной Церковью
в лике праведных**

«Моя жизнь во Христе»

«Ты в горести души своей желаешь иногда умереть. Умереть легко, недолго; но готов ли ты к смерти? Ведь за смертью следует суд всей твоей жизни (см.:

Евр. 9, 27). Ты не готов к смерти, и если бы она пришла к тебе, ты затрепетал бы всем телом. Не трать же слов по-пустому, не говори: лучше бы мне умереть, а говори чаще: как бы мне приготовиться к смерти по-христиански – верою, добрыми делами и великодушным перенесением случающихся со мною бед и скорбей и встретить смерть без страха, мирно, непостыдно, не как грозный закон природы, но как отеческий зов бессмертного Отца Небесного, святого, блаженного, в страну вечности. Вспомни старца, который, утрудившись под своим бременем, захотел лучше умереть, чем жить, и стал звать к себе смерть. Явилась – не захотел, а пожелал лучше нести тяжкое бремя своё»⁹⁶.

⁹⁵ Хрестоматия по философии: учебное пособие. – Москва: Проспект, 1997. – С. 522–523.

⁹⁶ Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе / Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. – Москва: Центр Благо, 1999. – С. 32.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Ничтожество вытекает из величия, а величие из ничтожества; поэтому одни настаивают на ничтожестве тем упрямее, что доказательство его видят в величии, а другие настаивают на величии тем жарче,

что выводят его из самого ничтожества. Всё, что одни смогли придумать в доказательство величия, другим лишь послужило доводом для утверждений о ничтожестве; ведь чем выше вершина, с которой падаешь, тем ничтожней себя ощущаешь, и наоборот. Они гоняются друг за другом в порочном круге; ведь очевидно, что в меру собственного разумения человек видит и своё величие, и свое ничтожество. Короче, человек сознает своё ничтожество. Он ничтожен, потому что такова его участь; но он велик, потому что это сознает»⁹⁷.

Августин Блаженный
(354–430 гг.)

**Христианский богослов, философ,
епископ, один из отцов Церкви**

«Кто может поставить себя хотя на минуту в такое состояние, чтобы проникнуться всеобъемлющею светлостью этой неизменяющейся вечности и сравнить её с временами, не имеющими никакого постоянства, коих от блеск есть не что иное, как перемеживающееся и непрестанно изменяющееся мерцание, а затем видеть, какое бесконечное

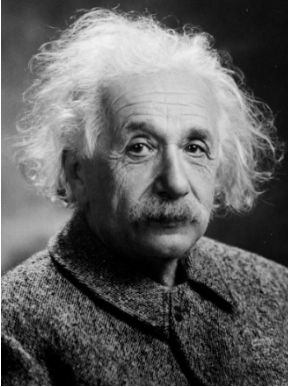
различие между временем и вечностью? Продолжительность времени не иначе составляется, как из преемственной последовательности различных мгновений, которые не могут проходить совместно: в вечности же, напротив, нет подобного прохождения, а

⁹⁷ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 86.

все сосредотачивается в настоящем как бы на лицо, тогда как никакое время в целом его составе нельзя назвать настоящим. Все прошедшее наше складывается из будущего и все будущее наше зависит от прошедшего; все же прошедшее и все будущее творится из настоящего, всегда сущего, для которого нет ни прошедшего, ни будущего, что мы называем вечностью. И кто в состоянии уразуметь и истолковать, как вечность (aeternitas), неизменно пребывающая в настоящем (stans), для которой нет ни будущего, ни прошедшего (nec futura, nec praeterita), творит между тем времена и будущие, и прошедшие?

*«...» Итак, не было такого времени (это только обманчивое представление), не было того времени, когда Ты оставался бы в бездействии, потому что и само время есть Твое же произведение. И нет времени Тебе совечного, потому что Ты пребываешь всегда Один и Тот же неизменно; а время перестало бы быть временем, если бы изменилось. Что же такое время? Кто не затруднится изъяснить это и притом в немногих и ясных словах? А между тем, что обыкновеннее бывает у нас предметом разговора, как не время! И мы, конечно, понимаем, когда говорим о нем или слышим от других. Что такое, еще раз повторяю, что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик. Между тем, вполне сознаю, что если бы ничего не приходило, то не было бы **прошедшего**, и если бы ничего не проходило, то не было бы **будущего**, и если бы ничего не было действительно существующего, то не было бы и **настоящего** времени. Но в чем состоит сущность первых двух времен, т. е. прошедшего и будущего, когда и прошедшего уже нет, и будущего еще нет? Что же касается до настоящего, то если бы оно всегда оставалось настоящим и никогда не переходило из будущего в прошедшее, тогда оно не было бы временем, а вечностью. А если настоящее остается действительным временем при том только условии, что через него переходит будущее в прошедшее, то, как мы можем приписать ему действительную сущность, основывая ее на том, чего нет? Разве в том только отношении, что оно постоянно стремится к небытию, каждое мгновение переставая существовать»⁹⁸.*

⁹⁸ Блаженный Августин, епископ Иппонийский. Исповедь / Блаженный Августин, епископ Иппонийский. – Москва: Благовест, 2014. – С. 466–468, С. 471–472.

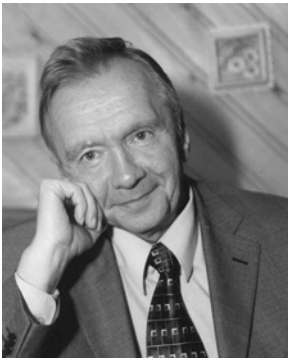
**А. Эйнштейн
(1879–1955 гг.)**

**Немецкий физик-теоретик,
лауреат Нобелевской премии (1921 г.).
Общественный деятель, философ**

«Наука и Бог»

«Думаю, что необычайный интерес, питаемый сейчас к науке широкой общественностью, и важное место, отводимое науке в умах человечества, являются наиболее яркими проявлениями метафизических потребностей нашего

времени. Люди, по-видимому, начинают уставать от материализма в вульгарном его понимании, ощущать пустоту жизни и искать нечто, выходящее за рамки сугубо личных интересов. Всеобщий интерес к научной теории вовлек в игру высшие сферы духовной деятельности, что не может не иметь огромного значения для морального исцеления человечества»⁹⁹.

**А.С. Панарин
(1940–2003 гг.)**

**Советский и российский
философ, политолог, публицист**

**«Православная цивилизация
в глобальном мире».**

**Мефистофелевские игры
интеллектуального авангарда**

«Теперь мы можем с полным осознанием определить коренное отличие классического модерна от нынешнего контр-модерна. Модерн был основан на союзе

рвущихся к свободе масс людей с прометеевой наукой нового времени. Прометеев разум делал фундаментальные открытия, конвертируемые либо в новые промышленные технологии, направленные на преобразование природной среды, либо в новые социальные (политические) технологии, направленные на преобразование общества.

⁹⁹ Тесла, Н. Куда идёт мир: к лучшему или худшему? / Н. Тесла. – Москва: Алгоритм, 2014. – С. 212.

Новая игровая («веселая») наука интеллектуального авангарда создает то, что теоретики постмодернизма называют симулякрами – все более тонкими имитациями реальности, конечное назначение которых – создать виртуальный мир, полностью подменяющий реальность и блокирующий всякие вторжения свидетельств этой реальности в наше сознание. Как пишет Ж. Делез в «Логике смысла», «проблема касается теперь уже не разграничения сущности-видимости или модели-копии. Симулякр не просто вырожденная копия, в нем кроется позитивная сила, которая отрицает и оригинал и копию, и модель и репродукцию».

«Позитивная сила» симулякра – в радикальности субъективного удовлетворения. Для обретения реального удовлетворения, связанного с реальным улучшением нашей ситуации в мире, требуются трудные и длительные усилия, никогда не завершающиеся вполне удовлетворительным итогом (ибо нашей грешной земле не дано превратиться в рай).

Отсюда – парадокс максимализма: максималисты эмансипации никогда не удовлетворятся реальными достижениями модерна, неизменно обвиняя его в половинчатости и конформизме. Однако их можно удовлетворить, подсунув им вместо реальной картины блестящий симулякр.

Нынешний контрмодерн основан на союзе создателей «веселой науки» симулякров – знатоков манипулирования со знаками, и масс, рвущихся уже не к реальной социальной свободе, а к чувственной эмансипации – освобождению от усилий, требуемых разумом и моралью.

Создается впечатление, что человек позднего модерна не выдержал нагрузок, связанных с проектом реального освобождения. Методически-медленному и трудному пути социального освобождения он предпочел легкость самообмана. Но самообманы чреватые саморазоблачениями и сопутствующими комплексами вины или комплексами неполноценности.

Новая интеллектуальная элита, прошедшая школу психоанализа и научившаяся работать с «комплексами», считает делом своей профессиональной чести создать столь плотную, столь непроницаемую для свидетельств реального опыта систему симулякров, что погруженные в нее получат возможность полной и окончательной «отключки». Здесь-то мы и подходим вплотную к вопросу о природе современной классовой эксплуатации. Люди, владеющие технологиями производства «чувственно полноценных» (погружающих наше сознание без остатка) симулякров, могут выступать в роли новой касты

фальшивомонетчиков: в обмен на наши трудовые усилия или наши природные богатства они нам предложат «блестящие видимости».

Социальная поляризация наступающей эпохи указывает на совершенно новую форму неэквивалентного обмена: привилегированные – это те, кто в обмен на свои симулякры получают продукт реального труда и пота миллионов людей, вынужденных расплачиваться «натуральным продуктом». Маркс в свое время занимался вопросом о том, в какой форме и какая часть труда рабочих присваивается капиталистом в ходе присвоения прибавочного времени. Теперь новая критическая теория должна разоблачать новую, углубленную форму социального паразитизма, связанную с вовлечением в социальный обмен фальшивых «монет» виртуального мира. Мы здесь имеем дело с радикализацией двоякого рода.

С одной стороны – радикализацией эксплуатации, ибо если прежде можно было говорить о неэквивалентности социального обмена, при котором эксплуатируемые получали меньше того, что отдавали, то теперь тенденция ведет к тому, чтобы эксплуатируемые за свой реальный труд или продукт вообще ничего не получали, кроме виртуальной видимости.

С другой стороны – радикализацией субъективной удовлетворенности эксплуатируемых, ибо виртуальный мир, в который их погружают, способен давать столь полный «кайф», какой реальная действительность в любых ипостасях давать не способна. Эксплуататоры «марксистского» типа уподобляли рабочего машине, убивая в нем «витальность». Эксплуататоры нового, «неофрейдистского» типа поднялись, соответственно новому технологическому сдвигу, с механического на биологический уровень. Эксплуатируемым они обещают такую «свободу», какую никакая социальная революция дать не способна: свободу инстинкта от тягот цивилизованности. Здесь-то и обнаруживается кардинальное различие между текстом письменной классики и современным постмодернистским текстом. Классический, семантически насыщенный, привязанный к реальности текст, адресован нашему сознанию, которое энтероцептивно, ориентировано на восприятие действительности. Постмодернистский семиотически замкнутый, варящийся в собственном соку текст, адресован инстинкту, который энтероцептивен.

Первичные материальные нужды, о которых говорил марксизм, грубо реалистичны по своей интенции: их нельзя удовлетворить иллюзорным образом, подсунуть вместо хлеба насыщающие некие «хлебные знаки». Психоаналитическая витальность, о кото-

рой столько говорит психоанализ, способна удовлетворяться заменителями, символами – всем тем, в чем проявляется действие механизмов проекции и идентификации. Первичные материальные потребности одноварианты, психоаналитическая витальность «полисемантическая» и способна удовлетворяться знаками. Это только фашистствующее неоязычество видело в инстинкте нечто первобытно здоровое, «земное» и основательное. На самом деле «витальности» свойственна декадентская извращенность, патологическая тяга к замещениям, к подмене реального раздражения смонтированными «текстами». Вся эротическая и детективно-садистская зрелищность современной «индустрии знака» основана на этом производстве сенсорных заменителей, призванных дать нашим подавленным инстинктам несравненно большее удовлетворение, чем сенсорика любого реального чувственного опыта. Таким образом, современные технологии социального манипулирования сочетают рецепты З. Фрейда и Ф. Соссюра.

Мефистофельское сознание властных элит, опираясь на теорию Фрейда, открыло для себя, что современный городской плебс, оторванный от естественных связей с космосом, социальному освобождению предпочитает «биологическое раскрепощение». Правящие гностики, открывшие низменно-постыдные тайны человеческой природы, говорят своим подопечным: теория классово-эксплуатации устарела; не мы вас эксплуатируем – вас эксплуатирует цивилизация, репрессировавшая ваши инстинкты. Мы вас избавим от грозного отца, воплотителя культурных норм и запретов, и вернем вам радости инфантильного состояния, погрузим вас в детство, причем, в самое раннее, необремененное словами и рассуждениями.

Если бы современные создатели виртуального мира исходили из прежних презумпций социально ориентированного сознания, мечтающего о счастье и свободе, они бы создавали современные варианты сказок со счастливым концом – подобно голливудскому фильму 30-х годов. Однако современная технология «производства текстов» угрожает не сознанию, а подсознанию: она прямо поощряет все то, что запрещает мораль и культура. Ее «заказчиком» выступает подавленный инстинкт. Реальные социальные интересы нельзя удовлетворить иллюзорным образом; здесь критерий отличия состоявшегося от несостоявшегося работает в полную силу. Но стоит заменить рациональное понятие интереса психоаналитическим «желанием», как все меняется. «Желание» поддается символическому удовлетворению; мало того, такое удовлетворение может выступать более радикальным, чем то,

что может быть получено в реальности. Искушенному потребителю современной порнографической продукции реальные сексуальные практики могут показаться решительно скучными.

Радикальная автономия «сосюровского» постмодернистского текста, освобожденного от каких бы то ни было привязок и действительности, здесь совпадает с радикальной автономией инстинкта, так же обращенного вовнутрь, восстающего против «принципа реальности».

Замена интереса – желанием, реальности – знаком, будущего сиюминутным, накопления – потреблением имеет единую логику, единый смысл. Классический модерн верил в то, что реальная социальная действительность может быть преобразована в соответствии с человеческим идеалом, с нашими представлениями о рае. Поэтому-то и было отвергнуто царство небесное: рай решено было соорудить на грешной земле. Постмодерн отражает то состояние воли и сознания посттрадиционного человека, когда он устал и отчаялся.

Прежняя, прометеева наука выражала волю к преобразованиям и была семантически насыщенным текстом, обращенным к реальной действительности. Теперь, когда прометеева воля иссякла, западная наука, в особенности социальная (но не только!) тяготеет к форме семиотически замкнутого текста, в котором означающее отрывается от обозначаемого и начинает конструироваться автономным образом, на основе свободной комбинации и обмена знаков. Противопоставление будущего настоящему на основе действенной преобразовательной воли сменяется противопоставлением виртуального реальному.

Если прежний модернистский авангард предпочитал будущее настоящему, то современный постмодернистский авангард предпочитает виртуальное реальному.

Характерна эволюция технологий, сопутствующая ослаблению прометеевой воли европейского человека. На первом этапе индустриального общества тон задавали жесткие промышленные технологии, основанные на открытиях классической механики, физики и химии. Затем наступает этап более тонких (или «высоких») технологий, преимущественно связанных с открытиями биологического микромира.

Сегодня профессионалы духовного производства сами себя называют создателями «интеллектуальной ренты». В таком названии мы вправе усмотреть психоаналитическую выразительность обмолвки – нечаянного раскрытия того, чему надлежит быть скрытым. В свое время борцы с феодальными привилегиями активно выступали против

всякого рода нетрудовых рент; в триаде доходов заработная плата, прибыль и рента, последняя выступала маргинальным элементом, теснимым не терпимой к пережиткам современностью.

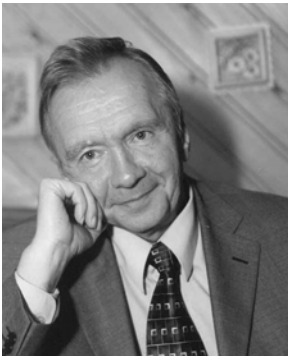
Современная экономическая теория хотела придать понятию интеллектуальной ренты позитивный смысл, указывающий на вклад в создание товаров со стороны профессионалов духовного производства. Доля интеллектуальной ренты в стоимости современных товаров в самом деле непрерывно растет; по оценкам, сегодня в стоимости продукции развитых стран она достигает 60 процентов. Но именно здесь мы имеем дело с тем искажением природы постиндустриального (информационного) общества, которое намечилось в последнюю треть XX века. Чем отличается производительный творческий труд, действительно участвующий в создании общественного богатства, от паразитической интеллектуальной ренты?

Творческий труд направлен вовне, на преобразование самой реальности; он связан с открытиями, реально повышающими производительность общественного труда на основе новых открытий энергии или вещества. Деятельность создателей интеллектуальной ренты соответствует не «принципу реальности», а «принципу удовольствия»; речь идет о технологиях, создающих новый имидж товаров, прямо обращенный к психологической структуре «желания», к комплексам современного человека. Доля технологий, направленная на удовлетворение реальных потребностей, непрерывно сокращается в пользу либидональных технологий, провоцирующих иллюзорные идентификации и механизмы психологического замещения. Прометеевский тип объективного знания, обращенного к природе, здесь подменен мифистифельским типом субъективного знания, обращенного к области подсознания, к подавленным инстинктам.

Например, для удовлетворения реальной потребности в быстром передвижении достаточно было бы производить несколько типов автомобилей, соответственно характеру грузов. Мощность, скорость и удобства – вот объективные критерии, соответствующие старой рационалистической категории интереса. Но для мифистифельской работы с инстинктами создатели интеллектуальной ренты превращают физическую машину в символическую, наделяемую признаками манипулятивного текста, потокающего «репрессированной чувственности». Отсюда – умопомрачительное разнообразие моделей, отличие которых касается не реальных потребностей, а способов работы с нашими «комплексамми».

Таким образом, современная экономика все более становится теневой в двояком смысле. Во-первых, в смысле растущей доли криминального по происхождению капитала, в ней задействованного. Во-вторых, в смысле усиливающейся обращенности не к рациональным социальным потребностям, а к инстинкту. Экономика, основанная на интеллектуальной ренте, становится союзницей теневой инстинктивной стороны нашей психики в ее борьбе с культурой и цивилизацией.

Нынешний интеллектуальный авангард в своем различении современного и архаичного, традиционного, все чаще пользуется одним критерием: современное – это то, что потакает инстинкту, архаично-традиционное – это то, в чем воплощена культурно-нормативная «репрессия» инстинкта. Все современные либеральные институты – от либеральной психиатрии до либеральной юриспруденции – склонны потакать патологии и преступности и, напротив, подозревать все, в чем воплощены твердость и здравомыслие морали и культуры»¹⁰⁰.

**А.С. Панарин
(1940–2003 гг.)**

**Советский и российский
философ, политолог, публицист**

**«Православная цивилизация
в глобальном мире»**

**Логика глобализации
в парадигме Ф. Соссюра**

«Начиная с немецкой классической философии европейская мысль видит главное зло в отчуждении. Отчуждение трактуется, в традициях классического идеализма, как потеря духом самого себя в косной материи.

Начиная с Платона идеализм утверждает суверенитет идеи, которая порождает свои отражения материальные вещи. Но в тех случаях, когда материальная вещь больше не поддается духу, получает статус неуправляемой вещи, говорят об отчуждении.

Отчуждение может выступить в двух разных формах: природного бытия, еще не просветленного и не преобразованного в соответствии с нашими замыслами и являющегося для них границей и преградой; и рукотворного бытия – феноменов, почему-то вырвавшихся из границ нашей воли и заново кладущих предел нашей

¹⁰⁰ Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 42–48.

суверенной субъективности. Характерно при этом то, что второй тип косного бытия, вызванный к жизни нами самими и вдруг начавший вести себя не по-сыновьи, представляет для человека значительно более серьезную проблему, чем еще остающаяся девственной природная материя. В этом смысле как-то подтверждается парадигма христианской духовности: грех, добровольно совершенный нами, значительно более тяжек, чем вынужденное внешними силами или совершенное по неведению прегрешение.

Итак, классическая форма отчуждения, спровоцировавшая тираноборческие традиции социализма, марксизма, а отчасти и либерализма, – это вызов прорывающей воле новоевропейского человека, поставившего себе цель быть полностью суверенным, не ограниченным в своих действиях никакими внешними обстоятельствами. Отсюда – проекты полного покорения (преобразования) природы, полного «развеществления» общественных отношений, становящихся совершенно прозрачными для нашего сознания и поддающихся планированию и управлению.

Действие этой парадигмы длилось около двухсот лет – уже поэтому так важно оценить значимость переживаемого нами момента, когда это влияние кончается и начинает действовать другая парадигма, которую мы пока что обозначили как парадигму Ф. де Соссюра. Отчуждение, с которым мы теперь имеем дело в качестве вызова нашей жизни и нашему достоинству, связано уже не с тем, что окружающий мир ускользает от нас и нашего свободного воздействия, а с тем, что мы становимся отщепенцами этого мира, теряем связь с бытием «деонтологизируемся». Если прежде мы мучились тем, что наше бытие отягощено косной, неподвластной нашей воле материальностью (природной или общественной), то теперь наша драма в отлучении от мира, в погруженности в виртуальные, знаковые, искусственные системы, изолирующие нас от подлинного бытия, от космической причастности.

«Коперников переворот» Соссюра связан с высвобождением изучаемых лингвистикой языковых знаков от их привязки к референту (обозначаемому): «означающее немотивировано – произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи».

Здесь важно подчеркнуть, что Соссюр вовсе не является критиком этой деонтологизации знаковой реальности, напротив, он постулирует её как новую очевидность, которой нет альтернативы. Поэтому, говоря о парадигме Соссюра – установке рассматривать знаковые отношения в их полной независимости от того, что они

обозначают, – мы имеем в виду нечто отличное от прежней парадигмы, когда отчуждение трактовалось как подлежащая решению проблема. Парадигма Соссюра в этом смысле носит сугубо инструментальный, а не аксиологическо-онтологический характер.

Однако в этой работе использование парадигмы Соссюра будет носить иной характер, связанный с классическими ценностными контекстами и с традиционной установкой на разрешение данной трагической проблемы нашего бытия. Такая установка, к счастью, не исчезла и в современных Афинах Париже как интеллектуальном центре постструктурализма и постмодернизма. В частности, ее сохраняет Жан Бодрийяр в своем анализе нашего времени как эпохи «симулякров» – испортившихся, ставших своеобразными знаками, не столько отражающих объективную реальность, сколько порождающих призрачные, виртуально-манипулятивные миры, изолирующие нас от подлинного бытия.

Когда же и как возникло это особое грехопадение культуры, отдавшейся во власть знаку и начавшей забывать или демонстрировать откровенное безразличие к первичной реальности – бытию?»¹⁰¹.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ
«Мысли. Афоризмы»

«Все люди ищут счастья. Исключений тут нет, какими бы разными средствами они ни пользовались. Все стремятся к этой цели. Одни идут на войну, а другие нет, но за этим всё то же единственное желание, только по-разному понимаемое. Воля никогда не предпринимает ничего, что имело бы другой предмет. Вот что движет всеми поступками всех людей, даже тех, кто собрался вешаться.

И однако за такое множество лет никогда ни один человек без веры не достигал той точки, к которой всё неизменно стремятся. Все стенают – государи, подданные, вельможи, простолюдины, старики, юноши, сильные, слабые, учёные, невежды, здоровые, больные, во всех краях, во все времена, всех возрастов, всех сословий.

И однако за такое множество лет никогда ни один человек без веры не достигал той точки, к которой всё неизменно стремятся. Все стенают – государи, подданные, вельможи, простолюдины, старики, юноши, сильные, слабые, учёные, невежды, здоровые, больные, во всех краях, во все времена, всех возрастов, всех сословий.

¹⁰¹ Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва: Алгоритм, 2002. – С. 60–62.

Столь длительный, непрерывный и единообразный опыт должен бы нас убедить в невозможности достичь блага нашими собственными усилиями. Но пример мало чему нас научает. Он никогда не бывает так совершенно схож с нашим случаем, чтобы не было между ними какого-нибудь тончайшего различия, и это позволяет нам надеяться, что наши ожидания не будут обмануты, как это было с другими; и вот, настоящее нас никогда не удовлетворяет, опыт нас обманывает и ведёт нас от несчастья к несчастью до самой смерти, их пределу в вечности.

О чём же кричат нам эта жажда и это бессилие, как не о том, что было у человека некогда истинное счастье, от которого ныне ему остался лишь знак и призрачный след, и он тщетно пытается наполнить эту пустоту всем, что его окружает, а не найдя опоры в том, что имеет, ищет её в том, чего у него нет; но ничто не может её дать, ибо эту бездонную пропасть способен заполнить лишь предмет бесконечный и неизменный, то есть сам Бог.

Он один есть истинное благо. И странная вещь – с тех пор, как человек его утратил, не нашлось ничего в природе, что могло бы его возместить, – светила, небо, земля, стихии, растения, капуста, порей, животные, насекомые, телята, змеи, лихорадка, чума, война, голод, пороки, прелюбодеяние, кровосмешение. И точно так же с тех пор, как он потерял истинное благо, всё может казаться ему таковым, даже собственная гибель, как бы ни было это противно Богу, разуму и природе одновременно.

Одни его ищут во власти, другие – в любознательности и науках, третьи – в сладострастии.

А те, кто ближе других к нему подошли, полагают, что это всеобъемлющее благо, желанное всем людям, никак не может состоять ни в одной из тех отдельных вещей, что могут принадлежать лишь одному человеку, а будучи разделены между многими, приносят их обладателям больше огорчения отсутствием той части, которой они не владеют, чем радости от той, что им принадлежит. Они поняли, что истинное благо должно быть таково, чтобы им могли обладать все сразу, без обделения и зависти, и чтобы никто не мог утратить его против своей воли; их суждение основано на том, что это желание естественно для человека, поскольку оно непременно присуще всем, и человек не может его не иметь; из чего они заключают»¹⁰².

¹⁰² Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 100–101.

**Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(1829–1908 гг.)**

**Православный священник,
общественный деятель.**

**В 1990-м году канонизирован
Русской Православной Церковью
в лике праведных**

«Моя жизнь во Христе»

*«Обильно открыл Ты мне, Господи,
истину Твою и правду Твою. Через обра-
зование меня науками открыл Ты мне всё*

*богатство веры и природы и разума человеческого. У ведал я слово
Твое – слово любви, проходящее до разделения души же и духа
нашего (Евр. 4, 12); изучил законы ума человеческого и его любомуд-
рие, строение и красоту речи; проник отчасти в тайны природы, в
законы её, в бездны мироздания и законы мирообращения; знаю
населённость земного шара, сведал о народах отдельных, о лицах
знаменитых, о делах их, прошедших своєю чередою в мире; отчасти
познал великую науку самопознания и приближения к Тебе; словом –
многое, многое узнал я, – так что **вьящая разума человеческого
показана ми суть** (Сир. 3, 23); и доселе ещё многое узнаю.*

*Много и книг у меня многоразличного содержания, читаю и пе-
речитываю их, но все ещё не насытился. Всё ещё дух мой жаждет
знаний; всё сердце моё не удовлетворяется, не сыто, и от всех поз-
наний, приобретённых умом, не может получить полного бла-
женства. Когда же оно насытится? – Насытится вегда явити-
мися славе Твоей (Пс. 16, 15). А до тех пор я не насыщусь. Пий от
воды сея (от мирских знаний), вжаждется паки: а пий от воды,
юже Аз дам ему, не вжаждется во веки; но вода, юже Аз дам ему,
будет в нём источник воды текущая в живот вечный
(Ин. 4, 13–14), сказал Спаситель»¹⁰³.*

¹⁰³ Святой Праведный Иоанн Кронштадтский Моя жизнь во Христе. – Москва: Центр Благо, 1999. – С. 5–6.

Г.Л. Могилевская
Советская писательница

«Трудное счастье»
Её жизнь

«Анастасия Дмитриевна поудобнее устроилась в постели, вынула из-под подушки конверт и взялась – в который раз – перечитывать письмо из воинской части от сына Николая: «Дорогая мамочка, поздравляю тебя с рождением мальчика. Назови его Сергеем в честь погибшего дяди Сережи. Я очень рад, что у меня появился ещё один брат. Теперь нас у тебя целый десяток. И не волнуйся: ты же знаешь, мы все будем тебе помогать».

Письмо это читали соседки по палате, нянечки, сестры. Оно ходило из рук в руки по всему роддому. Семь месяцев назад, провожая Колю в армию, Анастасия Дмитриевна совсем было решила: сын взрослый, поздно уж ей младенцем обзаводиться. И пошла к врачу. А Коля, наверное, слышал, как говорила об этом с подружкой. Сказал, когда пришла: «Я ведь знаю, где ты была».

Анастасия Дмитриевна даже покраснела, глаза отвела: как с сыном о таких вещах разговаривать? А сын не смутился, обнял и попросил: «Мамочка, не нужно, прошу тебя. Ничего тут такого нет. Нас ведь вон сколько! Что надо, все сделаем». Она почувствовала, как теплая волна пошла от сердца, к глазам подступили слезы. Это была радость. И благодарность. Не только ее мальчику, который теперь стал мужчиной, сильным и добрым человеком, а всей судьбе своей. Уже был за плечами большой путь, и впереди оставалось много дел и забот. А жизнь – в ту минуту она почувствовала это особенно остро, – жизнь у неё правильная, хорошая, радостная жизнь.

Справа от Анастасии Дмитриевны свернулась калачиком на койке двадцатилетняя соседка – маленькая, коротко остриженная, совсем девочка, Анастасии Дмитриевне в дочки годится. Слева – постарше. Второго мальчика родила, беспокоится, как теперь с двумя справляться будет. Им обеим да и другим женщинам здесь соседство Анастасии Дмитриевны не без пользы.

– Много-то детей и не обязательно, – говорит Анастасия Дмитриевна. – Это уж как кому по нраву. Но главное, чтоб в мире и дружбе росли. Для детей эта дружба семейная – самый важный витамин, потом всю жизнь против злобы предохраняет. А даёт-то этот витамин детям мать.

Сама Анастасия Дмитриевна сиротой выросла, бабушка заменила ей мать и с детства учила: «Я, Настенька, в семье о тридцати душ жила, скандалу не знала». Бабушкино слово Анастасия Дмитриевна всегда высоко ценила и по сию пору помнит ее мудрые наставления и ловкие руки. Всему её бабушка научила: и прясть, и ткать, и кружева вязать, и крестьянскому и домашнему делу, и любви к чистоте и порядку.

Шестнадцати лет Анастасия вышла замуж. Старикку свёкру сноха сразу полюбилась. Даром что вовсе девчонка, а к работе охоча, и весела, и приветлива, и перед нуждой не спасовала. Избенка у них тогда была совсем крошечная, хозяйство слабое. Иван только-только из армии вернулся, после гражданской. Время трудное. Ну, а молодой – хоть бы что! За день наработается, набегается, а к вечеру наденет новые башмачки, своими руками сделанные, на веревочной подошве, и пойдут с Иваном на вечеринку. А Иван в ту пору с жены глаз не сводил. Она и песенница была, и плясать часами не уставала.

Так и следовало – наплясаться надо было вперёд: как дети пошли, для плясок и гулянья времени уж того не стало.

Работала Анастасия в пекарне, километра четыре от дома. В обед грудного кормить ходила. Да не то слово – ходила. Коли никто не подвезет, бывало, бегом бегала. А когда вечером домой возвращалась, казалось, каждая жилочка, каждая косточка отдохнуть просилась. Но удивительное дело: увидит детей – и сразу усталость исчезает. И накормит, и приласкает, и укачает, и дел домашних грудку переделает. «Видно, такая уж у меня натура, – говорила Анастасия Дмитриевна. – Природой я приспособлена, чтоб много детей вырастить». А свекор только побряхтывал, глядя на невестку. Пожалеть бы, но ее будто и жалеть не приходится: веселая.

Старший, Коля, рос крепеньким, обходилось как-то без болезней. Зато уж с Митей ей досталось... Три недели было мальчику – экзема какая-то привязалась. К врачу пошла, но лекарства не помогли. Чего только не прикладывала, чем не мазала! Всеми ночами кричал

ребенок, мучился. И большие полугодом эта напасть длилась. Анастасия не знала, когда и спала. А потом и вовсе худо стало. Насоветовала бабка какая-то лампадным маслом намазать. От бабкиного рецепта стал Митенька совсем плох. На счастье, рассказал кто-то, что живет верстах в пятидесяти женщина одна, хорошо травами лечит. Собралась Анастасия с ребенком, захватила единственную хорошую вещь, какая у нее в сундуке была, – вышитую узорчатую скатерть, и поехала. Лекарка Митю осмотрела, велела немедленно овсяный сноп запарить и купать мальчика в той воде. Вернулись к ночи. Пока муж по соседям бегал, овса спрашивал да из-под снега на соседнем дворе те колосья откапывал, Анастасия печь топилась, сына по хатенке туда-сюда носила. Последнюю надежду в лекаркин совет вложила. И не напрасно: через недельку Митеньке полегче стало. Свежей, здоровой кожей покрылись больные места. Но она еще долго дня не пропускала без целебного купания. К годичку от страшной болезни следа не осталось. А у матери в душе след остался глубокий: силу она свою материнскую почувствовала, поняла, сколько может мать ради ребенка своего вынести.

В тридцатом году организовался у них в селе колхоз. Иван работал на железной дороге, а в свободное время колхозной кузнице помогал. Анастасия тоже в колхоз пошла.

А дома – уже трое, потом и четверо. Девятилетний Коля за старшего, семилетний Митя за ним тянется. Оба к отцовской работе приглядываются, похоже – тоже растут мастера. А пока что маленьких нянчат. Что ж делать, когда старшей сестренки нет, а Васеньке только пятый пошел, Виталик и вовсе двухлетний. «Ничего, – говорила мать старшим, – вы у меня уже большие.

Но в час жестокой муки представились они ей все четверо одинаково маленькими и беспомощными. Сознание меркло и прояснялось и возвращало ей одно и то же видение: белоголовые худенькие детишки – четверо сыновей – испуганно смотрят на ее помертвевшее лицо. На этот раз роды были неблагоприятны. День сменялся ночью, ночь утром, а она, не помня уже ни о чем, кроме детей, все боролась и изнемогала в борьбе. Сквозь беспомыслие почувствовала, что её внесли в вагон. Потом все смешалось – стук колес, толчки, вихри боли и острая тоска: дети!

В Курске, в больнице, когда все уже было готово к операции, врачу удалось придать ребенку правильное положение. На нее в последний раз набросилась яростная боль, и все кончилось. Только тихое движение вокруг, и голоса, и крик новорожденного.

Иван Яковлевич ждал внизу. Вышла сестра, сказала: «Все обошлось. Сын у вас». Он добрался до скамейки, присел. Сильные ноги не держали. Так их стало пятеро – ребятишек Горюшкиных.

Вскоре в семью пришли перемены. Иван Яковлевич – мастер хороший, ко всякому делу способный. Пригласили его в Москву, мельницы сложные налаживать. Предстояло сниматься с места, начинать новую, незнакомую жизнь. Анастасия Дмитриевна беспокоилась за детей. Мальчики деревенские. Дома и сноровисты, и смышлены. А как-то еще в городе привыкнут? Она старалась, чтобы ребята от других не отличались, не чувствовали себя чужими. Быстро пригляделась к городским, прикинула что к чему. У нее семья большая, доходы не больно велики. Ну а голова-то и руки на что? На рынке покупала поношенное. Выстирает в горчице, отутюжит, раскроит. Уж и построчила ее машинка на своем веку! И брюк, и пиджаков, и рубашек понашито – целый магазин. Ходили ребята всегда чистые, все пуговички на месте, ни дырочки. Еще и другие им в школе завидовали, такие она им ладные гимнастёрочки сделала. Что ж, у нее руки-то свои, некупленные. Как говорится, две и обе правые.

Скоро ребята в городе освоились, в учебе тоже от московских нисколько не отставали, в школе их часто другим в пример ставили. Только как-то раз говорят на родительском собрании, что Митя мальчику одному рубашку порвал. Анастасия Дмитриевна удивилась и расстроилась: как Митя такое мог. «Мы, – говорит, – рубашку обязательно купим». Тут классный руководитель слово берет. «С Горюшкиными детьми это первый случай, и совсем нечаянный. Вот, – говорит, – товарищи, в этой семье семь человек детей и четверо школьников. Все на «хорошо» и «отлично» учатся». Мать того мальчика, кому рубашку Митя порвал, рукой машет: «Да не надо никакой рубашки покупать, что вы! Лучшие расскажите о вашей семье». Один папаша пожаловался: «Вот у меня один сын. И коньки ему, и лыжи, и мячи разные, и занимаемся с ним. Но нет успеха». – «А у нас, – отвечает Анастасия Дмитриевна, – одни лыжи на всех, и на коньках бегают по очереди. А чтоб разодрались или один другому не уступил – такого еще не бывало».

В Москве родилась у Горюшкиных первая дочка, Римма, а потом и еще одна – Лида. «Ну вот, и нашего полку прибыло», – шутила Анастасия Дмитриевна. Однако прибыло и работы. Но ребята с малых лет старались чем-нибудь да помочь. Каждый свое дело знал, всегда спрашивали: «Мама, мне что сделать?» А принуждать никогда никого не приходилось. Отец был, правда, строгий, его побаивались. Но Анастасия Дмитриевна никогда и голоса не повышала, не то чтобы обругать. «Может, есть у меня призвание материнское. Ни с одним воевать не пришлось». Только часто говорила детям: «Живите так, чтоб друг другу не мешать, чтоб каждому у себя дома хорошо было». А про себя думала: «Оно, правда, большая семья – нелегко. Но ведь она и самая верная школа: как у другого человека кусок не рвать, как другому на ноги не наступать, не об одном себе думать». И вспоминала, в каком тихом отчаянии встретили их появление соседи по квартире. Пятеро мальчишек самого буйного возраста и две маленькие девочки впридачу. Сосед – художник, ему покой нужен. А тут такая армия! Но страхи не оправдались: ребята в квартире не шумели, дверями не хлопали. А если забудутся и какое-нибудь замечание получат, сразу извинятся и уж не повторят. С соседями стали Горюшкины самыми хорошими друзьями.

Об одном Анастасия Дмитриевна беспокоилась: только бы дети к неправде не приучились. Коли ребенок не слушается или нагрубит – оно сразу видно, сразу можно и помочь беде... А неправда – враг скрытный, очень опасный. Но как ни боялась неизвестности, как ни хотела знать все про каждого, никогда не допускала наушничества. «Мам, Митя сказал, что во дворе был, а сам с мальчишками в кино ходил»... «Мама, Васю вчера из класса выгнали, а говорит – замечаний не было»... Анастасия Дмитриевна морищилась, как от боли, сухо отвечала: «Один вруном может вырасти – для меня горе; другой доносчиком – это уж горе вдвойне. Ты бы с ним лучше поговорил, чтобы признался, если совесть не потерял. А такая твоя правда предательством пахнет, мне ее не нужно». Помогало. Ложь ребята невзлюбили, друг за другом строго следили, но не ябедничали.

Каждый раз, как появлялся в семье новый малыш, Анастасия Дмитриевна приказывала себе: «Не забывай, мать остальных. Чтоб никакая злая ревность промеж их не появилась».

Анастасия Дмитриевна часто думала: «Разные дети: один – живой, другой – медлительный, один все на лету хватает, другой – старанием берет; у одного уж теперь решительность видна, другой – мягкий, добрый». Разные дети растут, и любит она их по-разному. Одного как-то весело, другого будто со скрытой жалостью, третьего – тревожно. Но всех – одинаково сильно, никому предпочтения. Оттого, видно, нет между ними обид и злобы, а сызмальства крепкое товарищество. И потому, что меж собой привыкли жить мирно, с другими ребятами в драки тоже не лезли.

Так жили Горюшкины до сорок первого года.

Кажется, нет страшнее слова, чем слово «война». Ну а что она для матери восьмерых детей – всякий понять может.

Иван Яковлевич ушел на фронт в первые же дни войны, Анастасия Дмитриевна с двумя маленькими девочками, беременная на последнем месяце, поехала в деревню к свекру, куда еще в начале июня отправила сыновей. Навстречу ей шли поезда с ранеными и беженцами, на запад двигались военные эшелоны.

Бойцы освобождали место на нарах, помогали взбираться в высокие теплушки, занимались с Риммой и Лидой. Расставаясь, целовали детей, как своих, все выглядывали из открытых дверей вагона. А дети долго махали им вслед...

В августе родилась Валентина. Анастасию Дмитриевну терзала мысль: «Уезжать надо, война на нас надвигается, все ближе подходит». Но как тронуться с такой семьей? А тут и вовсе слегла. Бил озноб, палил жар. Прежде никогда не бывало у нее такой тяжелой грудницы. Сожгла болезнь молоко в груди. Теперь одна надежда – на свёкрину Буренку.

Ранняя суровая зима сковала землю. Ребята сгрудились в дедовой избенке, прислушивались к орудийным залпам.

Приближался фронт. Коля с Митей вырыли яму, уложили туда зерно, сало. В другом конце двора еще тайник сделали – туда запрятали свои книжки. У Коли собрание Пушкина было, дареное, любимое. Каждый томик в бумагу да в тряпки завертывал, губы кусал, чтоб не расплакаться. И только со всем управились, – немцы село заняли.

А на следующий день под вечер по каким-то своим соображениям постановило немецкое начальство выгнать из большого села Переволочное всех жителей. Мороз стоял лютый. Растянулась на ночь глядя по дороге длинная колонна – женщины, дети, старики.

И Анастасия Дмитриевна со своими восемью ребятами. Правда, старшие, Коля и Митя, уж теперь за взрослых мужчин действовали. Нашли где-то лошадь, запрягли. В сани уложили кое-какие пожитки и младших детей усадили. До деревни, куда велено было переселяться, – километров тридцать.

Приближалось утро, когда слежавшийся, твердый, как камень, бугор между колеями пробил сани, все их содержимое выпало на дорогу. Коля с Митей, оставив лошадь, принялись связывать, сколачивать сани. Работали почти молча, понимали друг друга с полуслова. Анастасия Дмитриевна кутала, согревала дыханием малышкой и наблюдала за работой старших. «Одному пятнадцать, другому тринадцать. А как сноровисто, умно работают», – подумала она. Стоя посреди поля морозной ночью с малыми детьми, когда вокруг горели деревни, а впереди ждала неизвестность, – посреди всего этого ада мать все-таки не могла не полюбоваться, не порадоваться на своих сыновей.

Сани ребята починили. К утру кое-как, чудом не заморозив никого из детей, добрались до назначенной им деревни, втиснулись в переполненную людьми избу.

В тот раз немцы продержались в Переволочном всего две недели. Село уцелело, Анастасия Дмитриевна с детьми вернулась туда.

Коля и Митя стали работать на железной дороге. Сначала смазчиками, потом осматриками вагонов. А дело это ответственное. Машинисту, может, за пятьдесят, а осматрику всего-навсего четырнадцать. А нипочем не уступит: коли тормоз не в порядке, ни за что состав не отправит. Потому что свое дело понимает и ответственность чувствует.

Как-то приехала Анастасия Дмитриевна на станцию, повстречала начальника, у которого Коля с Митей работали. Поздоровалась. А тот другому товарищу, что с ним был, объясняет:

– Это мамаша наших орлов, братьев Горюшкиных.

Она даже вспыхнула от удовольствия, усмехнулась: орлы-то на вид совсем воробышки.

В июне сорок второго начался новый немецкий прорыв. Николай успел уйти пешком, вплавь перебрался через Дон. Анастасия Дмитриевна с ребятами уйти не смогла, сразу за селом увидела немецкие танки.

Вечером в сарае ее окликнул мужской голос:

– Хозяйка, дай переодеться...

Она задрожала: что, коли найдут? Ведь по всем домам рыщут. А при ней детей семеро...

– Принеси чего-нибудь гражданское, я сразу уйду.

Она бросилась в дом, выхватила из сундука дедовы штаны и пи-джак. И в ту же секунду услышала автоматную очередь. Глянула в окно – на другой стороне улицы, раскинув руки, лежал русский боец. «Нет, нельзя ему выходить, подстрелят. И в сарае держать нельзя: найдут – всех жизни лишат». Она провела солдата в избу, сунула в горящую печь военное обмундирование, показала на сен-ник, разостланный на полу:

– Ложись рядом с ребятишками. Если что, скажу – муж.

Немцы пришли под утро. Один ткнул пальцем в грудь мужчины.

– Сольдат?

А тот стоял, держа на руках Лиду. Девочка прижалась к нему, обняв незнакомого дядю за шею.

– Нет, не солдат, – вмешалась Анастасия Дмитриевна. – Это мой муж. – Показала по очереди на всех детей: – Много! Не брали. И больной. – Она взялась за грудь, кашлянула.

Несколько секунд немец раздумывал. Даже дети замерли, стояли как каменные. Потом немец повернулся и вышел из избы. В сарае и во дворе ничего не нашли.

А днем Анастасия с «мужем» и Митей пошли косить. За лугами лес. Митя проводил солдата до опушки. Она издали смотрела, как они медленно шли по направлению к лесу, мужик с косой и деревенский мальчишка...

Анастасия Дмитриевна вернулась домой в Москву после победы советских войск на Курской дуге. Соседи поражались: как только с такой оравой цела осталась? Ни одного не потеряла. В рубашке, видно, родилась, счастливая.

– Счастливая, – соглашалась Анастасия Дмитриевна и, вспоминая пережитое, повторяла: – Да, счастливая.

В тот же год, единственный раз за всю войну, повидалась с мужем. Позади три года войны. Впереди –еще год. А между ними –десять дней солдатского отпуска.

Муж писал с фронта: «Предчувствие у меня: родится сын – я живой вернусь».

...Шли последние месяцы войны – с торжественными салютами, нетерпеливым ожиданием мира и обостренной тревогой.

Анастасия Дмитриевна ждала рождения девятого ребенка. Почему-то она тоже поверила: эта новая, зреющая в ней жизнь защитит их от беды... Муж действительно вернулся невредимым.

И вот она, победа! Взлетали вверх пестрые гроздья огней, плясал в небе голубой свет прожекторов, смеялись, целовались и плакали люди. Анастасия Дмитриевна вышла на улицу, стала на набережной Москвы-реки неподалеку от дома. Ребята стояли рядом. Она, мать, и ее дети тоже были победителями, все – от старшего Коли до двухмесячного, тихо спавшего у нее на руках Сашеньки.

Чем была заполнена жизнь матери все дни и годы, которые после того великого дня уже сложились в целую четверть века? Готовила, убирала, шила, стирала, гладила, вязала, кормила, лечила... Всегда вставала не позже шести. Хоть и добрыми помощниками были дети, но дел хватало. Но если бы только это – какая бы она была мать? Тянулись за полночь задушевные разговоры – тихонечко, «один на один с мамой». Советовала, подбадривала, одобряла, вразумляла. Дети выросли, умнели, получали образование. Но никто из них ни разу не высказал пренебрежения к ее мнению. Она оставалась совестью, мудростью, нравственным центром семьи. Были будни и праздники, отъезды и возвращения, были свадьбы, новоселья, рождение внуков. Но больше всего, да, кажется, больше всего было... экзаменов. Выпускные, вступительные, курсовые, государственные... Она каждый раз волновалась, бегала к телефону. Иногда звонок огорчал, чаще радовал: ребята у нее упорные, почти все работали и учились одновременно.

После войны Коля и Митя, оба железнодорожники, рабочие люди, пошли в вечернюю школу. Нелегкое это дело, работать и учиться. Иные, может, могут кое-как тянуть, а Коля с Митей каждую задачку решат, каждую страничку выучат. Бывало, все спят давно, а эти над книжками корпят. Мать и радовало такое усердие и жалко было ребят. Старалась получше накормить, а время тяжелое, послевоенное. Зато уж и порадовали они ее! Коля в особенности – медаль получил, поступил на вечернее отделение строительного института. А еще через несколько лет мать развернула плотный переплет диплома. Расплылись перед глазами буквы – стала она слаба на слезы в счастливые минуты жизни.

– Ну, сынок, ты у нас первая ласточка.

Митя кончил автодорожный техникум, и тоже без работы ни одного дня, с четырнадцатью лет. «Орлы брата Горюшкины», – вспоминала мать. А чем не орлы? За таких сынов краснеть не приходится. Теперь Николай – главный инженер в Газопроекте, Митя – начальник цеха. Митя – человек веселый, решительный, рабочие его любят, парторгом избрали.

Этим-то, старшим, особенно много тяжести пришлось вынести. Другим путь выдался полегче. И чем младше, тем легче. Вася вон и в школе, и в техникуме на дневном учился. Только уж после армии в авиационный институт на вечернее пошел. И тут чуть было не вышла в его жизни заминка.

Поехал парень отдохнуть в деревню, познакомился там с девушкой, и полюбили друг друга без оглядки. Приезжают вдвоем. Анастасия Дмитриевна, по правде сказать, расстроилась: «Ну-ко учебу бросит! В институт только что поступил» ... Но не такой она человек, чтобы сыновней любви поперек дороги становиться. Приняла Тамару в семью как родную дочь. Побегала по магазинам, матери набрала, платье ей, помнится, первое модное чтоб к лицу было и со вкусом. Ходила с ней по городу, Москву показывала, учила разному рукоделию. Потом устроила на работу по швейному делу. А вскоре стали маленького ждать.

Тут-то Вася и решил было: «Брошу институт. У меня семья, зарабатывать надо побольше, а не на шее у остальных сидеть». А братья старшие не дали. Как узнали, оба за него взялись: «Ты это оставь, – говорят, – у нас хлеб неделеный. И чтоб в мыслях у тебя не было. Ради лишнего рубля институт бросить не позволим».

Мать в тот разговор не вмешивалась. Сидела на краю стола, чашки перетирала. А в груди так и разливалась радость: вот они какие хорошие выросли! И казалось ей, что давным-давно, еще когда пеленала их, совсем беспомощных, мечтала вот о таком: как будут стоять друг за друга, охранять друг друга от неверного шага, помогать в трудную минуту. И думала: «От братской любви не только своим хорошо, она ж от всякого зла уберезет. Как, к примеру, Митенька, или Коля, или вот Вася наш может человеку ни за что вред причинить? У них душа не потерпит».

Не заладилась все-таки Васина семейная жизнь. Ребёнок у них умер, разлюбила Тамара Васю, ушла от него к другому человеку.

Оно, конечно, обидно материнскому сердцу и никак этого не понять. Но осуждать не хотела. Ни разу плохим словом ни вслух, ни про себя невестку не обругала. И до сей поры – годы прошли – они в хороших отношениях: Тамара по телефону позвонит, о жизни своей расскажет, по-прежнему мамой зовет. И у Васи боль и обида ненавистью не обернулись. Уж с год тому было, как они расстались, а пришло время Тамаре в техникуме диплом делать, – Вася ей помогал. Мать, когда узнала, даже растерялась. Чудно вроде. А Вася говорит: «Что ты, мама, удивляешься? Одно к другому не касается. Неужели я ей помочь откажусь, если в силах?» Анастасия Дмитриевна головой покачала, улыбнулась и задумалась: «Иной человек за свою маленькую обиду на весь мир обозлится. Ему на мозоль наступят, а он в отместку норовит голову снести. Не такие у меня дети, и слава богу, от доброго дела не оскудеют».

Вот и Витя тоже – уж этот для людей готов гору своротить. Его потому и в депутаты второй раз избирают. Он как кончил авиационный техникум – на завод пошел. И вот уж шестнадцать лет там работает. Институт без отрыва кончал, а теперь и еще один диплом получил, по кибернетике. «Ты ж когда, сынок, отучишься?» А он смеется: «Надо, мама, мне необходимо».

Да она так, шутя спрашивает. Сама понимает: надо. Ведь он над многими инженерами старший, начальник бригады конструкторов. Ну да Витю не очень-то обойдешь. Он способный. И веселый, живой. Младшие, Саша с Сережей, к нему так и тянутся. Рыб они вместе развели – целое царство подводное. Каких у них там только чудес нет! По вечерам все колдуют с аквариумами и с насосами. А недавно Витя получил комнату, переехал на новую квартиру. Хлопочут теперь все, и братья, и сестры, помогают брату устраиваться. Саша с Сережей пол циклюют. Лида занавеси какие-то красивые, особенные раздобыла. Все стараются. А Витя перед отъездом отцу с матерью подарок преподнес – телевизор. Большой, самый что ни на есть новейший. «Да зачем ты, Витенька, так потратился, тебе вон сколько сейчас надо покупать». А он и слушать не хочет: «Это для вас теперь самая нужная вещь, чтобы не скучать». И то сказать, большая четырехкомнатная квартира кажется нынче Анастасии Дмитриевне пустоватой. Когда-то здесь все десять жили, потом жен, мужей сюда приводили, внуки здесь росли. Бывали времена – до двадцати пяти человек вместе одной семьей жили. И все вокруг нее, как вокруг оси, двигалось. Теперь почти все дети квартиры получили.

Коля, Римма и Лида в одном подъезде живут. Они каждый день друг с другом видятся, с ребятами справляться друг другу помогают – в детский садик отвести или из школы встретить. Да и матери это удобно. Приедешь, так уж сразу наведишь троих детей и четверых внуков.

У Коли двое детей. Юра в школу пошел, Ирочка – в детский садик. Жена – женщина деловая, энергичная. И работать успевает, и квартира у нее блестит, и дети в порядке, и рукодельница отменная. Шить да вязать еще у Анастасии Дмитриевны выучилась, пока вместе жили. А привезла ее Анастасия Дмитриевна сама, из Риги. Был Николай в Риге на практике и познакомился там со студенткой. Полюбили друг друга, но жить предстояло в разных концах. «Ну нет, – думает Анастасия Дмитриевна, – так у них может неладно выйти». Собралась сама и поехала. Познакомилась с девушкой, подружилась. И привезла с собою в Москву: «Здесь доучишься».

У невестки характер сильный, независимый. Но и другое в ней есть – слишком суровая бывает. Замечает Анастасия Дмитриевна, а выговаривать не торопится. Знает: у молодой женщины и самолюбие можно задеть, и доверия ее лишиться. Но и мимо недостатков тоже не проходила, как-нибудь да найдет возможность осторожно поговорить. Не замечания делала – советы давала. «Ты можешь, дочка, этим себе навредить, у себя, у семьи своей хоть сколько-то радости, а отнять. А ее, радость, больше всего беречь надо. Дороже ее на свете ничего и нету».

Никогда невестка на Анастасию Дмитриевну не обижалась, многому у нее научилась.

Когда Анастасия Дмитриевна приходит к Римме, пятилетний Мишенька так и кидается к бабушке на шею. Уж с Мишенькой-то они друзья закадычные! По правде сказать, от этого друга у бабушки не один волос поседел. Привезла Римма мальчика больного-пребольного, с дизентерией. Год три месяца ребенку, а в чём душа держится. Глянула Анастасия Дмитриевна и за сердце схватилась. Сразу тут все меры. Тем же днём в больницу, консультанта вызвала, всю семью на ноги подняла. Лекарство для Мишеньки редкое доставали, плазму, кровь переливали. Спасли. А уж потом бабушка Мишеньку от себя два с половиной года не отпускала, осторожно выхаживала, пока Риммочка с мужем в Москву не вернулась.

Мишенька теперь в детский сад ходит. А Римма и Боря очень заняты. Она работает и учится. Боря экзамены в аспирантуру сдаёт. Мишенька иной раз бабушке позвонит: «Бабуль, приезжай, соскучился». Она и побросает свои дела, поедет.

Дочки Римма и Лида – подруги душевные. Между ними разница небольшая, всего два года. И все у них похоже – и характеры и жизнь. Обе после десятилетки в институт по конкурсу не прошли. Слёз тут было, расстройств! Обе учились на заочном, обе инженеры. Лидиному мальчику, Алешеньке, четыре года исполнилось. И одна и другая всё успевают, не жалуется. По ним и не скажешь, что забот полон рот. Как ни придешь – свежие, приветливые, за собой следить успевают. А ведь бывают женщины – за мамкой да за нянькой живут и всё им времени и сил не хватает. Да оно и не удивительно: её-то дети с детства привыкли время рассчитывать, поворачиваться быстро, от обилия дел в раздражение не приходится.

Вот и Саша, бывало, из армии писал: «Тут, мама, некоторым белоручкам трудно привыкать – порядок строгий. А для меня это все чепуха, я и пол вымою и любую другую работу сделаю. Так что спасибо за то, что ко всякому делу нас приучила».

Раза два посылали Сашу в Москву на парад – видно, не хватался, вправду служил хорошо. А вернулся из армии – ни одной недельки без дела не провел. Сразу на завод поступил и на подготовительные курсы в институт.

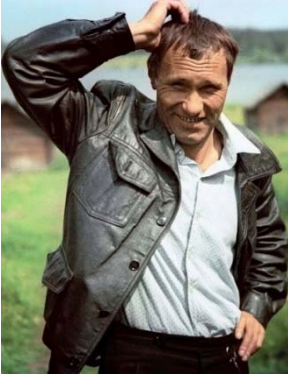
«Ох, – беспокоится мать, – предстоят нынче опять волнения. Нет страшней экзаменов, чем вступительные».

Из всех ее ребят только младший, Сережа, учится на дневном отделении в Бауманском. И подумать только, именно он в сессии экзамен завалил. Стыд просто! Сережа и сам сильно переживал, уж потом учил-переучил. И перед братьями краснел. Но чтобы скрыть – этого у них и в заводе не бывало.

Анастасия Дмитриевна вынимает фотографии. На столе их целая гора. На них запечатлены десятки эпизодов и сцен: Лида на практике, Николай на рыбалке, Римма рубит капусту для засолки. В жаркий день на даче ребята поливают друг друга из шланга. Фотографии классов, студенческих групп, товарищей, подруг, семейных праздников...

Самый большой, самый торжественный праздник – день рождения матери. К этому дню стараются вернуться из командировок, до этого дня оттянуть необходимый отъезд. В доме опять бывает очень тесно. «В тесноте, да не в обиде», – обычно повторяют, усаживаясь за стол. А мать про себя поправляет: «В тесноте, да в радости»¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Могилевская, Г. Л. Трудное счастье / Г. Л. Могилевская. – Москва: Советская Россия, 1970. – С. 3–16.

**В.М. Шукшин
(1929–1974 гг.)**

**Русский, Советский писатель,
кинорежиссёр, актёр**

«Осенью»

«Паромищик Филипп Тюрин дослушал последние известия по радио, поторчал ещё за столом, помолчал строго...

– Никак не могут уняться! – сказал он сердито.

– Кого ты опять? – спросила жена Филиппа, высокая старуха с мужскими руками и с мужским басовитым голосом.

– Бомбят! – Филипп кивнул на репродуктор.

– Кого бомбят?

– Вьетнамцев-то.

Старуха не одобряла в муже его увлечение политикой, больше того, это дурацкое увлечение раздражало её. Бывало, что они всерьёз ругались из-за политики, но сейчас старухе не хотелось ругаться – некогда, она собиралась на базар. Филипп, строгий, сосредоточенный, оделся потеплее и пошёл к парому. Паромищиком он давно, с войны. Его ранило в голову, в наклон работать – плотничать – он больше не мог, он пошёл паромищиком.

Был конец сентября, дуло после дождей, наносило мразь и холод. Под ногами чавкало. Из репродуктора у сельмага звучала физзарядка, ветер трепал обрывки музыки и бодрого московского голоса. Свиный визг по селу и крик петухов был устойчивей, пронзительней.

Встречные односельчане здоровались с Филиппом кивком головы и поспешали дальше – к сельмагу за хлебом или к автобусу, тоже на базар торопились.

Филипп привык утрами проделывать этот путь – от дома до парома, совершал его бездумно. То есть он думал о чем-нибудь, но никак не о пароме или о том, например, кого он будет переправлять целый день. Тут всё понятно. Он сейчас думал, как унять этих американцев с войной. Он удивлялся, но никого не спрашивал: почему их не двинут нашими ракетами? Можно же за пару дней всё решить. Филипп смолоду был очень активен. Активно включился в новую жизнь, активничал с колхозами... Не раскулачивал,

правда, но спорил и кричал много – убеждал недоверчивых, волновался. Партийцем он тоже не был, как-то об этом ни разу не зашёл разговор с ответственными товарищами, но зато ответственные никогда без Филиппа не обходились: он им от души помогал. Он втайне гордился, что без него никак не могут обойтись. Правилось накануне выборов, например, обсуждать в сельсовете с приезжими товарищами, как лучше провести выборы: кому доставить урну домой, а кто и сам придёт, только надо сбегать утром напомнить... А были и такие, что начинали артачиться: «Они мне коня много давали – я просил за дровами?..» Филипп прямо в изумление приходил от таких слов. «Да ты что, Егор, – говорил он мужику, – да рази можно сравнивать?! Вот дак раз! Тут политическое дело, а ты с каким-то конём: спутал телятину с...» И носился по селу, доказывал. И ему тоже доказывали, с ним охотно спорили, не обижались на него, а говорили: «Ты им скажи там...» Филипп чувствовал важность момента, волновался, переживал. «Ну народ! – думал он, весь объятый заботами большого дела. – Обормоты дремучие». С годами активность Филиппа слабела, и тут его в голову-то шваркнуло – не по силам стало активничать и волноваться. Но он по-прежнему все общественные вопросы принимал близко к сердцу, беспокоился.

На реке ветер похаживал добрый. Стегал и толкался... Канаты гудели. Но хоть выглянуло солнышко, и то хорошо.

Филипп сплавал туда-сюда, перевёз самых нетерпеливых, дальше пошло легче, без нервов. И Филипп наладился было опять думать про американцев, но тут подъехала свадьба... Такая – нынешняя: на легковых, с лентами, с шарами. В деревне теперь тоже завели такую моду. Подъехали три машины... Свадьба выгрузилась на берегу, шумная, чуть хмельная... весьма и весьма показушная, хвастливая. Хоть и мода – на машинах-то, с лентами-то, – но ещё редко, ещё не все могли достать машины.

Филипп с интересом смотрел на свадьбу. Людей этих он не знал – нездешние, в гости куда-то едут. Очень выламывался один дядя в шляпе... Похоже, что это он добыл машины. Ему всё хотелось, чтоб получился размах, удадь. Заставил баяниста играть на пароме, первый пустился в пляс – покрикивал, дробил ногами, смотрел орлом. Только на него-то и смотреть было неловко, стыдно. Стыдно было жениху с невестой – они трезвее других,

совестливее. Уж он кобенился-кобенился, этот дядя в шляпе, никого не заразил своим деланным весельем, устал... Паром переплыл, машины съехали, и свадьба укатила дальше.

А Филипп стал думать про свою жизнь. Вот как у него случилось в молодости с женитьбой. Была в их селе девка Марья Ермилова, красавица. Круглоликая, румяная, приветливая... Загляденье. О такой невесте можно только мечтать на полатах. Филипп очень любил её, и Марья тоже его любила – дело шло к свадьбе. Но связался Филипп с комсомольцами... И опять же: сам комсомольцем не был, но кричал и ниспровергал всё наравне с ними. Нравилось Филиппу, что комсомольцы восстали против стариков сельских, против их засилья. Было такое дело: поднялся весь молодой сознательный народ против церковных браков. Неслыханное творилось... Старики ничего сделать не могут, злятся, хватаются за бичи – хоть бичами, да исправить молокососов, но только хуже толкают их к упорству. Весёлое было время. Филипп, конечно, тут как тут: тоже против веньчанья. А Марья – нет, не против: у Марьи мать с отцом крепкие, да и сама она окончательно выпряглась из передовых рядов: хочет венчаться. Филипп очутился в тяжёлом положении. Он уговаривал Марью всячески (он говорить был мастер, за это, наверно, и любила его Марья – искусство, редкое на селе), убеждал, сокрушал темноту деревенскую, читал ей статьи разные, фельетоны, зубоскалил с болью в сердце... Марья ни в какую: венчаться, и всё. Теперь, оглядываясь на свою жизнь, Филипп знал, что тогда он непоправимо сдупил. Расстались они с Марьей, Филипп не изменился потом, никогда не жалел и теперь не жалеет, что по-сильно, как мог участвовал в переустройстве жизни, а Марью жалел. Всю жизнь сердце кровью плакало и болело. Не было дня, чтобы он не вспомнил Марью. Попервости было так тяжело, что хотел руки на себя наложить. И с годами боль не ушла. Уже была семья – по правилам гражданского брака – детишки были... А болело и болело по Марье сердце. Жена его, Фёкла Кузовникова, когда обнаружила у Филиппа эту его постоянную печаль, возненавидела Филиппа. И эта глубокая тихая ненависть тоже стала жить в ней постоянно. Филипп не ненавидел Фёклу, нет... Но вот на войне, например, когда говорили: «Вы защищаете ваших матерей, жен...», Филипп вместо Фёклы видел мысленно Марью. И если бы случилось погибнуть, то и погиб бы он с мыслью о Марье. Боль не ушла с годами, но, конечно, не жгла так, как жгла первые женатые годы. Между прочим, он тогда и говорить стал меньше. Активничал по-прежнему, говорил, потому что надо было убеждать людей, но всё

как будто вылезал из своей большой горькой думы. Задумается-задумается, потом спохватится – и опять вразумлять людей, опять раскрывать им глаза на новое, небывалое. А Марья тогда... Марью тогда увезли из села. Зазнал её какой-то (не какой-то, Филипп потом с ним много раз встречался) богатый парень из Краюшкина, приехали, сосватали и увезли. Конечно, венчались. Филипп спустя год спросил у Павла, мужа Марьи: «Не совестно было? В церкву-то пошёл...». На что Павел сделал вид, что удивился, потом сказал: «А чего мне совестно-то должно быть?» – «Старикам-то поддался». – «Я не поддался, – сказал Павел, – я сам хотел венчаться». – «Вот я и спрашиваю, – растерялся Филипп, – не совестно? Старикам уж простительно, а вы-то?... Мы же так никогда из темноты не вылезем». На это Павел заматерился. Сказал: «Пошли вы!..» И не стал больше разговаривать. Но что заметил Филипп: при встречах с ним Павел смотрел на него с какой-то затаённой злостью, с болью даже, как если бы хотел что-то понять и никак понять не мог. Дошёл слух, что живут они с Марьей неважно, что Марья тоскует, Филиппу этого только не хватало: запил даже от нахлынувшей новой боли, но потом пить бросил и жил так – носил постоянно в себе эту боль-змею, и кусала она его и кусала, но притерпелся.

Такие-то невесёлые мысли вызвала к жизни эта свадьба на машинах. С этими мыслями Филипп ещё поплавал туда-сюда, подумал, что надо, пожалуй, выпить в обед стакан водки – ветер пронизывал до костей и душа чего-то закулила. Заныла, прямо затревожилась.

«Раза два еще сплаваю и пойду на обед», – решил Филипп.

Подплывая к чужому берегу (у Филиппа был свой берег, где его родное село, и чужой), он увидел крытую машину и кучку людей около машины. Опытный глаз Филиппа сразу угадал, что это за машина и кого она везёт в кузове: покойника. Люди возят покойников одинаково: у паромов всегда вылезут из кузова, от гроба, и так как-то стоят и смотрят на реку, и молчат, что сразу все ясно.

«Кого же это? – подумал Филипп, взглядываясь в людей. – Из какой-нибудь деревни, что вверх по реке, потому что не слышно было, чтобы кто-то поблизости помер. Только почему же – откуда-то везут? Не дома, что ли, помер, а домой хоронить везут?»

Когда паром подплыл ближе к берегу, Филипп узнал в одном из стоящих у машины Павла, Марьиного мужа. И вдруг Филипп понял, кого везут... Марью везут. Вспомнил, что в начале лета Марья ехала к дочери в город. Они поговорили с Филиппом, пока плыли. Марья сказала, что у дочери в городе родился ребёнок, надо помочь

пока. Поговорили тогда хорошо. Марья рассказала, что живут они ничего, хорошо, дети (трое) все пристроились, сама она получает пенсию. Павел тоже получает пенсию, но ещё работает, столярничает помаленьку на дому. Скота много не держат, но так-то всё есть... Индюшек наладилась держать. Дом вот перебрали в прошлом году: сыновья приезжали, помогли. Филипп тоже рассказал, что тоже всё хорошо пока, пенсию тоже получает, здоровьишком пока не жалуется, хотя к погоде голова побаливает. А Марья сказала, что у неё сердце чего-то... Мается сердцем. То ничего-ничего, а то как сожмёт, сдавит... Ночью бывает: как заломит-заломит, хоть плачь. И вот, видно, конец Марье... Филипп как узнал Павла, так ахнул про себя. В жар кинуло.

Паром стукнулся о шаткий припоромок (причал). Вдели цепи с парома в кольца припоромка, закличили ломиками... Крытая машина пробовала уже передними колесами бревна припоромка, брёвна хлябали, трещали, скрипели...

Филипп как замороженный стоял у своего весла, смотрел на машину. Господи, господи, Марью везут, Марью... Филиппу полагалось показать шофёру, как ставить на пароме машину, потому что сзади ещё заруливали две, но он как прирос к месту, все смотрел на машину, на кузов.

– Где ставить-то?! – крикнул шофёр.

– А?

– Где ставить-то?

– Да ставь... – Филипп неопределенно махнул рукой. Всё же никак он не мог целиком осознать, что везут мёртвую Марью... Мысли вихлялись в голове, не собирались воедино, в скорбный круг. То он вспоминал Марью, как она рассказывала ему вот тут, на пароме, что живут они хорошо... То молодой её видел, как она... Господи, господи... Марья... Да ты ли это?

Филипп отодрал наконец ноги с места, подошёл к Павлу.

Павла жизнь скособочила. Лицо ещё свежее, глаза умные, ясные, а санки никакой. И в глазах умных большая спокойная грусть.

– Что, Павел?... – спросил Филипп.

Павел мельком глянул на него, не понял вроде, о чём его спросили, опять стал смотреть вниз, в доски парома. Филиппу неловко было ещё спрашивать... Он вернулся опять к веслу. А когда шёл, то обошёл крытую машину с задка кузова, заглянул туда – гроб. И открыто заболело сердце, и мысли собрались воедино: да, Марья.

Поплыли. Филипп машинально водил рулевым веслом и всё думал: «Марьюшка, Марья...» Самый дорогой человек плывёт с ним

последний раз... Все эти тридцать лет, как он паромщиком, он наперечёт знал, сколько раз Марья переплывала на пароме. В основном всё к детям ездила в город; то они учились там, то устраивались, то когда у них детишки пошли... И вот – нету Марьи.

Паром подвалил к этому берегу. Опять зазвякали цепи, взвыли моторы... Филипп опять стоял у весла и смотрел на крытую машину. Непостижимо... Никогда в своей жизни он не подумал: что, если Марья умрёт? Ни разу так не подумал. Вот уж к чему не готов был, к её смерти. Когда крытая машина стала съезжать с парома, Филипп ощутил нестерпимую боль в груди. Охватило беспокойство: что-то он должен сделать! Ведь увезут сейчас. Совсем. Ведь нельзя же так: проводил глазами, и всё. Как же быть? И беспокойство всё больше овладевало им, а он не трогался с места, и от этого становилось вовсе не по себе.

«Да проститься же надо было!.. – понял он, когда крытая машина взбиралась уже на взвоз. – Хоть проститься-то!.. Хоть посмотреть-то последний раз. Гроб-то ещё не заколочен, посмотреть-то можно же!». И почудилось Филиппу, что эти люди, которые провезли мимо него Марью, что они не должны так сделать – провезти, и всё. Ведь если чье это горе, так больше всего – его горе, в гробу-то Марья. Куда же они её?.. И опрокинулось на Филиппа всё не изжитое жизнью, не истребленное временем, незабытое, дорогое до боли... Вся жизнь долгая стояла перед лицом – самое главное, самое нужное, чем он жив был... Он не замечал, что плачет. Смотрел вслед чудовищной машине, где гроб... Машина поднялась на взвоз и уехала в улицу, скрылась. Вот теперь жизнь пойдёт как-то иначе: он привык, что на земле есть Марья. Трудно бывало, тяжело – он вспоминал Марью и не знал сиротства. Как же теперь-то будет? Господи, пустота какая, боль какая!

Филипп быстро сошёл с парома: последняя машина, только что съехавшая, замешкалась чего-то... Филипп подошёл к шофёру.

– Догони-ка крытую... с гробом, – попросил он, залезая в кабину.

– А чего?.. Зачем?

– Надо.

Шофёр посмотрел на Филиппа, ничего больше не спросил, поехали. Пока ехали по селу, шофёр несколько раз присматривался сбоку к Филиппу.

– Это краюшкинские, что ли? – спросил он, кивнув на крытую машину впереди. Филипп молча кивнул.

– Родня, что ли? – еще спросил шофёр.

Филипп ничего на это не сказал. Он опять смотрел во все глаза на крытый кузов. Отсюда виден был гроб посередке кузова... Люди, которые сидели по бокам кузова, вдруг опять показались Филиппу чуждыми – и ему, и этому гробу. С какой стати они-то там? Ведь в гробу Марья.

– Обогнать, что ли? – спросил шофёр.

– Обгони... И сади меня.

Обогнали фургон... Филипп вылез из кабины и поднял руку. И сердце запрыгало, как будто тут сейчас должно что-то случиться такое, что всем, и Филиппу тоже, станет ясно: кто такая ему была Марья. Не знал он, что случится, не знал, какие слова скажет, когда машина с гробом остановится... Так хотелось посмотреть Марью, так это нужно было, важно. Нельзя же, чтобы она так и уехала, ведь и у него тоже жизнь прошла, и тоже никого не будет теперь... Машина остановилась.

Филипп зашел сзади... Взялся за борт руками и полез по железной этой короткой лесенке, которая внизу кузова.

– Павел... – сказал он просительно и сам не узнал своего голоса: так просительно он не собирался говорить. – Дай я попрощаюсь с ней... Открой, хоть гляну.

Павел вдруг резко встал и шагнул к нему... Филипп успел близко увидеть его лицо... Изменившееся лицо, глаза, в которых давеча стояла грусть, теперь они вдруг сделались злые...

– Иди отсюда! – негромко, жестоко сказал Павел. И толкнул Филиппа в грудь.

Филипп не ждал этого, чуть не упал, удержался, вцепившись в кузов. – Иди!.. – закричал Павел. И ещё толкнул, и ещё – да сильно толкал. Филипп изо всех сил держался за кузов, смотрел на Павла, не узнавал его. И ничего не понимал.

– Э, э, чего вы? – всполошились в кузове. Молодой мужчина, сын наверно, взял Павла за плечи и повлёк в кузов. – Что ты? Что с тобой?

– Пусть уходит! – совсем зло говорил Павел. – Пусть он уходит отсюда!.. Я те посмотрю. Приполз... гадина какая. Уходи! Уходи!.. – Павел затопал ногой. Он как будто взбесился с горя.

Филипп слез с кузова. Теперь-то он понимал, что с Павлом. Он тоже зло смотрел снизу на него. И говорил, сам не сознавая, что говорит, но, оказывается, слова эти жили в нем готовые:

– Что, горько?.. Захнал чужое-то, а горько. Радовался тогда?..

– Ты зато много порадовался! – сказал из кузова Павел. – А то я не знаю, как ты радовался!..

– Вот как на чужом-то несчастье свою жизнь строить, – продолжал Филипп, не слушая, что ему говорят из кузова. Важно было успеть сказать своё, очень важно, – Думал, будешь жить припеваючи? Не-ет, так не бывает. Вот я теперь вижу, как тебе все это досталось...

– Много ли ты-то припевал? Ты-то... Сам-то... Самого-то чего в такую дугу согнуло? Если хорошо-то жил – чего же согнулся? От хорошей жизни?

– Радовался тогда? Вот – нарадовался... Побирушка. Ты же побирушка!

– Да что вы?! – рассердился молодой мужчина. – С ума, что ли, сошли!.. Нашли время.

Машина поехала.

Павел ещё успел крикнуть из кузова:

– Я побирушка!.. А ты скулил всю жизнь, как пёс, за воротами! Не я побирушка-то, а ты!

Филипп медленно пошёл назад.

«Марья, – думал он, – эх, Марья, Марья... Вот как ты жизнь-то всем перекосила. Полаялись вот – два дурака... Обои мы с тобой побирушки, Павел, не трепыхайся. Если ты не побирушка, то чего же злишься? Чего бы злиться-то? Отломил смолоду кусок счастья – живи да радуйся. А ты радости-то тоже не знал. Не любила она тебя, вот у тебя горе-то и полезло горлом теперь. Нечего было и хватать тогда. А то приехал – раз, два – увезли!.. Обрадовались».

Горько было Филиппу... Но теперь к горькой горечи этой приметалась ещё досада на Марью.

«Тожже хороша: нет подождать – заусилась в Краюшкино! Прямо уж нетерпёж какой-то. Тожже толку-то было... И чего вот теперь?..»

– Теперь уж чего... – сказал себе Филипп окончательно. – Теперь ничего. Надо как-нибудь дожить... Да тожже собираться следом. Ничего теперь не воротить»¹⁰⁵.

¹⁰⁵ Шукшин, В. М. Рассказы / В. М. Шукшин. – Москва: Художественная литература, 1979. – С. 288–295.

**А.А. Фадеев
(1901–1956 гг.)**

**Русский, советский писатель.
Общественный деятель,
военный корреспондент.
Лауреат Сталинской премии
1-й степени (1946 г.)**

«Молодая гвардия»

«Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой, – он

был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои, – ведь им столько выпало работы в жизни, – но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать их прямо в тёмные жилочки.

Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжёлый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе. Я помню, как они сновали в мыльной пене, стирая мои простынки, когда эти простынки были ещё так малы, что походили на пелёнки, и помню, как ты в тулупчике, зимой, несла ведра на коромысле, положив спереди на коромысло маленькую ручку в рукавичке, сама такая маленькая и пушистая, как рукавичка. Я вижу твои с чуть утолщёнными суставами пальцы на букваре, и я повторяю за тобой: «бе-а – ба, ба-ба». Я вижу как сильной рукой своею ты подводишь серп под жито, сломленное жменью другой руки, прямо на серп, вижу неуловимое сверканье серпа и потом это мгновенное плавное, такое женственное движение рук и серпа, откидывающее колосья в пучке так, чтобы не поломать сжатых стеблей.

Я помню твои руки, негибачущиеся, красные, залубеневшие от студёной воды в проруби, где ты полоскала бельё, когда мы жили одни, – казалось, совсем одни на свете, – и помню, как незаметно могли руки твои вынуть занозу из пальца у сына и как они мгновенно продевали нитку в иголку, когда ты шила и пела – пела только для себя и для меня. Потому что нет ничего на свете, чего бы не сумели руки твои, что было бы им не под силу, чего бы они погнушались! Я видел, как они месили глину с коровьим помётом, чтобы обмазать хату, и я видел руку твою, выглядывающую из шёлка, с кольцом на пальце, когда ты подняла стакан с красным молдавским вином. А

с какой покорной нежностью полная и белая выше локтя рука твоя обвилась вокруг шеи отчима, когда он, играя с тобой, поднял тебя на руки, – отчим, которого ты научила любить меня и которого я чтил, как родного, уже за одно то, что ты любила его.

Но больше всего, на веки вечные запомнил я, как нежно гладили они, руки твои, чуть шершавые и такие тёплые и прохладные, как они гладили мои волосы, и шею, и грудь, когда я в полусознании лежал в постели. И, когда бы я ни открыл глаза, ты была всегда возле меня, и ночник горел в комнате, и ты глядела на меня своими запавшими очами, будто из тьмы, сама вся тихая и светлая, будто в ризах. Я целую чистые, святые руки твои!

Ты проводила на войну сыновей, – если не ты, так другая, такая же, как ты, – иных ты уже не дождётсяшь вовеки, а если эта чаша миновала тебя, так она не миновала другую, такую же, как ты. Но если и в дни войны у людей есть кусок хлеба и есть одежда на теле, и если стоят скирды на поле, и бегут по рельсам поезда, и вишни цветут в саду, и пламя бушует в домне, и чья-то незримая сила подымает воина с земли или с постели, когда он заболел или ранен, – всё это сделали руки матери моей – моей, и его, и его. Оглянись же и ты, юноша, мой друг, оглянись, как я, и скажи, кого ты обижал в жизни больше, чем мать, – не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ли неудач, ошибок и не от нашего ли горя седеют наши матери? А ведь придёт час, когда мучительным упрёком сердцу обернётся все это у материнской могилы.

Мама, мама!.. Прости меня, потому что ты одна, только ты одна на свете можешь прощать, положи на голову руки, как в детстве, и прости»¹⁰⁶.

**А.С. Пушкин
(1799–1837 гг.)**

Русский поэт, прозаик

**«Дар напрасный,
дар случайный...»**

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

¹⁰⁶ Фадеев, А. А. Молодая гвардия / А. А. Фадеев. – URL: https://librebook.me/molodaia_gvardiia?ysclid=lpq9v581ez207690181 (дата обращения: 04.12.2023).

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

(1828 г.)¹⁰⁷

**Святитель Филарет
(в миру В.М. Дроздов)
(1872–1867 гг.)
Священнослужитель Русской
православной церкви,
Митрополит Московский
и Коломенский**

**Ответ А.С. Пушкину
на «Дар напрасны, дар случайный...»**

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.*

*Сам я своею властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.*

*Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум, –
И соиздается Тобою
Сердце чисто, светел ум.*

(1828 г.)¹⁰⁸

¹⁰⁷ Пушкин, А. С. Дар напрасный, дар случайный... / А. С. Пушкин. – URL: <https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-dar-naprasnyj-dar-sluchajnyj/?ysclid=lpj9vm28qd723823493> (дата обращения: 29.10.2023).

¹⁰⁸ Митрополит Филарет Ответ А.С. Пушкину на «Дар напрасны, дар случайный...» / Митрополит Филарет. – URL: <https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-dar-naprasnyj-dar-sluchajnyj/?ysclid=lpj9y9jpw216660606> (дата обращения: 29.10.2023).

**«Пушкин и митрополит Филарет:
жизнь – это случайный дар?»**

«Это стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» было вызовом. Вызовом, брошенным в небо. Ответил на него митрополит Московский Филарет. И сегодня, через столетия, то, о чем писали эти два человека, на мой взгляд, крайне важно для каждого из нас.

Давно замечено, что уныние любит посещать нас именно в дни рождения. Но чувство, описанное Пушкиным, трудно назвать обычным унынием. Скорее – отчаянием, и пусть никого не смущает сдержанная строгость самого стиха:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал? ...*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Но что предшествовало написанию этих горьких строк?

В мае 1827 года Пушкин наконец-то получает разрешение жить в Петербурге. Но уже 24 января 1828 года признается: «Шум и суета Петербурга мне становятся совершенно чужды».

Пишет он в то время мало. Что пишет? Вот рядом, хронологически: стихотворное посвящение некоему поэту и беллетристу В.С. Филимонову, вот изящное обращение к английскому художнику Дж. Дау – нарисованный им портрет Пушкина, о котором говорится в стихе, увы, неизвестен. А вот Анна Оленина обмолвилась, сказав поэту неосторожно «ты», и на другое воскресенье он привозит ей летящее восьмистишие «Ты и вы».

Среди этих изящных безделушек датированное 19 мая 1828 г. стихотворение «Воспоминание» поражает. Поражает тем, что

перед нами абсолютно другой, опечаленный и раздосадованный поиском смысла жизни Пушкин.

*Когда «влачатся в тишине
Часы томительного бденья.
В бездействии ночном живей
горят во мне
Змеи сердечной угрызенья»,
Мечты кипят, в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток,
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Насколько тонкое и точное описание чувств! Однако эти строки – не все стихотворение. Понимая, что следующие признания настолько сокровенны, что напоминают его личную молитву, его глубоко личное покаяние, Пушкин не отдает в печать вторую строфу стиха. Но именно она проливает свет на то, как он воспринимал себя в те дни по отношению к судьбе, к своей жизни, дарованной Богом:

*Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в гонении, в степях
Мои утраченные годы!*

*Я слышу вновь друзей предательский привет,
На играх Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наносит хладный свет
Неотразимые обиды...*

Не просто жалоба, по-человечески понятная и оттого близкая и нам, простым людям. Не просто счёт обид, предъявленных к жизни, – «неволя, бедность, гонения» и даже изгнание. Здесь – жесткая, трезвая оценка не других, а именно себя. Обратите внимание на строчку «безумства гибельной свободы...» – насколько точное прозрение.

И дальше:

*И нет отрады мне – и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые – два данные судьбой
Мне Ангела во дни былые!
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мёртвым языком
О тайнах вечности и гроба...*

Тут нужно пояснение. Если вы обращали внимание, то, наверное, заметили: любая молитва покаяния несет в себе обращение к Богу. Любая.

Оттого и великая молитва покаяния, Пятидесятый псалом царя Давида, начинается словами призыва к Богу: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое...». В основе её лежит осознание простой вещи: человек без помощи Бога не в силах справиться со своими грехами, со своим отчаянием сам.

А Пушкин бессонниц 1828-го года воспринимает своих ангелов-хранителей как стражей, более того – как мстителей. И этим, на взгляд любого глубоко верующего, отрезает себя от Бога – потому что власть Бога воспринимается поэтом как враждебная. Но человек, оставшийся наедине со своим грехом и не сумевший (или не желающий) по каким-то причинам воззвать к Господу (помните, как у псалмопевца Давида – «из глубины, взываю к Тебе, Господи...»), никогда не вырвется из замкнутого круга самоанализа. Он обречен на отчаяние.

И Пушкин, по словам Николая I, «умнейший человек России», к этому отчаянию приходит. Ровно через неделю после «Воспоминания» он так оценит своё предназначение: «дар напрасный...». И это первый бесценный урок, который мы должны извлечь, читая эти стихи.

Отчаяние, сформулированное Пушкиным с такой пленительной красотой, самим фактом этой красоты и законченности формы претендовало на то, чтобы стать истиной.

Отчаяние поэта могло стать соблазном для людей, познавших лишь торопливую горечь в поисках смысла жизни. И оттого отточенное в своей красоте и совершенстве отчаяние переставало быть личным делом поэта. Все это поняла чутким и пылким сердцем Елизавета Михайловна Хитрово, урождённая Голенищева-Кутузова, дочка фельдмаршала, искренне любившая Пушкина.

Это была удивительная дама! На шестнадцать лет старше Пушкина, она влюбилась в него как девчонка и поначалу писала ему любовные письма, которые, как говорят, он бросал в огонь не читая. Потом Елизавета Михайловна всё-таки смогла подружиться с поэтом, ввела в свет Гончарову, обладала огромными связями...

Элиза, так называли её в свете, как можно скорее повезла стихотворение «Дар напрасный...» в Москву, к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову). И владыка, отложив в сторону дела, отвечает Пушкину:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.*

*Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.*

*Вспомнись мне, забытый мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждется тобою
Сердце чисто, светел ум.*

Некоторые критики владыки ставят ему в вину простоту стиха – мол, как-то незатейливо ответил. Но вчитайтесь – какое чувство такта к тому, кто власть Творца называет враждебной. Не гневная отповедь, а мягкий укор.

Что же касается простоты, то да, она есть, но эта простота – вершина всего. Это простота молитвы. И сам стих, обратите внимание, заканчивается именно как молитва.

К этой простоте в сложнейших, на первый взгляд, вопросах бытия и смерти и Пушкин придёт – незадолго до своей гибели он переложит на стихи молитву Ефрема Сирина. Он полюбит эту простоту, он ею проникнется. И это второй урок нам, так легко плетящимся затейливой сложностью.

19 января 1830 года Александр Сергеевич пишет «Стансы», посвящая их митрополиту Московскому Филарету (кстати, Филарет – прапрапрадед нашего современника, телеведущего Николая Дроздова).

Стихи Пушкина к владыке до сих пор недооцененные, хотя все отмечают их удивительную гармонию. Перед нами – божественная красота смирения:

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.*

*Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.*

*Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

И дальше – первоначальный текст последней строфы:

*Твоим огнём душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.*

Посмотрите, что делает Пушкин в последней строфе! Александр Сергеевич чуть-чуть усиливает описываемое чувство, он как будто не в силах сдержать свою музу от шалости – не дерзость, но шалость: смирение не делает нас рабами! – и к нам через века летит улыбка живого Пушкина. И это ещё один урок гения»¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Городова, М. Пушкин и митрополит Филарет: жизнь – это случайный дар? / М. Городова. – URL: <https://rg.ru/2020/06/06/pushkin-i-mitropolit-filaret-zhizn-eto-sluchajnyj-dar.html?ysclid=lnzaezsxh969149968> (дата обращения: 29.10.2023).

**Глава 3. СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.
ЛИЧНОСТЬ. ВОСПИТАНИЕ.
ОБРАЗОВАНИЕ. МИРОВОЗЗРЕНИЕ**

Новый Завет

Послание Святого апостола Иакова

«Братия мои! Не многие делаются учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению, ибо все мы много согрешаем»¹¹⁰.

Новый Завет

Евангелие от Иоанна

«Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец.

А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец, и разгоняет их.

А наемник бежит, потому что наемник, и не радит об овцах»¹¹¹.

**Э. Кант
(1724–1084 гг.)**

**Немецкий философ
эпохи Просвещения**

«О педагогике»

«Человек – единственное создание, подлежащее воспитанию. Под воспитанием мы понимаем уход (попечение, содержание), дисциплину (выдержку) и обучение вместе с образованием. Сообразно с этим человек бывает грудным младенцем, питомцем, и учеником»¹¹².

¹¹⁰ Послание Святого апостола Иакова. – Глава 3. – Стих 1.

¹¹¹ Евангелие от Иоанна. – Глава 10. – Стих 11–13.

¹¹² Кант, Э. Трактаты и письма / Э. Кант. – Москва: Наука, 1980. – С. 445.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)**

**Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Слово воспитание произносится ежедневно в каждой школе десятки раз. О воспитании всё чаще задумываются и говорят в семье, в общественных организациях. Но у всех ли педагогов, а тем более

родителей есть ясное представление о том, что такое воспитание и, следовательно, как надо осуществлять воспитание?»¹¹³.

**А.С. Макаренко
(1888–1939 гг.)**

**Советский воспитатель, писатель
Решением ЮНЕСКО (1988 г.)
признан одним из четырёх
педагогов, определивших
педагогическое мышление
в XX веке**

«Лекции о воспитании детей»

Общие условия

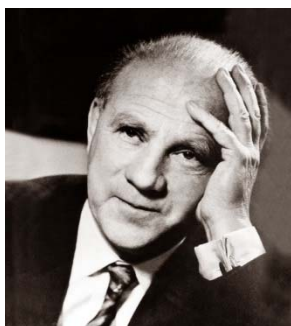
семейного воспитания

«Воспитание детей – самая важная область нашей жизни. Наши дети – это будущее граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети – это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это не всё: наши дети – это наша старость. Правильное воспитание – это наша счастливая старость, плохое воспитание – это наше будущее горе, это наши слёзы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной.»

¹¹³ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 18.

Дорогие родители, прежде всего вы всегда должны помнить о великой важности этого дела, о вашей большой ответственности за него.

Сегодня мы начинаем целый ряд бесед по вопросам семейного воспитания. В дальнейшем мы будем говорить подробно об отдельных деталях воспитательной работы: о дисциплине и родительском авторитете, об игре, о пище и одежде, о вежливости т. д. Всё это – очень важные отделы, говорящие о полезных методах воспитательной работы. Но прежде, чем говорить о них, обратим ваше внимание на некоторые вопросы, которые имеют общее значение, которые относятся ко всем отделам, ко всем деталям воспитания, которые всегда нужно помнить»¹¹⁴.

**В. Гейзенберг
(1901–1976 гг.)
Немецкий физик-теоретик,
Нобелевской лауреат (1932 г.),
философ**

«Шаги за горизонт»

«Но что такое гуманитарное образование и что такое образование вообще?

Вы знаете: образование – это то, что остаётся, когда забыли всё, чему

учились. Образование, если угодно, – это яркое сияние, окутывающее в нашей памяти школьные годы и озаряющее всю нашу последующую жизнь. Это не только блеск юности, естественно присущий тем временам, но и свет, исходящий от занятия чем-то значительным.

Атмосфера бесед о греческих поэтах и римских кесарях, знакомства со статуями Фидия в книгах по истории, музыкальных занятий в школьном оркестре, благодаря которым Гайдн и Моцарт вошли в нашу жизнь, шиллеровских стихотворений, которые способнейшие ученики должны были декламировать с кафедры...

Разумеется, все мы должны сознаться, что школьное преподавание зачастую бывает сухим и скучным; школьный учитель – вовсе не образец, а тем более ученик – не ангел. Но школьные годы

¹¹⁴ Макаренко, А. С. Сочинения / А. С. Макаренко. – в 7 т. Т. 4. – Москва: Издательство академии педагогических наук, 1958. – С. 341.

образуют цельную эпоху нашей жизни, и всё, что бы мы ни делали в это время, так или иначе определено духовным миром, открывшимся нам в процессе обучения в школе. И если мы говорим о влиянии гуманитарной гимназии, не надо думать, что речь идёт об одних только уроках, о наших учителях и о большом здании в Швабинге. Влияние это гораздо шире. Когда в эпоху молодёжного движения мы отправлялись с друзьями на Остерзее и, сидя в палатке, читали вслух «Гипериона» Гёльдерлина, когда на одной из вершин Фихтельгебурге мы ставили «Битву Германна» фон Клейста, когда ночью у лагерного костра мы играли чакону Баха или менуэт Моцарта – каждый раз нас плотно обступал тот духовный воздух Запада, в который ввела нас школа и который стал для нас жизненно необходимым элементом»¹¹⁵.

В.М. Шукшин
(1929–1974 гг.)

**Русский, Советский
писатель, кинорежиссёр, актёр**
**«Космос, нервная система
и шмат сала»**

«Старик Наум Евстигнеич хворал с похмелья. Лежал на печке, стонал. Раз в месяц – с пенсии – Евстигнеич аккуратно напивался и после этого три дня лежал в лёжку. Матерился в бога.

– Как черти копытьями толкут, в господу мать. Кончаюсь...

За столом, обложенным учебниками, сидел восьмиклассник Юрка, квартирант Евстигнеича, учил уроки.

– Кончаюсь, Юрка, в крестителя, в бога душу мать!..

– Не надо было напиваться.

– Молодой ишо рассуждать про это.

Пауза. Юрка поскрипывает пером.

Старику охота поговорить – всё малость полегче.

¹¹⁵ Гейзенберг, В. Избранные философские работы. Шаги за горизонт. Часть и целое (Беседы вокруг атомной физики) / В. Гейзенберг. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – С. 15.

– А чо же мне делать, если не напиться? Должен я хоть раз в месяц отметиться...

– Зачем?

– Што я не человек, што ли?

– Хм... Рассуждения, как при крепостном праве. – Юрка откинулся на спинку венского стула, насмешливо посмотрел на хозяина. – Это тогда считалось, что человек должен обязательно пить.

– А ты откуда знаешь про крепостное время-то? – Старик смотрит сверху страдальчески и с любопытством. Юрка иногда удивляет его своими познаниями, и он хоть и не сдаётся, но слушать парнишку любит, – Откуда ты знаешь-то? Тебе всего-то от горшка два вершка.

– Проходили.

– Учителя, што ли, рассказывали?

– Но.

– А они откуда знают? Там у вас ни одного старика нету.

– В книгах.

– В книгах... А они случайно не знают, отчего человек с похмелья хворает?

– Травление организма: сивушное масло.

– Где масло? В водке?

– Но.

Евстигнеичу хоть тошно, но он невольно усмехается:

– Доучились.

– Хочешь, я тебе формулу покажу? Сейчас я тебе наглядно докажу... – Юрка взял было учебник химии, но старик застонал, обхватил руками голову.

– О-о... опять накатило! Всё, конец...

– Ну, похмелись тогда, чего так мучиться-то?

Старик никак не реагирует на это предложение. Он бы похмелился, но жалко денег. Он вообще скряга отменный. Живёт справно, пенсия неплохая, сыновья и дочь помогают из города. В погребе у него чего только нет – сало ещё прошлогоднее, соленые огурцы, капуста, арбузы, грузди... Кадки, кадушки, туюски, бочонки – целый склад. В кладовке полтора куля доброй муки, окорок висит пуда на полтора. В огороде – яма картошки, тоже ещё прошлогодней, он скармливает её боровам, уткам и курицам. Когда он не хворает, он встаёт до света и весь день, до темноты, возится по хозяйству. Часто спускается в погреб, сядет на приступку и подолгу задумчиво сидит. «Черти драные. Тут ли счас не жить» – думает он и вылезает на свет белый. Это он о сыновьях и дочери. Он ненавидит их за то, что они уехали в город.

У Юрки другое положение. Живёт он в соседней деревне, где нет десятилетки. Отца нет. А у матери кроме него ещё трое. Отец утонул на лесосплаве. Те трое ребяташек моложе Юрки. Мать бьётся из последних сил, хочет, чтоб Юрка окончил десятилетку. Юрка тоже хочет окончить десятилетку. Больше того, он мечтает потом поступить в институт. В медицинский.

Старик вроде не замечает Юркиной бедности, берёт с него пять рублей в месяц. А варят – старик себе отдельно, Юрка себе. Иногда, к концу месяца, у Юрки кончаются продукты. Старик долго косится на Юрку, когда тот всухомятку ест хлеб. Потом спрашивает:

– Всё вышло?

– Ага.

– Я дам... апосля привезёшь.

– Давай.

Старик отвечает на безмене килограмм-два пшена, и Юрка варит себе кашу. По утрам беседуют у печки.

– Всё же охота доучиться?

– Охота. Хирургом буду.

– Сколько ишо?

– Восемь. Потому что в медицинском – шесть, а не пять, как в остальных.

– Ноги вытянешь, пока дойдешь до хирурга-то. Откуда она, мать, денег-то возьмёт съестоль?

– На стипендию. Учатся ребята... У нас из деревни двое такучатся. Старик молчит, глядя на огонь. Видно, вспомнил своих детей.

– Чо эт вас так ишибко в город-то тянет?

– Учиться... «Что тянет». А хирургом можно потом и в деревне работать. Мне даже больше глянется в деревне.

– Што, они много ишибко получают, што ль?

– Кто? Хирурги?

– Но.

– Наоборот, им мало плотят. Меньше всех. Сейчас прибавили, правда, но всё равно...

– Дак на кой же шут тогда жили из себя тянуть столько лет? Иди на шофёра выучись да работай. Они вон по сколько зашибают! Да ишо приворовывают: где лесишко кому подкинет, где сена привезёт совхозного – деньги. И матери бы помог. У ей вить ишо трое на руках.

Юрка молчит некоторое время. Упоминание о матери и младших братьях больно отзывается в сердце. Конечно, трудно матери... Накапает раздражение против старика.

– Проживём, – резко говорит он. – Никому до этого не касается.

– Знамо дело, – соглашается старик. – Сбили вас с толку этим учением – вот и мотаесть по белому свету, как... – Он не подберет подходящего слова – как кто. – Жили раньше без всякого учёнья – ничего, бог милывал: без хлебушка не сидели.

– У вас только одно на уме: раньше!

– А то... ирапланов понаделали – дерьма-то.

– А тебе больше глянется на телеге?

– А чем плохо на телеге? Я если поехал, так знаю: худо-бедно – доеду. А ты навернёсья с этого свово ираплана – костей не соберут.

И так подолгу они беседуют каждое утро, пока Юрка не уйдёт в школу. Старику необходимо выговориться – он потом целый день молчит; Юрка же, хоть и раздражает его занудливое ворчание старика, испытывает удовлетворение оттого, что вступает за Новое – за аэропланы, учение, город, книги, кино...

Странно, но старик в бога тоже не верит.

– Делать нечего – и начинают заполошничать, кликуши, – говорит он про верующих. – Робить надо, вот и благодать настанет.

Но работать – это значит только для себя, на своей паашине, на своем огороде. Как раньше. В колхозе он давно не работает, хотя старики в его годы ещё колупаются помаленьку – кто на пасеке, кто объездным на полях, кто в сторожах.

– У тебя какой-то кулацкий уклон, дед, – сказал однажды Юрка в сердцах. Старик долго молчал на это. Потом сказал непонятно:

– Ставай, пролятый заклемённый!.. – И высморкался смачно сперва из одной ноздри, потом из другой. Вытер нос подолом рубахи и заключил: – Ты ба, наверно, комиссаром у их был. Тогда молодые были комиссарами.

Юрке это польстило.

– Не пролятый, а – проклятьем, – поправил он.

– Насчёт уклона-то... смотри не вякни где. А то придут, огород урежут. У меня там сотки четыре лишка есть.

– Нужно мне.

Частенько возвращались к теме о боге.

– Чего у вас говорят про его?

– Про кого?

– Про бога-то.

– Да ничего не говорят – нету его.

– А почему тогда столько людей молятся?

– А почему ты то и дело поминаешь его? Ты же не веришь.

– Сравнил! Я – матерюсь.

– Всё равно – в бога.

Старик в затруднении.

– Я, што ли, один так лаюсь? Раз его все упоминают, стало быть, и мне можно.

– Глупо. А в таком возрасте вообще стыдно.

– Отлегло малость, в креста мать, – говорит старик. – Прямо в голове всё помутнело.

Юрка не хочет больше разговаривать – надо выучить уроки.

– Про кого сейчас проходишь?

– Астрономию, – коротко и сухо отвечает Юрка, давая тем самым понять, что разговаривать не намерен.

– Это про што?

– Космос. Куда наши космонавты летают.

– Гагарин-то?

– Не один Гагарин... Много уж.

– А чего они туда летают? Зачем?

– Привет! – воскликнул Юрка и опять откинулся на спинку стула. – Ну, ты даешь. А что они, будут лучше на печке лежать?

– Што ты привязался с этой печкой? – обиделся старик. – Доживи до моих годов, тогда вякай.

– Я же не в обиду тебе говорю. Но спрашивать: зачем люди в космос летают? – это я тебе скажу...

– Ну и растолкуй. Для чего же тебя учат? Штоб ты на стариков злился?

– Ну во-первых: освоение космоса – это... надо. Придёт время, люди сядут на Луну. А ещё придёт время – долетят до Венеры. А на Венере, может, тоже люди живут. Разве не интересно доглядеть на них?..

– Они такие же, как мы?

– Этого я точно не знаю. Может, маленько пострашней, потому что там атмосфера не такая – больше давит.

– Ишо драться кинутся.

– За что?

– Ну, скажут: зачем прилетели? – Старик заинтересован рассказом. – Непрошенный гость хуже татарина.

– Не кинутся. Они тоже обрадуются. Ещё неизвестно, кто из нас умнее – может, они. Тогда мы у них будем учиться. А потом, когда техника разовьётся, дальше полетим... – Юрку самого захватила такая перспектива человечества. Он встал и начал ходить по избе. – Мы же ещё не знаем, сколько таких планет, похожих на Землю! А их, может, миллионы! И везде живут существа. И мы будем летать друг к другу... И получится такое... мировое человечество. Все будем одинаковые.

– Жениться, што ли, друг на дружке будете?

– Я говорю – в смысле образования! Может, где-нибудь есть такие человекоподобные, что мы все у них поучимся. Может, у них всё уже давно открыто, а мы только первые шаги делаем. Вот и получится тогда то самое царство божие, которое религия называет –

рай. Или ты, допустим, захотел своих сыновей повидать прямо с печки – пожалуйста, включил видеоприемник, настроился на определённую волну – они здесь, разговаривай. Захотелось слетать к дочери, внука помянуть – лезешь на крышу, заводишь небольшой вертолёт – и через какое-то время икс ты у дочери... А внук... ему сколько?

– Восьмой, однако.

– Внук тебе почитает «Войну и мир», потому что развитие будет ускоренное. А медицина будет такая, что люди будут до ста – ста двадцати лет жить.

– Ну, это уж ты... приврал.

– Почему?! Уже сейчас эта проблема решается. Сто двадцать лет – это нормальный срок считается. Мы только не располагаем данными. Но мы возьмём их у соседей по Галактике.

– А сами-то не можете – чтоб на сто двадцать?

– Сами пока не можем. Это медленный процесс. Может, и докатимся когда-нибудь, что будем сто двадцать лет жить, но это ещё не скоро. Быстрее будет построить такой космический корабль, который долетит до Галактики. И возможно, там этот процесс уже решен: открыто какое-нибудь лекарство...

– Сто двадцать лет сам не захочешь. Надоест.

– Ты не захочешь, а другие – с радостью. Будет такое средство...

– «Средство»... Открыли бы с похмелья какое-нибудь средство – и то ладно. А то башка, как этот... как бачок из-под самогона.

– Не надо пить.

– Пошёл ты!..

Замолчали.

Юрка сел за учебники.

– У вас только одно на языке: «будет! будет!..» – опять начал старик, – Трепачи. Ты вот – шешнацать лет будешь учиться, а начнёт человек помирать, чего ты ему сделаешь?

– Вырежу чего-нибудь.

– Дак если ему срок подошёл помирать, чего ты ему вырежешь?

– Я на такие... дремучие вопросы не отвечаю.

– Нечего отвечать, вот и не отвечаете.

– Нечего?.. А вот эти люди!.. – сгреб кучу книг и показал, – Вот этим людям тоже нечего отвечать?! Ты хоть одну прочитал?

– Там читать нечего – враньё одно.

– Ладно! – Юрка вскочил и опять начал ходить по избе. – Чума раньше была?

– Холера?

– Ну, холера.

– Была. У нас в двадцать...

– Где она сейчас? Есть?

– Не приведи господи! Может, будет ишо...

– В том-то и дело, что не будет. С ней научились бороться. Дальше: если бы тебя раньше бешеная собака укусила, что бы с тобой было?

– Сбесился бы.

– И помер. А сейчас – сорок уколов, и все. Человек живёт. Туберкулез был неизлечим? Сейчас, пожалуйста: полгода – и человек как огурчик! А кто это всё придумал? Учёные! «Враньё» ... Хоть бы уж помалкивали, если не понимаете.

Старика раззадорил тоже этот Юркин наскок.

– Так. Допустим. Собака – это ладно. А вот змея укусит?.. Иде они были, доктора-то, раньше? Не было. А бабка, бывало, пошепчет – и как рукой съмет. А вить она институтов никаких не кончала.

– Укус был не смертельный. Вот и всё.

– Иди подставь: пусть она разок чикнет куда-нибудь...

– Пожалуйста! Я до этого укол сделаю, и пусть кусает сколько влезет – я только улыбнусь.

– Хвастунишка.

– Да вот же они, во-от! – Юрка опять показал книги. – Люди на себе проверяли! А знаешь ты, что когда академик Павлов помирал, то он созвал студентов и стал им диктовать, как он умирает.

– Как это?

– Так. «Вот, – говорит, – сейчас у меня холодеют ноги – записывайте». Они записывали. Потом руки отнялись. Он говорит: «Руки отнялись?»

– Они пишут?

– Пишут. Потом сердце стало останавливаться, он говорит: «Пишите». Они плакали и писали, – У Юрки у самого защипало глаза от слёз. На старика рассказ тоже произвёл сильное действие.

– Ну?..

– И помер. И до последней минуты всё рассказывал, потому что это надо было для науки. А вы с этими вашими бабками ещё бы тыщу лет в темноте жили... «Раньше было! Раньше было!..» Вот так было раньше?! – Юрка подошёл к розетке, включил радио. Пела певица. – Где она? Её же нет здесь!

– Кого?

– Этой... кто поёт-то.

– Дак это по проводам...

– Это – радиоволны! «По проводам». По проводам – это у нас здесь, в деревне, только. А она, может, где-нибудь на Сахалине поёт – что, туда провода протянуты?

– Провода. Я в прошлом году ездил к Ваньке, видал: вдоль железной дороги провода висят.

Юрка махнул рукой:

– Тебе не втолковать. Мне надо уроки учить. Всё.

- Ну и учи.
- А ты меня отрываешь. – Юрка сел за стол, зажал ладонями уши и стал читать.
- Долго в избе было тихо.
- Он есть на карточке? – спросил старик.
- Кто?
- Тот учёный, помирал-то который.
- Академик Павлов? Вот он.
- Юрка подал старику книгу и показал Павлова. Старик долго и серьёзно разглядывал изображение учёного.
- Старенький уж был.
- Он был до старости лет бодрый и не напивался, как... некоторо-рые. – Юрка отнял книгу. – И не валялся потом на печке, не матерился. Он в городки играл до самого последнего момента, пока не свалился. А сколько он собак прирезал, чтобы рефлексы доказать!.. Нервная система – это же его учение. Почему ты сейчас хвораешь?
- С похмелья, я без Павлова знаю.
- С похмелья-то с похмелья, но ты же вчера оглушил свою нервную систему, затормозил, а сегодня она... распрямляется. А у тебя уж условный рефлекс выработался: как пенсия, так обязательно пол-литра. Ты уже не можешь без этого, – Юрка ощутил вдруг некое приятное чувство, что он может спокойно и убедительно доказывать старику весь вред и все последствия его выпивок. Старик слушал. – Значит, что требуется? Перебороть этот рефлекс. Получил пенсию на почте. Пошёл домой... И ноги у тебя сами поворачивают в сельмаг. А ты возьми пройди мимо. Или совсем другим переулком пройди.
- Я хуже маяться буду.
- Раз помаешься, два, три – потом привыкнешь. Будешь спокойно идти мимо сельмага и посмеиваться.
- Старик привстал, свернул трясущимися пальцами сигарку, прикурил. Затянулся и закашлялся.
- Ох, мать твою... Кххх!.. Аж выворачивает всего. Это ж надо так!
- Юрка сел опять за учебники.
- Старик, кряхтя слез с печки, надел пимы, полушубок, взял нож и вышел в сенцы. «Куда это он?» – подумал Юрка.
- Старика долго не было. Юрка хотел уж было идти посмотреть, куда он пошёл с ножом. Но тот пришёл сам, нес в руках шмат сала в ладонь величиной.
- Хлеб-то есть? – спросил строго.
- Есть. А что?
- На, поешь с салом, а то загнёшься загодя со своими академиками... пока их изучишь всех.
- Юрка даже растерялся.

– Мне же нечем отдавать будет – у нас нету...

– Ешь. Там чайник в печке – ишо горячий, наверно... Поешь.

Юрка достал чайник из печки, налил в кружку теплого ещё чая, нарезал хлеба, ветчины и стал есть. Старик с трудом залез опять на печь и смотрел оттуда на Юрку.

– Как сало-то?

– Вери вел! Первый сорт.

– Кормить её надо уметь, свинью-то. Одни сдуру начинают её напичкивать осенью – получается одно сало, мяса совсем нет. Другие наоборот – маринуют: дескать, мясистее будет. Одно сало-то не все любят. Заколют: ни мяса, ни сала. А её надо так: недельку покормить как следовало, потом поддержать впроголодь, опять недельку покормить, опять помариновать... Вот оно тогда будет слоями: слой сала, слой мяса. Солить тоже надо уметь...

Юрка слушал и с удовольствием уписывал мерзлое душистое сало, действительно на редкость вкусное.

– Ох, здорово! Спасибо.

– Наелся?

– Ага. – Юрка убрал со стола хлеб, чайник. Сало ещё осталось. – А это куда?

– Вынеси в сени, на кадушку. Вечером ишо поешь.

Юрка вынес сало в сенцы. Вернулся, похлопал себя по животу, сказал весело:

– Теперь голова лучше будет соображать... А то... это... сидишь – маленько кружится.

– Нувот, – сказал довольный дед, укладываясь опять на спину. – Ох, мать твою в душеньку!.. Как ляжешь, так опять подступает.

– Может, я пойду куплю четвертинку! – предложил Юрка.

Дед помолчал.

– Ладно... пройдёт так. Потом, попозже, курям посыплешь да коровёнке на ночь пару навильников дашь. Воротчики только закрыть не забудь!

– Ладно. Значит, так: что у нас ещё осталось? География. Сейчас мы её... галопом. – Юрке сделалось весело: поел хорошо, уроки почти готовы – вечером можно на лыжах покататься.

– А у его чего же родных-то никого, што ли, не было? – спросил вдруг старик.

– У кого? – не понял Юрка.

– У того академика-то. Одни студенты стояли?

– У Павлова-то? Были, наверно. Я точно не знаю. Завтра спрошу в школе.

– Дети-то были, поди?

– Наверно. Завтра узнаю.

– Были, конечно. Никого если бы не было родных-то, не много надиктуешь. Одному-то плохо.

Юрка не стал возражать. Можно было сказать: а студенты-то! Но он не стал говорить.

– Конечно, – согласился он. – Одному плохо»¹¹⁶.

**А.С. Панарин
(1940–2003 гг.)
Советский и российский
философ, политолог**

«Правда железного занавеса»

«По критериям прогресса именно накопление общих знаний универсального применения служит залогом долгосрочной стратегии научно-технического успеха. Преждевременная специализация, равно как и раннее вступление молодежи в профессиональную жизнь, означают снижение времени интеллектуального накопления в пользу времени непосредственного производственного потребления знания. Это грозит обществу проеданием интеллектуального потенциала и сужением долговременных резервов роста. Рыночные цензоры, пытающиеся сэкономить на общем образовании и как можно раньше отправить молодежь в «работающую экономику», уподобляются тому скопидому, который режет курицу, несущую золотые яйца. Судя по наметившейся тенденции «рынок» способен вообще устранить учащуюся молодежь как категорию, вызванную к жизни модерном и вернуть общество к упрощенной дихотомии традиционного типа: малолетние дети на одной стороне, рано взрослеющее – запряженное в рутинную профессиональную повседневность самостоятельное население – на другой.

В общем виде контраст между советским и постсоветским («рыночным») опытом резюмируется так: прежняя система, в соответствии с логикой европейского модерна, сформировала особое посредническое звено, вклинившееся между семьей и производством – подсистему общего интеллектуального накопления, интегрирующую молодежь в качестве уполномоченной для новаций социальной группы. Рыночная система во имя рентабельности стремится сократить

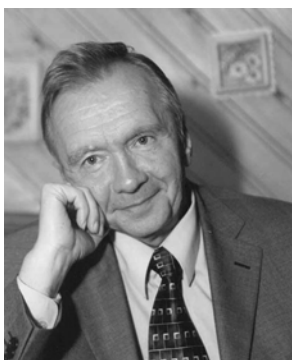
¹¹⁶ Шукшин, В. М. Рассказы / В. М. Шукшин. – Москва: Художественная литература, 1979. – С. 21–29.

это звено. Но тем самым она вносит, ни меньше, ни больше, антропологический переворот во всю систему модерна: она устраняет рефлектирующий – самообновляющийся тип работника – в пользу запрограммированного на более простые экономические функции. Резко сокращается время общего интеллектуального накопления и вытесняется связанный с ним специфический человеческий тип: активный читатель, участник семинаров, носитель «факультативных» творческих идей, позволяющий себе пребывать в ограниченном пространстве между высокой теорией и приземленными жизненными практиками. Если прежнюю систему интеллектуального накопления символизировал великовозрастный студент, медлящий приступить к конкретному практическому делу, то нынешнюю рыночную символизирует мальчишка, забросивший школу и подрабатывающий мытьём чужих автомобилей. Он рано «входит в рынок», но – на правах, которые еще вчера подавляющему большинству показались бы мало достойными. Создается впечатление, что в постсоветском пространстве новая рыночная система в конце обесценила человека, с необычайной резкостью сократив время и средства, затрачиваемые на его подготовку.

Это проявилось не только в прямом сокращении расходов на образование и времени, отводимого учебе, но и в новом соотношении рабочего и свободного времени. Наряду с законодательным увеличением допустимого рабочего времени имеет место его резкое фактическое увеличение за счет совмещения работ. Чтобы как-то выжить, люди вынуждены подрабатывать, где только можно, прихватывать вечера и выходные дни, совмещать далекие друг от друга виды занятости. У нации, успевшей приобщиться к цивилизованному досугу, фактически похитили досуг, превратив ее в нацию поденищиков, не смеющих поднять голову к небу. Все факультативное, существующее под знаком любопытного, но не обязательного, все полифункциональное и многомерное, неуклонно сокращается и отступает под давлением непреложного, однозначного, принимаемого вне свободной критической рефлексии. Совсем недавно большинство из нас в самом деле готово было поверить, что прежде мы жили в казарменном тоталитарном пространстве, а ожидает нас общество широкой свободы и терпимости, цветущего многообразия. Вскоре нам пришлось убедиться, что прежний политический тоталитаризм, сковывающий свободы, мало относящийся к повседневности, сменился тоталитаризмом новой рыночной повседневности, зажимающей нас в такие клещи, в столь принудительную одномерность, в сравнении с которыми прежняя жизнь напоминает беззаботные каникулы. Генеральному секретарю ЦК КПСС в прежние времена осмеливались возражать совсем не многие, зато

возражать непосредственному начальнику могли почти все, чувствуя себя защищенными трудовым законодательством и системой социального страхования. Сегодня тоталитаризм шефа, способного выбросить нас на улицу без всякого пособия, порождает таких конформистов повседневности, по сравнению с которыми прежний советский человек мог выглядеть романтическим героем – тираноборцем. К нам пришел новый тоталитарный образ жизни, при котором ничто, идущее от не непреложных (факультативных) инстанций и сфер, таких, как литература, театр и живопись, неформальное дружеское общение, фактически уже не принимается во внимание, ибо все живут в тисках «материально первичного», непреложного, одномерного. Очарованных странников прогресса, грезящих о светлом будущем и испытывающих на себе новые факультативные образцы и игровые экспериментальные роли, сменил поденщик повседневности, целиком погруженный в свои текущие заботы. Временной горизонт личности сузился как никогда: в системе мотивации произошел резкий сдвиг в пользу сиюминутной озабоченности. От универсального к частичному, от разностороннего к одномерному, от высокосложного к примитивному, от перспективного к краткосрочному – таков вектор жизни, заданный новой системой рынка.

Этого, кажется, никто не ждал. Все были уверены, что рынок – один из главных, если не главный, фактор общественной динамики, порожденный европейским модерном. Теперь обнаруживается, что по многим показателям рыночная система находится в антагонистическом отношении к системе общинформационного (интеллектуального) накопления, неотделимой от модерна»¹¹⁷.

**А.С. Панарин
(1940–2003 гг.)**

**Советский и российский
философ, политолог, публицист
«Правда железного занавеса»**

«Если молодёжь полпред прогресса, то вот первая (I) из социальных формул: чем выше, при прочих равных условиях, доля молодежи в обществе, тем выше темпы его прогрессивных изменений. Могут возразить, что на деле именно

¹¹⁷ Панарин, А. С. Правда железного занавеса / А. С. Панарин. – Москва: Алгоритм, 2006. – С. 37–40.

современные динамичные общества характеризуются низкой рождаемостью и непрерывным снижением доли молодежи в населении. В ответ на это выдвинем два уточнения: во-первых, как указал в своих работах знаменитый французский демограф А. Сови, надо демографически сопоставлять не традиционные общества с современными, а современные развитые страны между собой; те из них, в которых действуют программы стимулирования рождаемости и в результате возникает тенденция демографического омоложения, демонстрируют более высокие темпы экономического и научно-технического роста. Убедительным примером служит Франция, в которой государственная программа стимулирования рождаемости сработала как один из главных факторов послевоенного модернизационного сдвига, исправившего репутацию Франции как страны, пораженной болезнью декаданса. Во-вторых, как знать: не объясняет ли нынешнее демографическое постарение развитых стран того удручающего факта, что бум эпохальных научно-технических открытий остался позади и современная западная экономика в основном живет прошлым интеллектуальным запасом. «За последнее десятилетие не открыт ни один объект и не сформулировано ни одного концептуального представления, сравнимых с открытием гена, молекул, теплоты, информации, и разработкой соответствующих теорий».

Формула II: возрастание времени учебы должно опережать рост рабочего времени, непосредственно посвященного общественному производству. Иными словами, чтобы молодежь выступала в роли инновационной группы, общество должно великодушно предоставить ей право отложить время вступления в профессиональную жизнь ради продолжения учебы. Собственно, именно учебное время, связанное с интеграцией в систему образования, позволяет новому поколению определиться как специфическая социокультурная группа – молодежная. Традиционное общество не знало молодежи – оно целиком состояло из детей и взрослых. Между концом детства и началом взрослости никакого временного зазора не было: 12–14-летние шли на фабрику или на пашню, из детства сразу «прыгая» во взрослость. В современном же обществе детство кончается раньше по причине ускоренного полового созревания (акселерации), а профессиональная взрослость, напротив, наступает позже, отодвигаясь к 22–25-летнему возрасту (после студенчества и аспирантуры). Этот промежуточный период между концом детства и началом взрослости и есть период новационный, в ходе которого молодежь выступает преимущественным потребителем новейших «идей века» и наращивает свое отличие от старших поколений.

Формула III: рост свободного времени (досуга) должен опережать рост рабочего (производственного) времени. На это в свое время указывал еще Маркс, подчеркивающий, что богатство в будущем обществе будет определяться не рабочим, а свободным временем. В самом деле: рабочее время есть время производственного изготовления вещей, досуг же можно рассматривать как время формирования человеческой личности. И если формирование личности есть нечто более важное, чем производить серийные вещи, то досуг в цивилизованном смысле действительно важнее рабочего времени, посвященного вещам. Досуг есть время внеутилитарного пользования продуктами культуры. Собственно парадокс культуры в том и состоит, что ко многим ее продуктам нельзя подходить утилитарно как к средству – их содержание раскрывается только в рамках принципа самоценности. Вопросы: для чего литература, для чего музыка, живопись, выдают профанов, чуждых высокой культуры и в принципе для нее небезопасных. Досуг и есть время внеутилитарных отношений между личностью и культурой. На этой основе цивилизация совершает свое культурное накопление: наращивает интеллектуальный потенциал, не подверженный, в отличие от инструментально-прикладных знаний, быстрому моральному старению. Эта сфера общекультурного богатства через какие-то таинственные каналы и сети питает и науку, и производство, и бытовую сферу, служит источником общего вдохновения, высоких норм и тонизирующих образцов»¹¹⁸.

**Э. Кант
(1724–1804 гг.)
Немецкий философ
эпохи Просвещения**

«О педагогике»

«Воспитание есть искусство, применение которого должно совершенствоваться многими поколениями. Каждое поколение, обладая знаниями предыдущего, может всё более и более осуществлять такое воспитание, которое пропорционально и целесообразно развивает все природные способности человека и таким путём ведёт весь род человеческий к его назначению. Провидению было угодно, чтобы человек воспроизводил добро из самого себя.

¹¹⁸ Панарин, А. С. Правда железного занавеса / А. С. Панарин. – Москва: Алгоритм, 2006. – С. 32–35.

Оно, так сказать, говорит человеку: «Иди в мир». Так приблизительно мог бы воззвать творец к человеку: «Я наделил тебя всей склонностью к добру. Твоё дело развить её, и, таким образом, твоё собственное счастье и несчастье зависти от тебя самого»¹¹⁹.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Слово учителя – ничем не заменимый инструмент воздействия на душу воспитанника. Искусство воспитания включает прежде всего искусство говорить, обращаться к человеческому сердцу. Я твёрдо убеждён, что множество школьных конфликтов, нередко

оканчивающихся большой бедой, имеет своим источником неумение учителя говорить с учениками»¹²⁰.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Главное, что определяет эффективность слова учителя, – его честность. Ученики очень тонко чувствуют правдивость слова учителя, чутко откликаются на правдивое слово. Ещё тоньше чувствуют дети неправдивое, лицемерное слово»¹²¹.

¹¹⁹ Кант, Э. Трактаты и письма / Э. Кант. – Москва: Наука, 1980. – С. 449–450.

¹²⁰ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 33.

¹²¹ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 33.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ
«Беседы и суждения»

«Бывает, появляются ростки, но не цветут; бывает, что цветут, но не дают плодов»¹²².

А.С. Хомяков
(1804–1860 гг.)

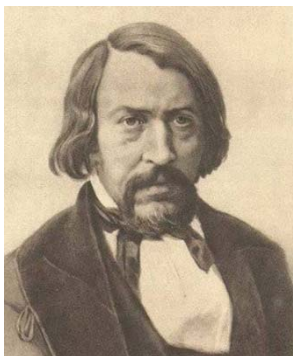
Русский философ-славянофил
«Об общественном воспитании в России»

*«Для того, чтобы определить разумное направление воспитания в какой бы то ни было земле и полезнейшее влияние правительства на это воспитание, кажется, надобно прежде всего определить смысл самого слова: **воспитание**.*

Воспитание в обширном смысле есть, по моему мнению, то действие, посредством которого одно поколение prepares следующее за ним поколение к его очередной деятельности в истории народа. Воспитание в умственном и духовном смысле начинается так же рано, как и физическое. Самые первые зачатки его, передаваемые посредством слова, чувства, привычки и так далее, имеют уже бесконечное влияние на дальнейшее его развитие. Строй ума у ребёнка, которого первые слова были Бог, тятя, мама, будет не таков, как у ребенка, которого первые слова были деньги, наряд или выгода. Душевный склад ребенка, который привык сопровождать своих родителей в церковь по праздникам и по воскресеньям, а иногда и в будни, будет значительно разниться от душевного склада ребенка, которого родители не знают других праздников, кроме театра, бала и картежных вечеров. Отец или мать, которые предаются восторгам радости при получении денег или житейских выгод, устраивают духовную жизнь своих детей иначе, чем те, кото-

¹²² Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме, 2003. – С. 96.

рые при детях позволяют себе умиление и восторг только при бескорыстном сочувствии с добром и правдою человеческого. Родители, дом, общество уже заключают в себе большую часть воспитания, и школьное учение есть только меньшая часть того же воспитания. Если школьное учение находится в прямой противоположности с предшествующим и, так сказать, приготовительным воспитанием, оно не может приносить полной, ожидаемой от него пользы; отчасти оно даже делается вредным: вся душа человека, его мысли, его чувства раздвоятся; исчезает всякая внутренняя цельность, всякая цельность жизненная; обессиленный ум не дает плода в знании, убитое чувство гложет и засыхает; человек отрывается, так сказать, от почвы, на которой вырос, и становится пришельцем на своей собственной земле»¹²³.

**А.С. Хомяков
(1804–1860 гг.)**

Русский философ-славянофил

**«Об общественном
воспитании в России»**

«Школьное образование должно быть сообразно с воспитанием, приготовляющим к школе, и даже с жизнью, в которую должен вступить школьник по выходе из школы, и только при таком соображении может оно

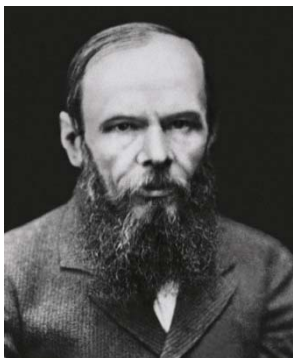
сделаться полезным вполне.

Из этого определения воспитания следует, что оно есть дело всего общества в обширном смысле слова и что оно, по-видимому, должно быть предоставлено самому обществу без всякого вмешательства правительственной власти: но такой вывод был бы несправедлив. Нет сомнения, что государство, признающее себя за простое или, лучше сказать, торговое скопление лиц и их естественных интересов, как, например, Североамериканские Штаты, не имеет почти никакого права вмешиваться в дело воспитания, хотя и они не дозволили бы воспитательного заведения с явно безнравственною целью; но то, что в государстве, подобном Северной Америке, является

¹²³ Хомяков, А. С. Всемирная задача России / А. С. Хомяков. – Москва: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 271–272.

только сомнительным правом, делается не только правом, но прямою обязанностью в государстве, которое, как земля Русская, признает в себе внутреннюю задачу проявления человеческого общества, основанного на законах высшей нравственности и христианской правды. Такое государство обязано отстранять от воспитания все то, что противно его собственным основным началам. Такова разумная причина, из которой истекает необходимость прямого действия правительственного на общественное образование. Впрочем, это действие, как я сказал, есть действие только отрицательное. Право на действие положительное, по-видимому, сомнительно; но и это сомнение исчезает при внимательном рассмотрении. Во всяком обществе, кроме потребностей постоянных и общих, могут явиться потребности временные, частные, на которые еще оно отвечать не умеет. Для удовлетворения этих потребностей могут быть нужны учебные заведения, исключительные и временно необходимые до той поры, когда само общество вполне поймет свои новые задачи и будет в состоянии свободно удовлетворять свои новые требования. Это право бесспорно должно быть допущено всяким государственным законодательством. Таким образом, положительное вмешательство правительства в дело общественного образования так же законно, как и отрицательное его влияние; а все то, что составляет право правительства, составляет в то же время часть его обязанности. Итак, в число прямых обязанностей правительства, верно выражающего в себе законные требования общества, входят: устранение всего, что противно внутренним и нравственным законам, лежащим в основе самого общества, и удовлетворение тех потребностей, которых само общество еще не может удовлетворить вполне. Из этого положения следует, что правила общественного воспитания должны изменяться в каждом государстве с характером самого государства и в каждую эпоху с требованиями эпохи. В отношении к отрицательному влиянию правительства на общественное образование должно заметить, что правительство, которое допустило бы в нём начала, противные внутренним и нравственным законам общества, изменило бы чрез то само общественному доверию. Поэтому, чтобы определить направление правительственных действий на воспитание, надобно прежде всего определить самый характер земли, которой судьба вручена правительству: ибо то, что может быть невинно или даже похвально в Англии, было бы вредно и даже преступно в Испании.

Внутренняя задача Русской земли есть проявление общества христианского, православного, скрепленного в своей вершине законом живого единства и стоящего на твёрдых основах общины и семьи. Этим определением определяется и самый характер воспитания; ибо воспитание, естественно даваемое поколением, предшествующим поколению последующему, по необходимости заключает и должно заключать в себе те начала, которыми живёт и развивается историческое общество. Итак, воспитание, чтобы быть русским, должно быть согласно с началами не богобоязненности вообще и не христианства вообще, но с началами православия, которое есть единственное истинное христианство, с началами жизни семейной и с требованиями сельской общины, во сколько она распространяет своё влияние на русские села...»¹²⁴.

**Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)**

Русский писатель, мыслитель

«Дневник писателя» за 1873 г.

«Ну какой в самом деле наш народ протестант и какой он немец? И к чему ему учиться по-немецки, чтобы петь ему псалмы? И не заключается ли всё, всё, чего ищет он, в православии? Не в нем ли одном и правда и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего человечества? Не в православии ли одном

сохранился божественный лик Христа во всей чистоте? И может быть, главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтоб сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придёт время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои!»¹²⁵.

¹²⁴ Хомяков, А. С. Всемирная задача России / А. С. Хомяков. – Москва: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 272–274.

¹²⁵ Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург: Лениздат, 1999. – С. 52.

**А.С. Панарин
(1940–2003 гг.)**

**Советский и российский
философ, политолог, публицист**

**«Православная цивилизация
в глобальном мире»
Дарение и бытие**

*«Вспомним, как учил нас постигать
«первичную предметность» (бытие)
Гуссерль: он предлагал вынести за
скобки всё наносное, затемняющее, ими-*

тирующее. Вопрос в том, что именно подлежит этой «феноменологической редукции»? И как обнаружить и опознать тот самый момент, когда бытие стало подвергаться замутнению и искажению?»

Ж. Бодрийяр полагает, что открывателем первичного, неискаженного и незамутненного бытийственного социального опыта является французский социальный антрополог и этнолог Марсель Мосс. В своем «Очерке о даре» он описал общества, ещё не знающие стоимостного обмена, заменённого у них обменом дарами. Речь идёт о неолитических общинах Полинезии, Меланезии, Северо-Запада Америки. Мосс описывает их как носителей некоего «первичного опыта», к которому нам, свидетелям глобального кризиса, в самый раз пристало прислушаться. Разумеется, можно говорить об этих «дикарях» свысока. Но неплохо бы не упустить из виду тот факт, что эти «дикари» доказали свою способность на длительное планетарное существование, на достижение баланса с миром, тогда как мы, азартные игроки в прогресс, кажется, доигрались до предела.

Логика, вытекающая из парадигмы Соссюра, указывает: если обмен меновыми стоимостями не случайно привел нас к отрыву от мира, к подмене реального производства, реального богатства и реального опыта «виртуальным» производством и потреблением симулякров, то есть смысл заново обратиться к анализу тех типов социальной организации, которые такого обмена не знали.

Самое любопытное состоит в том, что во всех не-западных цивилизациях обмен меновыми стоимостями (товарами) был явлением маргинальным, так до конца, до нынешней эпохи всемирной вестернизации, и не получившим настоящую легитимацию. Во всех этих цивилизациях действовала, и во внутренней жизни, и во внешних сношениях, жёсткая дилемма: или обмен дарами – между родственниками,

между кланами, между выше- и нижестоящими, а также и между племенами, или – вражда, хаос, дезорганизация и неповиновение.

Вопрос в том, не имеем ли и мы, люди рубежа тысячелетий, перед собой ту же самую дилемму? Могут ли наши социальные отношения быть целиком основанными на контракте, на гарантиях эквивалентного стоимостного обмена?

Это означало бы в моральном отношении полную метаморфозу человека – отказ от самих понятий социального долга, ответственности, любви, сострадания, сопричастности. «Ты мне, я тебе» – в этом принципе нет уже ничего собственно социального, а есть только экономическое. Современный либерализм не стесняется так и формулировать задачу модернизации: исключить «архаику» социальной и моральной ангажированности, расчистив место для тотальной экспансии экономических отношений.

Здесь возникает ряд вопросов. Способен ли на длительное историческое существование этот «чистый» экономический человек, преодолевший социальное начало? И осуществима ли любая практика, в том числе и экономическая, на основе скрупулезного соблюдения эквивалентного обмена?

Ведь в этом случае буквально все наши действия требовалось бы оговорить предварительными экономическими условиями, затем обеспечить гарантированное соблюдение этих условий, создав бесконечную сеть контрактных договоров, санкций, арбитража, исчерпывающих формулировок. Недавно эта проблема была рассмотрена Ф. Фукуямой – автором скандально известного «Конца истории». Он пишет: «...люди, не испытывающие доверия друг к другу, смогут взаимодействовать лишь в рамках системы формальных правил и положений, которые нужно постоянно вырабатывать, согласовывать, отстаивать в суде, а потом обеспечивать их соблюдение, в том числе и с помощью мер принуждения. Все эти правовые приёмы, заменяющие доверие, приводят к росту того, что экономисты называют «транзакционными издержками». Иначе говоря, преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности, от которой избавлены общества с высоким уровнем доверия».

Иными словами, социальный капитал нельзя свести к экономическому капиталу. Более того, он растрачивается и исчезает в

условиях незаконной инфильтрации отношений экономического контракта и обмена в заповедные социальные и моральные сферы.

Сама попытка бесконечность неформального свести к формальному, представленному в исчерпывающе полных формулировках, гарантирующих «эквивалентность», разоблачена венским математиком К. Гёделем в его теореме о принципиальной неполноте формализованных систем. М. Мосс высказывается об этом менее категорично, но с мудрой осмотрительностью, предполагающей иначе возможное: «Во всех обществах, которые непосредственно нам предшествовали и которые ещё нас окружают, и даже в многочисленных обычаях нашей народной нравственности нет середины: либо полностью доверяться, либо полностью не доверять; сложить оружие и отступить от своей магии или отдать всё: от мимолётного гостеприимства до дочерей и имущества. Именно в подобном состоянии люди отказались от себялюбивых расчётов и научились брать на себя обязательство давать и возвращать».

Инверсии дружбы-вражды, страха-доверия, ненависти-любви не только лежат в основе образования коллективного социального капитала – основы кооперации и взаимопонимания, но и являются источником той социальной энергетики – эмоциональной насыщенности, – без которой любые социальные практики неизбежно вырождаются, а социальные институты – мертвеют.

Онтология дарения.

Обратимся теперь к проблемам онтологии, к раскрытию тайн той открытости бытию, которая составляла завидную особенность добуржуазных обществ и без восстановления которой нам суждена гибель.

Чем же даруемая вещь отличается от продаваемой? В первую очередь своей уникальностью. При развитой (всеобщей) форме меновой стоимости природная субстанциальность обмениваемой вещи, её телесная специфика не имеет никакого значения, равно как и специфика её первоначального владельца (производителя и продавца).

В ситуации дарения всё обстоит прямо противоположным образом: здесь вещь воспринимается во всей её субстанциальной неповторимости, в нерасторжимо интимной связи с личностью дарителя. «Материальная и моральная жизнь, обмен функционируют там в бескорыстной и в то же время обязательной форме. Более

того, эта обязательность выражается мифологическим, воображаемым или, если угодно, символическим и коллективным способом: она принимает форму интереса к обмененным вещам. Последние никогда не отрываются от участников обмена, а создаваемые ими общность и союзы относительно нерасторжимы».

Последнее обстоятельство особенно важно: онтология и социология, статус вещей и статус социальных связей тесно связаны. Анонимная вещь торгового (экономического) обмена создаёт только поверхностные и мгновенные связи между людьми. Уникально-индивидуальная вещь как объект дарения создает нерасторжимые связи братства, благодарности, умиления, восхищения и других сильных чувств, расплавляющих стену отчуждения. В данной вселенной знак (символ) неразрывно связан с референтом и не может пускаться в сомнительные авантюры стилизаторства, симуляций, виртуальных игр.

С точки зрения семиотики и философии имени здесь мы фиксируем ту ситуацию, когда каждая вещь награждается именем собственным, а не нарицательным: она не имеет дублёра, не тиражируется в одноимённой множественности, не нивелируется. Даримая вещь не только навсегда сохраняет аромат личности дарителя и аффицирует, таким образом, наши чувства обязанности и признательности. Она обладает одновременно и свойствами космической соотнесённости.

Дело в том, что дар никогда не воспринимался как счастливый случай, как выигрыш в рулетку, как азартная игра отщепенской личности. Дар пробуждает в нас не только социальное чувство благодарности и признательности, но и космическое чувство причастности к миру. Ведь и сам даритель в этой вселенной никогда не воспринимается как конечная инстанция или первичный владелец вещей. Он сам получил их в дар – от богов, от космоса, от вышестоящего лица, от собственных предков. Именно поэтому он в свою очередь обязывается к бескорыстному дарению – таков высший космический закон.

Как пишет исследователь семантики дара в древнем Китае, «дарение донора было его «милостью», и в то же время не только его – каждый дар поступал в распоряжение определённого реципиента и вместе с тем не воспринимался им как предназначенный лишь для себя... Даже Сын Неба не ощущает себя господином

своей судьбы и своего государства, ибо постоянно пользуется милостями Неба и прежних вассалов (императоров – А. П.)».

Таким образом, дарение имеет одновременно и мистическо-космическое значение стяжания благодати, и значение приращения социального капитала, взаимного доверия и взаимных обязательств между людьми. Сама власть вышестоящих над нижестоящими связана с несимметричностью отношений дарения – отдаривания: тот, кто не способен адекватно отдарить, попадает в положение особо обязанного. Расточительные угощения и пиры, даваемые сеньорами своим вассалам, закрепляют отношения личной обязанности.

Речь, таким образом, идёт не о том, чтобы предаваться ностальгической восторженности в наших обращениях к архаике традиционного дарения; речь идёт о том, чтобы понять, как вообще создается моральный, социальный и онтологический капитал в любом обществе.

Дар есть синоним обязательств, социальных и моральных. Чувство подлинного, экзистенциально переживаемого нами как внутренний человеческий долг обязательства возникает только в ответ на дар: всё то, что подарили нам наши родители и предки, что подарено нам нашим детством, нашей родной землей, нашей культурой и историей. В цивилизации тотального менового (эквивалентного) обмена понятие дара исчезает, но вместе с ним исчезает и понятие социальных и моральных обязательств (я расплатился и потому никому ничем не обязан и не должен).

Ниже мы остановимся на том, что на самом деле это чувство «полностью оплаченных векселей» всегда ложно, что цивилизация обмена, сама того не зная, пользуется неоплаченными дарами и паразитирует на людях, сохранивших память о даре и связанную с ним моральную ангажированность.

Вернёмся к онтологической проблематике. За исключением западной цивилизации эпохи модерна, все остальные цивилизации воспринимали космос не механически, а органически – как величественную живую целостность, дающую человеку дары. Легче всего отмахнуться от этой архаики, объявив её суеверием, магией или антропоморфизмом.

И всё же перед лицом глобальных проблем нам приходится признать, что восприятие окружающего мира как высшего дара, как благодати, обязывающей нас к ответному отношению, более всего приближает к экологическому императиву современности.

Вне парадигматики дара все вещи космоса могут восприниматься как бесконечно тиражируемые и воспроизводимые, заполучаемые без ответных обязательств – как мировая материя, непрерывно обесцениваемая в ходе прогресса. Перерабатывая их в качестве не имеющего собственной структуры и образа сырья, бесконечно меняя их названия и назначение, человек воспринимает себя в семиотической парадигме Соссюра: как субъекта, всё более произвольно оперирующего знаками, освобождаемыми от соотношенности с первичной космической реальностью, и теряющего сам её след.

Дар слова.

Русский православный философ С.Н. Булгаков разрабатывает другую парадигму, близкую архетипу дарения. Только через этот архетип сохраняется онтологическая причастность человека, его открытость бытию, уберегающая от нигилистического отщепенства. Вот что говорит Булгаков в «Философии имени»: «Слово космично в своём естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нём и через него звучит мир... В сущности, язык всегда был и есть один – язык самих вещей, их собственная идеация».

Здесь мы видим два противоположных подхода к слову-знаку: с позиций космического самоотражения (или самооткровения элементов космоса) и с позиций теории производства знаков и знаковой реальности, равнодушной к реальному бытию. Когда человек ощущает в себе дар слова как космический дар, как «самооткровение» космоса, уполномочившего его заявить о своём порядке, он выступает настоящим пассионарием. Ибо «в словах содержится энергия мира, словотворчество есть процесс субъективный, индивидуальный, психологический только по форме существования, по существу же он космичен... Слова вовсе не суть гальванизированные трупы или звуковые маски, они живы, ибо в них присутствует мировая энергия, мировой логос...»

И потому слово – так, как оно существует, – есть удивительное соединение космического слова самих вещей и человеческого о них слова, причем так, что то и другое соединены в нераздельное сращение».

Здесь мы не просто имеем дело с парадигмой, противоположной или «предшествующей» соссюровской. Когда русский философ

говорит о даре слова, в противоположность «производству текста», о сращивании обозначающего с обозначаемым, в противоположность сосюрговской программе их окончательного разлучения, он не просто демонстрирует другой тип понимания или другой уровень развития философии языка. Он реанимирует архаику, парадокс которой в том, что она является более современной, чем всё, созданное в парадигме модерна и постмодерна.

Возьмём творчество: научное (в особенности в области фундаментальных исследований), художественное, политическое. Никто не осмелится сказать, что творческий труд относится к области презираемой архаики. Напротив, так называемое информационное общество идентифицирует себя в прямой соотнесённости с ним. В то же время всякое его восприятие в парадигме менового обмена, стоимостных эквивалентов выдает чудовищную профанацию.

Во-первых, творчество самоценно: его вдохновение питается отнюдь не предвкушениями последующего экономического вознаграждения. Это вдохновение воспринимается творческой личностью как благодать, как дар свыше, который ничем ни заменить, ни возместить нельзя.

Во-вторых, оно являет себя в горизонте дарения тогда, когда мы пытаемся оценить его внешний практический эффект, выразить его актуальную и потенциальную стоимость. Оно (в случае продуктов истинного творческого гения) тяготеет к бесконечности. Таким образом, творческая личность в точности воспроизводит архаическую парадигму дарения, когда она и сама получает вдохновение даром, по зову свыше, и столь же в свою очередь обязывается одаривать: «дар, поступающий в распоряжение реципиента, не воспринимается им как предназначенный для себя самого».

В принципе невозможно локализовать, как этого требует меновая экономическая парадигма, источники и средства получения вдохновения (уподобив их точно измеримым товарам), равно как и точно исчислить эффекты полученных в результате продуктов творчества (научных открытий, художественных изобретений, политических инициатив и новаций). Не случайно современная либеральная идеология всё меньше говорит о творчестве и всё более откровенно склоняется к тому, чтобы реинтерпретировать само

понятие информационного общества в духе сосюрговской «знаковой» экономики, получающей прибыль в процессе манипуляций с валютными курсами, а не в процессе реального производства.

Столь же точно вписывающимися в архетип дара и дарения выступают все виды активности, относящиеся к формированию «человеческого капитала». Брак, семья, воспитание детей, вдохновение мэтров, обращённое к учащейся молодежи, отношения мужчин и женщин, отношения к престарелым, инвестиции в будущие поколения – всё это получает печать откровенной и пагубной профанации, как только утрачивает хоть какую-то соотнесённость с парадигматикой дарения и отдаривания, движения даров по вертикали и горизонтали, во времени и в пространстве.

Ребёнок, даже растущий в избытке материального комфорта, но не получающий дара родительской любви, рискует вырасти мизантропом и ипохондриком, чувствующим свою отлучённость от мира. Ученики, только и встречавшие на своем пути методически оснащенных, но лишенных божьей искры наставников, рискуют так и не приобщиться по-настоящему к тайнам профессии, потому и называемым этим мистическим словом – тайны, что не даются остужённо безразличному, «меновому» сознанию.

Даже в процессе потребления: что может считаться, по меркам scientизма и технологизма, более архаичным, чем натуральный продукт – этот дар природы? Тем не менее с точки зрения новейшей эволюции потребления он оказывается самым современным.

Отчуждение дара.

Современное меновое общество, отбивающее у людей охоту и способность к дарению, с «либеральной» агрессивностью выкорчевывающее саму установку дарения в качестве признака «чуждого менталитета», рискует растратой самого главного: готовности людей дарить плоды своего усердия, таланта, вдохновения миру, способному отдаривать.

Нам здесь предстоит приступить к главному вопросу, над которым в своё время бился Маркс, который затем подняла феноменологическая школа в социологии, а в наши дни затрагивали теоретики неоконсерватизма.

Речь идёт о выявлении неявных предпосылок современного буржуазного богатства и буржуазного мироустройства в целом. Наиболее

чуткие наблюдатели буржуазного порядка единодушно высказывают своё подозрение относительно способности этого порядка длительно воспроизводиться и действовать на своей собственной социокультурной и нравственной основе. Говорится о том, что тот человеческий тип, который формируется индивидуалистическо-гедонистической «моралью успеха», сам по себе совершенно не способен обеспечить надежную работу любых общественных институтов. Постоянно пребывая в опасении что-то передать, сделать лишнее, вложить без отдачи, этот тип не столько действует, сколько ищет тех, кто в простоте своей сделает за него.

Совсем не случайно современные экономисты твердят о кризисе инвестиционного духа. Инвестировать в какое-либо дело, предприятие, институт – значит авансировать своё доверие на какое-то время вперёд, любить тот мир, в котором пребываешь, дарить самому и ожидать даров. Новый тип неврастенического эгоиста, постоянно опасющегося того, как бы не передать, не сделать больше, чем другие, способен только на краткосрочное инвестирование – с сегодня на завтра, да и то под гарантии самой высокой прибыли. Прежний буржуазный порядок, пользующийся людьми старого закала, которых не он формировал, действовал эффективно при средней норме прибыли 3–5%. Хозяин старого типа вставал в 4 часа утра, будил домочадцев и принимался за дело, не щадя сил и времени.

Он напрягался, вряд ли поминутно спрашивая, а во что ему обойдётся это напряжение, стоит ли его предпринимать, получит ли он уже к вечеру вознаграждение за усилия, предпринятые утром. О, он был готов ждать! И современная социология ещё не выяснила истинные основания этой всегдашней готовности.

Вспомним теперь Маркса. У него тоже буржуазное богатство было поставлено под подозрение. В этой якобы автоматически действующей машине он усмотрел присутствие терпящего и скорбного человеческого духа – трудовых усилий пролетария, в принципе никогда не вознаграждаемых полностью, ибо буржуазный эквивалентный обмен игнорирует сложную, двойственную природу рабочей силы как товара. Тот факт, что она способна приносить большую стоимость, чем имеет сама, – прибавочную стоимость, – Маркс так и не сумел объяснить с должной глуби-

ной. Он всё дело свел к количеству: для воспроизводства своей рабочей силы рабочему достаточно трудиться 5–6 часов, а он трудится 10–12 часов – вот вам и весь секрет.

На самом деле уже сама способность трудиться 12 часов в день, приступать к работе в 6 часов утра, не проклиная всё на свете, не дергаясь в нервических конвульсиях, не оглядываясь на тех, кто в это время ещё поживает, требует своего социокультурного и социально-психологического объяснения. Но главное не в этом.

Сомнительна сама презумпция Маркса о целиком вынужденном, побуждаемом одной только внешней необходимостью характере пролетарского труда. Получается так, что архаичный труд старого ремесленника или крестьянина предполагал живую инициативу и осмысленную личную вовлеченность, тогда как современный промышленный труд исключает какую-либо инициативу со стороны рабочего. А фигура пролетария, нарисованная Марксом, именно такова. Полная личностная отчуждённость, полное равнодушие к своей работе, одно только мускульное усилие, не сопровождаемое никаким подключением ума и сердца, смекалки и усердия.

Маркс так и пишет: «Техническое подчинение рабочего однообразному ходу средства труда и своеобразное сочетание трудового организма из индивидуумов обоего пола и самых различных возрастных ступеней создаёт казарменную дисциплину, которая вырабатывается в совершенный фабричный режим и доводит до полного развития уже упомянутый выше труд надзора, а вместе с тем и разделение рабочих на рабочих ручного труда и надсмотрщиков за трудом, на промышленных рядовых и промышленных унтер-офицеров».

Итак, совершенный фабричный режим – это режим, более во все не нуждающийся в личности рабочего и проводивший последовательную демаркационную линию между теми, кому принадлежит инициатива (административно-управленческим и инженерным корпусом), и теми, кто отдаёт промышленности только своё мускульное тело, да и то расчеловеченное, уподобленное мёртвому автомату. То, что подобные презумпции в самом деле воодушевляли научную организацию труда Тейлора и всю технократическую традицию Запада, сомнений нет. Но также и нет сомнений в том, что промышленная цивилизация вообще не могла бы продержаться и получать импульсы дальнейшего развития, если бы она и со стороны рабочего класса не получала какого бы то ни было инициативного обеспечения и человеческого участия.

Уже упомянутый выше принцип неполноты формализованных систем указывает на тщетность попыток подменить инициативу исчерпывающей полнотой административных инструкций и предписаний, которым остаётся только бездумно следовать. Всякий трудовой и производственный процесс в определённом смысле является дискретным: он представляет не монологический автоматизированный ход механической системы, а диалог системы и среды, то и дело создающий нестандартные ситуации, которые требуют включения разумной инициативы. И художественная, и профессиональная социологическая литература изобилует описаниями, изобличающими административно-командную самоуверенность, на самом деле не ведающую маленьких профессиональных тайн тех, кто находится внизу и своим участием спасает дело.

Никто ещё не пытался эксплицировать – то есть выявить все неявные предпосылки – социальные, психологические, культурные, – действия какого-либо общественного института или предприятия. Тогда и обнаружилось бы, что вся современная «рациональная» организация на самом деле полна прорех, неоговорённых условий деятельности, вознаграждаемых усилий.

Иными словами, всякая общественная деятельность, всякая кооперация людей наряду с процедурами эквивалентного обмена стоимости требует бескорыстно авансированного доверия, заранее не предусмотренной инициативы, спонтанных импульсов жизни, неукротимых, как сама природа. Словом – требует дара.

Тайна прибавочной стоимости, о которой говорил Маркс, – это на самом деле тайна людей, у которых ещё сохранилась способность дарения. Маркс напрасно ограничил понятие прибавочной стоимости, привязав его только к неоплаченному труду пролетариата. Прибавочная стоимость, получаемая современным (буржуазно организованным) обществом, – это использование не предусмотренных системой менового обмена, источаемых как свободный дар энергии, инициативы и воодушевления людей, носящих внеэкономический характер. Поэтому и вопрос о природе, источниках и исторических горизонтах этой прибавочной стоимости следует осмыслить не в марксистской, а в какой-то другой парадигме»¹²⁶.

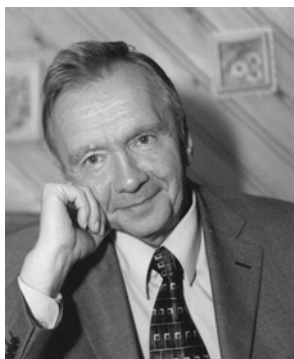
¹²⁶ Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва: Алгоритм, 2002. – С. 77–87.

**Григорий Богослов
(329–389 гг.)
Христианский богослов,
один из Отцов
Христианской Церкви**

«Избранные творения»

«В предыдущем слове очистили мы понятие о богослове, объяснив, каков он должен быть, перед кем, когда и сколько любомудрствовать. А именно, ему должно быть, сколько можно, чистым, чтобы свет приемлем был светом, любомудрствовать перед людьми усердными, чтобы слово, падая на бесплодную землю, не оставалось бесплодным; любомудрствовать, когда внутри нас тишина и не кружимся по внешним предметам, чтобы не прерывалось дыхание, как у всхлипывающих; притом любомудрствовать, сколько сами постигаем и можем быть постигаемы»¹²⁷.

**А.С. Панарин
(1940–2003 гг.)
Советский и российский
философ, политолог, публицист**

«Правда железного занавеса»

«В сфере специализированного образования и повышения квалификации мы непрерывно слышим жалобы со стороны обучаемых, сетующих на то, что им дают «слишком много теории», слишком много непрофильных знаний, которые вряд ли им пригодятся на конкретном рабочем месте. Но всё дело как раз в том, что этот «излишек знаний» и является источником социально-экономической и промышленной динамики современных обществ. Благодаря этому излишку возникает «зазор» между личностью и производственной ситуацией, между культурой и промышленностью, между теорией и практикой. Этот зазор становится источником перманентного творческого

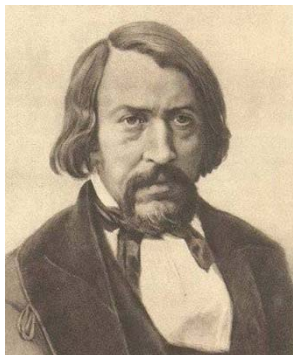
¹²⁷ Святитель Григорий Богослов. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2008. – С. 29–30.

беспокойства, резервом иначе-возможного. Традиционное производство получало работников, запрограммированных под заранее заданную функцию. Современное производство черпает свое пополнение из системы образования, которой ведает не столько производственная система, заранее знающая, что ей надо, сколько научная система, обладающая постоянно открытой, непрерывно обновляемой и корректируемой программой. Современное образование в смысле знаний дает как правило гораздо больше того, чем требуется непосредственно на рабочем месте, а в смысле практических навыков и умений – гораздо меньше требуемого. Поэтому выпускник школы, техникума, колледжа, вуза, в рамках производства всегда чувствует себя «пограничной личностью», которая, с одной стороны, умеет слишком мало для удовлетворительной профессиональной адаптации, а с другой – теоретически знает слишком много для того, чтобы быть ценностно интегрированной в производственную систему и достичь в ней интеллектуального и морального успокоения.

Подобно тому, как неизрасходованная в личном потреблении часть прибыли становится источником мировой динамики капитала, постоянно ищущего новые точки своего приложения, «неизрасходованные на рабочем месте знания становятся источником научно-технических революций и общей социокультурной динамики модерна, ни в чем не находящего окончательного успокоения.

«...» Нет никакого сомнения в том, что именно избыток междисциплинарных, общетеоретических знаний у молодежи является гарантом ее способности к усвоению качественно новых ролей и источником социально-профессиональной мобильности. Если бы система образования была «полностью адаптированной» к практическим нуждам промышленности и не содержала некоего «интеллектуального избытка», она бы готовила людей для данных, уже сложившихся профессий, но не содержала бы резервов для профессиональных новаций и межотраслевых движений квалифицированной рабочей силы»¹²⁸.

¹²⁸ Панарин, А. С. Правда железного занавеса / А. С. Панарин. – Москва: Алгоритм, 2006. – С. 30–32.

**А.С. Хомяков
(1804–1860 гг.)**

Русский философ-славянофил

**«Об общественном
воспитании в России»**

«Разум человека есть начало живое и цельное; его деятельность в отношении к науке заключается в понимании. Самые предметы, представляемые наукою, как и предметы видимого и осязаемого мира, суть только материалы, над которыми трудится понимание. Истинная цель воспитания умственного есть именно развитие и укрепление понимания; а эта цель достигается только посредством постоянного сравнения предметов, представляемых целым миром науки и понятий, принадлежащих её разным областям. Ум, сызмала ограниченный одною какою-нибудь областью человеческого знания, впадает по необходимости в односторонность и тупость и делается неспособным к успеху даже в той области, которая ему была предназначена. Обобщение делает человека хозяином его познаний; ранний специализм делает человека рабом вытверженных уроков. Самое богатство материалов, если они все принадлежат к одной какой-нибудь отрасли науки и не пробуждают дремлющей силы сравнивающего понимания, обращается в тягость: оно лежит бесплодным и свинцовым грузом в сонной голове, между тем как меньшее количество материалов, пробудившее деятельность ума с разных сторон и в разных направлениях, приносит богатые плоды и самому человеку, и обществу, которому он принадлежит. Так, несчастный ученик ремесленно-художественной школы, век свой трудившийся над рисованием орнаментов, никогда не нарисует и не придумает того затейливого орнамента, который шутя накинёт в одно мгновение рука академика, никогда не думавшего о сплетении виноградных и дубовых листьев.

Иначе и быть не может. Умственная жизнь человека подчинена законам, подобным тем, которыми управляется его жизнь физическая. Так, кто желал бы воспитать известное число скороходов, носильщиков, кулачных бойцов и т. д., даст им сперва общее воспитание атлета, подчинит их общей диете и общим упражнениям, укрепит всю их мускульную систему и потом уже обратит их к предназначенным специальностям, согласуясь, сколько возможно, с их врождёнными способностями: он достигнет своей цели. Но тот, кто сызмала, разделив воспитанников по

будущему ремеслу на скороходов, носильщиков, бойцов, вздумал бы развивать в будущем скороходе единственно силу ног и дыхания, в будущем носильщике единственно крепость спины и в бойце мускулы руки, тот вырастит множество бессильных уродов, из которых едва ли один окажется сколько-нибудь способным к работе, на которую был предназначен. Никому и не придёт в голову такое нелепое воспитание физическое. Отчего же так нераскайно умничают над человеческим умом люди, которые посовестились бы позволить себе те же самые несообразности в телесном воспитании человека? В общественном отношении должно ещё прибавить и следующее: человек, получивший основное образование общее, находит себе пути по обстоятельствам жизни; человек, замкнутый в тесную специальность, погиб, как скоро непредвидимая и неисчислимая в случайностях жизнь преградит ему единственный путь, доступный для него. Воспитание, основанное на разделении специальностей, необходимо сопряжено с привилегированными школами, т. е. с монополией, и эта монополия даёт десять умных недовольных на каждого очастливленного тупицу.

Специальность не может быть положена в основу воспитания. Твёрдою и верною основою может служить только просвещение общее, расширяющее круг человеческой мысли и его понимающей способности; но из этого не следует, чтобы это общее просвещение не имело своих степеней»¹²⁹.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Что значит «воспитание в узком смысле понятия»? И разве можно сформировать мировоззрения без обучения и образования? Разве можно воспитывать человеческую душу, не имея в виду того, что человек видит, узнает, познает, осмысливает в процессе образования? С другой стороны, разве мыслимо образование вне воспитания мировоззрения?»¹³⁰.

¹²⁹ Хомяков, А. С. Всемирная задача России / А. С. Хомяков. – Москва: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 280–281.

¹³⁰ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 18.

**А.С. Макаренко
(1888–1939 гг.)**

**Советский воспитатель, писатель.
Решением ЮНЕСКО (1988 г.)
признан одним из четырёх
педагогов, определивших
педагогическое мышление
в XX веке**

**«Лекции о воспитании детей»
Общие условия
семейного воспитания**

«Прежде всего, обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребёнка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать.»

Правильное воспитание с самого раннего детства – это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силе каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребёнка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это дело приятное, радостное, счастливое. Совсем другое – перевоспитание. Если ваш ребёнок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нём думали, а то, бывает, и поленились, запустили ребёнка, тогда уже нужно многое переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания – уже не такое легкое дело. Перевоспитание требует и больше сил, и больше знаний, больше терпения, а не у каждого родителя всё это найдётся. Очень часто бывают такие случаи, когда семья уже никак не может справиться с трудностями перевоспитания и приходится отправлять сына или дочку в трудовую колонию. А бывает и так, что и колония ничего поделать не может и выходит в жизнь человек не совсем правильный. Возьмём даже такой случай, когда переделка помогла, вышел человек в жизнь и работает. Все смотрят на него, и все довольны, и родители в том числе. Но никто не хочет подсчитать, сколько всё-таки потеряли. Если бы этого человека с самого начала правильно воспитывали, он больше взял бы от жизни, он вышел бы в жизнь ещё более сильным, более подготовленным, а значит, и более счастливым. А кроме того, работа перевоспитания переделки – это работа не только более трудная, но и горестная. Такая работа, даже при полном

успехе, причиняет родителям постоянные огорчения, изнашивает нервы, часто портит родительский характер.

Советуем родителям всегда помнить об этом, всегда стараться воспитывать так, чтобы ничего потом не пришлось переделывать, чтобы с самого начала все было сделано правильно»¹³¹.

**В. Франкл
(1905–1997 гг.)**

Австрийский психиатр, философ

«Воля к смыслу»

«Первоочередной задачей образования должна быть не передача традиций и знаний, а укрепление той способности, которая позволяет человеку находить уникальные смыслы. Сегодня образование не может привычно следовать по традиционным рельсам, оно должно пробуждать способность к независимым и аутентичным решениям. В эпоху, когда

десять заповедей утратили, по-видимому, безусловную непоколебимость, человеку больше, чем в прежние века, необходимо прислушиваться к тысячам заповедей, которые возникают в десяти тысячах уникальных ситуаций, из которых состоит жизнь человека»¹³².

«Философский словарь»

«Воспитание»

«Воспитание – воздействие общества на развивающегося человека. В узком смысле слова воспитание есть планомерное воздействие родителей и школы на воспитанника, т.е. на незрелого человека, к сущности которого принадлежат потребность и способность к дополнению, а также

стремление к дополнению. Целью воспитания является способствование развёртыванию у воспитанника проявляющихся дарований

¹³¹ Макаренко, А. С. Сочинения / А. С. Макаренко. – в 7 т. Т. 4. – Москва: Издательство академии педагогических наук, 1958. – С. 342.

¹³² Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. – Москва: Альпина Нон-Фикшн, 2018. – С. 81.

или сдерживание каких-либо задатков в соответствии с целью («идеал воспитания»). Средством воспитания является прежде всего пример, который воспитатель подаёт воспитаннику, затем – приказ (требование и запрет), убеждение, приучение и обучение. Воспитание распространяется на тело, душу и дух и ставит задачей образование из развертывающихся задатков и развивающихся способностей гармонического целого, а также приобретение вырастающим воспитанником благоприятных для него самого и для общества душевно-духовных установок в отношении других людей, семьи, народа, государства и т. д. При этом идеалы воспитания, выдвигаемые различными влиятельными социальными группами, могут противоречить один другому. Рука об руку с воспитанием идет образование. Воспитание со стороны родителей и школы прекращается с утратой авторитета у воспитанника. Дальнейшее воспитание сформировавшегося человека переходит, с одной стороны, к нему самому (самовоспитание), с другой – к совокупности воздействующих на него в повседневной жизни психических сил, особенно образующихся из многочисленных социальных (профессиональных) и эмоциональных (честь) отношений, в которые попадает человек. Возможно и воспитание дурного.

Систематическое исследование и выявление всех действующих при воспитании факторов составляет задачу науки о воспитании (Педагогика)»¹³³.

«Философский энциклопедический словарь»

«Образование»

«Духовный облик человека, который складывается под влиянием моральных и духовных ценностей, составляющих достояние его культурного круга, а также процесс воспитания, самовоспитания, влияния, илифовки, т. е. процесс формирования облика человека. При этом главным является не объём знаний, а соединение последних с личными качествами, умение самостоятельно распорядиться своими знаниями. В образовании имеется всегда как формальная сторона, т. е. духовная деятельность или

¹³³ Философский словарь. – М.: Политиздат, 1987. – С. 76.

духовная способность (рассматриваемая вне зависимости от соответствующего данному времени материала), так и материальная, т. е. содержание образования.

Значение, в котором понятие «образование» употребляется в настоящее время, оно приобрело в кон. XVIII в., особенно под влиянием Гёте, Песталоцци и неогуманистов, и означало тогда общий духовный процесс формирования человека в противоположность воспитательной технике сторонников методов просветителей. С этого времени данное понятие приобрело более широкое значение. Обычно говорят об общем образовании, которое дается в школе, и о специальном образовании (напр., научном, музыкальном, техническом). Специальные и профессиональные знания могут рассматриваться как образование в подлинном смысле этого слова только в том случае, если они связаны с общим образованием. Цели образования, точно так же, как и требуемый им уровень знания, могут быть различными в зависимости от характера культуры, национальных особенностей, географической и социальной среды и претерпевать исторические изменения (дворянское образование, буржуазное образование, утилитарное, гуманитарное, политическое и др.). Образование как защита против сил, обезличивающих человека, в демократическом обществе стало вопросом жизни как для отдельных людей, так и для всего общества в целом. Понимание этого вопроса вызывает развитие движения за народное образование»¹³⁴.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ
«Мысли. Афоризмы»

*«Как люди портят себе ум, так портят и чувства. Ум и чувству образуются беседами, беседами ум и чувства портятся. Благие и дурные беседы их образуют или портят. Поэтому важно уметь их различать, чтоб образовывать себя и не портить. Но такой выбор можно сделать, только если человек уже образован и не испорчен. Вот замкнутый круг, и блаженны те, кому удаётся его разорвать»*¹³⁵.

134 Философский энциклопедический словарь. – Москва: Инфра-М, 1997. – С. 311.
135 Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 289–290.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Что такое учебно-воспитательный процесс? В нём три слагаемых: наука, мастерство, искусство... Воспитание в широком смысле – это многогранный процесс постоянного духовного обогащения и обновления – и тех, кто воспитывается, и тех, кто воспитывает, причём этот процесс характерен глубокой индивидуальностью явлений: та или иная педагогическая истина, верная в одном случае, становится нейтральной во втором, абсурдной – в третьем. Такова природа нашего педагогического дела»¹³⁶.

**Алексий II.
(1929–2008 гг.)
Патриарх Московский
и Всея Руси (1990–2008 гг.)**

О православном образовании

«Слово «образование» восходит к слову «образ». По образу и подобию своему Сотворил Господь человека. Задача образования состоит в воссоздании, в восстановлении этого образа, разрушенного и осквернённого».
«Церковь Божия свидетельствует миру о вечном, но сама существует в меняющемся мире. Новые, небывалые прежде обстоятельства по-иному расставляют акценты, выявляют непривычное и незнакомое в вещах и людях. Однако, как бы ни менялся мир, основные, существеннейшие начала православного учения и православного образования остаются неизблемыми»¹³⁷.

¹³⁶ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 14.

¹³⁷ Мысли русских патриархов от начала до наших дней. – Москва: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. – С. 509.

**А.С. Макаренко
(1888-1939 гг.)**

**Советский воспитатель, писатель.
Решением ЮНЕСКО (1988 г.)
признан одним из четырёх
педагогов, определивших
педагогическое мышление в XX веке**

«Лекции о воспитании детей»

Общие условия

семейного воспитания

*«Следующий вопрос, на который
нужно обратить самое серьёзное внима-
ние, – это вопрос о цели воспитания. В*

*некоторых семьях можно наблюдать полное бездумье в этом во-
просе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются
на то, что всё само собой получится. У родителей нет ни ясной ели,
ни определённой программы. Конечно, в таком случае и результаты
будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются,
почему у них выросли плохие дети. Никакое дело нельзя хорошо сде-
лать, если неизвестно, чего хотят достигнуть.*

*Каждый отец и каждая мать должны хорошо знать, что они
хотят воспитать в своём ребенке. Надо отдавать себе ясный от-
чёт относительно своих собственных родительских желаний. Хо-
тите ли вы воспитать настоящего гражданина Советской
страны, человека знающего, энергичного, честного, преданного
своему народу, делу революции, трудолюбивого, бодрого и вежли-
вого? Или вы хотите, чтобы из вашего ребёнка вышел мещанин,
жадный, трусливый, какой-нибудь хитренький и мелкий делец?
Дайте себе труд, подумайте хорошо над этим вопросом, поду-
майте хотя бы втайне, и вы сразу увидите и много сделанных вами
ошибок, и много правильных путей впереди.*

*И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспиты-
ваете сына или дочь не только для вашей родительской радости.
В вашей семье и под вашим руководством растёт будущий граж-
данин, будущий деятель и будущий борец. Если вы напугаете, вос-
питаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но
и многим людям, и всей стране. Не отмахивайтесь от этого во-
проса, не считайте если надоедливым резонерством. Ведь на ва-
шем заводе, в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак
вместе хорошей продукции. Еще более стыдно должно быть для
вас давать обществу плохих или вредных людей.*

Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьёзно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для вас лишними, вы и сами увидите, что вам нужно делать. А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей; они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина.

Может ли задуматься над всем этим такой отец, который сам является плохим гражданином, который совершенно не интересуется ни жизнью страны, ни её борьбой, ни её успехами, которого не тревожат вражеские вылазки? Конечно, не может. Но о таких людях и говорить не стоит, их немного в нашей стране...

Но есть иные люди. Они на работе и среди людей чувствуют себя гражданами, а домашние дела проходят независимо от этого: дома они или просто помалкивают, или, напротив, ведут себя так, как не должен вести себя советский гражданин. Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение»¹³⁸.

**В. Франкл
(1905–1997 гг.)**

Австрийский психиатр, философ

«Воля к смыслу»

«Разобравшись со смыслом, мы теперь обращаемся к тем людям, кто страдает от бессмыслицы и ощущения пустоты. Всё больше пациентов жалуются на «внутреннюю пустоту» и потому я подобрал для этого состояния особый термин – «экзистенциальный

вакуум». В противоположность пиковым переживаниям, так точно описанным Маслоу, экзистенциальный вакуум можно описать как «переживание бездны».

Причины экзистенциального вакуума, как мне представляется, следующие. Во-первых, в отличие от животного, человек не имеет инстинктов и импульсов, однозначно указывающих, что он должен делать. Во-вторых, в отличие от прежних эпох, сейчас уже никакие условности, традиции и единые ценности не подсказывают человеку,

¹³⁸ Макаренко, А. С. Сочинения / А. С. Макаренко. – в 7 т. Т. 4. – Москва: Издательство академии педагогических наук, 1958. – С. 345–347.

что **следует** делать, а сам он зачастую даже не знает, что он хотел бы сделать: он хочет делать то, что делают другие люди, или же делает то, чего другие люди хотят от него. Иными словами, человек становится жертвой конформизма или тоталитаризма, из которых первый более соответствует Западу, а второй – Востоку.

Экзистенциальный вакуум – феномен растущий и распространяющийся. Ныне даже последователи Фрейда признают, как это произошло на международной конференции в Германии, что всё больше пациентов страдает от недостатка содержания и цели в жизни. Более того, они признают, что это состояние дел приводит к многочисленным случаям «бесконечного анализа», то есть лечение у психотерапевта становится для человека буквально единственным смыслом жизни. Разумеется, последователи Фрейда не применяют логотерапевтический термин «экзистенциальный вакуум», который я пустил в ход десять с лишним лет назад, не применяют они и логотерапевтическую технику для борьбы с этим явлением. Но само явление они признают.

Экзистенциальный вакуум, как я уже сказал, не только нарастает, но и распространяется. Например, чехословацкий психиатр в статье об экзистенциальной фрустрации сообщил, что экзистенциальный вакуум проявляется и в коммунистических странах.

Но как же справиться с экзистенциальным вакуумом? Можно было бы предположить, что нам требуется здоровая философия жизни, которая напомним, какой смысл есть в жизни для всех и для каждого человека. Это предположение основано на ценности позиции, то есть на концепции, которую мы разбирали в предыдущей главе, где мы также указали, что оскудение традиций сказывается только на универсальных ценностях, но не затрагивает уникальный смысл.

Но Зигмунд Фрейд пренебрегал философией, отмахивался от нее как от наиболее благопристойной формы сублимации подавленной сексуальности. Лично я считаю, что философия вовсе не сублимация секса, напротив, секс часто служит легким выходом как раз из тех философских и экзистенциальных проблем, что осаждают человека.

В американском журнале можно прочесть такое утверждение: «Никогда в истории мира страна не подвергалась такому натиску секса, как ныне подвергается Америка». Удивительно – это цитата из Esquire. Во всяком случае, если это правда, то тем самым подтверждается и гипотеза, что средний американец в

большой степени является заложником экзистенциальной фрустрации, чем прочие люди, и потому стремится к сексуальной сверхкомпенсации. С этой же точки зрения следует истолковывать и импровизированное статистическое исследование, проведенное среди моих студентов в Медицинской школе Венского университета: 40% австрийцев, западных немцев и швейцарцев на личном опыте уже знакомы с экзистенциальным вакуумом. Однако среди американских студентов, присутствовавших на лекциях, которые я читал на английском, эта доля достигала уже 81%.

Главные проявления экзистенциальной фрустрации – апатия и скука – серьёзным вызовом не только для психиатров, но и для педагогов. В эпоху экзистенциального вакуума, как мы уже сказали, образование не может сосредотачиваться на самом себе и довольствоваться передачей традиций и знаний. Нет, оно обязано совершенствовать способность человека находить те уникальные смыслы, которые не рушатся с падением универсальных ценностей. Человеческая способность находить смыслы, скрытые в уникальных ситуациях, именуется «совесть». Итак, образование должно снабдить человека средствами находить смыслы, а сейчас образование зачастую лишь усиливает экзистенциальный вакуум. Это ощущение пустоты и бессмысленности у студентов усугубляется из-за того способа каким преподносятся молодежи научные открытия, то есть из-за редукционизма. Студенты подвергаются индоктринации на основе механистической теории человека в сочетании с релятивистской философией жизни.

Редукционистский подход склонен объективировать человека, то есть обращаться с человеческим существом как с объектом, с вещью. Однако, говоря словами Уильяма Ирвина Томпсона, «люди не объекты, которые просто существуют, как столы и стулья, они живут, а если обнаруживают, что их жизнь сведена к существованию мебели, то совершают самоубийство». Это ни в коем случае не преувеличение. Когда я читал лекции в одном из главных университетов этой страны, заместитель декана по работе со студентами, комментируя мой доклад, сказал, что готов представить мне целый список студентов, совершивших самоубийство или покушавшихся на свою жизнь именно по причине экзистенциального вакуума. Экзистенциальный вакуум стал для него уже знакомым явлением, он повседневно имел с ним дело в общении со студентами.

И сам я хорошо помню, как себя почувствовал, когда столкнулся с редуccionизмом преподавателя, – сам я был тогда школьником тринадцати лет. Однажды наш учитель биологии заявил, что жизнь в конечном счете всего лишь процесс горения, процесс оксидации. Я вскочил на ноги и воскликнул: «Профессор Фритц, если это действительно так, то какой же смысл в жизни?» Разумеется, в данном случае речь шла не о редуccionизме, а о примере того, что этому учителю следовало бы – иронически – именовать оксидационизмом.

В интервью «Ценностные измерения преподавания», которое я дал профессору Хьюстону Смиту, этот гарвардский философ спросил меня, возможно ли научить ценностям. Я ответил, что ценностям научить невозможно: ценности должны быть прожиты. Также невозможно дать кому-либо смысл: учитель дает ученикам не смысл, но пример, личный пример своей преданности делу исследования, поиска истины, науки. Далее профессор Смит предложил мне обсудить апатию и скуку, но я ответил вопросом на вопрос, пожелав узнать: а как можно ожидать от американского студента чего-то еще, кроме скуки и апатии? Что есть скука, если не неспособность проявить интерес? Что есть апатия, если не неспособность проявить инициативу? Но как может студент проявить инициативу, если его учат, что человек всего лишь поле битвы сталкивающихся притязаний разных аспектов личности: «Оно», «Я» и «Сверх-Я»? Как может студент проявить интерес, с чего он вдруг озаботится идеалами и ценностями, если ему внушают, что они всего лишь реактивные образования и защитные механизмы? Редуccionизм способен только размыть и подорвать естественный энтузиазм юности»¹³⁹.

¹³⁹ Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. – Москва: Альпина Нон-Фикшн, 2018. – С. 101–106.

Конфуций
(551–479 гг. до н.э.)

Древнекитайский философ

«Беседы и суждения»

«Когда, совершив ошибку, не исправил её, это и называется совершить ошибку»¹⁴⁰.

«Этика и психология семейной жизни»
(книга для учителя)

«Мировоззрение»

«...Ориентирующая личность система обобщённых представлений о мире в целом, о совершающихся в нём естественных и общественных процессах, об отношении человека к окружающей действительности. Вместе с мировоззрением человек приобретает определённое общее представление о том, кто он, в каком мире и ради чего живет, кто его товарищи, а кто – враги»¹⁴¹.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Искушать и вводить в заблуждение – это разные вещи. Бог искушает, но не вводит в заблуждение.

Искушать – значит предлагать такие обстоятельства, в которых не навязывается необходимость совершить какой-то поступок, если человек не любит Бога.

Вводить в заблуждение – значит ставить человека перед необходимостью думать и поступать ложно»¹⁴².

¹⁴⁰ Мудрецы поднебесной. – Симферополь: Реноме. – С. 134.

¹⁴¹ Этика и психология семейной жизни: книга для учителя. – Минск: Народная асвета, 1989. – С. 14.

¹⁴² Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 306.

«Философский словарь»

«Мировоззрение»

«Система принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих направление деятельности и отношение к действительности отдельного человека, социальной группы, класса или общества в целом.

Мировоззрение складывается из элементов, принадлежащих ко всем **формам общественного сознания**; большую роль в нем играют философские, научные, политические, нравственные и эстетические взгляды. Научные знания, включаясь в систему мировоззрения, служат целям ориентации человека или группы в окружающей социальной и природной реальности; кроме того, наука рационализирует отношение человека к действительности, избавляя его от предрассудков и заблуждений. Нравственные принципы и нормы служат регулятивом взаимоотношений и поведения людей и вместе с эстетическими взглядами определяют отношение к окружающему, формам деятельности, её целям и результатам. Во всех классово антагонистических обществах большую роль в формировании мировоззрения играет религия. Философские взгляды и убеждения составляют фундамент всей системы мировоззрения: именно философия выполняет функции осознания, рационально-понятийного выражения и обоснования мировоззренческих установок; она теоретически осмысляет совокупные данные науки и практики и стремится выразить их в виде объективной и исторически определенной картины действительности.

Главным вопросом мировоззрения является основной вопрос философии. В зависимости от его решения различаются два основных вида мировоззрения: материалистическое и идеалистическое. Мировоззрение является отражением общественного бытия. В классовом обществе оно носит классовый характер; господствующим является, как правило, мировоззрение господствующего класса»¹⁴³.

¹⁴³ Философский словарь. – Москва: Политиздат, 1987. – С. 284–285.

В.М. Шукшин
(1929–1974 гг.)
Русский, Советский
писатель, кинорежиссёр, актёр

«Раскас»

«От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!.. Прямо как в старых добрых романах – сбежала с офицером.

Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу... И нашёл на столе записку: «Иван, извини, но больше с таким пеньком я жить не могу. Не ищи меня. Людмила». Огромный Иван, не оглянувшись, грузно сел на табуретку – как от удара в лоб. Он почему-то сразу понял, что никакая это не шутка, это – правда.

Даже с его способностью все в жизни переносить терпеливо показалось ему, что этого не перенести: так нехорошо, больно сделалось под сердцем. Такая тоска и грусть взяла... Чуть не заплакал. Хотел как-нибудь думать и не мог – не думалось, а только больно ныло и ныло под сердцем.

Мелькнула короткая ясная мысль: «Вот она какая, большая-то беда». И всё.

Сорокалетний Иван был не по-деревенски изрядно лыс, выглядел значительно старше своих лет. Его угрюмость и молчаливость не тяготили его, досадно только, что на это всегда обращали внимание. Но никогда не мог он помыслить, что мужика надо судить по этим качествам – всегда ли он весел и умеет ли складно говорить. «Ну а как же?!» – говорила ему та же Людмила. Он любил ее за эти слова еще больше... И молчал. «Не в этом же дело, – думал он, – что я тебе, политрук?» И вот – на тебе, она, оказывается, правда горевала, что он такой молчаливый и неласковый.

Потом узнал Иван, как все случилось.

Приехало в село небольшое воинское подразделение с офицером – помочь смонтировать в совхозе электроподстанцию. Побывали-то всего с неделю!.. Смонтировали и уехали. А офицер еще и семью тут себе «смонтировал».

Два дня Иван не находил себе места. Пробовал напиться, но еще хуже стало – противно. Бросил. На третий день сел писать расказ в районную газету. Он частенько читал в газетах рассказы людей, которых обидели ни за что.

Ему тоже захотелось спросить всех: как же так можно?!

Рассказ

Значит было так: я приезжаю – на столе записка. Я ее не буду пирисказывать: она там обзыватья начала. Главню я же знаю, почему она сделала такой финт ушами. Ей все говорили, что она похожая на какую-то артистку. Я забыл на какую. Но она дурочка не понимает: ну и что? Мало ли на кого я похожий, я и давай теперь скакать как блоха на зеркале. А ей когда говорили, что она похожая она прямо щастливая становилась. Она и в культ прасветишколу из-за этого пошла, она сама говорила. А еслив сказать кому што он на Гитлера похожий, то што ему тада остается делать: хватать ружье и стрелять всех подряд? У нас на фронте был один такой – вылитый Гитлер. Его потом куда-то в тыл отправили потому што нельзя так. Нет, этой все в город надо было. Там говорит меня все узнавать будут. Ну не дура! Она вобщем то не дура, но малость чокнутая нащет своей физиономии. Да мало ли красивых – все бы бегали из дому! Я же знаю, он ей сказал: «Как вы здорово похожи на одну артистку!» Она конешню вся засветилась... Эх, учили вас учили гусударство деньги на вас тратила, а вы теперь сяли на шею обществу и радеишеньки! А гусударство в убытке.

Иван остановил раскаленное перо, встал, походил по избе. Ему нравилось, как он пишет, только насчет гусударства, кажется, зря. Он подсел к столу, зачеркнул «гусударство». И продолжал:

Эх вы!.. Вы думаете, еслив я шофер, дак я ничего не понимаю? Да я вас наскрозь вижу! Мы гусударству пользу приносим вот этими самыми руками, которыми я счас пишу, а при стрече могу этими же самыми руками так засветить промеж глаз, што кое кто с неделю хворать будет. Я не угрожаю и нечего мне после этого пришивать, што я кому-то угрожал, но при стрече могу разок угостить. А потому што это тоже неправильно: увидал бабенку боле или мене ничего на мордочку и сразу подсыпаться к ней. Увирую вас хоть я и лысый, но кое-кого тоже мог ба поприжать, потому што в рейсах всякие стречаются. Но однако я этого не делаю. А вдруг она чья нибудь жена? А они есть такие што может и промолчат про это. Кто же я буду перед мужиком, которому я рога надстроил! Я не лиходеи людям.

Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза глядят. Так? Тут семья нарушена. А у ей есть полная уверенность, што они там наладят новую? Нету. Она всего навсего неделю человека знала, а мы с ей четыре года прожили. Не дура она после этого? А гусударство деньги на ее тратила – учила. Ну, и где ж та учеба? Ее же плохому-то не учили. И родителей я ее знаю, они в соседнем селе живут хорошие люди. У ей между прочим брат тоже

офицер старший лейтенант, но об нем слышно только одно хорошее. Он отличник боевой и политической подготовки. Откуда же у ей это пустозвонство в голове? Я сам удивляюсь. Я все для ей делал. У меня сердце к ей приросло. Каждый рас еду из рейса и у меня душа радуется: скоро увижу, и пожалуста: мне надстраивают такие рога! Да черт с ей не вытерпела там такой ловкач попался, што на десять минут голову потиряла... Я бы как нибудь пережил это. Но зачем совсем то уезжать? Этого я тоже не понимаю. Как то у меня ни укладывается в голове. В жизни всяко бывает, бывает иной рас слабость допустил человек, но так вот одним разом всю жизнь рушить – зачем же так? Порушить-то ей лехко но снова складать трудно. А уж ей самой – тридцать лет. Очень мне счас обидно, поэтому я пишу свой раскас. Если уж на то пошло у меня у самого три ордена и четыре медали. И я давно бы уж был ударником коммунистического труда, но у меня есть одна слабость: как выпью так начинаю материть всех. Это у меня тоже не укладывается в голове, тверезый я совсем другой человек. А за рулем меня никто ни разу выпимши не видал и никогда не увидит. И при жене Людмиле я за все четыре года ни разу не матернулся, она это может подтвердить. Я ей грубога слова никогда не сказал. И вот пожалуста она же мне надстраивает такие прямые рога! Тут кого хошь обида возьмет. Я тоже – не каменный.

С приветом. Иван Петин.

Шофер I класса.

Иван взял свой «раскас» и пошёл в редакцию, которая была неподалёку.

Стояла весна, и от этого ещё хуже было на душе: холодно и горько. Вспомнилось, как совсем недавно они с женой ходили этой самой улицей в клуб – Иван встречал её с репетиций. А иногда провожал на репетицию.

Он люто ненавидел это слово «репетиция», но ни разу не выказал своей ненависти: жена боготворила репетиции, он боготворил жену. Ему нравилось идти с ней по улице, он гордился красивой женой. Ещё он любил весну, когда она только-только подступала, но уже вовсю чувствовалась даже утрами, сердце сладко поднывало – чего-то ждалось. Весны и ждалось. И вот она наступила, та самая – нагая, раздрызганная и ласковая, обещающая земле скорое тепло, солнце... Наступила... А тут – глаза бы ни на что не глядели.

Иван тщательно вытер сапоги о замусоленный половичок на крыльце редакции и вошёл. В редакции он никогда не был, но редактора знал: встречались на рыбалке.

– Агеев здесь? – спросил он у женщины, которую часто видел у себя дома и которая тоже бегала в клуб на репетиции. Во всяком

случае, когда ему доводилось слушать их разговор с Людмилой, это были всё те же «репетиция», «декорация». Увидев её сейчас, Иван счёл нужным не поздороваться; больно дёрнуло за сердце.

Женщина с любопытством и почему-то весело посмотрела на него.

– Здесь. Вы к нему?

– К нему... Мне надо тут по одному делу. – Иван прямо смотрел на женщину и думал: «Тожже небось кому-нибудь рога надстроила – веселая».

Женщина вошла в кабинет редактора, вышла и сказала:

– Пройдите, пожалуйста.

Редактор – тожже весёлый, низенький... Несколько больше, чем нужно бы при его росте, полненький, кругленький, тожже лысый. Встал навстречу из-за стола.

– А?! – воскликнул он и показал на окно. – На нас, на нас времечко-то работает! Не пробовали ещё переметами?..

– Нет, – Иван всем видом своим хотел показать, что ему не до перемётов сейчас.

– Я в субботу хочу попробовать. – Редактора всё не покидало весёлое настроение. – Или не советуете? Просто терпения нет...

– Я раскас принёс, – сказал Иван.

– Рассказ? – удивился редактор. – Ваш рассказ? О чём?

– Я туг всё описал. – Иван подал тетрадку. Редактор полистал её... Посмотрел на Ивана. Тот серьёзно и мрачно смотрел на него.

– Хотите, чтоб я сейчас прочитал?

– Лучшие бы сейчас... Редактор сел в кресло и стал читать. Иван остался стоять и всё смотрел на весёлого редактора и думал: «Наверно, у него жена тожже на репетиции ходит. А ему хоть бы что – пусть ходит! Он сам сумеет про эти всякие „декорации“ поговорить. Он про всё сумеет».

Редактор захохотал.

Иван стиснул зубы.

– Ах, славно! – воскликнул редактор. И опять захохотал так, что заколыхался его упругий животик.

– Чего славно? – спросил Иван.

Редактор перестал смеяться... Несколько даже смутился.

– Простите... Это вы о себе? Это ваша история?

– Моя.

– Кхм... Извините, я не понял.

– Ничего. Читайте дальше.

Редактор опять уткнулся в тетрадку. Он больше не смеялся, но видно было, что он изумлён и ему всё-таки смешно.

И чтоб скрыть это, он хмурил брови и понимающе делал губы трубочкой. Он дочитал.

– Вы хотите, чтоб мы это напечатали?

– Ну да.

– Но это нельзя печатать. Это не рассказ...

– Почему? Я читал, так пишут.

– А зачем вам нужно это печатать? – Редактор действительно смотрел на Ивана сочувственно и серьёзно. – Что это даст? Облегчит ваше... горе?

Иван ответил не сразу.

– Пускай они прочитают... там.

– А где они?

– Пока не знаю.

– Так она просто не дойдет до них, газетка-то наша!

– Я найду их... И пошлю.

– Да нет, даже не в этом дело! – Редактор встал и прошёл по кабинету. – Не в этом дело. Что это даст? Что, она опомнится и вернётся к вам?

– Им совестно станет.

– Да нет! – воскликнул редактор. – Господи... Не знаю, как вам... Я вам сочувствую, но ведь это глупость, что мы сделаем! Даже если я отредактирую это.

– Может, она вернётся.

– Нет! – громко сказал редактор. – Ах ты, Господи!.. – Он явно волновался. – Лучшие напишите письмо. Давайте вместе напишем?

Иван взял тетрадку и пошёл из редакции.

– Подождите! – воскликнул редактор. – Ну давайте вместе – от третьего лица...

Иван прошёл приёмную редакции, даже не глянув на женщину, которая много знала о «декорациях», «репетициях» ...

Он направился прямоком в чайную. Там взял «полкило» водки, выпил сразу, не закусывая, и пошёл домой – в мрак и пустоту. Шёл, засунув руки в карманы, не глядел по сторонам. Всё как-то не наступало желанное равновесие в душе его. Он шёл и молча плакал. Встречные люди удивлённо смотрели на него... А он шёл и плакал. И ему было не стыдно. Он устал»¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Шукшин, В. М. Рассказы / В. М. Шукшин. – Москва: Художественная литература, 1979. – С. 63–67.

В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
**Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Подлинно коммунистическое воспитание – это прежде всего забота о настоящем человеческом счастье, то есть о жизни во имя идеи, идеала»¹⁴⁵.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)
Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Людей не учат достойному поведению и учат всему остальному. А они ничему так не стремятся научиться, как достойному поведению. Они хотят знать то единственное, чему их не учат»¹⁴⁶.

В. Франкл
(1905–1997 гг.)
Австрийский психиатр, философ

«Воля к смыслу»

«Ценностям научить невозможно: ценности должны быть прожиты. Также невозможно дать кому-то смысл: учитель даёт своим ученикам не смысл, но пример, личный пример своей преданности делу исследования, поиска истины, науки»¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 11.

¹⁴⁶ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: Астрель, 2011. – С. 280.

¹⁴⁷ Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. – Москва: Альпина-Нон Фикшн, 2018. – С. 105.

В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель

«О воспитании»

«Мировоззрение – не только система взглядов на мир... но и субъективное состояние личности, проявляющееся в её мыслях, чувствах, воле, деятельности. В мировоззрении – единство сознания, взглядов, убеждений и деятельности»¹⁴⁸.

М.А. Булгаков
(1891–1940 гг.)
Русский-Советский писатель

«Собачье сердце»

«... Филипп Филиппович позвонил и пришла Зина.

– Зинуша, что это такое значит?

– Опять общее собрание сделали, Филипп Филиппович, – ответила Зина.

– Опять! – горестно воскликнул Филипп Филиппович, – ну, теперь, стало

быть, пошло, пропал калабуховский дом. Придётся уезжать, но куда – спрашивается. Всё будет, как по маслу. Вначале каждый вечер пение, затем в сортирах замёрзнут трубы, потом лопнет котёл в паровом отоплении и так далее. Крышка калабухову.

– Убивается Филипп Филиппович, – заметила, улыбаясь, Зина и унесла груды тарелок.

– Да ведь как не убиваться?! – возопил Филипп Филиппович, – ведь это какой дом был – вы поймите!

– Вы слишком мрачно смотрите на вещи, Филипп Филиппович, – возразил красавец тяпнутый, – они теперь резко изменились.

– Голубчик, вы меня знаете? Неправда ли? Я – человек фактов, человек наблюдения. Я – враг необоснованных гипотез. И это очень хорошо известно не только в России, но и в Европе. Если я что-нибудь говорю, значит, в основе лежит некий факт, из которого я делаю вывод. И вот вам факт: вешалка и калошная стойка в нашем доме.

¹⁴⁸ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 219.

– Это интересно...

«Ерунда – калоши. Не в калошах счастье», – подумал пёс, – «но личность выдающаяся.»

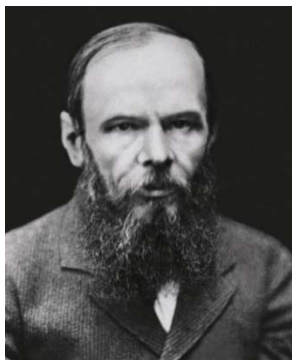
– Не угодно ли – калошинная стойка. С 1903 года я живу в этом доме. И вот, в течение этого времени до марта 1917 года не было ни одного случая – подчёркиваю красным карандашом: ни одного – чтобы из нашего парадного внизу при общей незапертой двери пропала бы хоть одна пара калош. Заметьте, здесь 12 квартир, у меня приём. В марте 17-го года в один прекрасный день пропали все калоши, в том числе две пары моих, 3 палки, пальто и самовар у швейцара. И с тех пор калошинная стойка прекратила своё существование. Голубчик! Я не говорю уже о паровом отоплении. Не говорю. Пусть: раз социальная революция – не нужно топить. Но я спрашиваю: почему, когда началась вся эта история, все стали ходить в грязных калошах и валенках по мраморной лестнице? Почему калоши нужно до сих пор ещё запирасть под замок? И ещё приставлять к ним солдата, чтобы кто-либо их не стащил? Почему убрали ковёр с парадной лестницы? Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры? Разве где-нибудь у Карла Маркса сказано, что 2-й подъезд калабуховского дома на Пречистенке следует забить досками и ходить кругом через чёрный двор? Кому это нужно? Почему пролетарий не может оставить свои калоши внизу, а пачкает мрамор?

– Да у него ведь, Филипп Филиппович, и вовсе нет калош, – закинулся было тяпнутый.

– Ничего похожего! – громовым голосом ответил Филипп Филиппович и налил стакан вина. – Гм... Я не признаю ликёров после обеда: они тяжелят и скверно действуют на печень... Ничего подобного! На нём есть теперь калоши и эти калоши... мои! Это как раз те самые калоши, которые исчезли весной 1917 года. Спрашивается, – кто их похёр? Я? Не может быть. Буржуй Саблин? (Филипп Филиппович ткнул пальцем в потолок). Смешно даже предположить. Сахарозаводчик Полозов? (Филипп Филиппович указал вбок). Ни в коем случае! Да-с! Но хоть бы они их снимали на лестнице! (Филипп Филиппович начал багроветь). На какого чёрта убрали цветы с площадок? Почему электричество, которое, дай Бог памяти, тухло в течение 20-ти лет два раза, в теперешнее время аккуратно гаснет раз в месяц? Доктор Борменталь, статистика – ужасная вещь. Вам, знакомому с моей последней работой, это известно лучше, чем кому бы то ни было другому.

– Разруха, Филипп Филиппович.

– Нет, – совершенно уверенно возразил Филипп Филиппович, – нет. Вы первый, дорогой Иван Арнольдович, воздержитесь от употребления самого этого слова. Это – мираж, дым, фикция, – Филипп Филиппович широко растопырил короткие пальцы, отчего две тени, похожие на черепаха, заёрзали по скатерти. – Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стёкла, потушила все лампы? Да её вовсе и не существует. Что вы подразумеваете под этим словом? – яростно спросил Филипп Филиппович у несчастной картонной утки, висящей кверху ногами рядом с буфетом, и сам же ответил за неё. – Это вот что: если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнётся разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах. Значит, когда эти баритоны кричат «бей разруху!» – я смеюсь. (Лицо Филиппа Филипповича перекосило так, что тянутый открыл рот). Клянусь вам, мне смешно! Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займётся чисткой сараев – прямым своим делом, – разруха исчезнет сама собой. Двум богам служить нельзя! Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то испанских оборванцев! Это никому не удаётся, доктор, и тем более – людям, которые, вообще отстав в развитии от европейцев лет на 200, до сих пор ещё не совсем уверенно застёгивают свои собственные штаны!»¹⁴⁹.

**Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)**

Русский писатель, мыслитель

«Бесы»

«Помиримтесь, помиримтесь, – прошептал он ему судорожным шёпотом.

Николай Всеволодович вскинул плечами, но не остановился и не оборотился.

– Слушайте, я вам завтра же приведу Лизавету Николаевну, хотите?»

¹⁴⁹ Булгаков, М. А. Собачье сердце / М. А. Булгаков. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/sobache-serdce-bulgakov> (дата обращения: 03.12.2023).

Нет? Что же вы не отвечаете? Скажите, чего вы хотите, я сделаю. Слушайте: я вам отдам Шатова, хотите?

– Стало быть, правда, что вы его убить положили? – вскричал Николай Всеволодович.

– Ну зачем вам Шатов? Зачем? – задыхающейся скороговоркой продолжал исступлённый, поминутно забегая вперед и хватаясь за локоть Ставрогина, вероятно и не замечая того. – Слушайте: я вам отдам его, помиритесь. Ваш счёт велик, но... помиритесь!

Ставрогин взглянул на него наконец и был поражен. Это был не тот взгляд, не тот голос, как всегда или как сейчас там в комнате; он видел почти другое лицо. Интонация голоса была не та: Верховенский молил, упрощал. Это был ещё не опомнившийся человек, у которого отнимают или уже отняли самую драгоценную вещь.

– Да что с вами? – вскричал Ставрогин. Тот не ответил, но бежал за ним и глядел на него прежним умоляющим, но в то же время и непреклонным взглядом.

– Помиритесь! – прошептал он еще раз. – Слушайте, у меня в сапоге, как у Федьки, нож припасён, но я с вами помирюсь.

– Да на что я вам, наконец, чёрт! – вскричал в решительном гневе и изумлении Ставрогин. – Тайна, что ль, тут какая? Что я вам за талисман достался?

– Слушайте, мы сделаем смуту, – бормотал тот быстро и почти как в бреду. – Вы не верите, что мы сделаем смуту? Мы сделаем такую смуту, что всё поедет с основ. Кармазинов прав, что не за что ухватиться. Кармазинов очень умён. Всего только десять таких же кучек по России, и я неуловим.

– Это таких же всё дураков, – нехотя вырвалось у Ставрогина.

– О, будьте поглупее, Ставрогин, будьте поглупее сами! Знаете, вы вовсе ведь не так и умны, чтобы вам этого желать: вы боитесь, вы не верите, вас пугают размеры. И почему они дураки? Они не такие дураки; нынче у всякого ум не свой. Нынче ужасно мало особых умов. Виргинский – это человек чистейший, чище таких, как мы, в десять раз; ну и пусть его, впрочем. Липутин мошенник, но я у него одну точку знаю. Нет мошенника, у которого бы не было своей точки. Один Лямышин безо всякой точки, зато у меня в руках. Ещё несколько таких кучек, и у меня повсеместно паспорта и деньги, хотя бы это? Хотя бы это одно? И сохранные места, и пусть ищут. Одну кучку вырвут, а на другой сядут. Мы пустим смуту... Неужто вы не верите, что нас двоих совершенно достаточно?

– Возьмите Шигалева, а меня бросьте в покое...

– Шигалёв гениальный человек! Знаете ли, что это гений вроде Фурье; но смелее Фурье, но сильнее Фурье; я им займусь. Он выдумал «равенство»!

«С ним лихорадка, и он бредит; с ним что-то случилось очень особенное», – посмотрел на него ещё раз Ставрогин. Оба шли, не останавливаясь.

– У него хорошо в тетради, – продолжал Верховенский, – у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями – вот шигалёвщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма ещё не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалёвщина! Ха-ха-ха, вам странно? Я за шигалёвщину!

Ставрогин старался ускорить шаг и добраться поскорее домой. «Если этот человек пьян, то где же он успел напиться, – приходило ему на ум. – Неужели коньяк?».

– Слушайте, Ставрогин: горы сравнять – хорошая мысль, не смешная. Я за Шигалёва! Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю, полное равенство. «Мы научились ремеслу, и мы честные люди, нам не надо ничего другого» – вот недавний ответ английских рабочих. Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалёв пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно чтобы не

было скучно. Скука есть ощущение аристократическое; в шигалёвщине не будет желаний. Желание и страдание для нас, а для рабов шигалёвщина.

– Себя вы исключаете? – сорвалось опять у Ставрогина.

– И вас. Знаете ли, я думал отдать мир папе. Пусть он выйдет пеш и бос и покажется черни: «Вот, дескать, до чего меня довели!» – и всё повалит за ним, даже войско. Папа вверху, мы кругом, а под нами шигалёвщина. Надо только, чтобы с папой *Internationale* согласилась; так и будет. А старикашка согласится мигом. Да другого ему и выхода нет, вот помяните мое слово, ха-ха-ха, глупо? Говорите, глупо или нет?

– Довольно, – пробормотал Ставрогин с досадой.

– Довольно! Слушайте, я бросил папу! К чёрту шигалёвщину! К чёрту папу! Нужно злобу дня, а не шигалёвщину, потому что шигалёвщина ювелирская вещь. Это идеал, это в будущем. Шигалёв ювелир и глуп, как всякий филантроп. Нужна чёрная работа, а Шигалёв презирает чёрную работу. Слушайте: папа будет на Западе, а у нас, у нас будете вы!

– Отстаньте от меня, пьяный человек! – пробормотал Ставрогин и ускорил шаг.

– Ставрогин, вы красавец! – вскричал Петр Степанович почти в упоении. – Знаете ли, что вы красавец! В вас всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я вас изучил! Я на вас часто сбоку, из угла гляжу! В вас даже есть простодушие и наивность, знаете ли вы это? Ещё есть, есть! Вы, должно быть, страдаете, и страдаете искренно, от того простодушия. Я люблю красоту. Я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну а я люблю идола! Вы мой идол! Вы никого не оскорбляете, и вас все ненавидят; вы смотрите всем ровней, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идёт в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею, и чужою. Вы именно таков, какого надо. Мне, мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...

Он вдруг поцеловал у него руку. Холод прошёл по спине Ставрогина, и он в испуге вырвал свою руку. Они остановились.

– Помешанный! – прошептал Ставрогин.

– Может, и брежу, может, и брежу! – подхватил тот скороговоркой, – но я выдумал первый шаг. Никогда Шигалёву не выду-

мать первый шаг. Много Шигалёвых! Но один, один только человек в России изобрёл первый шаг и знает, как его сделать. Этот человек я. Что вы смотрите на меня? Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в склянке, Колумб без Америки.

Ставрогин стоял и пристально глядел в его безумные глаза.

– Слушайте, мы сначала пустим смуту, – торопился ужасно Верховенский, поминутно схватывая Ставрогина за левый рукав. – Я уже вам говорил: мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Я без дисциплины ничего не понимаю. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв к, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты; у наставников раздавлен пузырь с желчью; везде тицеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмём? Я поехал – свирепствовал тезис Littré, что преступление есть помешательство; приезжаю – и уже преступление не помешательство, а именно здравый-то смысл и есть, почти долг, по крайней мере благородный протест. «Ну как развитому убийце не убить, если ему денег надо!». Но это лишь ягодки. Русский бог уже спасовал пред «дешовкой». Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: «двести розог, или тащи ведро». О, дайте возрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они ещё попьянее стали! Ах, как жаль, что нет пролетариев! Но будут, будут, к этому идёт...

– Жаль тоже, что мы поглупели, – пробормотал Ставрогин и двинулся прежнею дорогой.

– Слушайте, я сам видел ребенка шести лет, который вёл домой пьяную мать, а та его ругала скверными словами. Вы думаете, я этому рад? Когда в наши руки попадёт, мы, пожалуй, и выльчим... если потребуется, мы на сорок лет в пустыню выгоним... Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую,

трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо! А тут ещё «свеженькой кровушки», чтоб попривык. Чего вы смеётесь? Я себе не противоречу. Я только филантропам и шигалёвщине противоречу, а не себе. Я мошенник, а не социалист. Ха-ха-ха! Жаль только, что времени мало. Я Кармазинову обещал в мае начать, а к Покрову кончить. Скоро? Ха-ха! Знаете ли, что я вам скажу, Ставрогин: в русском народе до сих пор не было цинизма, хоть он и ругался скверными словами. Знаете ли, что этот раб крепостной больше себя уважал, чем Кармазинов себя? Его драли, а он своих богов отстоял, а Кармазинов не отстоял.

– Ну, Верховенский, я в первый раз слушаю вас, и слушаю с изумлением, – промолвил Николай Всеволодович, – вы, стало быть, и впрямь не социалист, а какой-нибудь политический... честолюбец?

– Мошенник, мошенник. Вас заботит, кто я такой? Я вам скажу сейчас, кто я такой, к тому и веду. Недаром же я у вас руку поцеловал. Но надо, чтоб и народ уверовал, что мы знаем, чего хотим, а что те только «машут дубиной и бьют по своим». Эх, кабы время! Одна беда – времени нет. Мы провозгласим разрушение... почему, почему, опять-таки, эта идея так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Тут каждая шелудивая «кучка» пригодится. Я вам в этих же самых кучках таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут да ещё за честь благодарны останутся. Ну-с, и начнётся смута! Раскачка такая пойдёт, какой ещё мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?

– Кого?

– Ивана-Царевича.

– Кого-о?

– Ивана-Царевича; вас, вас!

Ставрогин подумал с минуту.

– Самозванца? – вдруг спросил он, в глубоком удивлении смотря на иступленного.

– Э! так вот наконец ваш план.

– Мы скажем, что он «скрывается», – тихо, каким-то любовным шепотом проговорил Верховенский, в самом деле как будто пьяный. – Знаете ли вы, что значит это слово: «Он скрывается»? Но он явится, явится. Мы пустим легенду получше, чем у скопцов. Он есть, но никто не видал его. О, какую легенду можно пустить! А главное – новая сила идёт. А её-то и надо, по ней-то и плачут. Ну что в социализме: старые силы разрушил, а новых не внёс. А тут сила, да ещё какая, неслыханная! Нам ведь только на раз рычаг, чтобы землю поднять. Всё подыметесь!

– Так это вы серьёзно на меня рассчитывали? – усмехнулся злобно Ставрогин.

– Чего вы смеетесь, и так злобно? Не пугайте меня. Я теперь как ребёнок, меня можно до смерти испугать одною вот такую улыбкой. Слушайте, я вас никому не покажу, никому: так надо. Он есть, но никто не видал его, он скрывается. А знаете, что можно даже и показать из ста тысяч одному, например. И пойдёт по всей земле: «Видели, видели». И Ивана Филипповича бога Саваофа видели, как он в колеснице на небо вознёсся пред людьми, «собственными» глазами видели. А вы не Иван Филиппович; вы красавец, гордый, как бог, ничего для себя не ищущий, с ореолом жертвы, «скрывающийся». Главное, легенду! Вы их победите, взглянете и победите. Новую правду несёт и «скрывается». А тут мы два-три соломоновских приговора пустим. Кучки-то, пятерки-то – газет не надо! Если из десяти тысяч одну только просьбу удовлетворить, то все пойдут с просьбами. В каждой волости каждый мужик будет знать, что есть, дескать, где-то такое дупло, куда просьбы опускать указано. И застонет стоном земля: «Новый правый закон идёт», и взволнуется море, и рухнет балаган, и тогда подумаем, как бы поставить строение каменное. В первый раз! Строить мы будем, мы, одни мы»¹⁵⁰.

Э. Кант
(1724–1084 гг.)
Немецкий философ
эпохи Просвещения

«О педагогике»

«Следовательно, искусство воспитания, или педагогика, должно стать разумным, раз оно должно развивать человеческую природу так, чтобы она достигала своего назначения. Уже воспитанные родители представляют собой примеры для подражания, на которых учатся дети. Но если дети должны становиться лучше, то педагогика должна стать предметом изучения; в противном случае от неё нечего ожидать: иначе извращённо воспитанный воспитывает и другого так же извращённо»¹⁵¹.

¹⁵⁰ Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. – Москва: Эксмо-Пресс, 1998. – С. 378–384.

¹⁵¹ Кант, Э. Тракаты и письма / Э. Кант. – Москва: Наука, 1980. – С. 451.

**И.А. Ильин
(1883–1954 гг.)**

Русский философ, публицист

**«Путь духовного
обновления. О семье»**

«Воспитать ребёнка значит заложить в нём основы духовного характера и довести его до способности самовоспитания. Родители, которые приняли эту задачу и творчески разрешили её, подарили своему народу и своей родине

новый духовный очаг; они осуществили своё духовное призвание, оправдали свою взаимную любовь и укрепили, обогатили жизнь своего народа на земле: они сами вошли в ту Родину, которую стоит жить и гордиться, за которую стоит бороться и умереть.

Итак, нет более верной основы для достойной и счастливой семейной жизни, как взаимная духовная любовь мужа и жены: любовь, в которой начала страсти и дружбы сливаются воедино, перерождаясь в нечто высшее в огонь всестороннего единения. Такая любовь примет не только наслаждение и радость – и не выродится, не выветрится, не огрубеет от них, но примет и всякое страдание, и всякое несчастье, чтобы осмыслить их, освятить их и очиститься через них. И только такая любовь может дать человеку тот запас взаимного понимания, взаимного снисхождения к слабостям и взаимного прощения, терпения, терпимости, преданности и верности, который необходим для счастливого брака.

Поэтому можно сказать, что счастливый брак возникает не просто из взаимной естественной склонности («по милу хороши»), но из духовного сродства людей («по хорошу мил), которое вызывает непоколебимую волю – стать живым единством и соблюсти это единство во что бы то ни стало, и соблюсти его не только напоказ людям, но на самом деле, перед Лицом Божиим. В этом глубочайший смысл религиозного освящения брака и соответствующего церковного обряда. Но это составляет и первое, необходимое условие для верно, духовного воспитания детей.

Я уже указывал на то, что ребенок вступает в семью своих родителей как бы в доисторическую эпоху своей личности и начинает дышать воздухом этой семьи со своего первого физического вздоха. И вот в душном воздухе несогласной, неверной, несчастной

семьи, в пошлой атмосфере бездуховного, безбожного прозябания не может расцвести здоровая детская душа. Ребенок может приобрести чутье и вкус к духу только у духовно осмысленного семейного очага; он может органически почувствовать всенародное единение и единство, только испытав это единство в своей семье, а не почувствовав этого всенародного единства, он не станет живым органом своего народа и верным сыном своей родины. Только духовное пламя здорового семейного очага может дать человеческому сердцу накаленный уголь духовности, который будет и греть его, и светить ему в течение всей его дальнейшей жизни.

1. Так, семья имеет призвание дать ребенку самое главное и существенное в его жизни.

Блаженный Августин сказал однажды, что – «человеческая душа – христианка от природы». Это слово особенно верно в применении к семье. Ибо в браке и в семье человек учится от природы – любить, из любви и от любви страдать, терпеть и жертвовать, забывать о себе и служить тем, кто ему ближе всего и милее всего. Все это есть не что иное, как христианская любовь. Поэтому семья оказывается как бы естественную школу христианской любви, школу творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей. В здоровой семейной жизни душа человека с раннего детства обуздывается, смягчается, приучается относиться к ближним с почтительным и любовным вниманием. В этом умягченном, любовном настроении она предварительно прикрепляется к тесному, домашнему кругу с тем, чтобы дальнейшая жизнь вывела её в этой самой внутренней «установке» к широким кругам общества и народа.

2. Далее, семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию. Из этой семейной традиции и благодаря ей возникла вся наша индо-европейская и христианская культура – культура священного очага семьи: с её благоговейным почитанием предков, с её идеей священной межи, огораживающей родовые могилы; с её исторически слагающимися национальными обычаями и нарядами. Это семья создала и выносила культуру национального чувства и патриотической верности. И сама идея «родины» – лона моего рождения, и «отечества», земного гнезда моих отцов и предков – возникла из недр семьи как телесного и духовного единства. Семья есть для ребенка первое родное место

на земле; сначала – место-жилище, источник тепла и питания, потом – место осознанной любви и духовного понимания. Семья есть для ребенка первое «мы», возникшее из любви и добровольного служения, где один стоит за всех и все за одного. Она есть для него лоно естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытыми священные врата совести. Она есть для него школа взаимного доверия и совместного, организованного действия. Не ясно ли, что истинный гражданин и сын своей родины воспитывается именно в здоровой семье?

3. Далее, ребенок учится в семье верному восприятию авторитета. В лице естественного авторитета отца и матери он впервые встречается с идеей ранга и научается воспринимать высший ранг другого лица, преклоняясь, но не унижаясь, и научается мириться с присущим ему самому низшим рангом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление. Он научается извлекать из начала ранга и из начала авторитета всю их творческую и организационную силу, в то же время освобождая себя духовно от их возможного признание чужого высшего ранга научает переносить свой низший ранг без унижения, и только любимый и уважаемый авторитет не гнетет душу человека.

В здоровой христианской семье есть один-единственный отец и одна-единственная мать, которые совместно представляют единый – властвующий и организующий авторитет в семейной жизни. В этой естественной и первобытной форме авторитетной власти ребёнок впервые убеждается в том, что власть, насыщенная любовью, является благостною силою и что порядок в общественной жизни предполагает наличие такой единой, организующей и повелевающей власти: он научается тому, что принцип патриархального единодержавия содержит в себе нечто целесообразное и оздоровляющее; и, наконец, он начинает понимать, что авторитет духовно старшего человека совсем не призван подавлять или поработать подчиненного, пренебрегать его внутренней свободой и ломать его характер, но что, наоборот, он призван воспитывать человека к внутренней свободе.

Так, семья есть первая, естественная школа свободы: в ней ребёнок должен в первый, но не в последний раз в жизни найти верный путь к внутренней свободе; принять из любви и уважения к родителям все их приказы и запреты во всей их кажущейся строгости, вменить себе в обязанность их соблюдение, добровольно подчиниться им и предоставить своим собственным воззрениям и

убеждениям свободно и спокойно созреть в глубине души. Благодаря этому семья становится как бы начальной школой для воспитания свободного и здорового правосознания.

4. Пока семья будет существовать (а она будет существовать, как все природное, вечно), она будет школой здорового чувства частной собственности. Нетрудно убедиться, почему это так обстоит.

Семья есть данное от природы общественное единство – в жизни, в любви, в труде, в зарплатке и в имуществе. Чем прочнее, чем сплоченнее семья, тем обоснованнее является её притязание на то, что творчески создали и приобрели её родители и родители её родителей. Это есть притязание на их хозяйственно-овецествленный труд, всегда сопряжённый с лишениями, страданиями, с напряжением ума, воли и воображения; притязание – на наследственно передающееся имущество, на семейно приобретенную частную собственность, которая является суицим источником не только семейного, но и всенародного довольства.

Здоровая семья всегда была и всегда будет органическим единством – по крови, по духу и по имуществу. И это единое имущество является живым знаком кровного и духовного единства, ибо это имущество в том виде, как оно есть, возникло именно из этого кровного и духовного единения и на пути труда, дисциплины и жертв. Вот почему здоровая семья учит ребенка сразу целому ряду драгоценных умений. Ребенок научается пробивать себе в жизни дорогу при помощи собственной инициативы и в то же время высоко ценить и соблюдать принцип социальной взаимопомощи; ибо семья, как целое, устраивает свою жизнь именно по частной, собственной инициативе – она есть самостоятельное творческое единство, а в своих собственных пределах семья есть настоящее воплощение взаимопомощи и так называемой «социальности». Ребенок научается постепенно быть «частным» лицом, самостоятельной индивидуальностью и в то же время ценить и беречь лоно семейной любви и семейственной солидарности; он научается самостоятельности и верности – этим двум основным проявлениям духовного характера. Он научается творчески обходиться с имуществом, вырабатывать, создавать и приобретать хозяйственные блага и в то же время – подчинять начала частной собственности некоторой высшей, социальной (в данном случае – семейной) целесообразности... А это и есть то самое умение или, лучше сказать, искусство, вне которого не может быть разрешен социальный вопрос нашей эпохи.

Само собой разумеется, что только здоровая семья может верно разрешить все эти задачи. Семья, лишенная любви и духовности, где родители не имеют авторитета в глазах детей, где

нет единства ни в жизни, ни в труде, где нет наследственной традиции, – может дать ребенку очень мало или же не может дать ему ничего. Конечно, и в здоровой семье могут совершаться ошибки, могут слагаться в том или ином отношении «пробелы», которые способны повести к общей или частичной неудаче. Идеала нет на земле... Однако с уверенностью можно сказать, что родители, которые сумели приобщить своих детей к духовному опыту и вызвать в них процесс внутреннего самоосвобождения, будут всегда благословенны в сердцах детей... Ибо из этих двух основ вырастает и личный характер, и прочное счастье человека, и общественное благополучие»¹⁵².

**А.С. Макаренко
(1888–1939 гг.)**

**Советский воспитатель, писатель.
Решением ЮНЕСКО (1988 г.)
признан одним из четырёх
педагогов, определивших
педагогическое мышление
в XX веке**

**«Лекции о воспитании детей»
Общие условия
семейного воспитания**

«Не думайте, что вы воспитываете ребёнка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету – всё это имеет для ребёнка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а ещё хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

¹⁵² Ильин, И. А. Основы христианской культуры / И. А. Ильин. – Санкт-Петербург: Шпиль, 2004. – С. 193–198.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом – вот первый и самый главный метод воспитания!

А между тем приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано. По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека; если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного гражданина; в руках враля он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым.

Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки.

На эти недостатки и нужно обратить первое внимание. А что касается фокусов, то нужно раз навсегда помнить, что педагогических фокусов просто не существует. К сожалению, иногда можно видеть таких людей, верящих в фокусы. Тот придумает особое наказание, другой вводит какие-нибудь премии, третий всеми силами старается паясничать дома и развлекать детей, четвертый подкупает обещаниями.

Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трёх качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное прибавление лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делает воспитательную работу обреченной на неудачу. Это вовсе не значит, что вы должны быть всегда надуты, напыщенны, – будьте просто искренни, пусть ваше настроение соответствует моменту и сущности происходящего в вашей семье.

Фокусы мешают людям видеть настоящие задачи, стоящие перед ними, фокусы в первую очередь забавляют самих родителей, фокусы отнимают время. А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени!»¹⁵³.

¹⁵³ Макаренко, А. С. Сочинения / А. С. Макаренко. – в 7 т. Т. 4. – Москва: Издательство академии педагогических наук, 1958. – С. 347–348.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«В формировании духовного облика ребенка большое значение имеет то, что он видит вокруг себя – на стенке в школьном коридоре, в классе, в мастерской. Здесь ничего не должно быть случайного. Обстановка, окружающая ребенка,

должна его к чему-то призывать, чему-то учить. И мы стремимся к тому, чтобы каждый рисунок, каждое слово, которое прочитает ребенок, пробуждало у него мысли о самом себе, о товарищах»¹⁵⁴.

**А.С. Макаренко
(1888–1939 гг.)
Советский воспитатель, писатель.
Решением ЮНЕСКО (1988 г.)
признан одним из четырёх
педагогов, определивших
педагогическое мышление в XX веке**

«Лекции о воспитании детей»

**Общие условия
семейного воспитания**

«Конечно, лучше, если родители чаще бывают с детьми, очень нехорошо, если родители никогда их не видят. Но все же

необходимо сказать, что правильное воспитание вовсе не требует, чтобы родители не спускали с детей глаз. Такое воспитание может принести только вред. Оно развивает пассивность и духовный рост их идет слишком быстро. Родители любят этим похвастаться, но потом убеждаются, что допустили ошибку.

Вы должны хорошо знать, что делает, где находится, кем окружен ваш ребенок, но вы должны предоставить ему необходимую свободу, чтобы он находился не только под вашим личным

¹⁵⁴ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 51.

влиянием, а под многими разнообразными влияниями жизни. Не думайте при этом, что вы должны трусливо отгораживать его от влияний отрицательных или даже враждебных. Ведь в жизни все равно ему придется столкнуться с различными соблазнами, с чуждыми и вредными людьми и обстоятельствами. Вы должны выработать у него умение разбираться в них, бороться с ними, узнавать их своевременно. В парниковом воспитании, в изолированном высиживании нельзя этого выработать. Поэтому, совершенно естественно, вы должны допустить самое разнообразное окружение ваших детей, но никогда не теряйте их из виду.

Детям необходимо вовремя помочь, вовремя остановить их, направить. Таким образом, от вас требуется только постоянный корректив в жизнь ребенка, но вовсе не то, что называется вождением за руку. В свое время мы коснемся подробнее этого вопроса, сейчас же мы остановились на нем только потому, что зашел разговор о времени. Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени. И еще раз повторяем: воспитание происходит всегда, даже тогда, когда вас нет дома»¹⁵⁵.

**Григорий Богослов
(329–389 гг.)
Христианский богослов,
один из Отцов
Христианской Церкви**

«Избранные творения»

«О чём же должно любомудрствовать и в какой мере? О том, что доступно для нас и в такой мере, до

какой простираются состояние и способность понимания в слушателе. Иначе, как превышающие меру звуки или яства вредят одни слуху, другие телу, или, если угодно, как тяжести не по силам вредны поднимающим и сильные дожди – земле; так и слушатели утратят прежние силы, если их, скажу так, обременить и подавить грузом трудных учений».

«...» Мёд, несмотря на то что он мёд, если принять в излишестве и до пресыщения, производит рвоту»¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Макаренко, А. С. Сочинения / А. С. Макаренко. – в 7 т. Т. 4. – Москва: Издательство академии педагогических наук, 1958. – С. 348–349.

¹⁵⁶ Святитель Григорий Богослов. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2008. – С. 21–22.

**А.С. Макаренко
(1888–1939 гг.)**

**Советский воспитатель, писатель.
Решением ЮНЕСКО (1988 г.)
признан одним из четырёх
педагогов, определивших
педагогическое мышление в XX веке**

«Лекции о воспитании детей»

**Общие условия
семейного воспитания**

«Истинная сущность воспитательной работы, вероятно вы и сами уже догадались об этом, заключается вовсе не в ваших разговорах с ребёнком, не в прямом воздействии на ребёнка, а в организации вашей семьи, вашей личной и общественной жизни и в организации жизни ребёнка. Воспитательная работа есть прежде всего работа организатора. В этом деле поэтому нет мелочей. Вы не имеете права ничего назвать мелочью и забыть о ней. Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребёнка вы что-нибудь выделите крупное и уделите этому крупному всё ваше внимание, а всё остальное отбросите в сторону. В воспитательной работе нет пустяков. Какой-нибудь бант, который вы завязываете в волосах девочки, та или иная шапочка, какая-нибудь игрушка – всё это такие вещи, которые могут иметь в жизни ребёнка самое большое значение. Хорошая организация в том и заключается, что она не выпускает из виду мельчайших подробностей и случаев. Мелочи действуют регулярно, ежедневно, ежечасно, из них и складывается жизнь. Руководить этой жизнью, организовать её и будет самой ответственной вашей задачей»¹⁵⁷.

давались об этом, заключается вовсе не в ваших разговорах с ребёнком, не в прямом воздействии на ребёнка, а в организации вашей семьи, вашей личной и общественной жизни и в организации жизни ребёнка. Воспитательная работа есть прежде всего работа организатора. В этом деле поэтому нет мелочей. Вы не имеете права ничего назвать мелочью и забыть о ней. Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребёнка вы что-нибудь выделите крупное и уделите этому крупному всё ваше внимание, а всё остальное отбросите в сторону. В воспитательной работе нет пустяков. Какой-нибудь бант, который вы завязываете в волосах девочки, та или иная шапочка, какая-нибудь игрушка – всё это такие вещи, которые могут иметь в жизни ребёнка самое большое значение. Хорошая организация в том и заключается, что она не выпускает из виду мельчайших подробностей и случаев. Мелочи действуют регулярно, ежедневно, ежечасно, из них и складывается жизнь. Руководить этой жизнью, организовать её и будет самой ответственной вашей задачей»¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Макаренко, А. С. Сочинения / А.С. Макаренко. – в 7 т. Т. 4. – Москва: Издательство академии педагогических наук, 1958. – С. 349–350.

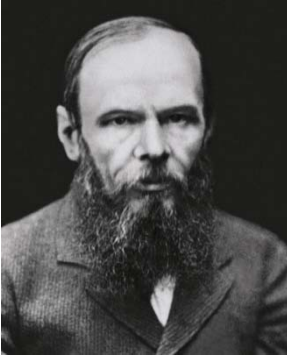
**«Домострой»
Русский литературный
памятник эпохи Средневековья**

**«Как воспитать детей своих
в поучениях разных
и в страхе Божьем»**

«А пошлёт Бог кому детей, сыновей и дочерей, то заботиться отцу и матери о чадах своих; обеспечить их и воспитать в доброй науке: учить страху божью и вежливости, и всякому порядку. А со временем, по детям смотря и по возрасту, учить их рукоделию, отец – сыновей, а мать – дочерей, кто чего достоин, какие кому Бог способности даст. Любить и хранить их, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а не то, разобравшись, и поколотить. Наказывай детей в юности – упокоят тебя в старости твоей. И хранить, и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах и ответ им держать в день Страшного суда. Так что если дети, лишённые наставлений отца и матери, в чем согрешат или зло сотворят, то и отцу, и матери с детьми их от Бога грех, а от людей укор и насмешка, дому убыток, а себе самим скорбь, от судей же позор и пеня.

Если же у богобоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе божьем в добром наставлении, и научены всякому знанию и порядку, и ремеслу, и рукоделию, – таких детей вместе с родителями Бог помилует, священники благословят и добрые люди похвалят, а вырастут – добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их дочерях или, по божьей милости и подбирая по возрасту, своих дочерей за сыновей их выдадут замуж. Если же из таких какое дитя и возьмёт Бог после покаяния и с причащением, тем самым родители приносят Богу непорочную жертву, и как вселятся такие дети в чертоги вечные, то имеют дерзновение у Бога просить милости и прощения грехов также и для своих родителей»¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Домострой. – Москва: Эксмо, 2005. – С. 139, С. 95–96.

**Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)**

Русский писатель, мыслитель

«Дневник писателя»

(1876 г. Январь)

«Сначала танцевали дети, все в прелестных костюмах. Любопытно проследить, как самые сложные понятия прививаются к ребенку совсем незаметно, и он, ещё не умея связать двух мыслей, великолепно иногда понимает

самые глубокие жизненные вещи. Один ученый немец сказал, что всякий ребенок, достигая первых трех лет своей жизни, уже приобретает целую треть тех идей и познаний, с которыми ляжет стариком в могилу. Тут были даже шестилетние дети, но я наверно знаю, что они уже в совершенстве понимали: почему и зачем они приехали сюда, разряженные в такие дорогие платыща, а дома ходят замарашиками (при теперешних средствах среднего общества – непременно замарашиками). Мало того, они наверно уже понимают, что так именно и надо, что это вовсе не уклонение, а нормальный закон природы. Конечно, на словах не выразят; но внутренне знают, а это, однако же, чрезвычайно сложная мысль.

Из детей мне больше понравились самые маленькие; очень были милы и развязны. Постарше уже развязны с некоторою дерзостью. Разумеется, всех развязнее и веселее была будущая середина и бездарность, это уже общий закон: середина всегда развязна, как в детях, так и в родителях. Более даровитые и обособленные из детей всегда сдержаннее, или если уж веселы, то с непрременной повадкой вести за собою других и командовать. Жаль ещё тоже, что детям теперь так всё облегчают – не только всякое изучение, всякое приобретение знаний, но даже игру и игрушки. Чуть только ребенок станет лепетать первые слова, и уже тотчас же начинают его облегчать. Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении. Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а, даже напротив, есть оупление. Две-три мысли, два-три впечатления поглубже выжитые в детстве, с собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ре-

бенка гораздо глубже в жизнь, чем самая облегченная школа, из которой сплошь да рядом выходит ни то ни сё, ни доброе ни злое, даже и в разврате не развратное, и в добродетели не добродетельное.

Что устрицы, пришили? О радость!

Летит обжорливая младость

Глотать...

Вот эта-то «обжорливая младость» (единственный дрянной стих у Пушкина потому, что высказан совсем без иронии, а почти с похвалой) – вот эта-то обжорливая младость из чего-нибудь да делается же? Скверная младость и нежелательная, и я уверен, что слишком облегченное воспитание чрезвычайно способствует ее выделке; а у нас уж как этого добра много!»¹⁵⁹.

**Э. Кант
(1724–1084 гг.)
Немецкий философ
эпохи Просвещения**

«О педагогике»

«Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными, а именно: искусство управлять и искусство воспитывать.

«...» Принцип искусства воспитания, который в особенности должны были бы иметь перед глазами люди, составляющие планы воспитания, гласит: дети должны воспитываться не для настоящего, а для будущего, возможно лучшего, состояния рода человеческого»¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург: Лениздат, 1999. – С. 118.

¹⁶⁰ Кант, Э. Трактаты и письма / Э. Кант. – Москва: Наука, 1980. – С. 450–451.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«Письма к сыну»

«Добрый день, дорогой сын!

Ты просишь посоветовать, как экономно и умно (это совершенно правильно – умно) использовать время. Жалуешься, что «одна работа «подхлестывает» дру-

гую, не успеешь оглянуться – день окончился, осталось не выполненным то, что собирался было сделать». Из твоего письма мне ясно также то, что на тебя сваливается, как ты говоришь, «груда книг», не успеваешь прочитать все рекомендованное. Я дам тебе несколько советов, исходя из собственного опыта.

1. Первое и самое главное – об этом я писал тебе ещё в прошлом году – умение создавать резерв времени в процессе слушания лекций. Неумение слушать лекции приводит к тому, что у студента создаются «авральные» периоды умственного труда: несколько дней перед зачетами (или экзаменами) он просиживает над конспектами лекций, а во время зачетов спит 2-3 часа в сутки. Вся работа, которая должна выполняться повседневно, изо дня в день, откладывается на эти «пожарные дни». По моим подсчетам, таких «пожарных», «авральных» дней набирается в году не меньше пятидесяти, то есть почти четвертая часть всего рабочего времени. Здесь кроется один из самых главных корней нехватки времени. Надо предотвращать «пожарные» круглосуточные бдения над конспектами. Надо учиться думать над конспектом уже на лекции и поработать над записями ежедневно хотя бы в течение двух часов. Я советую конспект делить как бы на две рубрики (графы): в первую записывать кратко изложенные лекции, во вторую-то, над чем надо подумать; сюда следует заносить узловые, главные вопросы. Это тот каркас, к которому как бы привязывается все здание знаний по данному предмету. Вот над этими каркасными вопросами надо думать ежедневно, связывая с этим думанием то повседневное чтение, о котором я говорил. Если ты будешь придерживаться этого требования по всем предметам, у тебя не будет «авральных» дней. Не будет надобности перечиты-

вать и заучивать весь конспект при подготовке к экзамену или зачету. Каркас предмета будет своеобразной программой, на основе которой припоминается весь материал по данному предмету.

2. Если хочешь, чтобы у тебя было достаточно времени, ежедневно читай. Читай каждый день и основательно штудируй несколько (4-6) страниц научной литературы, в той или иной мере связанной с учебными предметами. Читай внимательно и вдумчиво. Всё, что ты читаешь – это интеллектуальный фон твоего учения. Чем богаче этот фон, тем легче учиться. Чем больше читаешь ежедневно, тем больше у тебя будет резерв времени. Потому что во всем, что ты читаешь, – тысячи точек соприкосновения с материалом, изучающимся на лекциях. Эти точки я бы назвал якорями памяти. Они привязывают обязательные знания к тому океану знаний, который окружает человека. Умей заставлять себя читать ежедневно. Не откладывай этой работы на завтра. То, что упущено сегодня, никогда не возместить завтра.

3. Начиная рабочий день рано утром, часов в 6. Вставай в 5 часов 30 минут, сделай зарядку, выпей стакан молока с булочкой (не привыкай к чаю, успеешь еще привыкнуть в зрелые годы), начинай работу. Если ты привыкнешь к началу своего рабочего дня в 6 часов, то старайся приступить к работе за 15–20 минут до шести. Это хороший внутренний стимул, задающий тон всему рабочему дню. Полтора часа утреннего умственного труда перед лекциями – это золотое время. Все, что мне удалось сделать, я сделал утром. В течение тридцати лет я начинаю свой рабочий день в пять часов утра, работаю до восьми часов. Тридцать книг по педагогике и свыше трехсот других научных трудов – всё это написано от пяти до восьми утра. У меня уже выработался ритм умственного труда: если бы я даже захотел в утренние часы спать – это мне не удаётся, все во мне настроено в это время только на умственный труд. Советую тебе выполнять в утренние полтора часа самый сложный творческий умственный труд. Думай над узловыми вопросами теории, штудируй трудные теоретические статьи, работай над рефератами. Если у тебя умственный труд с элементами исследования – выполняй его только в утренние часы.

4. Умей определить систему своего умственного труда, от которой многое зависит. Я имею в виду понимание соотношения главного и второстепенного. Главное надо уметь распределять во времени так, чтобы оно не отодвигалось на задний план второ-

степенным. Главным надо заниматься ежедневно. Определи самые важные научные проблемы, от понимания которых зависит становление в тебе инженера. Ряд этих проблем являются сквозными, они пронизывают многие предметы. Главные научные проблемы должны быть у тебя на первом месте в утреннем умственном труде. Умей найти по главным научным проблемам фундаментальные книги, научные труды и работай над ними.

5. Умей создавать себе внутренние стимулы. Многое в умственном труде не настолько интересно, чтобы выполнять его с большим желанием. Часто единственным движущим стимулом является лишь надо. Начинай умственный труд как раз с этого. Умей сосредоточиться настолько, чтобы надо постепенно превращалось в х о ч у. Самое интересное всегда оставляй на конец работы.

6. Тебя окружает море книг и журналов. В студенческие годы надо быть очень строгим в выборе книг и журналов для чтения. Пылливому и любознательному хочется прочитать все. Но это неосуществимо. Умей ограничивать круг чтения, исключать из него то, что может нарушить режим труда. Но в то же время надо помнить, что в любую минуту может возникнуть необходимость прочитать новую книгу-то, что не предусмотрено было твоими планами. Для этого необходим резерв времени. Он создается, как я уже писал тебе, умелым умственным трудом на лекциях и над конспектами, предотвращением «авральных» дней.

7. Умей самому себе сказать: нет. Тебя окружает масса дел. Есть и научные кружки, и кружки художественной самодеятельности, и спортивные секции, и вечера танцев, и много клубов, где можно провести время. Умей проявить решительность: во многих из этих видов деятельности заключены соблазны, которые могут принести тебе большой вред. Надо и развлечься, и отдохнуть, но нельзя забывать главного: ты труженник, государство тратит на тебя большие деньги, и на первом месте должны стоять не танцы, а труд. Для отдыха я советую шахматную игру, чтение художественной литературы. Шахматная игра в абсолютной тишине, при полной сосредоточенности – замечательное средство, тонизирующее нервную систему, дисциплинирующее мысль.

8. Не трать времени на пустяки. Имею в виду пустую болтовню, пустое времяпровождение. Бывает так: сядут несколько человек в комнате и начинают, как говорится, точить лясы. Пройдет час, два, ничего не сделано, никакая умная мысль не родилась

в этом разговоре, а время потеряно безвозвратно. Умей и разговор с товарищами сделать источником своего духовного обогащения.

9. Учись облегчать свой будущий умственный труд. Речь идет о том, чтобы уметь создавать резерв времени в будущем. Для этого надо привыкнуть к системе записных книжечек. У меня их сейчас около 40. Каждая предназначена для записи ярких, как бы мимолетных мыслей (которые имеют «привычку» приходиться в голову только раз и больше не возвращаются) по одной из проблем педагогики. Сюда же я записываю самое интересное и яркое из прочитанного по этой же проблеме. Все это нужно в будущем, и все это очень облегчает умственный труд. У тебя, я знаю, есть записные книжки, но нет системы. Создавай четкую систему записей. Облегчай свой умственный труд.

10. Для каждой работы ищи наиболее рациональные приемы умственного труда. Избегай трафарета и шаблона. Не жалей времени на то, чтобы глубоко осмыслить сущность фактов, явлений, закономерностей, с которыми ты имеешь дело. Чем глубже ты вдумался, тем прочнее отложится в памяти. Пока не осмыслил, не старайся запомнить – это будет напрасная трата времени. Хороши известное умей не читать, а только просматривай. Но вместе с тем опасайся поверхностного просматривания того, что еще не осмыслено. Всякая поверхностность обернется тем, что ты вынужден будешь к отдельным фактам, явлениям, закономерностям возвращаться много раз.

11. Умственный труд одного человека не может быть успешным, если все живущие в одной комнате не договорятся о строгом соблюдении отдельных требований. Прежде всего надо договориться, чтобы в строго определенные часы категорически запрещалось разговаривать, спорить, заниматься делами, нарушающими покой. В часы сосредоточенного умственного труда каждый должен работать совершенно самостоятельно.

12. Умственный труд требует чередования математического и художественного мышления. Чередуй чтение научной литературы с чтением беллетристики.

13. Умей избавиться от дурных привычек. Я имею в виду вот какие: перед началом работы просиживать без дела пятнадцать, двадцать минут; без какой бы то ни было надобности перелистывать книгу, которую заведомо не будешь читать; проснувшись, лежать в постели минут пятнадцать.

14. *«Завтра» – самый опасный враг трудолюбия. Никогда не откладывай на завтра работу, которую надо выполнить сегодня. Больше того, сделай привычкой, чтобы часть завтрашней работы была выполнена сегодня. Это будет прекрасным внутренним стимулом, который задаёт тон всему завтрашнему дню.*

15. *Не прекращай умственного труда никогда, ни на один день. Летом не расставайся с книгой. Каждый день должен тебя обогащать интеллектуальными ценностями – в этом один из источников времени, необходимого для умственного труда. Вот пятнадцать заповедей, которых, мне кажется, должен придерживаться каждый студент. Желаю тебе крепкого здоровья, хорошего настроения. Твой отец»¹⁶¹.*

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Воспитательный идеал советской школы ярко выражен в Программе КПСС. В человеке, которого мы воспитываем, должны сочетаться нравственная чистота, духовное богатство, физическое совершенство. Мастерство и искусство воспитания заключается в том, чтобы перед глазами воспитателя всегда было яркое представление о сущности этой гармонии. Коммунистический человек – не механическое сложение всех добрых черт и качеств, а сочетание их в гармоническом единстве.

... Чем лучше становится жить, чем больше ценностей бытового характера и духовной культуры предоставляется в распоряжение молодого поколения... тем труднее воспитывать, тем больше возрастает ответственность всех, причастных к воспитанию...»¹⁶².

¹⁶¹ Сухомлинский, В. А. Родительская педагогика / В. А. Сухомлинский. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1985. – С. 214–219.

¹⁶² Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 12.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Без научного предвидения, без умения закладывать в человеке сегодня те зерна, которые взойдут через десятилетия, воспитание превратилось бы в примитивный присмотр, воспитатель – в неграмотную няньку, педагогика – в знахарство. Нужно научно предвидеть – в этом суть культуры педагогического процесса, и чем больше тонкого вдумчивого предвидения, тем меньше неожиданных несчастий»¹⁶³.

**Иоанн Лествичник
(VI–VII вв.)
Христианский богослов, философ.
Чтится Православными
и Католиками**

«Лествица»

«Если тот, кто может пользоваться других словом, но не преподает его изобильно, не избежит наказания: то какой беде подвергают себя, возлюбленный отче, те, которые трудами своими могут помочь злостраждущим, и не помогают? Избавляй братий, о ты, избавленный Богом! Спасенный! спасай ведомых на смерть, и не будь скуп к искуплению душ, убиваемых бесами. Ибо в этом состоит величайшая почесть, данная от Бога разумному созданию, и она выше всякого делания и видения смертных и бессмертных»¹⁶⁴.

¹⁶³ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 14.

¹⁶⁴ Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица / Преподобный Иоанн Лествичник. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2007. – С. 446.

И.А. Ильин
(1883–1954 гг.)
Русский философ,
публицист

«Путь духовного обновления»

О семье

«Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости.

Он призван строить этот союз на любви, на вере и на свободе, научиться в нем первым совестным движениям сердца и подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения – родине и государству.

Семья начинается с брака и в нём завязывается. Но человек начинает свою жизнь в такой семье, которую он сам не создавал: это семья, учреждённая его отцом и матерью, в которую он входит одним рождением, задолго до того, как ему удастся осознать самого себя и окружающий его мир. Он получает эту семью как некий дар судьбы. Брак по самому существу своему возникает из выбора и решения, а ребёнку не приходится выбирать и решать: отец и мать как бы образуют ту предустановленную для него судьбу, которая выпадает ему на его жизненную долю, и эту судьбу он не может ни отклонить, ни изменить – ему остается только принять её и нести всю жизнь. То, что выйдет из человека в его дальнейшей жизни, определяется в его детстве и притом самим этим детством; существуют, конечно, врождённые склонности и дары, но судьба этих склонностей и талантов – разовьются ли они в дальнейшем или погибнут, и если расцветут, то как именно, – определяется в раннем детстве.

Вот почему семья является первичным лоном человеческой культуры. Мы все слагаемся в этом лоне, со всеми нашими возможностями, чувствами и хотениями; и каждый из нас остаётся в течение всей своей жизни духовным представителем своей отечески материнской семьи или как бы живым символом ее семейственного духа. Здесь пробуждаются и начинают развёртываться дремлющие силы личной души; здесь ребенок научается любить (кого и как?), верить (во что?) и жертвовать (чему и чем?);

здесь слагаются первые основы его характера; здесь открываются в душе ребёнка главные источники его будущего счастья и несчастья; здесь ребёнок становится маленьким человеком, из которого впоследствии развивается великая личность или, может быть, низкий проходимец. Не прав ли Макс Мюллер, когда он пишет: – Я думаю, что там, где речь идёт о воспитании детей, к жизни надо подходить, как к чему-то в высшей степени серьёзному, ответственному и высокому; и не прав ли немецкий богослов Толук, утверждая: – Мир управляется из детской... Мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути погибели. И если мы подумаем, что – следующее поколение всё время вновь нарождается и воспитывается и что все его будущие подвиги и преступления, его духовная сила и его возможное духовное крушение – уже теперь, всё время, слагаются и созревают вокруг нас и при нашем содействии или бездействии, то мы сможем отдать себе отчёт в том, какая ответственность лежит на нас...

Всё это означает, что семья есть как бы живая – лаборатория человеческих судеб – личных и народных, и притом каждого народа в отдельности и всех народов сообща, с тем отличием, однако, что в лаборатории обычно знают, что делают, и действуют целесообразно, а в семье обычно не знают, что делают, и действуют, как придётся. Ибо семейная – лаборатория возникает от природы, на иррациональных путях инстинкта, традиции и нужды; здесь люди не задаются никакой определённой творческой целью, а просто живут, удовлетворяют свои собственные потребности, изживают свои склонности и страсти и то удачно, то беспомощно несут последствия всего этого. Природа устроила так, что одно из самых ответственных и священных призваний человека – быть отцом и матерью – делается для человека доступным просто при минимальном телесном здоровье и половой зрелости, так что человеку достаточно этих двух условий для того, чтобы не задумываясь наложить на себя это призвание... – А чтоб иметь детей – кому ума недоставало?! (Грибоедов). Вследствие этого тончайшее, благороднейшее и ответственнейшее искусство на земле – искусство воспитания детей – почти всегда недооценивается и пренебрегается; к нему и доселе подходят

так, как если бы оно было доступно всякому, кто способен физически рождать детей, как если бы существенным было именно зачатие и рождение, а остальное – именно воспитание – было бы совсем несущественно или могло бы делаться как-то так, – само собой. На самом же деле тут все обстоит совсем иначе. Окружающий нас мир людей таит в себе многое множество личных неудач, болезненных явлений и трагических судеб, о которых знают только духовники, врачи и прозорливые художники; и все эти явления сводятся в последнем счете к тому, что родители этих людей сумели их только родить и дать им жизнь, но открыть им путь к любви, к внутренней свободе, вере и совести, т. е. ко всему тому, что составляет источник духовного характера и истинного счастья, не сумели; родители по плоти сумели дать своим детям, кроме плотского существования, только одни душевные раны, иногда даже сами не замечая того, как они возникали у детей и въедались в душу, но не сумели дать им духовного опыта, этого целительного источника для всех страданий души...

Бывают эпохи, когда эта небрежность, эта беспомощность, эта безответственность родителей начинают возрастать от поколения к поколению. Это как раз в те эпохи, когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабеть и как бы исчезать; это эпохи распространяющегося и крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма. В такие эпохи священное естество семьи не находит себе больше признания и почета в человеческих сердцах; им не дорожат, его не берегут, его не строят. Тогда в отношениях между родителями и детьми возникает некая – пропасть, которая, по-видимому, увеличивается от поколения к поколению. Отец и мать перестают – понимать своих детей, а дети начинают жаловаться на – абсолютную отчужденность, водворившуюся в семью; и, не понимая, откуда это берется, и забывая свои собственные детские жалобы, выросшие дети завязывают новые семейные ячейки, в которых непонимание и отчуждение обнаруживаются с новой и большей силою»¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Ильин, И. А. Основы христианской культуры / И. А. Ильин. – Санкт-Петербург: Шпиль, 2004. – С. 183–186.

**А.С. Макаренко
(1888–1939 гг.)**

**Советский воспитатель, писатель.
Решением ЮНЕСКО (1988 г.)
признан одним из четырёх
педагогов, определивших
педагогическое мышление в XX веке**

«Лекции о воспитании детей»

Дисциплина

«Слово «дисциплина» имеет несколько значений. Одни под дисциплиной понимают собрание правил поведения. Другие называют дисциплиной уже сло-

жившиеся, воспитанные привычки человека, третьи видят в дисциплине только послушание. Все эти отдельные мнения в большей или меньшей степени приближаются к истине, но для правильной работы воспитателя необходимо иметь более точное представление о самом понятии «дисциплина».

Иногда дисциплинированным называют человека, отличающегося послушанием. Конечно, в подавляющем большинстве от каждого человека требуется точное и быстрое выполнение приказаний и распоряжений вышестоящих органов и лиц, и все же в советском обществе так называемое послушание является совершенно недостаточным признаком человека дисциплинированного – простое послушание нас удовлетворить не может, тем более не может удовлетворить слепое послушание, которое обыкновенно требовалось в старой, дореволюционной школе.

От советского гражданина мы требуем гораздо более сложной дисциплинированности. Мы требуем, чтобы он не только понимал, для чего и почему нужно выполнить тот или другой приказ, но, чтобы он и сам активно стремился выполнить его как можно лучше. Мало этого. Мы требуем от нашего гражданина, чтобы он в каждую минуту своей жизни был готов выполнить свой долг, не ожидая распоряжения или приказа, чтобы он обладал инициативой и творческой волей. Мы надеемся при этом, что он будет делать только то, что действительно полезно и нужно для нашего общества, для нашей страны, что в этом деле он не остановился ни перед какими трудностями и препятствиями. Наоборот, мы требуем от советского человека умения воздержаться от таких поступков или действий, которые принесут пользу или удовлетворение только ему одному, а другим людям или всему обществу могут принести вред. Кроме этого, мы всегда требуем от нашего гражданина, чтобы он

никогда не ограничивался только узким кругом своего дела, участка, своего станка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение; умел прийти им на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя. Но по отношению к нашим общим врагам мы от каждого человека требуем решительного противодействия, постоянной бдительности, несмотря ни на какую неприятность или опасность.

Одним словом, в советском обществе дисциплинированным человеком мы имеет право назвать только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильно поведение, наиболее полезное для общества, и найдет в себе твердость продолжать такое поведение до конца, несмотря на какие бы то ни было трудности и неприятности.

Само собой, понятно, что нельзя воспитать такого дисциплинированного человека только при помощи одной дисциплины, т.е. упражнений в послушании. Советский дисциплинированный гражданин может быть воспитан только всей суммой правильных влияний, среди которых самое видное место должны занимать: широкое политическое воспитание, общее образование, книга, газета, труд, общественная работа и даже такие как будто второстепенные вещи, как игра, развлечение, отдых. Только в совместном действии всех этих влияний может быть проведено правильное воспитание, и только в результате его может получиться настоящий дисциплинированный гражданин социалистического общества.

Мы в особенности рекомендуем родителям помнить всегда это важное положение: дисциплина создается не отдельными какими-нибудь «дисциплинарными» мерами, а всей системой воспитания, всей обстановкой жизни, всеми влияниями, которым подвергаются дети. В таком понимании дисциплина есть не причина, не метод, не способ правильного воспитания, а результат его. Правильная дисциплина – это тот хороший конец, к которому должен стремиться воспитатель всеми своими силами и при помощи всех средств, имеющихся в его распоряжении. Поэтому каждый родитель должен знать, что, давая сыну или дочери книгу для чтения, знакомя его с новым товарищем, беседуя с ребенком о международном положении, о делах на своем заводе или о своих стахановских успехах, он вместе с другими делами добивается и цели большего или меньшего дисциплинирования.

Таким образом, под дисциплиной мы будем понимать широкий общий результат всей воспитательной работы»¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Макаренко, А. С. Сочинения / А.С. Макаренко. – в 7 т. Т. 4. – Москва: Издательство академии педагогических наук, 1957. – С. 361–363.

**С.Н. Булгаков
(1871–1944 гг.)**

**Русский философ, богослов,
православный священник,
экономист**

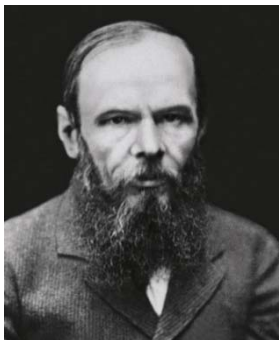
«Два града»

«Народ наш нуждается в знаниях, нуждается в просвещении, однако такое, которое не делало бы его беднее духовно, чем он был, и не разлагало бы его нравственную личность. Христианское просвещение, развивающее и воспитывающее личность, а не случайное усвое-

ние обрывков знания, как средства агитации, вот в чем нуждается народ наш. Историческое будущее России, возрождение и восстановление мощи нашей родины или окончательное разложение, быть может, политическая смерть, находятся, по моему убеждению, в зависимости от того, разрешим ли мы эту культурно-педагогическую задачу: просветить народ, не разлагая его нравственной личности. И судьбы эти история вверяет в руки интеллигенции. Опыт последних лет показал, что она находит доступ к душе народной, и в то же время она всегда имела страстное, неудержимое, жертвенное стремление к служению народу в той форме, как она его понимает. В этом-то понимании и все дело, и вот почему мировоззрение самой интеллигенции приобретает такую исключительную важность, как состояние нервов и мозга всей страны. В сердце и голове русской интеллигенции происходит борьба добра и зла, животворящего и смертоносного, зиждительного и разрушительного начала в России, а поскольку происходящее у нас имеет несомненно и мировое значение, то и борьба эта мировая. Но это понимание своей исторической миссии и своего значения должно удерживать чувство ответственности за свои действия. Ведь нигде больше нет такого положения: великий народ, беспомощный, беззащитный духовно, как ребенок, находящийся на уровне просвещения почти что эпохи св. Владимира, и интеллигенция, которая несет просвещение Запада, преимущественно с разными последними словами, сменяющимися с быстротою моды, и которая, как ее ни удерживают и ни отстраняют, находит и, конечно, будет находить дорогу к этому ребенку. Два электричества: когда они соединятся, что дадут они, – благодетельный свет и тепло или разрушительную и испепеляющую молнию?»

Если мировоззрение самой интеллигенции, которое она несет народу, останется тем же, что и теперь, то и влияние ее на народ сохранит тот же характер; только не изменяясь качественно, оно будет расти количественно. Но нельзя, конечно, и думать, чтобы интеллигенции, по крайней мере, в обозримом будущем, удалось обратить, в свою веру всю народную массу, часть ее во всяком случае останется верна прежним началам жизни. И на почве этого разноверия неизбежно должна возникнуть такая внутренняя религиозная война, подобие которой следует искать только в войнах реформационных. При этом духовная и государственная сила народа будет таять, и жизнеспособность государственного организма уменьшаться до первого удара извне. От этого пути достаточно предохраняют нас пережитые события. Но неужели напрасно воззрели над нами небесные громы? Неужели мы, немного поотдохнув да поправившись от пережитого, заживем опять по-старому, старыми чувствами, старыми мыслями, старым легкомыслием, так как будто ничего не случилось, ничего не раскрылось, ничего не нажито? Просто, сорвалось, да и все тут, могло бы и не сорваться, если бы оказалось немного больше сил; надо стараться, чтобы другой раз уже не сорвалось. Русский интеллигент склонен к такой беспечной лени души, и сейчас уже начинает складываться такое успокоительное, доосвободительное настроение и в печати, и в кружках, как будто мы не увидели голову Горгоны, как будто мы просто просчитались, и остается только отступить несколько шагов назад, вернуться на старые позиции. Нет, вернуться на старые духовные позиции нельзя, мы отделены пропастью, полной мертвецов, мы выросли и исторически постарели, бесполезно и недостойно нам молодиться. Надо начать что-то новое, учесть исторический опыт, познать в нем самих себя и свои ошибки, ибо иначе, если мы будем видеть их только у других, на противной стороне, то мы останемся загнилотизированы своей враждой к ней и ничему не научимся. Потребно самоуглубление, самоисследование, потребно накопление духовных сил, творчество культуры»¹⁶⁷.

¹⁶⁷ Булгаков, С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов / С. Н. Булгаков. – Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – С. 266–267.

Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)

Русский писатель, мыслитель

«Дневник писателя»

(Февраль 1876 г.)

«Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не всё же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам

путь освещают! Я как-то слепо убеждён, что им такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает, в принцип свою мерзость возводит, утверждает, что в ней-то и заключается l'Ordre (порядок – фр.) и свет цивилизации, и несчастный кончает тем, что верит тому искренно, слепо и даже честно. Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если притом и так много грязи, то русский человек и тоскует от нее всего более сам, и верит, что всё это – лишь наносное и временное, наваждение дьявольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет»¹⁶⁸.

В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)

**Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Воспитывает каждая минута жизни и каждый уголок земли, каждый человек, с которым формирующаяся личность соприкасается подчас как бы случайно, мимоходом»¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург: Лениздат, 1999. – С. 145.

¹⁶⁹ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 14–15.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Я глубоко убеждён, что наиболее точным определением было бы следующее: процесс воспитания выражается в единстве духовной жизни воспитателя и воспитанников – в единстве их идеалов, стремлений, интересов, мыслей, переживаний»¹⁷⁰.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Я всегда стремился убедить учителей в том, что, если ты видишь ученика только из-за своего стола в классе, если он идет к тебе только по вызову, если весь его разговор с тобой только ответы на твои вопросы, никакие знания психологии тебе не помогут.

Надо встречаться с ребенком как с другом, единомышленником, пережить вместе с ним радость победы и горечь утраты»¹⁷¹.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Учение – это лишь один из лепестков того цветка, который называется воспитанием в широком смысле этого понятия. В воспитании нет главного и второстепенного, как нет главного лепестка

¹⁷⁰ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 15.

¹⁷¹ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 16.

среди многих лепестков, создающих красоту цветка. В воспитании всё главное – и урок, и развитие разносторонних интересов детей вне урока, и взаимоотношения воспитанников в коллективе»¹⁷².

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Каждый из нас должен быть не абстрактным воплощением педагогической мудрости, а живой личностью, которая помогает подростку познать не только мир, но и самого себя. Решающее значение имеет то, каких людей увидит в нас подро-

сток. Мы должны быть для подростков примером богатства духовной жизни; лишь при этом условии мы имеем моральное право воспитывать. Ничто так не удивляет, не увлекает подростков, ничто с такой силой не пробуждает желания стать лучше, как умный, интеллектуально богатый и щедрый человек. В наших воспитанниках дремлют задатки талантливых математиков и физиков, филологов и историков, биологов и инженеров, мастеров творческого труда в поле и у станков. Эти таланты раскроются только тогда, когда каждый подросток встретит в воспитателе ту «живую воду», без которой задатки засыхают и хиреют. Ум воспитывается умом, совесть – совестью, преданность Родине – действенным служением...Родине!»¹⁷³.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Чем ближе я знакомился с будущими воспитанниками, тем больше убеждался, что одной из важных задач, которые стоят передо мной, является возвращение детства тем, кто в семье лишён его.

¹⁷² Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 17.

¹⁷³ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 17.

...Я знал несколько десятков таких детей. Жизнь утвердила убеждение в том, что, если маленькому ребенку не удаётся вернуть веру в добро и справедливость, он никогда не может почувствовать человека в самом себе, испытать чувство собственного достоинства. В подростковом возрасте такой воспитанник становится озлобленным, для него нет в жизни ничего святого и возвышенного, слово учителя не доходит до глубины его сердца.

Выпрямить душу такого человека – одна из наиболее трудных задач воспитателя; в этом самом тонком, самом кропотливом труде происходит, по существу, главное испытание по человековедению. Быть человековедом – значит не только видеть, чувствовать, как ребёнок познает добро и зло, но и защищать нежное детское сердце от зла»¹⁷⁴.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Бывают такие обстоятельства, когда перед ребёнком как будто бы острое лезвие ножа: он в ужасе, всё в нём замирает. Такое чувство переживается в минуту обнажения тех интимных семейных

взаимоотношений, которые ребёнку хочется прикрыть, спрятать.

Вот почему мне хочется сказать отцам: знайте и помните – дети переживают ваше падение, как своё личное горе, воспринимают вашу радость, как свою. Берегите же детскую любовь к человеку, укрепляйте веру в человека»¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 22.

¹⁷⁵ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 24.

**В.М. Шукшин
(1929–1974 гг.)**

**Русский, Советский
писатель, кинорежиссёр, актёр**

«Наказ»

«Молодого Григория Думнова, тридцатилетнего, выбрали председателем колхоза. Собрание было шумным; сперва было заколебались – не молод ли? Но потом за эту же самую молодость так принялись хвалить Григория, что и самому ему, и тем, кто приехал рекомендовать

его в председатели, стало даже неловко. Словом, выбрали.

Поздно вечером домой к Григорию пришел дядя его Максим Думнов, пожилой крупный человек с влажными веселыми глазами. Максим был слегка «на взводе», заявился шумно.

– Обмыва-ать! – потребовал Максим, тяжело привалившись боком к столу. – А-а?.. Как мы тебя – на руках посадили! Сиди! Сиди крепко!.. он весело смотрел на племянника, гордый за него. И за себя почему-то. Сам сиди крепко и других – вот так вот держи! – Максим сжал кулак, показал, как надо держать других. – Понял?

Григорий не обрадовался гостю, но понимал, что это неизбежно: кто-нибудь да явится, и надо соблюсти этот дурацкий обычай – обмыть новую должность. Должность как раз сулила жизнь нелёгкую, хлопотную, Григорий не сразу и согласился на неё... Но это не суть важно, важно, что тебя выбирали, выбрали, говорили про тебя всякие хорошие слова... Теперь изволь набраться терпения, благодарности – послушай, как надо жить и как руководить коллективом.

Максим сразу с этого и начал – с коллектива.

– Ну, Григорий, теперь крой всех. Понял? Я, мол, кто вам? Вот так: сядь, мол, и сиди. И слушай, что я тебе говорить буду.

Григорий понимал, что надо бы всё это вытерпеть – покивать головой, выпить рюмку-другую и выпроводить довольного гостя. Но он почему-то вдруг возмутился.

– Почему крыть-то? – спросил он, не скрывая раздражения. – Что за чёртова какая-то формула: «крой всех!..» И ведь какая живучая! Крой – и всё. Хоть плачь, но крой. Почему крыть-то?!

– А как же? – искренне не понял Максим. – Ты что? Как же ты руководить-то собрался?

– Головой! – Григорий больше и больше раздражался, тем более раздражался, что Максим не просто бубнил по пьяному делу, а

проявил убеждённость и при этом смотрел на Григория, как на молодого несмышлениша.

– Головой я руководить собрался, головой.

– Ну-у!.. Головой-то многие собирались, только не вышло.

– Значит, головы не хватало.

– Хватало! Не ты один такой умница, были и другие.

– Ну? И что?

– Ничего. Ничего не вышло, и всё.

– Почему же?

– Потому что к голове... твердость нужна, характер.

– Да мало у нас их было, твёрдых-то?! От кого мы стонали-то, не от твёрдых?

– Ладно, – согласился Максим. Спор увлёк его, он даже не обратил внимания, что на столе у племянника до сих пор пусто. – Ладно. Вот, допустим, ты ему сказал: «Сделай то-то и то-то». А он тебе на это: «Не хочу». Всё. Что ты ему на это?

– Надо вести дело так, чтоб ему... не знаю – стыдно, что ли, стало.

Максим Думнов растянул в добродушной улыбке рот.

– Так... Дальше?

– Не стыдно, нет, – сказал Григорий, поняв, что это, верно, что, не аргумент. – Надо, чтоб ему это невыгодно было экономически.

– Так, так, – покивал Максим. И, не задумываясь, словно он держал этот пример наготове, рассказал: – Вот у нас пастух, Климка Стебунов, пропас наших коров два месяца, собрал деньги и послал нас всех... «Не хочу!» И всё. А ведь ему экономически вон как выгодно! Знаешь, сколько он за два месяца слупил с нас? Пятьсот семьдесят пять рублей! Где он такие деньги заработает? Нигде. А он всё равно не хочет. Ну-ка, раскинь головой: как нам теперь быть?

– Ну, и как вы?

– Пасём пока по очереди... Кому позарез некогда, тот нанимает за себя. Но так ведь дальше-то тоже нельзя.

– А где этот Климка?

– Гуляет, где! Пропьёт все до копейки, опять придёт... И мы опять его, как доброго, примем. Да ещё каждый будет стараться, как накормить его получше. А его, по-хорошему-то, гнать бы надо в три шеи. Вот тебе и экономика, милый Гриша. Окончи ты ещё три института, а как быть с Климкой, всё равно не будешь знать. Тем более что он – трудовой инвалид.

Григорий поубавил наступательный разгон, решил, что, пожалуй, стоит поговорить повнимательней.

– погоди. Ну, а как бы ты поступил, будь ты хозяин... то есть, не хозяин, а...

– Понимаю, понимаю. Как? Пришёл бы к нему домой, к подлецу... От него дома-то все плачут! «Вот что, милый друг, двадцать четыре часа тебе: или выходи коров пасти, или выселяем тебя из деревни». Всё.

– Как же ты так? Сам же говоришь, он инвалид...

– Нам известно, как он инвалидом сделался: по своей халатности...

– А как?

– На вилы со стога прыгнул. Надо смотреть, куда прыгаешь. Но я ведь тебе не говорю, что я имею право его выселить. Ты спросил, как бы я действовал на твоём месте, я и прикидываю. Перво-наперво я бы его напугал смертью. Нашёл бы способ! Подговорил бы милиционера, подъехали бы к нему на коляске: «Садись, поедем протокол составлять об твоём выселении». Я же знаю Климку: сразу в штаны наложит. Завтра же до света помчится со своей дудкой коров собирать. Ничем больше Климку не взять. Проси ты его, не проси – бесполезно. Экономилку эту он тоже... у него своя экономика: он рублей триста домой отдал, семье, а двести с лишним себе оставил и прикинул, на сколько ему хватит. Недели на две хватит: он хоть и гуляет, а угостить из своего кармана ишии кого угостит.

Григорий задумался. Ведь и правда, завтра же перед ним станет вопрос: как быть со стадом колхозников? А как быть?

– Так что, неужели никого больше нельзя заинтересовать?

– А кого?! – воскликнул Максим. – Мужики помоложе да покрепче, они все у дела – все почти механизаторы, совсем молодой – тот посоветится пастухом, бабу какую-нибудь?.. У каждой семья, тоже не может. Вот и беда-то – некому больше. Я бы пошёл, но староват уже гоняться-то там за ими по косогорам. Вот видишь, я тебе один маленький пример привёл, и ты уже задумался, – Максим весело посмотрел на племянша, дотянулся к нему, хлопнул по плечу. – Не журишь! Однако прислушайся к моему совету: будь покруче с людьми. Люди, они ведь... Эхх! Давай-ка по рюмочке пропустим, а то у меня аж в горле высохло: целую речь тут тебе закатил.

Григорий хотел позвать жену из горницы, чтоб она собрала чего-нибудь на стол, но Максим остановил:

– Не надо, пусть она там ребятишек укладывает. Мы сами тут чего-нибудь...

Григорий достал что надо, они налили по рюмочке, но пить не стали пока, закурили.

– Я ведь по глазам вижу, Гриша: сперва окрысился на меня – пришёл, дескать, учёного учить! А я просто радый за тебя, пришёл от души поздравить. Ну, и посоветовать... Я как-никак жизнь доживаю, всякого повидал, – Максим склонил массивную седую голову, помолчал... И Григорий подумал в эту минуту, что дядя его,

правда, повидал всякого: две войны отломал, на последней был ранен, попал в плен. Потом, после войны, долго выясняли, при каких обстоятельствах он попал в плен... А пока это выясняли, жена его, трактористка-стахановка, заявила тут, что отныне она не считает себя женой предателя, и всенародно прокляла тот день и час, в какой судьба свела их. И вышла за другого фронтовика. Всё это надо было вынести, и Максим вынес.

– Да, – сказал Максим, – вот такие наши дела. Давай-ка...

Они выпили, закусили, снова закурили. Максиму стало легче, он вернулся к разговору.

– Вся беда наша, Григорий, что мужик наши серёдки в жизни не знает. Вот я был в Германии... Само собой, гоняли нас на работу, а работать приходилось с ихними же рядом, с немцами. Я к ним и пригляделся. Тут... хошь не хошь, а приглядишься. И вот я какой вывод для себя сделал: немца, его как с малолетства на середку нацелили, так он живёт всю жизнь – посередке. Ни он тебе не напьётся, хотя и выпьет, и песню даже затянут... Но до края он никогда не дойдёт. Нет. И работать по-нашенски – чёртомелить – он тоже не будет: с такого-то часа и до такого-то, всё. Дальше, хоть ты лопни, не заставишь его работать. Но свои часы отведёт аккуратно – честь по чести, они работать умеют, и свою выгоду... экономику, как ты говоришь, он в голове держит. Но и вот таких, как Климка Стебунов, там тоже нету. Их там и быть не может. Его там засмеют, такого, он сам не выдержит. Да он там и не уродится такой, вот штука. А у нас ведь как: живут рядом, никаких условий особых нету ни для одного, ни для другого, все одинаково. Но один, смотришь, живёт, всё у него есть, всё припасено... Другой только косится на этого, на справного-то, да подсчитывает, сколько у него чего. Наспроть меня Геночка вон живёт Байкалов... Молодой мужик, здоровый – ходит через день в пекарню, слесарит там чего-то. И вся работа. Я ему: «Генк, да неужель ты это работой считаешь?» – «А что же это такое?» – «Это, мол, у нас раньше называлось: смолить да к стенке становить». Вот так работа, елкина мать! Сходит, семь болтов подвернёт, а на другой день и вовсе не идёт: и эта-то, такая-то работа, – через день! Во как!

– Сколько же он получает? – поинтересовался Григорий.

– Восемьдесят пять рублей. Хуже бабы худой. Доярки вон в три раза больше получают. А Генке – как с гуся вода: не совестно, ничего. Ну, ладно, другой бы, раз такое дело, по дому бы чего-то делал. Дак он и дома ни хрена не делает! День-деньской на реке пропадает – рыбачит. И ничего ему не надо, ни об чем душа не болит... Даже завидки берут, ей-богу. Теперь – другой край: ты Митьшу-то Стебунова знаешь ведь? – Максим сам вдруг подивился совпадению: – Они как раз родня с Климкой-то Стебуновым, они же братья

сродные! Хэх... Вот тебе и пример к моим словам: один всю жизнь груши околачивает, другой... на другого я без уважения глядеть не могу, аж слеза прошибет иной раз: до того работает, сердешный, до того вкалывает, что приедёт с пашни – ни глаз, ни рожки не видать, весь чёрный. И думаешь, из-за жадности? Нет – такой характер. Я его спрашивал: «Чего уж так хлещешься-то, Митьша?» – «А, – говорит, – больше не знаю, что делать. Не знаю, куда девать себя». Пить опасается: начнешь пить, не остановишься...

– Что, так и говоришь: начну, значит, не остановлюсь?

– Так и говоришь. «Если уж, говорит, пить, так пить, а так даже и затевать себе неохота. Лучшие уж вовсе не пить, чем по губам-то мазать». Он справедливый мужик, зря говорить не станет. Вот ведь мы какие... заковыристые, – Максим помолчал, поиграл ногтями об рюмочку... Качнул головой: – Но всё же это только последнее время так народ избаловался. Техника!.. Она доведёт нас, что мы – или рахитами все сделаемся, или от ожирения сердца будем помирать лет в сорок. Ты гляди только, какие мужики-то пошли жирные! Стыд и срам глядеть. Идёт, как баба брюхатая. «Передай привет, три года не вижу». Ведь он тебе сейчас километра пешком не пройдёт – на машине, на мотоцикле. А как бывало... Мы вот с отцом твоим, покойником, как? День косишь, а вечером в деревню охота – с девками поиграть. А покосы-то вон где были! – за вторым перешейком, добрых пятнадцать верст. А коня-то кто тебе даст? Кони пасутся. Вот как откосимся, повечеряем – и в деревню. В деревне чуть не до свету прохоро-водишься – и опять на покос. Придешь бывало, а там уж поднялись – косить налаживаются. И опять на полдня...

– Когда же вы спали-то?

– А днём. В пекло-то в самое не косили же. Залезешь в шалаши – и умер. Насилу добудются потом. Помню, Ванька... Иван, отец твой, один раз таким убойным сном заснул, что не могут никак разбудить. Чего только с им ни делали!.. Штаны сняли, по поляне катали – спит, и всё. Тятя разозлился: «Счас, говорит, бич возьму да бичом скорей добужусь!» Я уж щекотать его начал, ну кое-как продрал глаза. А то никак! – Максим посмеялся, покачал головой, задумался: вспомнил то далёкое-далёкое, милое сердцу время. И Григорий тоже задумался: он плохо помнил отца, тот вскоре после войны умер от ран, Григорий хранил о нём светлую память. Долго молчали.

– Да, – сказал Григорий. – Но с техникой – это ты зря. Что же, весь свет будет на машинах, а мы... в ночь по тридцать верст пешака давать? Тут ты тоже... в крайность ударился. Но про срёдку – это, пожалуй, не лишено смысла. А?

– Не лишено, нет. Налей-ка, да я тебе ещё одну поучительную историю расскажу. Ты ничего, спать не хошь?

– Нет, нет! Давай историю.

Максим пододвинул к себе рюмку, задумчиво посмотрел на неё и отодвинул.

– Потом выпью, а то худо расскажу. Я ведь шёл к тебе, эту историю держал в голове, расскажу, думаю, Гришке – сгодится. Это даже не история, а так – из детства тоже из нашего. Но она тебе может сгодиться – она тоже... как сказать, про руководителя: каким надо быть руководителем-то. Максим посмотрел на племянника не то весело, не то насмешливо... Григорию показалось – насмешливо. Дядя вроде подсмеивался над его избранием в руководителя. У Григория даже шевельнулось в душе протестующее чувство, но он смолчал. В этот вечер он как-то по-новому узнал дядю. «Сколько же, оказывается, передумала эта голова! – изумлялся он, взглядывая на Максима. – Ничего не принял мужик на голую веру, обо всём думал, с чем не согласен был, про то молчал. Да и не спорщик он, не хвастал умом, но правду, похоже, всегда знал».

– Было нам... лет по пятнадцать, может, поменьше, – стал рассказывать Максим. – Деревня наша, не деревня – село, в старину было большое, края были: Мордва, Низовка, Дикари, Баклань...

– Это я ещё помню, – подсказал Григорий.

– А, ну да, – согласился Максим. – Я всё забываю, что тебе уж тоже за тридцать, должен помнить. Ну, вот. И вот дрались мы – край на край, страшное дело. Чего делили, чёрт его в душу знает. До нас так было, ну и мы... Дрались несусветно. Это уж ты не помнишь, при Советской власти это утихало стало. А тогда просто... это... страшное дело что творилось. Головы друг другу гирьками проламывали. Как какой праздник, так, глядишь, кого-нибудь изувечили. Ну а жили-то мы в Низовке, а Низовка враждовала с Мордвой, и мордовские нас били: больше их было, что ли, потом они все какие-то... чёрт их знает – какие-то были здоровые. Спуску мы тоже не давали... У нас один Митька Куксин, тот чёрту рога выломит – до того верткий был парень. Но всё же ордой они нас одолевали. Бывало, девку в Мордве лучше не заводи: и девке попадёт, и тебе рёбра перецитают. И вот приехал к нам один парнишечка, наш годок, а ростиком куда меньше, замухрышка, можно сказать. Теперь вот слушай внимательно! – Максим даже и пальцем покачал в знак того, чтоб племяншислушал внимательно. – Тут самое главное. Приехал этот мальчишечка... Приехали они откуда-то из Черни, с гор, но – русские. Парнишечку того звали Ванькой. Такой – шишербатенький, невысокого роста, как я сказал, но – подсаистый, рука такая... вроде не страшная, а махнёт – с ног полетишь. Но дело не в руке, Гриша. Я потом много раз споминал этого Ваньку, перед глазами он у меня стоял: душа была стойкая. Ах, стойкая была душа! Поселились они в нашем краю, в Низовке, ну, мордовские его один раз где-то

прищучили: побили. Ладно, побили и побили. Он даже и не сказал никому про это. А с нами уже подружился. И один раз и говорит: «Что эт вы от мордовских-то бегаете?» – «Да оно ведь как, мол? привыкли и бегаем», – Максим без горечи негромко посмеялся. – Счас смешно... Да. Ну, давай он нам беса подпускать: разжигать начал. Да ведь говорить умел, окаянный! Разжжг! Оно, конечно, пятнадцатилетних раззудить на драку – это, может, и нехитрое дело, но... всё же. Тут мноого разных тонкостей! Во-первых, мы же лучше его знали, какие наши ресурсы, так сказать, потом – это не первый год у нас тянулось, мы не раз и не два пробовали дать мордовским, но никогда не получалось. И вот всё же сумел он нас обработать, позабыли мы про все свои поражения и пошили. Да так, знаешь, весело пошили! Сошлись мы с имя на острове... спроть фермы островок был, Облепишный звали. Счас там никакого острова нет, а тогда островок был. Мелко, правда, но штаны надо снимать – перебродить-то. Перебрели мы туда... Договорились, что ничего в руках не будет: ни камней, ни гирек, ничего. И пошли хлестаться. Ох, и полосовались же! Аж спомнить – и то весело. Аж счас руками задвигал, ей-богу! – Максим потряхнул головой, выпил из рюмки, негромко кхэкнул – помнил, что в горнице улеглись ко сну дети Григория и жена. И продолжал тоже негромко, с тихим азартом: – Как мы ни пластались, а опять они нас погнали. А погнали куда? К воде. Большие некуда. Мы и сыпанули через потоку... Те за нами. И тут, слышим, наш шишербатенький Ванька ка-ак заорет: «Стой, в господа, в душу!.. Куда?!» Глядим, кинулся один на мордовских... Ну, это, я тебе скажу, видеть надо было. Много я потом всякого повидал, но такого больше не приходилось. Я и драться дрался, а глаз с Ваньки не спускал. Ведь не то что напролом человек пёр, как пьяные, бывает, он стерёгся. Мордовские смекнули, кто у нас гвоздь-то заглавный, и давай на него. Ванька на ходу прямо подставил одного, другого вокруг себя с боков, со спины – не допускайте, говорит, чтоб сшибли, а то развалимся. Как, скажи, он училище какое кончал по этому делу! Ну, полоскаемся!.. А в протоке уж дело-то происходит, на виду у всей деревни. Народ на берег сбегался – глядят. А нам уж ни до чего нет дела – целое сражение идёт. С нас и вода, и кровь текёт. Мордовские тоже упёрлись, тоже не гнутся. И у нас – откуда сила взялась! Прямо насмерть схватились! Не знаю, чем бы это дело закончилось, может, мужики разогнали бы нас кольями, так бывало. Переломил это наше равновесие всё тот же Ванька шишербатый. То мы дрались молчком, а тут он начал приговаривать. Достанет какого и приговаривает: «Ах, ты, головушка моя бедная! Арбуз какой-то, не голова». Опять достанет: «Ах, ты, милашечка ты мой, а хлебни-ка водицы!» Нам и смех, и силы вроде прибавляет. Загнали

мы их опять на остров... И всё, с этих пор они над нами больше не тешились. Вот такая штука, Григорий! Один завёлся – и готово дело, всё перестроил. Вот это был – руководитель. Врождённый.

– Мда, – молвил Григорий; история эта не показалась ему поучительной. Ни поучительной, ни значительной. Но он не стал огорчать дядю. – Интересно.

Максим уловил, однако, что не донёс до племянника, что хотел донести. Помолчал.

– Видишь, Григорий... Я понимаю, тебе эта история не является наукой... Но, знаешь, я и на войне заметил: вот такие вот, как тот Ванька, мно-ого нам дела сделали. Они всю войну на себе держали, правда. Перед теми, кто только на словах-то, перед имя же не совестно, а перед таким вот стыдно. Этот-то, он ведь всё видит. Ты ему не словами, делом доказывай... Делом доказывай, тогда он тебе душу свою отдаст. Конечно, история... не ах какая, но, думаю, выбрали тебя в руководители, дай, думаю, расскажу, как я, к примеру, это дело понимаю. А? – Максим посмотрел прямо в глаза племяннику, непонятно и значительно как-то усмехнулся. – Ничего, поймешь что к чему. Поймё-ёшь.

– Что потом с этим Ванькой стало? – спросил Григорий.

– А не знаю. Уехали они опять куда-то. Вскорости и уехали. Да разве дело в том Ваньке! Их таких много. Хотя я тогда прямо люблю того Ваньку, честное слово. Прямо обожал его. А он ещё и... это... не нахальный был. Жили они бедновато, иной раз и пожрать нечего было. Я не знаю... чего-то мотались по свету... Так вот, принесёшь ему пирог какой-нибудь, он аж покраснеет. «Брось, – говорит, – зачем?» Застесняется. Я люблю таких... Уехали потом куда-то. А я вот его всю жизнь помню, вот же как.

– История твоя не лишена, конечно, смысла, – сказал Григорий.

– Не лишена, нет, – Максим кивнул головой согласно. Но оттого, что история его не вышла такой разительной и глубокой, какой жила в его душе, он скис, как-то даже отрезвел и погрузился. – Не лишена, Гриша, не лишена. На словах я тебе могу только одно сказать: не трусь. Как увидят, что не трусишь, так станут люди поддерживать...

– Ну, одной смелости тут тоже, наверно, мало.

– Мало, – Максим снова посмотрел в глаза Григорию. – Не додумается врать, смелый-то. Чувешь? А голова... что же, какая есть. Какую бог дал. Голова у тебя неплохая. Но... бывает... – Максим вдруг махнул рукой, досадливо поморщился. – Заговорился я чего-то. Ладно. Лишка, видно, хватил, правда. Не обессудь, Гриша. Спите, – Максим встал из-за стола, посмотрел на дверь горницы... И спросил шепотом: – Как жена-то?

– Что? – не понял Григорий.

– Не ворчит, что в деревню увез из города?

Григорий улыбнулся... Не сразу сказал, и сказал тоже тихо:

– Всякое бывает.

Это Максиму понравилось: ответ правдивый, не бравый и не жалостливый. Он кивнул на прощание и пошёл к двери, стараясь ступать нетяжело, но всё равно вышло грузно и шумно. Максим поскорей уж дошёл последние шаги, толкнул дверь и вышел в сени. И там только ступил всей ногой... И на крыльце громко прокашлялся и сказал сам себе:

– Эка темень-то! В глаз коли...»¹⁷⁶.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)**

**Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Глубоко ошибаются те, кто видит гуманность в ровном, сдержанном тоне учителя, подкрашивающего при этом свои поучения сиропом доброты. Доброта – это не тон и не специально подобранные слова. Подлинный воспитатель – всегда человек широко эмоционального диапазона, он глубоко переживает и радость, и огорчение, и тревогу, и возмущение. Если дети чувствуют в этих человеческих страстях своего наставника правдивость – это и есть настоящая доброта»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Шукшин, В. М. Рассказы / В. М. Шукшин. – Москва: Художественная литература, 1979. – С. 296–304.

¹⁷⁷ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 25.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Подлинный воспитатель редко говорит своим питомцам: будьте хорошими. Доброту его души воспитанники чувствуют в глубокой правдивости и искренности. Подлинная доброта – это правдивость. Она далеко не всегда бывает приятной. Часто правда бывает горькой, тревожной, в ней – огорчение и обида. Но самая горькая правда утверждает в душе ребёнка стремление быть хорошим, потому что доброта – а правдивость это и есть подлинная доброта – по самой своей природе никогда не унижает человеческого достоинства»¹⁷⁸.

Часто правда бывает горькой, тревожной, в ней – огорчение и обида. Но самая горькая правда утверждает в душе ребёнка стремление быть хорошим, потому что доброта – а правдивость это и есть подлинная доброта – по самой своей природе никогда не унижает человеческого достоинства»¹⁷⁸.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Я горжусь своим педагогическим кредо: моими любимыми воспитанниками являются не послушные и безропотные, готовые со всем соглашаться и во всем повиноваться, а своенравные, волевые, беспокойные, иногда проказники и шалуны, но бунтари против зла и

неправды, готовые отдать голову на отсечение, но отстаивать принципы, которые стали неотделимыми от их личности. Как бережно хранить, как заботливо лелеять надо в человеке эти порой незаметные с первого взгляда ростки – ростки души, готовой к мужественному и бескомпромиссному труду, к борьбе за правду, благородство»¹⁷⁹.

¹⁷⁸ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 25.

¹⁷⁹ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 28.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Как известно, педагогический эффект любого воспитательного явления тем выше, чем менее ребенок чувствует в нём замысел педагога. Эту закономерность мы считаем средоточием педагогического мастерства, основой умения найти путь к сердцу ребенка, подойти к нему так, чтобы любое дело, в которое он вовлекается, становилось для него потребностью, страстью, мечтой, а воспитатель – его товарищем, другом, единомышленником»¹⁸⁰.

**«Домострой»
Русский литературный
памятник эпохи Средневековья**

Глава 33

«Следует мужьям воспитывать жён своих с любовью и примерным наставлением; жёны мужей своих вопрошают о строгом порядке, как душу спасти»¹⁸¹.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Не поймите меня, уважаемый читатель, так, что я против приказа, требования, порядка в воспитании. Без разумного проявления воли воспитателя, требований коллектива, общества воспитание превратилось бы в стихию, а

¹⁸⁰ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 32.

¹⁸¹ Домострой. – Москва: Эксмо, 2005. – С. 139.

слова воспитателя – в розовую водичку, сладенький сироп абстрактного добра... Подростки уважают, любят, ценят людей сильной воли и не терпят людей безвольных, не переносят пустопорожней болтовни. Это золотые истины и золотые правила нашей системы воспитания. Я предостерегаю от того отвратительного, недопустимого в воспитании явления, когда, кроме приказа и требования, ничего нет, когда не уважается воля личности подростка. Мастерство волевого влияния воспитателя на душу подростка состоит в том, чтобы, понимая свой долг, подросток с радостью отдавал сам себе приказы и сам ставил перед собой требования, чтобы вы, воспитатель, увлекли, одухотворили его моральной красотой человеческого долга...»¹⁸².

В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель

«О воспитании»

«Я несколько не отрицаю понятия «нельзя» в воспитании... Многие беды имеют своими корнями как раз то, что человека с детства не учат управлять своими желаниями, не учат правильно относиться к понятиям «можно», «надо», «нельзя».

*Но я – за то, чтобы, воспитывая в человеке умение управлять своими желаниями, возвышать человека, а не унижать его, как это делают учителя, наказывая учеников. Проблема возвышения человека – это, по-моему, ключ к той нравственной сердцевине, которую нам надо создавать»*¹⁸³.

¹⁸² Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 34.

¹⁸³ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 35.

**А.С. Макаренко
(1888–1939 гг.)**

**Советский воспитатель, писатель.
Решением ЮНЕСКО (1988 г.)
признан одним из четырёх
педагогов, определивших
педагогическое мышление в XX веке**

«Лекции о воспитании детей»

Дисциплина

«Делового тона родители не должны бояться. Они не должны думать, что деловой тон противоречит любовному чувству отца или матери, что он может привести к сухости отношений, к их холодности. Мы утверждаем, что только настоящий, серьёзный деловой тон может создать ту спокойную атмосферу в семье, которая необходима и для правильного воспитания детей, и для развития взаимного уважения и любви между членами семьи.

Родители как можно раньше должны усвоить спокойный, уравновешенный, приветливый, но всегда решительный тон в своём деловом распоряжении, а дети с самого малого возраста должны привыкнуть к такому тону, привыкнуть подчиняться распоряжению и выполнять его охотно. Можно быть как угодно ласковым с ребёнком, шутить с ним, играть, но, когда возникает надобность, надо уметь распорядиться коротко, один раз, распорядиться с таким видом и в таком тоне, чтобы ни у вас, ни у ребенка не было сомнений в правильности распоряжения, в неизбежности его выполнения.

Родители должны научиться отдавать такие распоряжения очень рано, когда первому ребёнку полтора-два года. Дело это совсем нетрудное. Нужно только следить за тем, чтобы ваше распоряжение удовлетворяло следующим требованиям:

- 1. Оно не должно отдаваться со злостью, с криком, с раздражением, но оно не должно быть похоже и на упрямство.*
- 2. Оно должно быть сильным для ребенка, не требовать от него слишком трудного напряжения.*
- 3. Оно должно быть разумным, т. е. не должно противоречить здравому смыслу.*
- 4. Оно не должно противоречить другому распоряжению вашему или другого родителя.*

Если распоряжение отдано, оно должно быть обязательно выполнено. Очень плохо, если вы распорядились, а потом и сами забыли о своём распоряжении. В семье, как и во всяком другом деле, необходимы

постоянный, неусыпный контроль и проверка. Конечно, родители должны стараться производить этот контроль большей частью незаметно для ребенка; ребёнок вообще не должен сомневаться в том, что распоряжение должно быть выполнено. Но иногда, когда ребёнку поручается более сложное дело, в котором большое значение имеет качество выполнения, вполне уместен и открытый контроль.

Как поступить, если ребёнок не выполнил распоряжения? Надо прежде всего стараться, чтобы такого случая не было. Но если уж так случилось, что ребёнок в первый раз не послушался вас, следует повторить распоряжение, но уже в более официальном, в более холодном тоне, приблизительно так:

– Я тебе сказал сделать так, а ты не сделал. Немедленно сделай, и чтобы больше таких случаев не было.

Давая такое повторное распоряжение и обязательно добиваясь его выполнения, нужно в то же время присмотреться и задуматься, почему в данном случае возникло сопротивление вашему распоряжению. Вы обязательно увидите, что в чём-то вы сами были виноваты, что-то сделали неправильно, что-либо упустили из виду. Постарайтесь избежать таких ошибок.

Самое важное в этой области – следить, чтобы у детей не накаплился опыт непослушания, чтобы не нарушался семейный режим. Очень плохо, если вы допустили такой опыт, если вы позволили детям смотреть на ваши распоряжения как на нечто необязательное.

Если вы этого не допустите с самого начала, вам никогда не придётся впоследствии прибегать к наказаниям.

Если режим развивается правильно с самого начала, если родители внимательно следят за его развитием, наказания не будут нужны. В хорошей семье наказаний никогда не бывает, и это – самый правильный путь семейного воспитания.

Но бывают семьи, где воспитание настолько уже запущено, что без наказаний обойтись нельзя. В таком случае родители прибегают к наказаниям обычно очень неумело и часто больше портят дело, чем поправляют.

Наказание – очень трудная вещь; оно требует от воспитателя огромного такта и осторожности. Поэтому мы рекомендуем родителям по возможности избегать применения наказаний, а стараться прежде всего восстановить правильный режим. Для этого, конечно, потребуется много времени, но нужно быть терпеливым и спокойно ожидать результатов.

В самом крайнем случае можно допустить некоторые виды наказаний, а именно: задержка удовольствия или развлечения (если было

назначено посещение кино или цирка, отложить его); задержка карманных денег, если они выдаются; запрещение выхода к товарищам.

Ещё раз обращаем внимание родителей, что сами по себе наказания не принесут никакой пользы, если нет правильного режима. А если есть правильный режим, свободно можно обойтись без наказаний, нужно только больше терпения. Во всяком случае, в семейном быту гораздо важнее и полезнее наладить правильный опыт, чем исправлять неправильный.

Точно так же нужно быть осторожным и с поощрением. Никогда не нужно объявлять вперёд какие-либо премии или награды. Лучшие всего ограничиться простой похвалой и одобрением. Детская радость, удовольствие, развлечение должны предоставляться детям не в качестве награды за хорошие поступки, а в естественном порядке удовлетворения правильных потребностей. То, что ребенку необходимо, нужно дать ему при всех условиях, независимо от его заслуг, а то, что для него не нужно или вредно, нельзя давать ему в виде награды»¹⁸⁴.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Воспитательная сила порицания учителя зависит от его моральных качеств, от его тактичности, авторитета. Какой бы резкой ни была оценка поведения ученика, опытный воспитатель никогда не допускает уничтожающей оценки. В умном порицании всегда есть оттенок удивления: «Я никогда не ожидал от тебя такого поступка, я считал и продолжаю считать тебя лучше, чем ты сам заявляешь о себе своим поступком». Эти слова не произносятся, но обязательно «читаются между строк» – в этом как раз и заключается искусство порицания. Если же воспитатель вместо тонкого, умного порицания «практикует» ругань, оскорбляет достоинство школьника – это вызывает ожесточенность, отчаяние, злобу и замкнутость, отношение к воспитателю как к враждебной силе. Искусство порицания состоит в мудром сочетании строгости

¹⁸⁴ Макаренко, А. С. Сочинения / А. С. Макаренко. – в 7 т. Т. 4. – Москва: Издательство академии педагогических наук, 1958. – С. 369–372.

и доброты: ученик должен почувствовать в порицании педагога не только справедливую строгость, но и человеческую заботу о себе»¹⁸⁵.

**«Домострой»
Русский литературный
памятник эпохи Средневековья
Глава 38**

«Если видишь согрешение брата и не скажешь, не обличишь его в этом наедине, потом вернётся это насмешкою и укором, и будешь подобен ты язычнику и мытарю, а такому греху и сам станешь причастен.

Но если уведаешь грехопадение брата своего и всякое непотребное дело доподлинно, о нём наедине и втайне скажешь ему спокойно и коли выслушает тебя и оставит непотребное это дело, – спас ты душу брата своего, от Бога получишь награду. Если же не прислушается к слову твоему, да ещё и обернёт в неприязнь, свободен ты от того греха, он сам за себя даст ответ перед Богом. И Бог, видя добрые ваши дела и разумное перед ним смирение, мудрое наставление и Бога ради терпение, подаст вам великую свою милость, прощение грехов и жизнь вечную»¹⁸⁶.

**В.А. Сухомлинский
(1918–1970 гг.)
Советский педагог,
детский писатель**

«О воспитании»

«Запрещение – это один из очень нужных и эффективных приёмов воспитания, если он умело применяется. Запрещением, – если за ним стоит необходимый моральный авторитет запрещающего, – предотвращается многие

беды – «прожигание» жизни, необоснованные претензии юнцов на жизненные блага, не заслуженные личным трудом... Ведь желания незрелого человека можно сравнить с побегами на маленьком плодовом дереве: распускается на нем множество ростков, и часть из

¹⁸⁵ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 35.

¹⁸⁶ Домострой. – Москва: Эксмо, 2005. – С. 161–162.

них – «дикие», так называемые «волчки»; садовод их срезает, оставляя на дереве только плодоносные побеги. Так и с человеческими желаниями в детские и отроческие годы: школьнику хочется очень многого, его желаниям нет конца. Но, если дать волю всему, что зеленеет, плодовое дерево одичает, обильная поросль «волчков» забьёт плодоносные ветви. Если старшие стремятся удовлетворять любое желание ребёнка, вырастает капризное существо, раб прихотей и тиран ближних. Воспитание желаний – тончайшая, филигранная работа «садовода»-воспитателя, мудрого и решительного, чуткого и безжалостного. Он умело срезает «волчки», оставляя ростки, которые дадут плоды»¹⁸⁷.

«Домострой» Русский литературный памятник эпохи Средневековья

Глава 21

«Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты душе твоей. И не жаль, младенца поря: если прутом посечёшь его, не умрёт, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избав-

ляешь от смерти. Если дочь у тебя, и на неё направь свою строгость, тем сохранишь её от телесных бед: не посрамишь лица своего, если в послушании дочери ходят, и не твоя вина, если по глупости нарушит она своё девство, и станет известно знакомым твоим в насмешку, и тогда посрамят тебя перед людьми. Ибо если выдать дочь свою беспорочной – словно великое дело совершишь, в любом обществе будешь гордиться, никогда не страдая из-за неё. Любя же сына своего, учащай ему раны – и потом не нахвалишься им. Наказывай сына своего с юности и порадуешься за него в зрелости его, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитаи детей в запретах и найдешь в них покой и благословение. Понапрасну не смейся, играя с ним: в малом послабишь – в большом пострадаешь скорбя, и в будущем словно занозы вгонишь в душу свою. Так не дай ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растёт, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погубелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злую досадой.

¹⁸⁷ Сухомлинский, В. А. О воспитании / В. А. Сухомлинский. – Москва: Политиздат, 1975. – С. 36.

Если воспитаешь детей своих в страхе Божьем в поучении и наставлении, и до возмужания их сохранишь в целомудрии и в чистоте телесной, законным браком их сочетаешь, благословишь, и обеспечишь всем, и станут наследниками имени твоего, и дома, и всего твоего прибýtка, который имеешь, то упокоят они тебя в твоей старости, а после смерти вечную память отслужат по родителям своим, да и сами благословенны пребудут вовеки, и великую награду получают от Бога в сей жизни и в будущей, если живут они по заповедям господним.

Василия Кесарийского поучение юношам.

Следует оберегать душевную чистоту и телесное бесстрашие, имея походку кроткую, голос тихий, слово благочинно, пищу и питьё не острые; при старших – молчание, перед мудрейшими – послушание, знатным – повиновение, к равным себе и к младшим – искреннюю любовь; нечестивых, плотских, любострастных людей избегать, поменьше говорить да побольше смекать, не дерзить словами, не засиживаться в беседах, не бесчинствовать смехом, стыдливостью украшаться, с распутными бабами не водиться, опустив очи долу, душу возносить горе, избегать прекословия, не стремиться к высокому сану, и ничего не желать, кроме чести от всех. Если же кто из вас сможет другим помочь, тот и от Господа сподобится награды и вечных благ наслаждения»¹⁸⁸.

**В.С. Высоцкий
(1938–1980 гг.)**

**Русский, советский поэт,
автор и исполнитель песен,
актёр театра и кино.**

**Лауреат Государственной
премии СССР («за создание
образа Г. Жеглова
в телевизионном художественном
фильме «Место встречи изменить
нельзя» и авторское исполнение
песен»), 1987 г., посмертно**

«Баллада о борьбе»

*Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.*

¹⁸⁸ Домострой. – Москва: Эксмо, 2005. – С. 100–103.

*Детям вечно досаден
Их возраст и быт –
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид,
Но одежды латали
Нам матери в срок –
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.*

*Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз,
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших слетая на нас.*

*И пытались постичь
Мы, не знавшие войн,
За воинственный клич
Принимавшие вой,
Тайну слова «приказ»,
Назначенье границы,
Смысл атаки и лязг
Боевых колесниц.*

*А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.*

*И злодея следам
Не давали остыть,
И прекраснейших дам
Обещали любить;
И, друзей успокоив
И ближних любя,
Мы на роли героев
Вводили себя.*

*Только в грёзы нельзя насовсем убежать:
Краткий век у забав – столько боли вокруг!
Попытайся ладони у мёртвых разжать
И оружие принять из натруженных рук.*

*Испытай, завладев
Ещё тёплым мечом
И доспехи надев, –
Что почём, что почём!*

*Разберись, кто ты: трус
Иль избранник судьбы –
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.
И когда рядом рухнет израненный друг
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его – не тебя,*

*Ты поймёшь, что узнал,
Отличил, отыскал
По оскалу забрал –
Это смерти оскал!
Ложь и зло – погляди,
Как их лица грубы,
И всегда позади
Вороньё и гробы!*

*Если мяса с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока,
А в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом, –
Значит в жизни ты был
Ни при чём, ни при чём!*

*Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты солёные слёзы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почём, –
Значит нужные книги ты в детстве читал!*

(1975 г.)¹⁸⁹

¹⁸⁹ Высоцкий, В. С. Баллада о борьбе / В. С. Высоцкий. – URL: <https://www.culture.ru/poems/19515/ballada-o-borbe?ysclid=lp3gdxkx6191430508> (дата обращения: 18.11.2023).

Глава 4. ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.

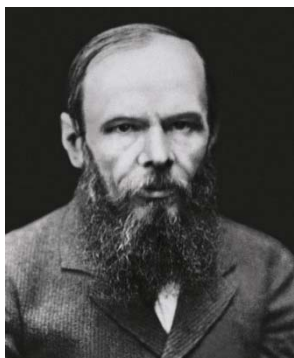
БОГ. ВЕРА. РЕЛИГИЯ

Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)

Русский писатель, мыслитель

«Братья Карамазовы»

«Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»¹⁹⁰.

Ф.М. Достоевский
(1821–881 гг.)

Русский писатель, мыслитель

«Дневник писателя» за 1873 г.

«Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит его в своём сердце искони. В этом нет никакого сомнения. Как возможно истинное представление Христа без учения о вере? Это другой вопрос. Но сердечное знание Христа и истинное представление о нем существует вполне. Оно передаётся из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ его по-своему, то есть до страдания. Названием же православного, то есть истиннее всех исповедующего Христа, он гордится более всего. Повторю: можно очень много знать бессознательно»¹⁹¹.

¹⁹⁰ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/bratya-karamazovy/17> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁹¹ Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург: Лениздат, 1999. – С. 35.

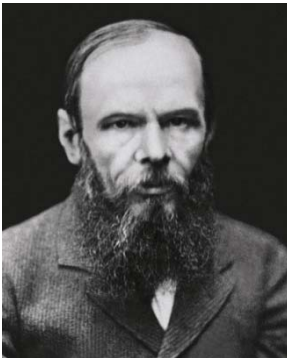
Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Люди презирают религию. Они испытывают ненависть и страх при мысли, что она может оказаться истинной.

Дабы излечить от этого, надо начать с доказательства того, что религия вовсе не противоречит разуму»¹⁹².

Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)

Русский писатель, мыслитель

«Дневник писателя» за 1873 г.

«Потому что никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не замертвоишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть; но в моменты самого полного своего безобразия он всегда будет помнить, что он всего только безобразник и более ничего; но что есть где-то высшая правда и что эта правда выше всего.

Вот явление. Явление это, может быть, пока единичное, с краю, но вряд ли случайное. Оно может затихнуть и зачерстветь в самом начале и опять-таки преобразиться в какую-нибудь обрядность, подобно большинству русских сект, особенно если их не трогать. Но, как хотите, в явлении этом, повторяю, может все-таки заключаться как бы нечто пророческое. В настоящее время, когда всё будущее так загадочно, позволительно иногда даже верить в пророчества»¹⁹³.

¹⁹² Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – С. 58.

¹⁹³ Достоевский, Ф. М. Дневник писателя / Ф. М. Достоевский. – Санкт-Петербург: Лениздат, 1999. – С. 52.

**В.М. Шукшин
(1929–1974 гг.)**

**Русский, Советский писатель,
кинорежиссёр, актёр**

«Крепкий мужик»

«В третьей бригаде колхоза «Гигант» сдали в эксплуатацию новое складское помещение. Из старого склада – из церкви – вывезли пустую вонючую бочкотару, мешки с цементом, сельповские кули с сахаром-песком, с солью, вороха

рогожи, сбрую (коней в бригаде всего пять, а сбруи нашито на добрых полтора десятка; оно бы ничего, запас карман не трет, да мыши окаянные... И дегтярили, и химией обсыпали сбрую – грызут), мётла, грабли, лопаты... И осталась она пустая, церковь, вовсе теперь никому не нужная. Она хоть небольшая, церковка, а оживляла деревню (некогда сельцо), собирала её вокруг себя, далеко выставляла напоказ.

Бригадир Шурыгин Николай Сергеевич постоял перед ней, подумал... Подошёл к стене, поколупал кирпичи подвернувшимся ломиком, закурил и пошёл домой. Встретившись через два дня с председателем колхоза, Шурыгин сказал:

– Церква-то освободилась теперь...

– Ну.

– Чего с ней делать-то?

– Закрой, да пусть стоит. А что?

– Там кирпич добрый, я бы его на свинарник пустил, чем с завода-то возить.

– Это её разбирать – надо пятерым полмесяца возиться. Там не кладка, а литье. Чёрт их знает, как они так клали!

– Я её свалю.

– Как?

– Так. Тремя тракторами зацеплю – слетит как миленькая.

– Попробуй.

В воскресенье Шурыгин стал пробовать. Подогнал три могучих трактора... На разной высоте обвели церковку тремя толстыми тросами, под тросы – на углах и посреди стены – девять брёвен...

Сперва Шурыгин распорядился этим делом, как всяким делом, – крикливо, с матерщиной. Но когда стал сбегаться народ,

когда кругом стали ахать и охать, стали жалеть церковь, Шурыгин вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями. Перестал материться и не смотрел на людей – вроде и не слышал их и не видел.

– Николай, да тебе велели али как? – спрашивали. – Не сам ли уж надумал?

– Мешала она тебе?!

Подвыпивший кладовщик, Михаиле Беляков, полез под тросами к Шурыгину.

– Колька, ты зачем это?

Шурыгин всерьёз затрясся, побелел:

– Вон отсудова, пьяная харя!

Михайло удивился и попятился от бригадира. И вокруг все удивились и примолкли. Шурыгин сам выпивать горазд и никогда не обзывался «пьяной харей», что с ним?

Между тем бревна закрепили, тросы подровняли... Сейчас взревет тракторы, и произойдет нечто небывалое в деревне – упадёт церковь. Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали усопших дедов и прадедов, как небо привыкли видеть каждый день, так и её...

Опять стали раздаваться голоса:

– Николай, кто велел-то?

– Да сам он!.. Вишь, морду воротит, чёрт.

– Шурыгин, прекрати своевольничать!

Шурыгин – ноль внимания. И всё то же сосредоточенное выражение на лице, та же неподкупная строгость во взгляде. Подтолкнули из рядов жену Шурыгина, Кланьку... Кланька несмело – видела: что-то непонятное творится с мужем – подошла.

– Коль, зачем свалить-то хочешь?

– Вон отсудова! – велел и ей Шурыгин. – И не лезь!

Подошли к трактористам, чтобы хоть оттянуть время – побежали звонить в район и домой к учителю. Но трактористам Шурыгин посулил по бутылке на брата и наряд «на исполнение работ».

Прибежал учитель, молодой ещё человек, уважаемый в деревне.

– Немедленно прекратите! Чье это распоряжение? Это семнадцатый век!..

– Не суйтесь не в своё дело, – сказал Шурыгин.

– Это моё дело! Это народное дело!.. – Учитель волновался, поэтому не мог найти сильные, убедительные слова, только покраснел и кричал: – Вы не имеете права! Варвар! Я буду писать!..

Шурыгин махнул трактористам... Моторы взрвели. Тросы стали натягиваться. Толпа негромко, с ужасом вздохнула. Учитель вдруг сорвался с места, забежал с той стороны церкви, куда она должна была упасть, стал под стеной.

– Ответишь за убийство! Идиот...

Тракторы остановились.

– Уйди-и! – заревел Шурыгин. И на шею у него вспухли толстые жилы.

– Не смей трогать церковь! Не смей!

Шурыгин подбежал к учителю, схватил его в беремя и понёс прочь от церкви. Щуплый учитель вырывался как мог, но руки у Шурыгина крепкие.

– Давай! – крикнул он трактористам,

– Становитесь все под стену! – кричал учитель всем. – Становитесь!.. Они не посмеют! Я поеду в область, ему запретят!..

– Давай, какого!.. – заорал Шурыгин трактористам.

Трактористы усунулись в кабины, взяли за рычаги.

– Становитесь под стену! Становитесь все!..

Но все не двигались с места. Всех парализовало неистовство Шурыгина. Все молчали. Ждали.

Тросы натянулись, закрипели, затрещали, зазвенели... Хрустнуло одно бревно, трос, врезавшись в угол, запел балалаечной струной. Странно, что всё это было хорошо слышно – ревели же три трактора, напрягая свои железные силы. Дрогнул верх церкви... Стена, противоположная той, на какую сваливали, вдруг разодралась по всей ширине... Страшная, черная в глубине, рваная щель на белой стене пошла раскрываться. Верх церкви с маковкой поклонился, поклонился и ухнул вниз.

Шурыгин отпустил учителя, и тот, ни слова не говоря, пошёл прочь от церкви, два трактора ещё продолжали скрести гусеницами землю. Средний по высоте трос прорезал угол и теперь без толку крошил кирпичи двух стен, всё глубже врезаясь в них. Шурыгин остановил тракторы. Начали по новой заводить тросы. Народ стал расходиться. Остались самые любопытные и ребятишки. Через три часа всё было кончено. От церкви остался только невысокий, с неровными краями остов. Церковь лежала бесформенной грудой, прахом. Тракторы уехали.

Потный, весь в пыли и известке, Шурыгин пошёл звонить из магазина председателю колхоза.

– Всё, угорела! – весело закричал в трубку.

Председатель, видно, не понял, кто угорел.

– Да церква-то! Всё, мол, угорела! Ага. Всё в порядке. Учитель тут пошумел малость... Но! Учитель, а хуже старухи. Да нет, всё в порядке. Гробанулась здорово! Покрошилось много, ага. Причём они так: по три, по четыре кирпича – кусками. Не знаю, как их потом долбать... Попробовал ломиком – крепкая, зараза. Действительно, литьё! Но! Будь здоров! Ничего.

Шурыгин положил трубку. Подошёл к продавицице, которую не однажды подымал ночами с постели – кто-нибудь приезжал из района рыбачить, засиживались после рыбалки у бригадира до вторых петухов.

– Видела, как мы церкву уговорили? – Шурыгин улыбался, довольный,

– Дурацкое дело нехитрое, – не скрывая злости, сказала продавицица.

– Почему дурацкое? – Шурыгин перестал улыбаться,

– Мешала она тебе, стояла?

– А чего ей зря стоять? Хоть кирпич добудем...

– А то тебе, бедному, негде кирпич достать! Идиот!

– Халява! – тоже обозлился Шурыгин. – Не понимаешь, значит, помалкивай.

– Разбуди меня ещё раз посередь ночи, разбуди, я те разбужу! Халява... За халяву-то можно и по морде получить, Дам вот сейчас гирькой по кумполу, узнаешь халяву.

Шурыгин хотел ещё как-нибудь обозвать дуру продавицицу, но подошли вездесущие бабы.

– Дай бутылку.

– Иди промочи горло-то, – заговорили сзади. – Пересохло.

– Как же – пыльно!

– Руки чесались у дьявола...

Шурыгин пооглядывался строго на баб, но их много, не перекричать. Да и злость их – какая-то необычная: всерьёз ненавидят. Взял бутылку, пошёл из магазина. На пороге обернулся, сказал:

– Я вам прижму хвосты-то!

И скорей ушёл.

Шёл, злился: «Ведь всё равно же не молились, паразитки, а теперь хай устраивают. Стояла – никому дела не было, а теперь хай подняли».

Проходя мимо бывшей церкви, Шурыгин остановился, долго смотрел на ребятишек, копавшихся в кирпичках. Смотрел и успокаивался. «Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили. Я вон помню, как Васька Духанин с неё крест своротил. А тут – вся грохнулась. Конечно, запомнят. Будут своим детишкам рассказывать: дядя Коля Шурыгин зацепил тросами и... – Вспомнилась некстати продащица, и Шурыгин подумал зло и непреклонно: – И нечего ей стоять, глаза мозолить?».

Дома Шурыгина встретили форменным бунтом: жена, не приготовив ужина, ушла к соседкам, хворая мать заругалась с печки:

– Колька, идол ты окаянный, грех-то какой взял на душу!.. И молчал, ходил молчал, дьяволина... Хоть бы заикнулся раз – тебя бы, может, образумили добрые люди. Ох горе ты моё горькое, теперь хоть глаз не кажи на люди. Проклянут ведь тебя, проклянут! И знать не будешь, откуда напасти ждаты: то ли дома окочурисся в одночасье, то ли где лесиной прижмёт невзначай...

– Чего эт меня проклинать-то возьмутся? От нечего делать?

– Да грех-то какой!

– Ваську Духанина прокляли – он крест своротил? Наоборот, большим человеком стал...

– Тада время было другое. Кто тебя счас-то подталкивал – рушить её? Кто? Дьявол зудил руки... Погоди, тебя ишо сама власть взреет за это. Он вот, учитель-то, пишет, сказывали, он вот напишет куда следоват – узнаешь. Гляди-ко, тогда устояла, матушка, так он теперь нашёлся. Идол ты лупоглазый,

– Ладно, лежи хворай.

– Глаз теперь не кажи на люди...

– Хоть бы молиться ходили! А то стояла – никто не замечал...

– Почто это не замечали! Да, бывало, откуда ни идешь, а её уж видишь. И как ни пристанешь, а увидишь её – вроде уж дома. Она сил прибавляла...

– Сил прибавляла... Ходят они теперь пешком-то! Атомный век, понимаешь, они хватились церкву жалеть. Клуба вон нету в деревне – ни один черт ни охнет, а тут – загоревали. Переживут!

– Ты-то переживи теперь! Со стыда теперь усохнешь...

Шурыгин, чтобы не слышать её ворчанья, ушёл в горницу, сел к столу, налил сразу полный стакан водки, выпил. Закурил. «К кирпичам, конечно, ни один дьявол не притронется, – подумал. – Ну и хрен с ними! Сгребу бульдозером в кучу и пусть крапивой зарастает».

Жена пришла поздно. Шурыгин уже допил бутылку, хотелось выпить ещё, но идти и видеть злую продавицу не хотелось – не мог. Попросил жену:

- Сходи возьми бутылку.*
- Пошёл к черту! Он теперь дружок тебе.*
- Сходи, прошу...*
- Тебя просили, ты послушал? Не проси теперь и других. Идиот.*
- Заткнись, Туда же...*
- Туда же! Туда же, куда все добрые люди! Неужели туда же, куда ты, харя необразованная? Просили, всем миром просили – нет! Вылупил шары-то свои...*
- Замолчи! А то опояшу разок...*
- Опояшь! Тронь только, харя твоя бесстыжая!.. Только тронь!*

«Нет, это, пожалуй, на всю ночь. С ума посходили все».

Шурыгин вышел во двор, завёл мотоцикл... До района восемнадцать километров, там магазин, там председатель колхоза. Можно выпить, поговорить. Кстати, рассказать, какой ему тут скандал устроили... Хоть посмеяться.

На повороте из переулка свет фары выхватил из тьмы безобразную грудку кирпича, пахнуло затхлым духом потревоженного подвала.

«Семнадцатый век, – вспомнил Шурыгин. – Вот он, твой семнадцатый век! Писать он, видите ли, будет. Пиши, пиши».

Шурыгин надал газку... и пропел громко, чтобы все знали, что у него – от всех этих проклятий-прекрасное настроение:

Что ты, что ты, что ты, что ты!

Я солдат девятой роты,

Тридцать первого полка...

Оп, тирдар-пупия!

Мотоцикл вырвался из деревни, воткнул в ночь сверкающее лезвие света и помчался по накатанной ровной дороге в сторону райцентра. Шурыгин уважал быструю езду»¹⁹⁴.

¹⁹⁴ Шукшин, В. М. Рассказы / В. М. Шукшин. – Москва: Художественная литература, 1979. – С. 178–183.

Ф.И. Тютчев
(1803–1873 гг.)

Российский поэт, дипломат

«Наш век»

*Не плоть, а дух растлился
в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвётся из ночной тени
И, свет обретши, ропщет
и бунтует.*

*Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознаёт свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней
не просит...*

*Не скажет век, с молитвой
и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой
дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!...
(1851г.)»¹⁹⁵*

И.А. Ильин
(1883–1954 гг.)

Русский философ, публицист

«Путь духовного обновления»

О вере

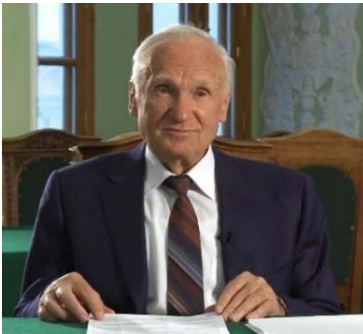
*«Есть у нас довольно распростра-
нённое воззрение, будто люди могут
прожить жизнь без всякой веры и
будто «образование», а в особенно-
сти «научное образование», не совме-
стимо с верою. Образованный чело-
век, думают люди, не может верить:*

*он слишком много «знает», и «самое существенное» он уже «понял»;
так, например, он знает, что всё совершается по законам природы и*

¹⁹⁵ Тютчев, Ф. И. Наша век / Ф. И. Тютчев. – URL: <https://rustih.ru/fedor-tyutchev-nash-vek/?ysclid=lpq3txnhn3941239992> (дата обращения: 30.11.2023).

что эти законы природы рано или поздно будут изучены; во что же ему ещё «верить»? Сущность культуры и прогресса сводится к следующему: идёт просвещение, а вера уступает и исчезает. Согласно этому, верить могут лишь те, кого ещё не коснулось просвещение, но вот придёт время – они будут просвещены и перестанут верить, ибо на самом деле всякая вера есть не что иное, как суеверие. Итак: будущее принадлежит просвещённому безверию и безбожию.

Тот, кто хочет зорко и верно видеть происходящее и, особенно, понять и одолеть переживаемый нами духовный кризис, должен, прежде всего, вдумчиво отнестись к этому воззрению и критически разобраться в нём, ибо оно укрывает в себе не одно роковое недоразумение или заблуждение»¹⁹⁶.

А.И. Осипов
(род. 1938 г.)

Советский и российский
учёный-богослов, педагог.

Доктор богословия,
заслуженный профессор

«Путь разума
в поисках истины»
Наука и религия

«Разве наука не доказала, что нет Бога, нет духовного мира, нет души, нет вечной жизни, нет рая и ада? – Оказывается, не только не доказала, но и в принципе не может этого сделать. И вот почему.

Во-первых, наука и религия просто несопоставимы, как километр и килограмм. Каждая из них занимается своей стороной жизни человека и мира. Эти сферы могут соприкасаться, пересекаться, но не опровергать одна другую. И «беда, коль пироги начнёт печи сапожник, а сапоги тачать пирожник».

Во-вторых, в силу выше указанных причин, наука никогда не сможет сказать: «Бога нет». Напротив, углубленное познание мира естественно обращает мысль человека-учёного к признанию высшего Разума-Бога источником нашего бытия. И в силу этого наука всё более становится союзницей религии. Об этом свидетельствует христианское убеждение очень многих современных ученых. Не слу-

¹⁹⁶ Ильин, И. А. Основы христианской культуры / И. А. Ильин. – Санкт-Петербург: Шпиль, 2004. – С. 67.

чайно, один из ведущих советских представителей «научного» атеизма, Шахнович, возмущаясь религиозностью выдающихся западных ученых, писал в пылу полемики: «Многие буржуазные ученые говорят о «союзе» науки и религии. М. Борн, М. Планк, В. Гейзенберг, К.Ф. фон-Вейцекер, П. Иордан и другие известные физики неоднократно объявляли, что наука будто бы не противоречит религии». Шахнович по вполне понятным причинам называет имена лишь некоторых современных учёных. Но общеизвестен факт, что подавляющее их число всегда стояло за этот союз.

М. Ломоносову принадлежат замечательные слова: «Создатель дал роду человеческому две книги. Первая – видимый мир... Вторая книга – Священное Писание... Обе обще удостоверяют нас не токмо в бытии Божием, но и в несказанных нам Его благодеяниях. Грех всевать между ними плевелы и раздоры». Наука и религия «в распрю прийти не могут... разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду восклепет»¹⁹⁷.

**Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)**

Французский физик, философ

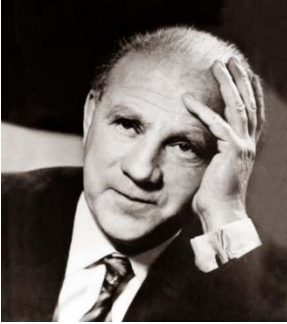
«Мысли. Афоризмы»

«Чтобы сделать выбор, вы должны дать себе труд искать истину; ведь если вы умрётё, не поклоняясь настоящей истине, вы погибли. Но, говорите вы, если бы Он хотел, чтобы я ему поклонился, Он дал бы мне знаки Своей воли.

Он так и сделал, но вы ими пренебрегли. Ищите же их, это стоит того»¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Осипов, А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2004. – С. 172–173.

¹⁹⁸ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – С. 107.

**В. Гейзенберг
(1901–1976 гг.)
Немецкий физик-теоретик,
Нобелевской лауреат (1932 г.),
философ**

«Шаги за горизонт»

«Как вы знаете, в ходе развития естествознания, начиная со знаменитого процесса против Галилея, снова и снова высказывалось мнение, что естественнонаучная истина не может быть приведена в согласие с религиозным истолкованием мира. Но должен сказать, что, хотя я убеждён в неоспоримости естественнонаучной истины в своей сфере, мне всё же никогда не представлялось возможным отбросить содержание религиозной мысли просто как часть преодолённой ступени сознания человечества – часть, от которой в будущем всё равно придётся отказаться. Так что на протяжении моей жизни мне постоянно приходилось задумываться о соотношении этих двух духовных миров, ибо у меня никогда не возникало сомнения в реальности того, на что они указывают.

«...» Вспоминая о началах новоевропейского естествознания, об открытиях Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона, обычно говорят, что тогда рядом с истиной религиозного откровения, запечатлённой в Библии и в писаниях отцов церкви и определявшей средневековую мысль, выступила реальность чувственного опыта, которую мог перепроверить каждый человек со здоровыми органами восприятия и в которой поэтому невозможно было сомневаться, при условии достаточной тщательности наблюдения. Но уже это приближённое описание нового научного мышления лишь наполовину верно, в нём упущены принципиальные, решающие черты, без которых нечего надеяться на правильное понимание этого нового мышления. Явно не случайность то, что первые шаги новоевропейского естествознания были отмечены отходом от Аристотеля и поворотом к Платону. Уже в античности Аристотель как эмпирик предъявил пифагорейцам – а к ним нужно причислять и Платона – упрёк в том, что они (я цитирую более или менее дословно), вместо того чтобы в свете фактов отыскивать объяснения и строить теории, насильно вали факты в свете известных теорий и пристрастных мнений, разыгрывая из себя, так сказать, устроителей мира. И действительно, новое естествознание вводило, в критикуемом Аристотелем смысле, прочь от непосредственного опыта. Взять хотя бы понимание

движения планет. Непосредственный опыт учит, что Земля стоит на месте, а Солнце движется вокруг неё. Заостряя формулировки на современный лад, мы могли бы даже сказать: слово «покоиться» получает своё определение через высказывание, что Земля покоится и что мы называем покоящимся всякое тело, неподвижное относительно Земли. Если так понимать слово «покоиться» – а оно обычно так и понимается, – то Птолемей был прав, а Коперник неправ. Лишь когда мы начинаем размышлять о понятии «движение», лишь когда мы понимаем, что движение есть высказывание об отношении между как минимум двумя телами, только тогда можно взглянуть на вещи иначе, сделать Солнце покоящимся центром планетной системы и таким путем получить гораздо более простой, более цельный образ планетной системы, объяснительная сила которого была позднее полностью использована Ньютоном. Итак, Коперник дополнил непосредственный опыт совершенно новым элементом, который я назвал бы тут «простотой законов природы» и который, во всяком случае, не имеет с непосредственным опытом ничего общего. О том же свидетельствует галилеевский закон падения тел. Непосредственный опыт учит, что лёгкие тела падают медленнее, чем тяжёлые. Вместо этого Галилей утверждал, что в безвоздушном пространстве все тела падают с одинаковой быстротой и что их движение падения поддаётся верному описанию с помощью математически формулируемых законов, каковыми и были галилеевские законы падения. А ведь движение в безвоздушном пространстве тогда вообще невозможно было пронаблюдать. Выходит, место непосредственного опыта заняла некая идеализация опыта, которую можно было считать верной потому, что она позволяла разглядеть стоящие за явлениями математические структуры. Не приходится сомневаться в том, что на этой ранней стадии новоевропейского естествознания новооткрываемая математическая закономерность была подлинной основой его убедительной силы. Эти математические законы выступали зримым выражением божественной воли, как мы читаем у Кеплера, и Кеплер загорался воодушевлением по поводу того, что он первый увидел через них красоту божественного творения. С отходом от религии новое мышление явно не имело поэтому ничего общего. Даже если новое знание и противоречило в некоторых аспектах церковной доктрине, это мало что значило перед лицом столь непосредственного переживания божественного действия в природе.

Правда, речь тут идет пока ещё только о Боге-распорядителе, о котором ещё неизвестно, вполне ли он идентичен тому, к которому мы обращаемся в нашей беде, которому мы могли бы вручить нашу жизнь. Вы поэтому вправе сказать, пожалуй, что наука обратила свой взор исключительно на одну часть божественного действия и тем самым возникла опасность утери из виду великого целого, всеобщей связи вещей. Но опять же здесь-то и лежала причина громадной плодотворности нового естествознания. О великой взаимосвязи философами и богословами было так много сказано, что оригинально новых формулировок здесь уже ожидать не приходилось; мысль устала от схоластических рассуждений. Но частности природных процессов были еще почти не исследованы. В этой работе могли, между прочим, принять участие множество людей средних дарований, да к тому же познание частных сулило прямую практическую выгоду. В некоторых возникавших тогда научных обществах прямо-таки в принцип возводилось правило говорить лишь о поддающихся наблюдению частностях, но не о всеобъемлющей взаимосвязи. Переход от непосредственного к идеализированному опыту вызвал к жизни новое искусство экспериментирования и измерения, призванное приближать наблюдение к идеальным условиям, причем оказалось, что всегда возможно прийти к согласию относительно результатов эксперимента. Это не так уж само собой разумеется, как стало казаться последующим векам; ведь для этого нужно, чтобы при равных условиях происходило всегда одно и то же. Итак, было на опыте установлено, что если тщательным подбором условий эксперимента добиться чистоты наблюдаемых феноменов и изолировать их от окружающей среды, то закономерности этих феноменов обнаружатся со всей ясностью, то есть что феномены связаны между собою цепью однозначной причинной зависимости. Вера в причинную обусловленность всех событий, мыслившихся объективными и не зависящими от наблюдателя, была возведена тем самым в основополагающий постулат новоевропейского естествознания. Этот постулат, как вы знаете, отлично работал в течение нескольких веков, и лишь в наше время опыт исследования атомов показал ограниченность всего этого подхода. Но даже и с учетом этого новейшего опыта можно говорить об обретении явно неоспоримого критерия истины. Воспроизводимость экспериментов делает в конечном счете всегда возможным соглашение относительно истинного поведения природы.

Этой общей направленностью новоевропейского естествознания была заранее предопределена одна его характерная черта, позднее нередко подвергавшаяся обсуждению, а именно упор на количественные показатели. Требование строгого определения экспериментальных условий, точности измерений, чистоты, однозначности языка и математического представления идеализированных феноменов формирует лицо нашей науки и даёт ей имя: точное естествознание. Это название нередко воспринимается в похвальном, нередко и в уничижительном смысле. В похвальном – когда подчеркивают надёжность, строгость, неоспоримость научных высказываний; в уничижительном – когда дают понять, что наука бессильна охватить бесконечную пестроту качественного разнообразия в природе, что она чересчур узка. В наше время этот аспект естественных наук и вырастающей из них техники вырисовывается ещё резче, чем раньше. Достаточно представить себе ту предельную степень точности, какой требует высадка на Луну, ту невообразимую меру надёжности и отточенности, какая здесь продемонстрирована, чтобы понять, сколь прочная база достоверной истинности лежит в основании новоевропейского естествознания.

Но вполне естественно в то же время спросить, насколько ценны завоевания, достигнутые таким сосредоточением ума на одном частном аспекте, таким ограничением одной специфической частью действительности. Вы знаете, что наша эпоха даёт на этот вопрос двусмысленный ответ. Мы говорим об амбивалентности науки. Мы видим, что в тех частях мира, где осуществилось сочетание науки и техники, материальная нужда бедных слоев населения в значительной мере исчезла, что современная медицина предотвращает массовую смертность от эпидемий, что средства передвижения, техника коммуникаций облегчают жизнь. С другой стороны, наукой можно злоупотребить для создания оружия мощнейшей разрушительной силы; засилье техники уродует и грозит погубить наше жизненное пространство. И даже если отвлечься от этих непосредственных угроз, происходит неблагоприятное смещение ценностных критериев: внимание людей чересчур сосредоточивается на узкой сфере материального благосостояния с пренебрежением к другим основам жизни. Окажись даже возможным применять технику и науку лишь в качестве средств для достижения целей, конечный результат все равно будет зависеть от доброкачественности поставленных целей. Но выбор целей не может осуществляться внутри естествознания и техники; столь важное решение должно исходить, если мы не хо-

тим блуждать в полных потемках, из понимания целостного человека и всей его реальности, а не просто какого-то ее малого отрезка. А к этой целостной реальности относится многое – такое, о чем мы до сих пор пока еще не заговаривали.

Здесь прежде всего мы имеем тот факт, что человек способен развить свои духовные силы лишь во взаимоотношении с человеческим обществом. Именно способности, отличающие его от всех других живых существ, – выход за пределы непосредственной чувственной данности, познание далеко идущих взаимосвязей – опираются на его принадлежность к сообществу говорящих и мыслящих существ. История учит, что подобные сообщества в своем развитии всегда приобретали не только внешний, но и духовный облик, и в тех духовных образованиях, которые нам известны, отношение к осмысленной взаимосвязи целого, за пределами непосредственно видимых и переживаемых вещей, почти всегда играло решающую роль. Лишь внутри такой духовной формы, определяясь по отношению к принятому в данном сообществе «учению», человек обретает воззрения, позволяющие ему ориентироваться в своем поведении, между прочим, и там, где недостаточно просто реагировать на внешние ситуации; только в этом случае встает и решается вопрос о ценностях. Но не одна лишь этика, а вся культурная жизнь сообщества обуславливается его духовной формой. Лишь в её горизонте обнаруживается тесная связь между добром, красотой и истиной, лишь тут можно говорить о смысле жизни индивидуальной личности. Эту духовную форму мы называем религией сообщества. Мы приписываем тем самым слову «религия» несколько более широкое значение, чем обычно. Оно должно охватывать духовные содержания многих культурных регионов и различных эпох даже там, где, скажем, вообще не существует понятия о Боге. Лишь относительно тех общественных форм мысли, к которым стремятся современные тоталитарные государственные образования и в которых запредельное изгоняется как таковое, можно сомневаться, применимо ли к ним вообще понятие религии.

Насколько глубоко лицо человеческого сообщества и жизнь индивидуальной личности в нем запечатлены религией, едва ли возможно описать лучше, чем это сделал Гвардини в своей книге об образах романов Достоевского. Жизнь его героев ежеминутно наполнена борьбой за религиозную истину, она до такой степени пронизана христианским духом, что даже не очень важно, побеждают или гибнут эти люди в своей битве за добро. Даже худшие негодяи у Достоевского всё-таки ещё знают, что есть добро и что есть зло, они измеряют свои поступки ориентирами, которые дала им христианская надежда. В

этом свете лишается почвы тот известный упрек против христианской религии, что в христианском мире люди ведут себя так же ужасно, как и вне его. К сожалению, это так, однако христиане всегда сохраняют в чистоте способность различения добра и зла, а только там, где такое еще существует, жива надежда на улучшение. Где нет уже никаких путеводных ориентиров, там вместе с ценностной шкалой пропадает и смысл наших действий и нашего страдания, и в конечном счете остаются лишь отрицание и отчаяние. Религия есть, таким образом, фундамент этики, а этика – предпосылка нашей жизни. Ведь мы ежедневно должны принимать решения, должны знать или по крайней мере угадывать ценности, в соответствии с которыми мы строим наше поведение.

В этом свете можно увидеть характерное различие между подлинными религиями, в которых решающую роль играет духовная сфера, центральный духовный порядок вещей, и более ограниченными, особенно современными, формами мысли, не идущими дальше очевидного, внешнего устройства человеческого сообщества. Такие формы мысли существуют и в либеральных демократиях Запада, и в тоталитарных государственных образованиях Востока. Здесь, правда, тоже формулируется соответствующая этика, однако нормы нравственного поведения выводятся из того или иного мировоззрения, то есть из опыта непосредственно воспринимаемого, доступного мира. Подлинная религия говорит, наоборот, не о нормах, а о путеводных образах, на которые нам следует ориентироваться в своих поступках и к которым мы в лучшем случае можем только приближаться. И эти путеводные образы возникают не из наблюдения непосредственно воспринимаемого мира, а коренятся в сфере лежащих за ним структур, которую Платон называл царством идей и о которой в Библии сказано: Бог есть дух.

Религия, впрочем, не просто фундамент этики, она есть прежде всего – и тут опять мы можем учиться у Гвардини, – основа для доверия. Как в детстве, изучая язык, мы ощущаем достигнутое с его помощью взаимопонимание важнейшей составной частью доверия к людям, так из образов и символов религии, являющихся тоже своего рода поэтическим языком, возникает доверие к миру, вера в осмысленность нашего пребывания в нем. Этому не противоречит ни факт наличия многих различных языков, ни то обстоятельство, что мы, по-видимому, случайно рождаемся в сфере какого-то определенного языка и определенной религии, невольно подпадая под их влияние. Единственно важно то, что мы проникаемся этим доверием к миру все равно благодаря

какому языку. Так, для русских людей, которые действуют в романах Достоевского и о которых пишет Гвардини, присутствие Бога в мире есть дело постоянно повторяющегося непосредственного переживания, не дающего угаснуть в них чувству доверия к действительности, хотя внешние бедственные условия существования, по-видимому, неумолимо препятствуют этому.

Наконец, религия, как я уже говорил, обладает решающим значением для искусства. Если, как это сделали мы, называть религией просто духовную форму, до которой дорастает то или иное человеческое сообщество, то, само собой понятно, искусство тоже обязательно окажется выражением религии. Одного взгляда на историю разнообразнейших сфер культуры достаточно, чтобы убедиться в возможности самым непосредственным образом судить о духовном облике прошлых эпох по сохранившимся от них художественным произведениям, даже если нам уже почти неизвестно религиозное учение, служившее-формулировкой тому духовному миру.

Впрочем, все сказанное тут мною о религии для людей вашего круга, естественно, не новость. Мой обзор был призван лишь подчеркнуть, что представитель естественных наук тоже должен учитывать всеобъемлющее значение религии в человеческом сообществе, если он пытается продумать соотношение между религиозной и естественнонаучной истинами»¹⁹⁹.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Не только рвение тех, кто ищут Бога, доказывает Его существование, но и ослепление тех, кто Его на ищут»²⁰⁰.

¹⁹⁹ Гейзенберг, В. Избранные философские работы. Шаги за горизонт. Часть и целое (Беседы вокруг атомной физики) / В. Гейзенберг. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – С. 255–261.

²⁰⁰ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: АСТ: Астрель, 2011, с. 108

И.А. Ильин
(1883–1954 гг.)

Русский философ, публицист

«Путь духовного обновления»

О вере

«Бесспорно, есть немало людей, которые не верят в Бога. Но это совсем не значит, что они ни во что не верят и что поэтому их можно причислить к людям, живущим без всякой веры. Ведь возможно, что

они верят не в Бога, а во что-то другое... Во что же? В нечто такое, что они принимают за главное и существенное в жизни, что действительно для них и есть самое важное, чем они дорожат и чему они служат, что составляет предмет их желаний и стремлений. Такое отношение и есть отношение веры; и кто имеет такой предмет, тот верит в него.

Этим мы вскрыли первое недоразумение, первый предрассудок: люди обычно думают, что «верить» это то же самое, что «признавать истину». На самом деле это не так: вера есть нечто гораздо большее, более творческое и более жизненное. Мы все считаем «истиною» – таблицу умножения, геометрические теоремы, химические формулы, географические данные, установленные исторические факты, законы логики; мы совершенно уверены в том, что они верны, что мы спокойно можем пользоваться этими истинами и применять их в жизни. Мы это и делаем, и притом уверенно и успешно: высчитываем, путешествуем, строим, наблюдаем природу, спорим, доказываем, составляем и принимаем лекарства и т. д. И что же? Всё выходит, удаётся, подтверждается. То, что мы признали в теории за истину, оказывается и на практике правильным и верным. И мы всё это знаем, и согласно этому мы в жизни и действуем. Но о вере здесь нет ещё и речи...

«Верить» – это гораздо больше, чем «признавать за истину». И так обстоит и в теории, и на практике. Есть холодные истины, к которым мы и относимся холодно; мы устанавливаем их и пользуемся ими равнодушно или, самое большее, с некоторым «уважительным интересом». Мы узнаём о них и признаём их, не воспринимая их глубиной нашей души; мы подтверждаем их и соглашаемся «опираться» на них теоретически и практически, отнюдь не отзываясь на них сердцем. Они дают нам известную уверенность, но

только во второстепенных делах, не в главных и важнейших вопросах нашей жизни. Они светят нам наподобие уличных фонарей, без которых нам было бы и неудобно, и неуютно, но душу нашу они не согревают и не воспаляют. Тысячу раз мы пройдём мимо них, или примем их во внимание, или даже воспользуемся ими без того, чтобы могучие и творческие источники нашей души пришли в движение; напротив – там всё остаётся безразличным, молчаливым и неотзывчивым. Кто из нас начнет «верить» – в классификацию химических элементов, открытую Менделеевым, в таблицу логарифмов, в хронологический обзор событий XIX века, в горную карту Европы или Азии? И даже тот из нас, кто усомнится в этих «законах» или «истинах» и начнёт критиковать их или опровергать – поколеблется не в вере, а только в познавательной уверенности.

О вере позволительно говорить только там, где истина воспринимается глубиной нашей души, где на неё отзываются могучие и творческие источники нашего духа, где говорит сердце, а на его голос отзывается и остальное существо человека, где снимается печать именно с этого водного ключа нашей души, так что воды его приходят в движение и текут в жизнь.

Человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как самое главное в своей жизни. Скажи мне, что для тебя самое важное в жизни, и я скажу, во что ты веришь. Душа твоя прилепляется к тому, во что ты веришь, как бы живёт и дышит им; ты желаешь предмета своей веры, ты ищешь его; он становится источником твоей радости и остаётся им даже тогда, когда тебе его не хватает. Здесь пребывают твои чувства и твоё воображение. Словом, здесь реальный центр твоей жизни: тут твоя любовь, твое служение, тут ты идёшь на жертвы. Здесь твоё сокровище, а где сокровище твое, там и сердце твое, там и вера твоя.

И вот, сколько бы мы ни искали, мы не найдём такого человека, который ни во что не верил бы. Чем глубже заглянем мы в человеческую душу, тем скорее мы убедимся, что человек без веры вообще не может жить, ибо вера есть не что иное, как главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки»²⁰¹.

²⁰¹ Ильин, И. А. Основы христианской культуры / И. А. Ильин. – Санкт-Петербург: Шпиль, 2004. – С. 67–70.

И.А. Ильин
(1883–1954 гг.)

Русский философ, публицист

«Путь духовного обновления»

О вере

«Жить на свете – значит выбирать и стремиться; кто выбирает и стремится, тот служит некоторой ценности, в которую он верит. Все люди верят: и образованные, и необразованные, и умные и глупые, и сильные и слабые.

Одни сознают, что они верят, другие верят, не сознавая этого. Одни знают и то, что они верят, и то, во что они верят, а может быть, и то, на каком основании они верят. Другие верят просто, не зная этого за собою и, может быть, ни разу в жизни не подумав, во что же это они, собственно говоря, верят и есть ли у них какие-нибудь основания для этой веры. Но вера всегда остаётся первичной силой человеческой жизни – совершенно независимо от того, понимают люди это или нет. Человеку дана возможность дорожить своей верой, беречь ее, укреплять, очищать и углублять. Однако человек имеет и другую возможность: пренебрегать своею верою, оставляя ее на произвол случайностей, пронизывать ее предрассудками и суевериями, превращать ее в слепой и разрушительный фанатизм или же отводить ей один уголок своей души, и притом самый трусливый и лицемерный. Человек может заблуждаться в своей вере и идти по ложным путям; он может разочаровываться в своей прежней вере и отходить от неё; хуже того, он может изменять своей вере по расчёту и «продавать» её. Но в одном человеку отказано, одного он не может: именно – жить без веры»²⁰².

²⁰² Ильин, И. А. Основы христианской культуры. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – Санкт-Петербург: Шпиль, 2004. – С. 71–72.

**Преподобный
Серафим Вырицкий
(1866–1949 гг.)
Иеросхимонах Русской
православной церкви.
В 2000-м году канонизирован
Русской Православной Церковью
в лике преподобных**

**«От Меня это было»
(духовное завещание)**

*«Думал ли ты когда-либо, что всё,
касающееся тебя, касается и Меня?»*

Ибо касающееся тебя касается зеницы ока Моего.

Ты дорог в очах Моих, многоценен, и Я возлюбил тебя, и поэтому для Меня составляет особую отраду воспитывать тебя. Когда искушения восстанут на тебя, и враг придёт, как река, Я хочу, чтобы ты знал, что От Меня это было.

Что твоя немощь нуждается в Моей силе и что безопасность твоя заключается в том, чтобы дать Мне возможность бороться за тебя.

Находишься ли ты в трудных обстоятельствах, среди людей, которые тебя не понимают, которые не считаются с тем, что тебе приятно, которые тебя отстраняют, – От Меня это было.

Я – Бог твой, располагающий обстоятельствами. Ты не случайно оказался на твоём месте, это то самое место, которое Я тебе назначил.

Не просил ли ты, чтобы Я научил тебя смирению, – так вот смотри, Я поставил тебя как раз в ту среду, в ту школу, где этот урок изучается. Твоя среда и живущие с тобою только выполняют Мою волю.

Находишься ли ты в денежном затруднении, тебе трудно сводить концы с концами, знай, что От Меня это было. Ибо Я располагаю твоими материальными средствами. Я хочу, чтобы ты прибежал ко Мне и был бы в зависимости от Меня. Мои запасы неисчислимы. Я хочу, чтобы ты убеждался в верности Моей и Моих обетований. Да не будет того, чтобы тебе могли сказать о нужде твоей: «Вы не верили Господу Богу вашему» (Втор. 1, 32-33).

Переживаешь ли ты ночь скорбей, ты разлучен с близкими и дорогими сердцу твоему, – От Меня это было. Я – муж скорбей, изведавший болезни, Я допустил это, чтобы ты обратился ко Мне и во Мне мог найти утешение вечное. Обманулся ли ты в друге твоём, в ком-нибудь, кому открыл сердце своё, – От Меня это было. Я допустил этому разочарованию коснуться тебя, чтобы

ты познал, что лучший друг твой есть Господь. Я хочу, чтобы ты всё приносил ко Мне и говорил Мне. Наклеветал ли кто на тебя – предоставь это Мне и прильни ближе ко Мне, убежищу твоему, душою твоею, чтобы укрыться от «пререкания языков». Я «изведу, как свет, правду твою и судьбу твою, яко полудне» (Пс. 36, б).

Разрушились ли планы твои, поник ли ты душою и устал – От Меня это было. Ты создавал себе свои планы и принёс их Мне, чтобы я благословил их. Но Я хочу, чтобы ты предоставил Мне распорядиться обстоятельствами твоей жизни, и тогда ответственность за всё будет на Мне, ибо слишком тяжело для тебя это, и ты один не можешь справиться с ними, так как ты только орудие, а не действующее лицо.

Посетили ли тебя неожиданные неудачи житейские и уныние охватило сердце твоё, знай – От Меня это было. Ибо Я хочу, чтобы сердце твоё и душа твоя были всегда пламенеющими пред очами Моими и побеждали бы именем Моим всякое малодушие.

Не получаешь ты долго известий от близких и дорогих тебе людей и по малодушью твоему впадаешь в отчаяние и ропот, знай – От Меня это было. Ибо этим томлением твоего духа Я испытываю крепость веры твоей в непреложность обетования, силу дерзновенной твоей молитвы о сих близких тебе. Ибо не ты ли вручил их Покрову Матери Моея Пречистыя, не ты ли некогда возлагал заботу о них Моей промыслительной любви.

Посетила ли тебя тяжкая болезнь, временная или неисцельная, и ты оказался прикованным к одру своему – От Меня это было. Ибо Я хочу, чтобы ты познал Меня ещё глубже в немощах своих телесных и не роптал бы за сие ниспосланное тебе испытание, не старался проникнуть в Мои планы спасения души человеческих различными путями, но безропотно и покорно преклонил бы выю твою под благодать Мою к тебе.

Мечтал ли ты сотворить какое-либо особенное дело для Меня и вместо того слег на одр болезни и немощи – От Меня это было. Ибо тогда ты был бы погружён в дела свои и Я не мог бы привлечь мысли твои к Себе, а Я хочу научить тебя самым глубоким мыслям, что ты на службе у Меня. Я хочу научить тебя сознать, что ты – ничто. Некоторые из лучших соратников Моих суть те, которые отрезаны от живой деятельности, чтобы им научиться владеть оружием непрестанной молитвы.

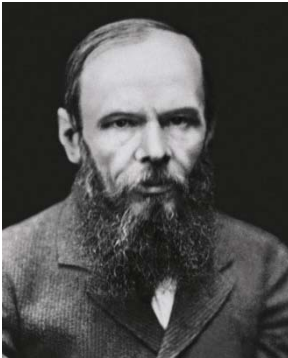
Призван ли ты неожиданно занять трудное и ответственное положение, иди полагаясь на Меня. Я вверяю тебе эти трудности, ибо за это благословит тебя Господь Бог твой во всех делах твоих, на всех путях твоих, всё, что будет делаться твоими руками. В сей

день даю в руку твою этот сосуд священного елея. Пользуйся им свободно, дитя Моё. Каждое возникающее затруднение, каждое оскорбляющее тебя слово, каждая помеха в твоей работе, которая могла бы вызвать чувство досады и разочарования, каждое откровение твоей немощи и неспособности пусть будут помазаны этим елеем – От Меня это было.

Помни, что всякая помеха есть Божие наставление, и потому положи в сердце своё слово, которое Я объявил тебе в сей день, – От Меня это было.

Храни их, знай и помни – всегда, что всякое жало притупится, когда ты научишься во всём видеть Меня.

Всё послано Мною для совершенствования души твоей, – От Меня это было»²⁰³.

**Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)**

Русский писатель, мыслитель

«Идиот»

«А что, Лев Николаич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в бога или нет? – вдруг заговорил опять Рогожин, пройдя несколько шагов.

– Как ты странно спрашиваешь и ... глядишь! – заметил князь невольно.

– А на эту картину я люблю смотреть, – пробормотал, помолчав, Рогожин, точно опять забыв свой вопрос.

– На эту картину! – вскричал вдруг князь, под впечатлением внезапной мысли, – на эту картину! Да от этой картины у иного ещё вера может пропасть!

– Пропадает и то, – неожиданно подтвердил вдруг Рогожин. Они дошли уже до самой выходной двери.

– Как? – остановился вдруг князь, – да что ты! Я почти шутил, а ты так серьёзно! И к чему ты меня спросил: верую ли я в бога?

– Да ничего, так. Я и прежде хотел спросить. Многие ведь ноне не веруют. А что, правда (ты за границей-то жил), – мне вот один с пьяных глаз говорил, – что у нас, по России, больше, чем во всех землях, таких, что в бога не веруют? «Нам, говорит, в этом легче,

²⁰³ Преподобный Серафим Вырицкий От меня это было. Духовное завещание. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Vyritskij/ot-menja-eh-to-bylo (дата обращения: 30.11.2023).

чем им, потому что мы дальше их пошли...». Рогожин едко усмехнулся; проговорив свой вопрос, он вдруг отворил дверь и, держась за ручку замка, ждал, пока князь выйдет. Князь удивился, но вышел. Тот вышел за ним на площадку лестницы и притворил дверь за собой. Оба стояли друг пред другом с таким видом, что казалось, оба забыли, куда пришли и что теперь надо делать.

– Прощай же, – сказал князь, подавая руку.

– Прощай, – проговорил Рогожин, крепко, несовершенно машинально сжимая протянутую ему руку. Князь сошёл одну ступень и обернулся.

– А насчёт веры, – начал он, улыбнувшись (видимо не желая так оставлять Рогожина) и, кроме того, оживляясь под впечатлением одного внезапного воспоминания, – насчёт веры я, на прошлой неделе, в два дня четыре разные встречи имел. Утром ехал по одной новой железной дороге и часа четыре с одним С-м в вагоне проговорил, тут же и познакомился. Я ещё прежде о нем много слышал и, между прочим, как об атеисте. Он человек действительно очень учёный, и я обрадовался, что с настоящим учёным буду говорить. Сверх того, он на редкость хорошо воспитанный человек, так что со мной говорил совершенно как с равным себе по познаниям и по понятиям. В бога он не верует. Одно только меня поразило: что он вовсе как будто не про то говорил, во всё время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встречался с неверующими и сколько ни читал таких книг, всё мне казалось, что и говорят они и в книгах пишут совсем будто не про то, хотя с виду и кажется, что про то. Я это ему тогда же и высказал, но, должно быть, неясно или не умел выразить, потому что он ничего не понял... Вечером я остановился в уездной гостинице переночевать, а в ней только что одно убийство случилось, в прошлую ночь, так что все об этом говорили, когда я приехал. Два крестьянина, и в летах, и не пьяные, и знавшие уже давно друг друга, приятели, напились чаю, и хотели вместе, в одной каморке, ложиться спать. Но один у другого подглядел, в последние два дня, часы, серебряные, на бисерном желтом шнурке, которых, видно, не знал у него прежде. Этот человек был не вор, был даже честный и, по крестьянскому быту, совсем не бедный. Но ему до того понравились эти часы и до того соблазнили его, что он наконец не выдержал: взял нож и, когда приятель отвернулся, подошел к нему осторожно сзади, наметился, возвёл глаза к небу, перекрестился и, проговорив про себя с горькою молитвой: «Господи, прости ради Христа!» – зарезал приятеля с одного раза, как барана, и вынул у него часы. Рогожин покатился со смеху. Он хохотал так, как будто

был в каком-то припадке. Даже странно было смотреть на этот смех после такого мрачного недавнего настроения.

– Вот это я люблю! Нет, вот это лучше всего! – выкрикивал он конвульсивно, чуть не задыхаясь.

– Один совсем в бога не верует, а другой уж до того верует, что и людей режет по молитве... Нет, этого, брат князь, не выдумашь! Ха-ха-ха! Нет, это лучше всего!..

– Наутро я вышел по городу побродить, – продолжал князь, лишь только приостановился Рогожин, хотя смех всё еще судорожно и припадочно вздрагивал на его губах, – вижу, шатается по деревянному тротуару пьяный солдат, в совершенно растерзанном виде. Подходит ко мне: «Купи, барин, крест серебряный, всего за двугривенный отдаю; серебряный!». Вижу в руке у него крест, и, должно быть, только что снял с себя, на голубой, крепко заношенной ленточке, но только настоящий оловянный, с первого взгляда видно, большого размера, осьмиконечный, полного византийского рисунка. Я вынул двугривенный и отдал ему, а крест тут же на себя надел, – и по лицу его видно было, как он доволен, что надул глупого барина, и тотчас же отправился свой крест пропивать, уж это без сомнения. Я, брат, тогда под самым сильным впечатлением был всего того, что так и хлынуло на меня на Руси; ничего-то я в ней прежде не понимал, точно бессловесный рос, и как-то фантастически вспоминал о ней в эти пять лет за границей. Вот иду я да и думаю: нет, этого хриstopродавца подожду ещё осуждать. Бог ведь знает, что в этих пьяных и слабых сердцах заключается. Через час, возвращаясь в гостиницу, наткнулся на бабу с грудным ребенком. Баба ещё молодая, ребёнку недель шесть будет. Ребёнок ей и улыбнулся, по наблюдению её, в первый раз от своего рождения. Смотрю, она так набожно-набожно вдруг перекрестилась. «Что ты, говорю, молодка?» (Я ведь тогда всё расспрашивал). «А вот, говорит, точно так, как бывает материна радость, когда она первую от своего младенца улыбку заметит, такая же точно бывает и у бога радость всякий раз, когда он с неба завидит, что грешник пред ним от всего своего сердца на молитву становится». Это мне баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно религиозную мысль, такую мысль, в которой вся сущность христианства разом выразилась, то есть всё понятие о боге как о нашем родном отце и о радости бога на человека, как отца на свое родное дитя, – главнейшая мысль Христова! Простая баба! Правда, мать... и, кто знает, может, эта баба женой тому же солдату была. Слушай, Парфён, ты давеча спросил меня, вот мой ответ: сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под

какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу. Есть что делать, Парфён! Есть что делать на нашем русском свете, верь мне! Припомни, как мы в Москве сходились и говорили с тобой одно время... И совсем не хотел я сюда возвращаться теперь! И совсем, совсем не так думал с тобой встретиться!.. Ну, да что!.. Прощай, до свиданья! Не оставь тебя бог!

Он повернулся и пошёл вниз по лестнице»²⁰⁴.

**Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)**

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Познание Бога без познания своего ничтожества приводит к гордыне.

Познание своего ничтожества без познания Бога приводит к отчаянию.

Познание Иисуса Христа посредничает между ними, ибо в нём мы находим и Бога, и своё ничтожество»²⁰⁵.

**Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)**

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Истинная религия указывает нам наш долг, наши слабости, гордыню и похоть, и лекарства – смирение, умерщвление плоти»²⁰⁶.

²⁰⁴ Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – Москва: Эксмо-пресс, 2002. – С. 227–230.

²⁰⁵ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – С. 112.

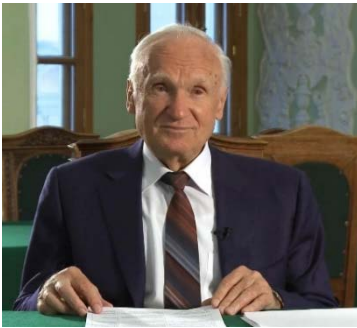
²⁰⁶ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – С. 123.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ
«Мысли. Афоризмы»

«Удивительная вещь христианство: оно требует от человека признать свою низость и даже мерзость – и требует от него желания уподобиться Богу. Без такого противовеса это вознесение духа делало бы его нестерпимо тщеславным, а это уничтожение внушало бы нестерпимое презрение к себе»²⁰⁷.

А.И. Осипов
(род. 1938 г.)

Российский богослов, педагог

«Путь разума
в поисках истины»
Религия и наука

«Но, может быть, религиозное мировоззрение противостоит науке, знанию, прогрессу?»

Исходя из широкого понимания науки, правомерно говорить о религии

как об одной из форм «духовного производства» человека. Имея свои постулаты (бытие Бога, бессмертие души), особый метод познания (духовно-нравственное совершенствование личности), свои критерии в различении истины от заблуждения (соответствие индивидуального духовного опыта единству опыта святых, как компетентнейших «инженеров» души человеческих), свою цель (познание Бога и достижение вечной в Нем жизни – обожение), – религия структурно оказывается не отличающейся от естественных наук. Особенно существенное сходство её с эмпирическими науками наблюдается в необходимости правильного опыта для получения достоверного знания в процессе познания. Не случайно «академики» Православной Церкви – великие святые, правильную (праведную) религиозную жизнь называли «наукой из наук».

²⁰⁷ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 157.

Однако религия как опытная наука («религия-наука») представляет собой в то же время замечательное исключение в ряду всех эмпирических наук: религия-наука в отличие от естествознания является мировоззрением в полном смысле этого слова. И вот почему.

Если естествознание не может служить базой для построения мировоззрения (религиозного или атеистического), то религия-наука, опытно подтверждая бытие Бога, души, мира сверхчувственного, становится научным фундаментом религиозного мировоззрения. В этом смысле религия является действительно научным мировоззрением в отличие от всех других: атеистического, агностического, материалистического, остающихся всегда лишь верой.

В то же время религиозное мировоззрение, в частности православное, в принципе не может иметь противоречий с естественными науками и тем более противостоять им, поскольку оно не включает в себя ни их законы и теории, ни конкретные «детали» знания материального мира. Оно остаётся неизменным независимо от того, что утверждает наука сегодня и к чему придет завтра. Для религиозного мировоззрения не имеет никакого значения Земля или Солнце являются центром нашей системы, что вокруг чего вращается, из каких «кирпичиков» построена Вселенная.

А тот факт, что многие церковнослужители были одновременно великими учеными, красноречиво свидетельствует о надуманности самой идеи борьбы религии с наукой.

Правда, в качестве доказательства приводят, на первый взгляд, бесспорные факты притеснения и даже казни отдельных ученых католической церковью в средневековье.

Но, во-первых, в описании этих фактов много преувеличений. Осуждению подверглось ничтожное число учёных и не столько за их научные взгляды, сколько за догматические и нравственные отступления от католической веры, то есть за ереси (напр., Джордано Бруно, объявивший себя «учителем более совершенного богословия, сыном неба и земли»).

Далее, всё это относится к повреждённой Церкви – католической, одно из ярких заблуждений которой как раз в том и проявилось, что она, фактически, догматизировала отдельные научные теории того времени (в чём теперь раскаивается).

Наконец, боролась в средневековье не религия с наукой, а старые научные представления и представители (со всеми обыденными человеческими страстями) с новыми, используя религию.

Прекрасно вскрывает и иллюстрирует основную причину гонений на науку современный отечественный ученый А. Горбовский.

«А разве, – пишет он, – не такой же кощунственной казалась в своё время мысль о том, что могут быть «камни, падающие с неба», – метеориты?»

Французская академия наук объявила все подобные соображения вымыслом, а сам Лавуазье, великий ученый, заклеил их как «антинаучные». Этот термин появляется не случайно. Во все времена общественное сознание имело некую точку отсчёта, которая провозглашалась непреложной и истинной. Некогда в качестве этого эталона выступало религиозное мировоззрение. Все, что находилось в русле этого мировоззрения, признавалось истинным; что выходило за его рамки, провозглашалось ложным.

Со временем место религиозного мировоззрения в общественном сознании было вытеснено суммой представлений, которая обозначается термином «научное». Теперь истинным почитается то, что соотносится с данной, господствующей системой взглядов, и ложным – всё, что противоречит ей.

Вот почему, желая опровергнуть существование метеоритов, Лавуазье прибег к тому, что провозгласил сообщения о них «антинаучными», т.е. противоречащими канонизированной системе взглядов.

Но давайте попытаемся посмотреть непредвзято на мир, окружающий нас сегодня. Мы видим, что буквально весь он состоит из того, что в своё время так или иначе было отвергнуто или признано ложным.

В нашем мире летают самолеты. Вопреки тому, что известный астроном профессор С. Ньюком математически доказал невозможность создания летательных аппаратов тяжелее воздуха...

Мы пользуемся радио. Вопреки авторитетному мнению известного ученого Г. Герца, утверждавшего, что это невозможно («для дальней связи, – писал он, – потребуются отражатели размером с континент»).

Сегодня всем известна чудовищная мощь ядерного оружия. Однако некогда ведущие военные эксперты США утверждали, что создание атомной бомбы принципиально невозможно.

Сегодня в строй вступают атомные электростанции. Хотя некоторые крупнейшие учёные США, в том числе Н. Бор, считали практическое использование атомной энергии маловероятным.

Мы изучаем химический состав небесных тел. Вопреки известному французскому философу О. Конту, который категорически утверждал, что человек никогда не сможет делать это.

Сейчас признано, что 99% всей материи Вселенной находится в состоянии плазмы. Однако в течение тридцати лет после её открытия учёный мир упорно отказывал плазме в праве на существование.

Открытие Пастера было отвергнуто Академией медицины.

Открытие рентгеновских лучей было встречено насмешками.

Открытие Месмером гипноза было категорически опровергнуто светилами тогдашней науки.

Французская Академия наук долгое время отвергала существование ископаемого человека, а находки каменных орудий объясняла «игрой природы».

Список этот может быть сколь угодно велик. Список анафем и запретов, провозглашенных некогда от имени науки. В лучшем случае это проистекало от инертности мышления, когда, говоря словами А. Шопенгауэра, «каждый принимает конец своего кругозора за конец света».

Сегодня, с опозданием на века и десятилетия, мы ставим памятники тем, кто некогда был объектом этих анафем и отлучений.

Горбовский не упоминает о самых страшных в истории гонениях на учёных в СССР, бывших со стороны не Церкви, но захвативших власть сатанистов.

Причины гонений на науку коренились не в христианстве, тем более не в Православии, а в зле страстей человеческих, в том порожденном ими фанатизме, который всегда противоборствует всему истинному, живому»²⁰⁸.

**И.А. Ильин
(1883–1954 гг.)**

Русский философ, публицист

«Путь духовного обновления»

О вере

*«В наши дни есть ещё один пред-
рассудок в отношении к вере, со-
гласно которому «знание» есть не-
что достоверное, доказательное,
истинное, а «вера» есть в конечном
счёте не более чем «суеверие» (т. е.*

вера всуе, напрасная и неосновательная). Доказанное и обоснован-

²⁰⁸ Осипов, А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – Москва: Издание Сретенского монастыря, 2004. – С. 173–178.

ное не приемлется на веру: оно познаётся и знаетса, оно мыслится. Верить же можно лишь в то, что не обосновывается и что поэтому не основательно, в то, что не доказывается и потому не имеет за себя ничего достоверного. Поэтому здесь только и можно «верить» или «веровать».

С этой точки зрения многие из наших современников говорят почтительно или даже с пафосом о мысли, знании и науке, и с презрением или по крайней мере со снисхождением о вере и верующих людях. Кто расположен к снисхождению и терпимости, тот осуждает веру и верующих не так строго: надо уж представить «глупым» и «необразованным» верить в их «фантазии», что же с ними поделаешь, особенно если фантазии «приличны» и «гуманны». Но кто «серьёзно» относится к знанию и доказательству и помнит о вреде предрассудков и об опасности суеверий, тот уже не обнаруживает ни снисхождения, ни терпимости; он уже категорически требует «просвещения» и «борьбы с обскурантизмом». Но если всякая вера есть, в сущности говоря, «суеверие», а насаждают суеверие именно упорные и злобредные обскуранты, с которыми необходимо бороться, то приговор над христианством во всех его исповеданиях оказывается уже произнесенным...

Ясно, что в этом предрассудке при последовательном и волевом отношении к нему уже заложено гонение на христианство.

За этим предрассудком скрывается на самом деле целое гнездо недоразумений и ошибок. С одной стороны, это воззрение безмерно переоценивает мысль и знание и придаёт так называемым «доказательствам» преувеличенное значение, ибо на самом деле многое, что люди причисляют к «мыслимому» и «знаемому», — остается необоснованным и не доказанным. С другой стороны, вера и суеверие совсем не одно и то же, в области веры имеется своя особая достоверность и свои полноценные основания, не замечать их или отвертываться от них можно только по недостатку духовного опыта.

Так, прежде всего, было бы совсем наивно думать, что человеческое «мышление» и «знание» не делает ошибок или что оно способно доказать каждое свое утверждение. Вся картина мироздания в том виде, как его очерчивает наука, покоится на очень спорных и часто неясных гипотезах, которые иногда отчасти «подтверждаются» новыми наблюдениями, а иногда опровергаются и тогда отвергаются. Эти гипотезы полезны, необходимы и драгоценны, без них исследование мира не могло бы совершаться и наука стала бы невозможной. Но они совсем не суть «доказанные истины», даже и те из них, которые доселе подтверждались при наблюдениях. Чем дальше человек стоит от научной лаборатории, тем более он иногда бывает

склонен преувеличивать достоверность научных предположения и объяснений. Полуобразованные люди слишком часто верят в «науку» так, как если бы ей было все доступно и ясно; чем проще, чем элементарнее, чем проще какое-нибудь утверждение, тем оно кажется им «убедительнее» и «окончательнее»; и только настоящие учёные знают границы своего знания и понимают, что истина есть их трудное задание и далекая цель, а совсем не легкая, ежедневная добыча.

Настоящий учёный прекрасно понимает, что «научная» картина мироздания всё время меняется, всё осложняясь, углубляясь, уходя в детали и никогда не давая ни полной ясности, ни единства. Достаточно вспомнить, как изменилась вся картина мира после того, как астрономическая система Птолемея была вытеснена системой Коперника, или – что дало науке и народам открытие электричества, или радия, или беспроводной передачи, или раскопки доисторических городищ, или спектральный анализ. Настоящий учёный знает, что наука никогда не будет в состоянии объяснить свои последние предпосылки или определить свои основные понятия, напр., точно установить, что такое «атом», «электрон», «витамин», «энергия» или «психологическая функция»; он знает, что все его «определения», «объяснения» и «теории» – суть только несовершенные попытки приблизиться к живой тайне материального и душевного мира. О продуктивности науки не стоит спорить: за неё свидетельствуют вся современная техника и медицина. Но что касается её теоретических истин и их доказуемости, то наука плавает по морям проблематического и таинственного.

Здесь проходит грань между ученым и полуобразованным.

Настоящий учёный знает, доколе простирается его знание, и потому он духовно скромнен. Он ищет и пытается доказывать, он всегда добивается максимальной достоверности и доказательности, ясности и точности, но именно поэтому он знает, сколь трудно это даётся, и всегда помнит, что полной достоверности у науки нет. Он всегда помнит, сколь ограничен объём того, что «уже познано», и сколь сравнительно невелика сила и компетентность научной мысли, ибо поистине мысль есть только одна из способностей человека, наряду с другими, а научная мысль нуждается в опыте, для которого необходимо чувственно воспринимать, ощущать, чувствовать, желать, воображать, созерцать и совершать поступки. Настоящий учёный понимает всё это и не переоценивает ни отвлечённую мысль, ни науку в целом. Вот почему он не верит в отвлечённые схемы и мёртвые формулы и хранит в себе живое ощущение глубокого, таинственного и священного. Этим и объясняется то обстоятельство,

что среди настоящих и великих учёных многие питали и питают живую веру в Бога: их взор не ослеплялся тем, что уже познано и добыто, но оставался прикованным к тайнам мироздания и к скрытым в них богатствам, а созерцание этих тайн пробуждало в них тот внутренний, духовный опыт, от которого рождается религиозное настроение и «верующая» вера. Так, истинная учёность не уводит от Бога, а ведет к Нему.

Совсем иное дело полубразованность. Такой человек не умеет исследовать и познавать, он умеет только «понимать» то, что просто и плоско, и – помнить. Он живёт заученными формулами, от которых в голове всё становится плоско и просто, он принимает это за «ясность» и поэтому воображает, будто всё ему ясно и будто он призван всё «объяснять» другим. Вот откуда у полубразованных людей эта безмерная притязательность и безответственность: добыв без труда свою плоскую ясность, не научившись в труде познания – ни ответственности, ни скромности, они смотрят не вверх, а вниз, не вглубь, а в отвлечённую пустоту, где все легко, легкомысленно и беспочвенно. Они не создают сами ничего, но заимствуют все у других, перенимая, подражая, подхватывая и повторяя. Есть немало людей, у которых и самое чтение книг получает такое же значение: по слову одного наблюдательного учёного, «они и читают-то только для того, чтобы иметь право не думать самостоятельно»... Нередко они выбирают себе какого-нибудь одного человека, который становится их «авторитетом», «учителем» и «вождём». Тогда они начинают верить в него и в его формулы. Всё, что не укладывается в эти формулы, – или вовсе не существует для них, или подлежит «искоренению»; все несогласные с ними объявляются вредными лжецами и лицемерами. Такие полубразованные фанатики верят своему «учителю» с той же легкомысленною неосновательностью, с какою они верят во всемогущество мысли и в свою мнимую «науку». Таинственная глубина материального и душевного мира остается им недоступной, и все их воззрение на природу и на людей оказывается предметом их суеверия. И нередко бывает так, что чем пошлее их миропонимание, тем фанатичнее они верят в него. Веровать же они не способны и к религии относятся с презрением и враждебностью, не подозревая о том, что именно у верующих вера может быть ответственною, серьёзною и глубокою. Вот источник современного воинствующего безбожия»²⁰⁹.

²⁰⁹ Ильин, И. А. Основы христианской культуры. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – Санкт-Петербург: Шпиль, 2004. – С. 84–88.

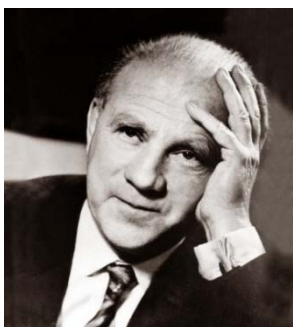

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Атеизм свидетельствует о силе ума, но лишь до известной степени»²¹⁰.

В. Гейзенберг
(1901–1976 гг.)

**Немецкий физик-теоретик,
Нобелевской лауреат (1932 г.),
философ**

«Шаги за горизонт»

**Естественнонаучная
и религиозная истина**

*«Ещё большему нас научило разви-
тие естествознания в европейском*

мире, испытавшем на себе воздействие христианской религии, и об этом должна пойти речь в последней части моего доклада. Я уже пытался здесь сформулировать ту мысль, что религиозные образы и символы являются специфическим языком, позволяющим как-то говорить о той угадываемой за феноменами взаимосвязи мирового целого, без которой мы не могли бы выработать никакой этики и никакой шкалы ценностей. Этот язык в принципе заменим, как всякий другой; в других частях мира есть и были другие языки, служащие подобному взаимопониманию. Однако мы от рождения окружены вполне определённой языковой средой. Она более родственна языку поэзии, чем озабоченному своей точностью языку естественной науки. Поэтому слова обоих языков означают часто различные вещи. Небо, о котором идёт речь в Библии, имеет мало общего с тем небом, в которое мы поднимаем самолеты или ракеты. В астрономической Вселенной Земля есть крошечная пылинка внутри одной из бесчисленных галактик, а для нас она – середина мира; она и действительно середина нашего

²¹⁰ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – С. 107.

мира. Естествознание стремится придать своим понятиям объективное значение. Наоборот, религиозный язык призван как раз избежать раскола мира на объективную и субъективную стороны; в самом деле, кто сможет утверждать, что объективная сторона более реальна, чем субъективная? Нам не пристало поэтому перепутывать между собой эти два языка, мы обязаны мыслить тоньше, чем было принято до сих пор.

Да кроме того, последние 100 лет естествознания вынуждают нас к подобной осторожности мысли и в собственно научной сфере. Поскольку предметом нашего исследования стал уже не мир непосредственного опыта, а специфический мир, куда нам позволяют проникнуть лишь средства современной техники, язык повседневной жизни здесь уже недостаточен. В конечном счёте нам, правда, удаётся понять этот мир, представляя его основополагающие структуры в математических формулах; но если мы хотим говорить о нём обычным образом, то нам приходится довольствоваться образами и символами, почти как в религиозном языке. В результате мы приучились осторожнее обращаться с языком и осознали, что кажущиеся противоречия могут корениться в его недостаточности. Современное естествознание вскрыло очень далеко идущие закономерности, намного более широкие, чем те, с которыми имели дело Галилей и Кеплер. Но попутно выяснилось, что вместе с широтой выявляемых зависимостей растёт и степень абстрактности, а с нею – трудность для понимания. Даже требование объективности, долгое время считавшееся предпосылкой всякого естествознания, в атомной физике ограничено тем, что полное отделение наблюдаемого феномена от наблюдателя уже невозможно. Как же в таком случае обстоит дело с противоположностью естественнонаучной и религиозной истины?

Физик Вольфганг Паули как-то говорил в данной связи о двух пограничных представлениях, которые оказались исключительно плодотворными в истории человеческой мысли, хотя ни одному из них ничего в реальной действительности не соответствует. Один предел – это представление об объективном мире, закономерно развертывающемся в пространстве и времени независимо от какого бы то ни было наблюдающего субъекта; на картину такого мира ориентируется новоевропейское естествознание. Другой предел – представление о субъекте, мистически сливающимся с мировым целым настолько, что ему не противостоит уже ника-

кой объект, никакой объективный мир вещей; таков идеал азиатской мистики. Где-то посередине между этими двумя пограничными представлениями движется наша мысль; наш долг выдерживать напряжение, исходящее от этих противоположностей.

Тщательность, с какой мы обязаны размежевывать два языка, религиозный и естественнонаучный, требует, между прочим, чтобы мы оберегали их чистоту от всякого смешения, грозящего их расшатыванием. Правота подтвердившихся естественнонаучных выводов не может быть в разумной мере поставлена под сомнение религиозной мыслью, и, наоборот, этические требования, вырастающие из самой сердцевины религиозного мышления, не могут быть подорваны чересчур рационалистическими аргументами из области науки. Причём не существует никакого сомнения, что вследствие расширения технических возможностей возникли и новые этические проблемы, разрешить которые нелегко. Упомяну для примера вопрос об ответственности исследователя за практическое применение результатов его исследовательской работы или ещё более трудный вопрос из области современной медицины – сколь долго врач обязан или имеет право продлевать жизнь умирающего пациента. Размышление над такими проблемами не имеет ничего общего с расшатыванием этических принципов. И я не могу себе представить, чтобы на подобные вопросы можно было ответить просто путем оценки прагматической целесообразности наших действий. Скорее наоборот, здесь тоже требуется осмысление целого в его взаимосвязи: осмысление той выражаемой на языке религии принципиальной позиции человека, в которой коренятся начала этического поведения.

Не исключено, впрочем, что сегодня мы снова в состоянии правильнее распределить акценты, смещенные непомерным распространением науки и техники за последние 100 лет. Я имею в виду тот относительный вес, который мы придаём материальным и духовным предпосылкам человеческого общества. Материальные предпосылки очень важны, и долгом общества было покончить с материальной нищетой широких слоёв населения, коль скоро техника и наука предоставили для этого возможности. Но и после достижения этого осталось ещё много несчастья, и тем самым выяснилось, до какой степени индивид в своём самосознании пли в своём самопони-

мани нуждается в защите, которую ей способна предоставить духовная форма человеческого сообщества. В этом, наверное, заключена сегодня наша главнейшая задача. Если нынешняя студенческая молодёжь часто бывает очень несчастна, то причиной тому не материальная нужда, а недостаток доверия к действительности, делающий для человека крайне трудными поиски смысла жизни. Мы обязаны поэтому работать над преодолением изоляции, грозящей индивиду в царстве технической целесообразности. Решение теоретических вопросов психологии или социальной структуры здесь мало чем поможет, пока не удастся в непосредственном действии вновь обрести естественное равновесие духовной и материальной сторон нашей жизни. Для этого понадобится снова оживить в повседневном сознании основополагающие духовные ценности, придать им такую озаряющую силу, чтобы жизнь отдельной личности снова сама собою ориентировалась на них.

Однако в мою задачу не входило говорить об обществе, речь шла о соотношении между естественнонаучной и религиозной истиной. Естествознание сделало за последние 100 лет очень большие успехи. Более широкие жизненные сферы, о которых мы говорим на языке нашей религии, были при этом, возможно, оставлены в пренебрежении. Удастся ли ещё раз дать выражение духовной форме будущих человеческих обществ на старом религиозном языке, мы не знаем. Рациональная игра словами и понятиями тут мало поможет; порядочность и непосредственность – вот самые важные предпосылки успеха. Во всяком случае, поскольку этика служит основой для совместной жизни людей, а источником этики может быть только та принципиальная человеческая позиция, которую я назвал духовной формой общества, мы обязаны приложить все усилия к тому, чтобы воссоединиться, между прочим, и с молодым поколением на почве одинаковой человеческой принципиальной позиции. Я убеждён, что это окажется достижимым, если мы восстановим верное равновесие между обеими истинами»²¹¹.

²¹¹ Гейзенберг, В. Избранные философские работы. Шаги за горизонт. Часть и целое (Беседы вокруг атомной физики) / В. Гейзенберг. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – С. 264–267.

И.А. Ильин
(1883-1954 гг.)

Русский философ, публицист

«Путь духовного обновления»

О вере

«Итак, знание и вера совсем не исключают друг друга. С одной стороны, потому что положительная наука, если она стоит на высоте, не преувеличивает ни своего объёма, ни своей достоверности и совсем не пытается судить о

предметах веры; она не судит о них ни положительно («есть Бог», «жизнь человека имеет высший, священный смысл»), ни отрицательно («Бога нет», «человек не выше обезьяны» и т. п.). Её граница – чувственный опыт, её метод – объяснять все явления естественными законами и стараться доказать каждое своё суждение. Она держится за этот опыт и за этот метод, отнюдь не утверждая, что они всеобъемлющи и исчерпывающи, и отнюдь не отрицая того, что можно достигнуть истины в другой области при помощи другого опыта и другого метода.

С другой стороны, настоящая вера вырастает именно из этого другого опыта и идёт своим особым путем («методом»), отнюдь не вторгаясь в научную область, не вытесняя и не заменяя её.

Тот, кто полагает, что вера есть нечто произвольное, несерьёзное и безответственное и что веровать можно только без всяких оснований в недостоверное и выдуманное, – тот жестоко ошибается; и ошибка его происходит из наивности. Так, он, конечно, воображает, будто он хорошо знает и понимает, что такое человеческий опыт и что значит обоснованность и достоверность. На самом же деле он этого не знает и не понимает, и в этом его наивность. Поэтому он должен однажды убедиться в том, что он всего этого не понимает, и, убедившись, отказаться от своего предвзвешенного и взять назад все свои суждения.

На самом деле человеческий опыт бесконечно шире, богаче и разнообразнее, чем это представляют себе современные материалисты и безбожники. Когда они говорят об этом, то они представляют себе чувственный опыт, который даётся человеку через его внешние чувства (зрение, слух, осязание и т. д.) и открывает ему доступ к материальному миру. Человек, прилепившийся исключительно к чувственным ощущениям (сенсуалист) и принимающий всерьёз только

то, что они ему приносят (а они говорят ему только о внешних, пространственно-протяженных вещах, т. е. о материальном), станет, сам того не замечая, материалистом.

Материалист привержен к одному-единственному источнику опыта, он верит только в него и пользуется только им, этот источник составляют внешние ощущения. Вследствие этого материалист отличается односторонностью, ограниченностью, скудостью своего опыта. Это не значит, что он в действительности имеет дело только с внешними, чувственными восприятиями, так что он только и может видеть, слышать, обонять, касаться и иметь вкусовые раздражения; нет, но он вырабатывает себе (иногда бессознательно, иногда сознательно) такую душевную установку, как если бы он не имел никакого другого опыта. Он живёт и думает так, как если бы в его опыте не было никаких нечувственных содержаний, как если бы доказывать и обосновывать можно было только при помощи чувственных восприятий и только в области материальных вещей. Он не привык вращаться в сфере иного опыта и иных предметов. Он как бы прильнул раз и навсегда к состояниям своего тела и к показаниям его органов, им доверился, в них поверил и затем уверил себя, будто ни у него, ни у других людей нет доступа ни к чему другому. Его внимание, его интерес, его желания, его деятельность обращены на внешнее; выражаясь условно, можно сказать, что он «экстравертирован» (обращен наружу). И если он видит человека «интровертированного» (обращенного вовнутрь, к внутреннему, нечувственному миру), то он оказывается не способным ни понять его установку, ни поверить ему на слово: он объявляет его выдумщиком, фантазёром или обманщиком.

А между тем всякий сколько-нибудь опытный мыслитель мог без особого труда доказать такому наивному и самоуверенному материалисту, что он решительно неправ, ибо всё сводится к односторонней скудости его опыта или, ещё точнее, к нежеланию его заметить и принять всерьёз другой опыт, без которого он сам не может обойтись. У материалиста, как и у всякого человека, имеются не только телесные состояния, но и душевные состояния; и многие из этих душевных состояний дают ему нечувственный опыт и открывают ему нечувственные предметы. Неумно и вредно закрывать себе глаза на это разнообразие и богатство опыта, культивировать свои низшие способности и отвергать или даже отрицать высшие. Ещё глупее и вреднее – пытаться уговорить других людей к такому же скудоумию или прямо навязывать им это скудоумие в порядке государственного принуждения, как это де-

лают коммунисты, предписывая материалистическое преподавание в школах и давая социальные преимущества безбожникам и воинствующим материалистам.

В действительности дело обстоит так, что человеку, наряду с чувственными ощущениями, даны и другие, бесконечно более благородные, утончённые и значительные источники опыта. Судьба каждого отдельного человека, целых поколений и национальных культур зависит от того, живут ли люди этим опытом, умеют ли ценить, развивать и творчески пользоваться источниками его и т. д. Весь современный духовный кризис, переживаемый человечеством, объясняется тем, что человечество вот уже в течение нескольких поколений пренебрегало источниками этого опыта и отвыкло, отучилось пользоваться ими; ослеплённое успехами естествознания и техники, охладевшее к религиозным глубинам жизни, оно доверилось всецело (или почти всецело) чувственным ощущениям и вырастающей из них теории и практике. Вследствие этого люди нового времени изоцирились в изучении материальной природы и в технических изобретениях и незаметно оказались в состоянии детской беспомощности в вопросах духовного опыта, духовной очевидности и духовных умений. Преодолеть этот кризис можно только одним способом: вернуться к этим благородным и чистым источникам духовного опыта, пробудить их и творчески зажечь ими.

Человек не может жить одними чувственными восприятиями, исходя только из них и ограничиваясь только ими; может быть, это и доступно простейшим и низшим животным, но, напр., собаки и лошади стоят, несомненно, уже на более высокой ступени. Человеку же присущи сверх телесных ощущений ещё чувствования, сила воображения, воля и энергия мысли. Конечно, он может пренебрегать этими состояниями или, так сказать, внутренними актами и сводить их к известному минимуму, уподобляясь животным, у которых преобладают чувственные ощущения и телесные потребности: человек может также превратить эти высшие потребности своей души в простое оружие своих телесных раздражений и потребностей, т. е. не столько жить ими, сколько злоупотреблять ими. Но если бы он вступил на этот путь, то из этого возникли бы только величайшая нужда, варварство и пошлость. Почему? Потому что эти пренебреженные и заброшенные душевные силы отнюдь не перестали бы жить и действовать в его душе, а стали бы нести нечистую жизнь и увлекать душу на гибельные пути, ибо орудие, которое не чистят и запускают и которым злоупотребляют, всегда становится вредным и опасным.

Конечно, можно относиться с презрением к жизни чувства – напр., к любви, радости, благодарности, уважению, благоговению, чести и патриотизму – и отвергать всё это как «сентиментальность», но от этого душевные чувствования отнюдь не исчезнут, они станут не только грубыми, злобными, нечистыми и отвратительными, т. е. душевно и телесно вредными, а духовно губительными; они прилеплятся к дурным содержаниям, и человеческая душа исполнится ненависти, зависти, злости, гордости и мстительности.

Точно так же «отвергнутая» и запущенная сила воображения отнюдь не исчезает и не прекращает свою жизнь; напротив, она разнуждывается и предаётся самым низменным, грубым и унижительным жизненным содержаниям: она отыскивает похотливые, безвкусные, злые образы и наслаждается ими и проносится слепо и равнодушно мимо образов целомудренной чистоты, благородства и божественной красоты. Люди, не уводящие своего воображения к высшим, нечувственным содержаниям, становятся пленниками пошлости и, по слову мудрого Гераклита, всю жизнь «наслаждаются грязью».

Такая же судьба постигает и человеческую волю, если она оказывается духовно беспризорной и нравственно разнужданной: она начинает служить волку в человеке и становится его свирепым орудием. Невоспитанная, неодоухотворенная, необлагороженная воля – есть источник всех коварных, злобных и преступных поступков на земле. В ответ на это человек может, конечно, возразить, что все эти понятия и меры не имеют для него никакого смысла. Но эта ссылка есть лишь пустая фраза в его устах: как только чужое коварство, чужая злоба и преступность обрушатся на него самого, так он сразу ощутит, что означают эти идеи, и начнет поносить чуждого волка, забыв о том, что он давно уже спустил с цепи своего собственного.

Подобно этому и мышление человека творчески создаёт культуру не тогда, когда оно прилепляется к чувственному и материальному, чтобы просто «наблюдать» его явления и умственно «разлагать» их (анализировать); из этого не возникла бы ни одна наука, ибо научное познание невозможно без логической мысли (которая совершенно нечувственна) и без математической мысли (которая почти нечувственна), а также без нравственно воспитанной воли и без нечувственной интуиции... Мышление человека только тогда на высоте, когда оно способно подниматься от конкретно чувственного, к крылатому и интуитивно насыщенному отвлечению, сосредоточиваться на духовных содержаниях, пребывать в них, созерцать их и познавать их.

Всё это означает, что помимо внешнего (чувственного) опыта человеку дан ещё внутренний (нечувственный) опыт. И вот этот

внутренний, духовный опыт и есть истинный источник и истинная область веры, религии и всей духовной культуры вообще. Воспитать человека значит, прежде всего, пробудить в нём эти духовные переживания и открыть ему доступ к этому духовному опыту. Только в этом опыте человек может постигнуть, что такое любовь, какова её глубина и сила и в чём её священное значение. Только здесь он может научиться отличать добро от зла, услышать в самом себе голос совести, постигнуть, что такое честь, благородство и служение. Только в этой области он может увидеть, что такое художественность и прекрасное искусство, воспитать свой вкус и развить свое восприятие красоты. Только духовный опыт может открыть ему, что такое истинное знание, очевидность и доказательство и в чем состоит научная культура и достоинство учёного.

Через духовный опыт человек общается с божественной стихией мира и входит в живое соприкосновение с Богом. Отсюда возникает «верующая» вера. Здесь зарождается религия и церковь.

Пренебрегающий духовным опытом – теряет доступ ко всему этому. Он – как бы сам залепляет себе духовные очи и предаётся слепоте и пошлости. От всех вещей он видит только внешнюю видимость и довольствуется тем, что превращает ее в пустую, абстрактную схему. Глубина и тайна жизни уходят от него – и во внешнем мире, и в его собственной душе. Он блуждает по распутиям до тех пор, пока не ударится головой о гранитную стену тех духовных законов, которые он отверг, или пока не сокрушится в пропасти тех духовных запретов, над которыми он доселе издевался. Ибо духовные законы и запреты связуют всех людей, в том числе и тех, которые отвергают их или издеваются над ними. Человеку дана свобода отвергать их и попирает их; но никогда ещё человек и народ, идущий по этому пути, не вёл на земле достойной, творческой и прекрасной жизни; напротив, все они разлагались душевно, впадали в общественный беспорядок и смуту и исчезали в духовном небытии.

Только духовный опыт – опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии, – только он может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы, бороться и умереть; открыть ему истинный и единственный Предмет религиозной веры. Надо, чтобы он в самом деле увидел духовными очами то, во что он будет отныне веровать, чтобы он подлинно испытал и узнал божественность Бога и прилепился к нему

свободно и целостно – не понаслышке, не от усталости и отчаяния, не из доверия к чуждому авторитету, ибо слухи меняются, и усталость проходит, и чуждой авторитет может поколебаться. Человеку же нужен камень веры, который вечно был бы с ним – и в песчаной пустыне, и в снежной буре, и в непролазном лесу, и в тюремной одиночке, и в одиночестве всеобщей клеветы и злобы; такой камень, который всегда можно было бы осязать как неколебимую твердыню и стать на него, как на некий столп утверждения... Человеку необходим свет очевидности, некая не сгорающая купина, которая горела бы в нем самом, чтобы он мог и сам возгореться от неё; ему необходим свет не иссякающий и ему самому внутренне доступный. Источник такого света один: это духовный опыт, в коем человеку открывается лицеизрение Божие. Отсюда – всякая подлинная, «верующая» вера, эта первая и высшая сила человеческой жизни, дающая ему свободный полёт через жизнь и смерть. Только здесь человек может обрести своего Бога и Господа и соединить себя с Ним любовью и верностью.

Только этот внутренний духовный опыт делает человекообразное существо – воистину человеком, т. е. духовной личностью, с неразложимым, священным центром, с индивидуальным характером, со способностью духовно творить и наполнять духом общественную жизнь, свободу, семью, родину, государство, частную собственность, науку и искусство. Потому что последняя основа всего этого, творческий первоисточник всей духовной культуры есть Божественное в нас, даруемое нам в откровении живым и благим Богом, воспринимаемое нами посредством любви и веры и осуществляемое нами в качестве самого главного и драгоценного в жизни.

Иными словами: вся духовная культура возникает лишь из того и благодаря тому, что человек не ограничивает себя чувственно внешним опытом, не отводит ему ни исключительного, ни хотя бы преимущественного значения, но, напротив, признаёт основным и руководящим духовный опыт, из него живёт, любит, верует и оценивает все вещи, а следовательно, им же определяет и последний смысл и высшую цель внешнего, чувственного опыта, т. е. сперва обретает «внутри себя» Божественное начало, а затем представляет ему водительство во всей внешней жизни.

Самым глубоким и могучим источником духовного опыта и религиозной веры является любовь»²¹².

²¹² Ильин, И. А. Основы христианской культуры. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – Санкт-Петербург: Шпиль, 2004. – С. 93–100.

**Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(1829–1908 гг.)**

**Православный священник,
общественный деятель.**

**В 1990-м году канонизирован
Русской Православной
Церковью в лике праведных**

«Моя жизнь во Христе»

«Если не возреть в сердце теплоты веры, то может от нерадения совсем погаснуть в нас вера; может как

бы совсем помереть для нас христианство со всеми его таинствами. Враг о том только и старается, чтобы погасить веру в сердце и привести в забвение все истины христианства. Оттого мы видим людей, которые только по одному имени христиане, а по делам совершенные язычники»²¹³.

**С.Н. Булгаков
(1871–1944 гг.)**

**Русский философ,
православный священник,
богослов, экономист**

«Два града.

**Исследования о природе
общественных идеалов»**

**Религия человекобожия
у русской интеллигенции**

«Противорелигиозное идейное течение, считающее в двоих рядах большинство прогрессивных публицистов и об-

щественных деятелей от Белинского до наших дней, усвоило себе рационалистически-атеистическое мировоззрение, которое широкой волной разлилось и составляет господствующую веру русской интеллигенции. Я не обмолвился: это неверие есть действительно вера, вера в научность, в рационализм. Масса нашей интеллигенции

²¹³ Святой Праведный Иоанн Кронштадтский *Моя жизнь во Христе.* – Москва: Центр Благо, 1999. – С. 12–13.

с необыкновенной лёгкостью в самый ранний период развития ума, отроческий или юношеский возраст, принимает догматику атеизма, усваяя ей предикат научности. Не раз было замечено, что предубеждение более удалено от истины, чем полное незнание. Относительно религии у нас существует наследственный предрассудок, что наука и философия исключают религию. Подобное мнение может объясняться только полным незнанием с научной и философской работой, которая кипела и кипит до настоящего дня по вопросам истории и философии религии, её догмы, культа, с нескончаемыми и по существу, понятно, бесконечными спорами об этих вопросах. Повторяю, наше русское неверие обычно остаётся на уровне слепой догматической веры. Эту особенность русского духовного развития, конечно, имеющую свои исторические и бытовые причины, с обычной своей пронизательностью указал Достоевский, сделавший изучение русского да и мирового атеизма как бы своей специальностью. Достоевский влагает в уста князю Мышкину (в «Идиоте»), своему alter ego²¹⁴, следующую его характеристику: «Атеистом же так легко сделаться русскому человеку, легче, чем всем остальным во всем мире! И наши не просто становятся атеистами, а непременно уверуют в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в ноль», – и, прибавляет Достоевский, происходит это «не все ведь от одних скверных, тщеславных чувств», «а из боли духовной, из жажды духовной, из тоски по высшему делу, по крепкому берегу».

«...» В чём же тут борьба и почему это драма? Духовная борьба, составляющая основную тему и основное содержание новой истории начиная с Ренессанса и особенно существенно с XVIII века, определяется усилиями культурного человечества «устроиться без Бога навсегда и окончательно», как выразился Достоевский, или «умертвить Бога», как ещё смелее выразился один из яростнейших богоубийц Ницше, свести жизнь исключительно к имманентному без всякой связи с трансцендентным, лишить землю неба, не коперниковского, холодного, астрономического неба, но Моисеева, библейского или хотя бы даже кантовского неба, престола Божия. В мыслях, в чувствах, в интимной жизни, во внешнем ее устройении, в науке, в философии идет эта борьба, столь ясно предуказанная в Евангелии и Апокалипсисе, и величайшие усилия употребляются, употреблялись и будут употребляться как для того, чтобы подорвать, так и чтобы

²¹⁴ Другое Я (лат.)

оправдать права религиозной веры. В этом смысле наша историческая эпоха не имеет себе подобной в истории, ибо всегда встречались отдельные антирелигиозные течения, но не было такого сознательного и убежденного, такого фанатического и непримиримого стремления свести человека на землю и опустошить небо. Если бы нужно было выразить духовную сущность нашей эпохи в художественном образе, в картине или в трагической мистерии, то эту картину или мистерию следовало бы назвать «Похороны Бога, или Самоубийство человечества». И в этих образах следовало бы со всей силой и наглядностью показать, на что покусается человечество и что оно над собой делает. Как бы ни размещались фигуры на этом фантастическом полотне, но одно несомненно, что общее содержание его будет не идиллия или пастораль, изображающая триумф науки и знания, и не мещанская комедия, в которой в конце концов все препятствия преодолеваются и дело кончается веселой свадьбой жениха-человечества с невестой-государством или обществом будущего, но серьезная, мучительная трагедия.

Почему же это такая трагедия, почему же похороны Бога неизбежно обращаются в похороны самих похоронщиков? Да потому, что, хороня Бога в своем сознании, они вынуждаются хоронить и божественное в своей душе, а божественное есть действительная, реальная природа человеческой души. Можно думать о себе как угодно, считать себя человековидной обезьяной, рефлексом экономических отношений, автоматической машиной, куском материи, в силу механической необходимости одаренной сознанием, – все это высказывается и высказывалось о человеке, – но вопреки всем этим мнениям он не перестаёт быть тем, чем сделали его «руки, сотворившие и создавшие его» и наделившие его запросами и свойствами высшей духовной природы. Можно убедить человека голодного, что он сыт, и даже настолько оглушить логикой аргументов, что он сочтет себя обязанным постараться этому поверить, но он будет мучиться голодом, испытывать беспокойство; можно уверять себя и других, что дикие рожки, которыми питался блудный сын на чужбине, не хуже, а лучше тельца, уготованного для него у отца, но и это не успокоит, не даст мира душе, не примирит ее ни с собой, ни с жизнью. Ибо «tu nos fecisti ad te, cor nostrum inquitum est, donecrequiescat in te»²¹⁵, как восклицает в своей «Исповеди» блаженный Августин. Человек рожден для вечности и слышит в себе голос вечности, он слышит его тонким ухом своих

²¹⁵ Ты сотворил нас по Себе, наше сердце неспокойно, пока не успокоится в тебе (лат.).

величайших мыслителей, ученых и поэтов, своим чистым сердцем праведников, творческим гением своих художников. Жить во времени для вечности, переживать в относительном абсолютное и стремиться дальше всякой данности, дальше всякого данного содержания сознания, *excelsior*²¹⁶, всегда *excelsior*, к этому призван человек, и это стремление *excelsior* само говорит о Том, Кто живет *in excelsis*²¹⁷, есть живое богооткровение в нас. Сам для себя человек потому и не может стать абсолютным, самодовлеющим, что он никогда не удовлетворится собой, своим данным состоянием, если только не ниспадет в низменную животность и не уподобится в действительности неосмысленной твари. Но вместе с тем человек сознает в себе эту силу и эту волю вмещать абсолютное содержание, расти и расширяться, становясь живым образом абсолютного, образом и подобием Божиим. Эта незаглушимая жажда высшего содержания жизни рождала и рождает религиозную веру»²¹⁸.

А.И. Осипов
(род. 1938 г.)
Советский и российский
учёный-богослов, педагог.
Доктор богословия,
заслуженный профессор

«Путь разума
в поисках истины»
Некоторые выводы

«Религия и наука – это две принципиально разные области человеческой жизнедеятельности. У них разные исходные посылки, разные цели, задачи, методы. Эти сферы могут соприкоснуться, пересекаться, но, как видим, не опровергать одна другую. В то же время, христианство исповедует двусоставность человеческого существа, нераздельное единство в нём духовной и физической природ. Обе они отвечают Божественному замыслу о человеке, и только гармоничная взаимосвязь их деятельности обеспечивает нормальный характер жизни человека. Такая жизнь предполагает

²¹⁶ Вперёд и выше (лат.).

²¹⁷ В вышних (лат.).

²¹⁸ Булгаков, С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов / С. Н. Булгаков. – Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – С. 251–253.

и «хлеб» научно-технического развития для тела, и дух религиозной жизни для души. Однако руководящим для человека всегда должно оставаться его нравственно-разумное, духовное начало.

Христианство видит в науке одно из средств познания Бога (см.: Рим. 1, 19–20). Но в первую очередь оно рассматривает её как естественный инструмент этой жизни, которым, однако, пользоваться нужно очень осмотрительно. Христианство отрицательно относится к тому, когда этот обоюдоострый и страшный по своей силе меч действует независимо от нравственных принципов Евангелия. Такая «свобода» извращает само назначение науки – служить благу и только благу человека (как гласит известная клятва Гиппократа: «Не навреди!»).

Развиваясь же независимо от духовных и нравственных принципов христианства, утратив идею Бога-Любви как верховного Принципа бытия и высшего критерия истины, и в то же время открывая огромные силы воздействия на окружающий мир и на самого человека, наука легко становится орудием разрушения и из послушного инструмента своего творца превращается в его властителя и... убийцу. Современные достижения в области физики элементарных частиц, микробиологии, медицины, военной и промышленной техники и т. д. убедительно свидетельствуют о реальной возможности такого трагического финала.

Церковь, изначально получившая Откровение о конечной Катастрофе, если человечество не покается в своём материализме, вновь и вновь напоминает: «Ум должен соблюдать меру познания, чтобы не погибнуть» (св. Каллист Катафигиот). Этой мерой в данном случае являются Евангельские принципы жизни, которые служат фундаментом для такого воспитания человека науки, при котором он, познавая мир, никогда не смог бы открывающиеся ему знания и силы использовать во зло»²¹⁹.

²¹⁹ Осипов, А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2004. – С. 179–181.

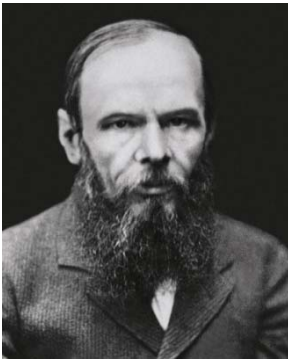
**Алексий II.
(1929–2008 гг.)
Патриарх Московский
и Всея Руси (1990–2008 гг.)**

**О религиозности
как «общем деле»**

«Наука, лишённая глубинной нравственной основы, может быть опасной и разрушительной, вести к бедствиям и безысходности. Разве не доказал XX век со всей наглядностью, что можно разрушить не только природную окружающую среду, но и человека? Ограбить и обделить его. Лишить прошлого и лишить будущего.

Источником настоящего научного творчества – в Боге. Мышление, основанное на элементарной логике, недостаточно. Оно не позволяет подступить к реальной сложности и многоцветности мира»²²⁰.

Источником настоящего научного творчества – в Боге. Мышление, основанное на элементарной логике, недостаточно. Оно не позволяет подступить к реальной сложности и многоцветности мира»²²⁰.

**Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)**

Русский писатель, мыслитель

«Братья Карамазовы»

Великий инквизитор

«Ведь вот и тут без предисловия невозможно, то есть без литературного предисловия, тьфу! – засмеялся Иван, – а какой уж я сочинитель! Видишь, действие у меня происходит в шестнадцатом столетии, а тогда, – тебе, впрочем,

это должно быть известно ещё из классов, – тогда как раз было в обычае сводить в поэтических произведениях на землю горные силы. Я уж про Данта не говорю. Во Франции судейские клерки, а тоже и по монастырям монахи давали целые представления, в которых выводили на сцену Мадонну, ангелов, святых, Христа и самого бога. Тогда всё это было очень простодушно. В «Notre Dame de Paris»²²¹ у Виктора Гюго в честь рождения французского до-

²²⁰ Мысли русских патриархов от начала до наших дней. – Москва: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. – С. 529.

²²¹ «Соборе Парижской богоматери (фр.).

фина, в Париже, при Людовике XI, в зале ратуши даётся назидательное и даровое представление народу под названием: «*Le bon jugement de la très sainte et gracieuse Vierge Marie*»,²²² где и является она сама лично и произносит свой *bon jugement*²²³. У нас в Москве, в допетровскую старину, такие же почти драматические представления, из Ветхого завета особенно, тоже совершались по временам; но, кроме драматических представлений, по всему миру ходило тогда много повестей и «стихов», в которых действовали по надобности святые, ангелы и вся сила небесная. У нас по монастырям занимались тоже переводами, списыванием и даже сочинением таких поэм, да ещё когда – в татарщину. Есть, например, одна монастырская поэмка (конечно, с греческого): «Хождение богородицы по мукам», с картинками и со смелостью не ниже дантовских. Богоматерь посещает ад, и руководит её «по мукам» архангел Михаил. Она видит грешников и мучения их. Там есть, между прочим, один презанимательный разряд грешников в горящем озере: которые из них погружаются в это озеро так, что уж и выплыть более не могут, то «тех уже забывает бог» – выражение чрезвычайной глубины и силы. И вот, поражённая и плачущая богоматерь падает пред престолом божиим и просит всем во аде помилования, всем, которых она видела там, без различия. Разговор её с богом колоссально интересен. Она умоляет, она не отходит, и когда бог указывает ей на провозжденные руки и ноги её сына и спрашивает: как я прощу его мучителей, – то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора. Кончается тем, что она вымаливает у бога остановку мук на всякий год от великой пятницы до троицына дня, а грешники из ада тут же благодарят господу и вопиют к нему: «Прав ты, господи, что так судил». Ну вот и моя поэмка была бы в том же роде, если б явилась в то время. У меня на сцене является он; правда, он ничего и не говорит в поэме, а только появляется и проходит. Пятнадцать веков уже минуло тому, как он дал обетование прийти во царствии своем, пятнадцать веков, как пророк его написал: «Се грядущи скоро». «О дне же сем и часе не знает даже и сын, токмо лишь отец мой небесный», как изрёк он и сам ещё на земле. Но человечество ждёт его с прежнею верой и с прежним

²²² «Милосердный суд пресвятой и всемилостивой девы Марии» (фр.).

²²³ Милосердный суд (фр.).

умилением. *О, с большею даже верой, ибо пятнадцать веков уже минуло с тех пор, как прекратились залого с небес человеку:*

*Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес.*

И только одна лишь вера в сказанное сердцем! Правда, было тогда и много чудес. Были святые, производившие чудесные исцеления; к иным праведникам, по жизнеописаниям их, сходила сама царица небесная. Но дьявол не дремлет, и в человечестве началось уже сомнение в правдивости этих чудес. Как раз явилась тогда на севере, в Германии, страшная новая ересь. Огромная звезда, «подобная светильнику» (то есть церкви) «пала на источники вод, и стали они горьки». Эти ереси стали богохульно отрицать чудеса. Но тем пламеннее верят оставшиеся верными. Слёзы человечества восходят к нему по-прежнему, ждут его, любят его, надеются на него, жаждут пострадать и умереть за него, как и прежде. И вот столько веков молило человечество с верой и пламенем: «Бог Господь явися нам», столько веков взывало к нему, что он, в неизмеримом сострадании своём, возжелал снизойти к молящим. Снисходил, посещал он и до этого иных праведников, мучеников и святых отшельников ещё на земле, как и записано в их «житиях». У нас Тютчев, глубоко веровавший в правду слов своих, возвестил, что

*Удручённый ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.*

Что непременно и было так, это я тебе скажу. И вот он возжелал появиться хоть на мгновенье к народу, — к мучающемуся, страдающему, смрадно-грешному, но младенчески любящему его народу. Действие у меня в Испании, в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу божью в стране ежедневно горели костры и

*В великолепных автодафе
Сжигали злых еретиков.*

О, это, конечно, было не то сошествие, в котором явится он, по обещанию своему, в конце времён во всей славе небесной и которое будет внезапно, «как молния, блистающая от востока до запада». Нет, он возжелал хоть на мгновенье посетить детей своих и именно там, где как раз затрепали костры еретиков. По безмерному милосердию своему он проходит ещё раз между людей в том самом образе человеческом, в котором ходил три года между людьми пятнадцать веков назад. Он снисходит на «стогны жаркие» южного города, как раз в котором всего лишь накануне в «великолепном автодафе», в присут-

ствии короля, двора, рыцарей, кардиналов и прелестнейших придворных дам, при многочисленном населении всей Севильи, была сожжена кардиналом великим инквизитором разом чуть не целая сотня еретиков *ad majorem gloriam Dei*²²⁴. Он появился тихо, незаметно, и вот все – странно это – узнают его. Это могло бы быть одним из лучших мест поэмы, то есть почему именно узнают его. Народ непобедимой силой стремится к нему, окружает его, нарастает кругом него, следует за ним. Он молча проходит среди их с тихою улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью. Он простирает к ним руки, благословляет их, и от прикосновения к нему, даже лишь к одеждам его, исходит целебная сила. Вот из толпы восклицает старик, слепой с детских лет: «Господи, исцели меня, да и я тебя узрю», и вот как бы чешуя сходит с глаз его, и слепой его видит. Народ плачет и целует землю, по которой идет он. Дети бросают пред ним цветы, поют и вопиют ему: «Осанна!». «Это он, это сам он, – повторяют все, – это должен быть он, это никто как он». Он останавливается на паперти Севильского собора в ту самую минуту, когда во храм вносят с плачем детский открытый белый гробик: в нём семилетняя девочка, единственная дочь одного знатного гражданина. Мертвый ребёнок лежит весь в цветах. «Он воскресит твоё дитя», – кричат из толпы плачущей матери. Вышедший навстречу гроба соборный паптер смотрит в недоумении и хмурит брови. Но вот раздаётся вопль матери умершего ребенка. Она повергается к ногам его: «Если это ты, то воскреси дитя моё!» – восклицает она, простирая к нему руки. Процессия останавливается, гробик опускают на папуть к ногам его. Он смотрит с состраданием, и уста его тихо и ещё раз произносят: «Талифа куми» – «и восста девица». Девочка подымается в гробе, садится и смотрит, улыбаясь, удивлёнными раскрытыми глазками кругом. В руках её букет белых роз, с которым она лежала в гробу. В народе смятение, крики, рыдания, и вот, в эту самую минуту, вдруг проходит мимо собора по площади сам кардинал великий инквизитор. Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впальми глазами, но из которых ещё светится, как огненная искорка, блеск. О, он не в великолепных кардинальских одеждах своих, в каких красовался вчера пред народом, когда сжигали врагов римской веры, – нет, в эту минуту он лишь в старой, грубой монашеской своей рясе. За ним в известном расстоянии следуют мрачные помощники и рабы его и «священная» стража. Он останавливается пред толпой и наблюдает издали. Он

²²⁴ К вящей славе господней (лат.).

всё видел, он видел, как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурит седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловецким огнём. Он простирает перст свой и велит стражам взять его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается перед стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на него руки и уводят его. Толпа моментально, вся как один человек, склоняется головами до земли перед старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо. Стража приводит пленника в тесную и мрачную сводчатую тюрьму в древнем здании святого судилища и запирает в неё. Проходит день, настает тёмная, горячая и «бездыханная» севильская ночь. Воздух «лавром и лимоном пахнет». Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он один, дверь за ним тотчас же запирается. Он останавливается при входе и долго, минуту или две, всматривается в лицо его. Наконец тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит ему: «Это ты? ты? – Но, не получая ответа, быстро прибавляет: – Не отвечай, молчи. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь. Да ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде. Зачем же ты пришёл нам мешать? Ибо ты пришёл нам мешать и сам это знаешь. Но знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгребать к твоему костру угли, знаешь ты это? Да, ты, может быть, это знаешь», – прибавил он в проникновенном раздумье, ни на мновение не отрываясь взглядом от своего пленника.

– Я не совсем понимаю, Иван, что это такое? – улыбнулся всё время молча слушавший Алеша, – прямо ли безбрежная фантазия или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь невозможное *qui pro quo*?²²⁵

– Прими хоть последнее, – рассмеялся Иван, – если уж тебя так разбаловал современный реализм и ты не можешь вынести ничего фантастического – хочешь *qui pro quo*, то пусть так и будет. Оно правда, – рассмеялся он опять, – старику девяносто лет, и он давно мог сойти с ума на своей идее. Пленник же мог поразить его своею наружностью. Это мог быть, наконец, просто бред, видение девяностолетнего старика пред смертью, да ещё разгоряченного вчерашним автодафе во сто сожжённых еретиков. Но не всё

²²⁵ Одно вместо другого, путаница (лат.).

ли равно нам с тобою, что *qui pro quo*, что безбрежная фантазия? Тут дело в том только, что старику надо высказаться, что наконец за все девяносто лет он высказывается и говорит вслух то, о чём все девяносто лет молчал.

– А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова? – Да так и должно быть во всех даже случаях, – опять засмеялся Иван. – Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано. Если хочешь, так в этом и есть самая основная черта римского католичества, по моему мнению по крайней мере: «всё, дескать, передано тобою папе и всё, стало быть, теперь у папы, а ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мешай до времени по крайней мере». В этом смысле они не только говорят, но и пишут, иезуиты по крайней мере. Это я сам читал у их богословов. «Имеешь ли ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришёл? – спрашивает его мой старик и сам отвечает ему за него, – нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле. Всё, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего ещё тогда, полторы тысячи лет назад. Не ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными». Но вот ты теперь увидел этих «свободных» людей, – прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой. – Да, это дело нам дорого стоило, – продолжает он, строго смотря на него, – но мы dokonчили наконец это дело во имя твоё. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили её к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?»

– Я опять не понимаю, – прервал Алёша, – он иронизирует, смеется?

– Нимало. Он именно ставит в заслугу себе и своим, что наконец-то они побороли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми. «Ибо теперь только (то есть он, конечно, говорит про инквизицию) стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? Тебя предупреждали, – говорит он ему, –

ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но ты не послушал предупреждений, ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, ты передал дело нам. Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришел нам мешать?»

– А что значит: не имел недостатка в предупреждении и указании? – спросил Алеша.

– А в этом-то и состоит главное, что старику надо высказать. «Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, – продолжает старик, – великий дух говорил с тобой в пустыне, и нам передано в книгах, что он будто бы «искушал» тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил тебе в трех вопросах, и что ты отверг, и что в книгах названо «искушениями»? А между тем если было когда-нибудь на земле совершено настоящее громовое чудо, то это в тот день, в день этих трех искушений. Именно в появлении этих трех вопросов и заключалось чудо. Если бы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примера, что три эти вопроса страшного духа бесследно утрачены в книгах и что их надо восстановить, вновь придумать и сочинить, чтоб внести опять в книги, и для этого собрать всех мудрецов земных – правителей, первосвященников, учёных, философов, поэтов – и задать им задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такие, которые мало того, что соответствовали бы размеру события, но и выражали бы сверх того, в трёх словах, в трёх только фразах человеческих, всю будущую историю мира и человечества, – то думаешь ли ты, что вся премудрость земли, вместе соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силе и по глубине тем трем вопросам, которые действительно были предложены тебе тогда могучим и умным духом в пустыне? Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трёх вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле. Тогда это не могло быть ещё так видно, ибо будущее было неизвестно, но теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что всё в этих трех вопросах до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более. Реши же сам, кто был

прав: ты или тот, который тогда вопрошал тебя? Вспомни первый вопрос; хоть и не буквально, но смысл его тот: «Ты хочешь идти в мир и идёшь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своём, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, – ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой раскалённой пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои». Но ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли, и сразится с тобою, и победит тебя, и все пойдут за ним, восклицая: «Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси!». Знаешь ли ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступление нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» – вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против тебя и которым разрушится храм твой. На месте храма твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но всё же ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней! Они отыщут нас тогда опять под землёй, в катакомбах, скрывающихся (ибо мы будем вновь гонимы и мучимы), найдут нас и возопиют к нам: «Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали». И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя твое, и солжём, что во имя твое. О, никогда, никогда без нас они не накормят себя! Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обещал им хлеб небесный, но, повторяю опять, может

ли он сравнится в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагородного людского племени с земным? И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать так ужасно им станет под конец быть свободными! Но мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твоё. Мы их обманем опять, ибо тебя мы уж не пустим к себе. В обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать. Вот что значил этот первый вопрос в пустыне, и вот что ты отверг во имя свободы, которую поставил выше всего. А между тем в вопросе этом заключалась великая тайна мира сего. Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как одиночного существа, так и целого человечества вместе – это: «пред кем преклониться?». Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение. Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе. Вот эта потребность общности преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека одиночно и как целого человечества с начала веков. Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом. Они созидали богов и взывали друг к другу: «Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим, не то смерть вам и богам вашим!». И так будет до скончания мира, даже и тогда, когда исчезнут в мире и боги: всё равно падут пред идолами. Ты знал, ты не мог не знать эту основную тайну природы человеческой, но ты отверг единственное абсолютное знамя, которое предлагалось тебе, чтобы заставить всех преклониться пред тобою бесспорно, – знамя хлеба земного, и отверг во имя свободы и хлеба небесного. Взгляни же, что сделал ты далее.

И всё опять во имя свободы! Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть. С хлебом тебе давалось бесспорное знамя: дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба, но если в то же время кто-нибудь овладеет его совестью помимо тебя – о, тогда он даже бросит хлеб твой и пойдет за тем, который обольстит его совесть. В этом ты был прав. Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы. Это так, но что же вышло: вместо того чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им её ещё больше! Или ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда – ты взял всё, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял всё, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе, – и это кто же: тот, который пришёл отдать за них жизнь свою! Вместо того чтоб овладеть людскою свободой, ты умножил её и обременил её мучениями душевное царство человека веками. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошёл он за тобою, прельщённый и пленённый тобою. Вместо твёрдого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою, – но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и твой образ и твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора? Они воскликнут наконец, что правда не в тебе, ибо невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач. Таким образом, сам ты и положил основание к разрушению своего же царства и не вини никого в этом более. А между тем то ли предлагалось тебе? Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то, и другое, и третье и сам подал пример тому. Когда страшный и премудрый дух поставил тебя на вершине храма и сказал тебе: «Если хочешь узнать, сын ли ты божий, то верзись вниз, ибо сказано про

того, что ангелы подхватят и понесут его, и не упадёт и не расшибётся, и узнаешь тогда, сын ли ты божий, и докажешь тогда, какова вера твоя в отца твоего», но ты, выслушав, отверг предложение и не поддался и не бросился вниз. О, конечно, ты поступил тут гордо и великолепно, как бог, но люди-то, но слабое бунтующее племя это – они-то боги ли? О, ты понял тогда, что, сделав лишь шаг, лишь движение броситься вниз, ты тотчас бы и искусил господя, и веру в него всю потерял, и разбился бы о землю, которую спасти пришёл, и возрадовался бы умный дух, искушавший тебя. Но, повторяю, много ли таких, как ты? И неужели ты в самом деле мог допустить хоть минуту, что и людям будет под силу подобное искушение? Так ли создана природа человеческая, чтоб отвергнуть чудо и в такие страшные моменты жизни, моменты самых страшных основных и мучительных душевных вопросов своих оставаться лишь со свободным решением сердца? О, ты знал, что подвиг твой сохранится в книгах, достигнет глубины времён и последних пределов земли, и понадеялся, что, следуя тебе, и человек останется с богом, не нуждаясь в чуде. Но ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и бога, ибо человек ищет не только бога, сколько чудес. И так как человек оставаться без чуда не в силах, то насоздаст себе новых чудес, уже собственных, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя бы он сто раз был бунтовщиком, еретиком и безбожником. Ты не сошёл с креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: «Сойди со креста и уверуем, что это ты». Ты не сошёл потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вот прошло пятнадцать веков, поди посмотри на них: кого ты вознёс до себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и ты? Столь уважая его, ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал, – и это кто же, тот, который возлюбил его более самого себя! Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его. Он слаб и подл. Что в том, что он теперь повсеместно бунтует против нашей власти и гордится, что он бунтует? Это гордость ребёнка и школьника. Это маленькие дети, взбунтовавшиеся в классе и вы-

знавшие учителя. Но придёт конец и восторгу ребятишек, он будет дорого стоить им. Они ниспровергнут храмы и зальют кровью землю. Но догадаются наконец глупые дети, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие. Обливаясь глупыми слезами своими, они сознаются наконец, что создавший их бунтовщиками, без сомнения, хотел посмеяться над ними. Скажут это они в отчаянии, и сказанное ими будет богохульством, от которого они станут ещё несчастнее, ибо природа человеческая не выносит богохульства и в конце концов сама же всегда и отмстит за него. Итак, беспокойство, смятение и несчастье – вот теперешний удел людей после того, как ты столь претерпел за свободу их! Великий пророк твой в видении и в иносказании говорит, что видел всех участников первого воскресения и что было их из каждого колена по двенадцати тысяч. Но если было их столько, то были и они как бы не люди, а боги. Они вытерпели крест твой, они вытерпели десятки лет голодной и нагой пустыни, питаясь акридами и кореньями, – и уж, конечно, ты можешь с гордостью указать на этих детей свободы, свободной любви, свободной и великолепной жертвы их во имя твое. Но вспомни, что их было всего только несколько тысяч, да и то богов, а остальные? И чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие? Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут тайна и нам не понять её. А если тайна, то и мы вправе были проповедовать тайну и учить их, что не свободное решение сердец их важно и не любовь, а тайна, которой они повиноваться должны слепо, даже мимо их совести. Так мы и сделали. Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят наконец столь страшный дар, принесший им столько муки. Правы мы были, уча и делая так, скажи? Неужели мы не любили человечества, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришёл нам мешать? И что ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Рассердись, я не хочу любви твоей, потому что сам не люблю тебя. И что мне скрывать от тебя? Или я не знаю, с кем говорю? То, что имею сказать тебе, всё тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих. И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать её из уст моих, слушай же: мы не с

тобой, а с **НИМ**, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с ним, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донныне не успели ещё привести наше дело к полному окончанию. Но кто виноват? О, дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Долго ещё ждать завершения его, и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем кесарями и тогда уже помыслим о всемирном счастье людей. А между тем ты бы мог ещё и тогда взять меч кесаря. Зачем ты отверг этот последний дар? Приняв этот третий совет могучего духа, ты исполнил бы всё, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в беспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своим стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимур и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению. Приняв мир и порфиру кесаря, основал бы всемирное царство и дал всемирный покой. Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлеба их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли тебя и пошли за ним. О, пройдут ещё века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что, начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией. Но тогда-то и приползёт к нам зверь, и будет лизать ноги наши, и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: «Тайна!». Но тогда лишь и тогда настанет для людей царство покоя и счастья. Ты гордишься своими избранниками, но у тебя лишь избранники, а мы успокоим всех. Да и так ли ещё: сколь многие из этих избранников, из могучих, которые могли бы стать избранниками, устали наконец, ожидая тебя, и понесли и ещё понесут силы духа своего и жар сердца своего на иную ниву и кончат тем, что на тебя же и воздвигнут свободное знамя своё. Но ты сам воздвиг это знамя. У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе

твоей, повсеместно. О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся. И что же, правы мы будем или солжем? Они сами убедятся, что правы, ибо вспомнят, до каких ужасов рабства и смятения доводила их свобода твоя. Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих». Получая от нас хлебы, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлебы, их же руками добытые, берём у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлебы, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших! Ибо слишком будут помнить, что прежде, без нас, самые хлебы, добытые ими, обращались в руках их лишь в камни, а когда они воротились к нам, то самые камни обратились в руках их в хлебы. Слишком, слишком оценят они, что значит раз навсегда подчиниться! И пока люди не поймут сего, они будут несчастны. Кто более всего способствовал этому непониманию, скажи? Кто раздробил стадо и рассыпал его по путям неведомым? Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже раз навсегда. Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо ты вознёс их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бесильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы и сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмём на

себя. И возьмем на себя, а нас они будут обожать как благодетелей, понесших на себе их грехи пред богом. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – всё судя по их послушанию – и они будут нам покоряться с весельем и радостью. Самые мучительные тайны их совести – всё, всё понесут они нам, и мы всё разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного. И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя твое и за гробом обряцут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною. Ибо если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они. Говорят и пророчествуют, что ты придёшь и вновь победишь, придёшь со своими избранныками, со своими гордыми и могучими, но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а мы спасли всех. Говорят, что опозорена будет блудница, сидящая на звере и держащая в руках своих тайну, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру её и обнажат её «гадкое» тело. Но я тогда встану и укажу тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред тобой и скажем: «Суди нас, если можешь и смеешь». Знай, что я не боюсь тебя. Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которую ты благословил людей, и я готовился стать в число избранных твоих, в число могучих и сильных с жаждой «восполнить число». Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые исправили подвиг твой. Я ушёл от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных. То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если то,

что пришёл нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костёр, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi»²²⁶.

Дж. Оруэлл
(настоящее имя
Эрик Артур Блэр)
(1903–1950 гг.)

«1984»

Незнание – сила

«На протяжении всей зафиксированной истории и, по-видимому, с конца неолита в мире

были люди трёх сортов: высшие, средние и низшие. Группы подразделялись самыми разными способами, носили всевозможные наименования, их численные пропорций, а также взаимные отношения от века к веку менялись; но неизменной оставалась фундаментальная структура общества. Даже после колоссальных потрясений и необратимых, казалось бы, перемен структура эта восстанавливалась, подобно тому как восстанавливает своё положение гирокосп, куда бы его ни толкнули.

– Джулия, не спишь? – спросил Уинстон.

– Нет, милый, я слушаю. Читай. Это чудесно.

Он продолжал:

Цели этих трёх групп совершенно несовместимы. Цель высших – остаться там, где они есть. Цель средних – поменяться местами с высшими; цель низших – когда у них есть цель, ибо для низших то и характерно, что они задавлены тяжким трудом и лишь от случая к случаю направляют взгляд за пределы повседневной жизни, – отметить все различия и создать общество, где все люди должны быть равны. Таким образом, на протяжении всей истории вновь и вновь вспыхивает борьба, в общих чертах всегда одинаковая. Долгое время высшие как будто бы прочно удерживают власть, но рано или поздно наступает момент, когда они теряют либо веру в себя, либо способность управлять эффективно, либо и то и другое. Тогда их свергают средние, которые привлекли низших на свою сторону тем, что разыгрывали роль борцов за свободу и справедливость. Достигнув своей цели, они сталкивают низших в прежнее рабское положение и сами становятся высшими. Тем временем новые средние отслаиваются

²²⁶ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/bratya-karamazovy/37> (дата обращения: 01.12.2023).

от одной из двух других групп или от обеих, и борьба начинается сызнова. Из трёх групп только низшим никогда не удаётся достичь своих целей, даже на время. Было бы преувеличением сказать, что история не сопровождалась материальным прогрессом. Даже сегодня, в период упадка, обыкновенный человек материально живёт лучше, чем несколько веков назад. Но никакой рост благосостояния, никакое смягчение нравов, никакие революции и реформы не приблизили человеческое равенство ни на миллиметр. С точки зрения низших, все исторические перемены значили немногим больше, чем смена хозяев.

К концу XIX века для многих наблюдателей стала очевидной повторяемость этой схемы. Тогда возникли учения, толкующие историю как циклический процесс и доказывающие, что неравенство есть неизменный закон человеческой жизни. У этой доктрины, конечно, и раньше были приверженцы, но теперь она преподносилась существенно иначе. Необходимость иерархического строя прежде была доктриной высших. Её проповедовали, короли и аристократы, а также паразитировавшие на них священники, юристы и прочие, и смягчали обещаниями награды в воображаемом загробном мире. Средние, пока боролись за власть, всегда прибегали к помощи таких слов, как свобода, справедливость и братство. Теперь же на идею человеческого братства ополчились люди, которые ещё не располагали властью, а только надеялись вскоре её захватить. Прежде средние устраивали революции под знаменем равенства и, свергнув старую тиранию, немедленно устанавливали новую. Теперь средние фактически провозгласили свою тиранию заранее. Социализм – теория, которая возникла в начале XIX века и явилась последним звеном в идейной традиции, ведущей начало от восстаний рабов в древности, – был ещё весь пропитан утопическими идеями прошлых веков. Однако все варианты социализма, появившиеся после 1900 года, более или менее открыто отказывались считать своей целью равенство и братство. Новые движения, возникшие в середине века, – англо-соц в Океании, необольшевизм в Евразии и культ смерти, как его принято называть, в Остзии ставили себе целью увековечение не-свободы и неравенства. Эти новые движения родились, конечно, из прежних, сохранили их названия и на словах оставались верными их идеологии, но целью их было в нужный момент остановить развитие и заморозить историю. Известный маятник должен качнуться ещё раз – и застыть. Как обычно, высшие будут свергнуты средними, и те сами станут высшими; но на этот раз благодаря продуманной стратегии высшие сохраняют своё положение навсегда.

Возникновение этих новых доктрин отчасти объясняется накоплением исторических знаний и ростом исторического мыш-

ления, до XIX века находившегося в зачаточном состоянии. Циклический ход истории стал понятен или представился понятным, а раз он понятен, значит, на него можно воздействовать. Но основная, глубинная предпосылка заключалась в том, что уже в начале XX века равенство людей стало технически осуществимо. Верно, разумеется, что люди по-прежнему не были равны в отношении природных талантов и разделение функций ставило бы одного человека в более благоприятное положение, чем другого; отпала, однако, нужда в классовых различиях и в большом материальном неравенстве. В прошлые века классовые различия были не только неизбежны, но и желательны. За цивилизацию пришлось платить неравенством. Но с развитием машинного производства ситуация изменилась. Хотя люди по-прежнему должны были выполнять неодинаковые работы, исчезла необходимость в том, чтобы они стояли на разных социальных и экономических уровнях. Поэтому с точки зрения новых групп, готовившихся захватить власть, равенство людей стало уже не идеалом, к которому надо стремиться, а опасностью, которую надо предотвратить. В более примитивные времена, когда справедливое и мирное общество нельзя было построить, в него легко было верить. Человека тысячами преследовала мечта о земном рае, где люди будут жить по-братски, без законов и без тяжкого труда. Видение это влияло даже на те группы, которые выигрывали от исторических перемен. Наследники английской, французской и американской революций отчасти верили в собственные фразы о правах человека, о свободе слова, о равенстве перед законом и т. п. и до некоторой степени даже подчиняли им своё поведение. Но к четвёртому десятиетию XX века все основные течения политической мысли были уже авторитарными. В земном рае разуверились именно тогда, когда он стал осуществим. Каждая новая политическая теория, как бы она ни именовалась, звала назад, к иерархии и регламентации. И в соответствии с общим ужесточением взглядов, обозначившимся примерно к 1930 году, возродились давно (иногда сотни лет назад) оставленные обычаи – тюремное заключение без суда, рабский труд военнопленных, публичные казни, пытки, чтобы добиться признания, взятие заложников, выселение целых народов; мало того: их терпели и даже оправдывали люди, считавшие себя просвещёнными и прогрессивными.

Должно было пройти ещё десятилетие, полное войн, гражданских войн, революций и контрреволюций, чтобы англо-американские конкуренты оформились как законченные политические теории. Но у них были провозвестники – разные системы, возникшие ранее в

этом же веке и в совокупности именуемые тоталитарными; давно были ясны и очертания мира, который рождается из наличного хаоса. Кому предстоит править этим миром, было столь же ясно. Новая аристократия составила в основном из бюрократов, учёных, инженеров, профсоюзных руководителей, специалистов по обработке общественного мнения, социологов, преподавателей и профессиональных политиков. Этим людей, по происхождению служащих и верхний слой рабочего класса, сформировал и свёл вместе выхолощенный мир монополистической промышленности и централизованной власти. По сравнению с аналогичными группами прошлых веков они были менее алчны, менее склонны к роскоши, зато сильнее жаждали чистой власти, а самое главное, отчётливее сознавали, что они делают, и настойчивее стремились сокрушить оппозицию. Это последнее отличие оказалось решающим. Рядом с тем, что существует сегодня, все тираны прошлого выглядели бы нерешительными и расхлябанными. Правящие группы всегда были более или менее заражены либеральными идеями, всюду оставляли люфт, реагировали только на явные действия и не интересовались тем, что думают их подданные. По сегодняшним меркам даже католическая церковь средневековья была терпимой. Объясняется это отчасти тем, что прежде правительства не могли держать граждан под постоянным надзором. Когда изобрели печать, стало легче управлять общественным мнением; радио и кино позволили шагнуть в этом направлении ещё дальше. А с развитием телевизионной техники, когда стало возможно вести приём и передачу одним аппаратом, частной жизни пришёл конец. Каждого гражданина, по крайней мере каждого, кто по своей значительности заслуживает слежки, можно круглые сутки держать под полицейским наблюдением и круглые сутки питать официальной пропагандой, перекрыв все остальные каналы связи. Впервые появилась возможность добиться не только полного подчинения воле государства, но и полного единства мнений по всем вопросам.

После революционного периода 50–60-х годов общество, как всегда, расслоилось на высших, средних и низших. Но новые высшие в отличие от своих предшественников действовали не по наитию: они знали, что надо делать, дабы сохранить своё положение. Давно стало понятно, что единственная надёжная основа для олигархии – коллективизм. Богатство и привилегии легче всего защитить, когда ими владеют сообща. Так называемая отмена частной собственности, осуществленная в середине века, на самом деле означала сосредоточение собственности в руках у гораздо более узкой группы – но

с той разницей, что теперь собственницей была группа, а не масса индивидуумов. Индивидуально ни один член партии не владеет ничем, кроме небольшого личного имущества. Коллективно партия владеет в Океании всем, потому что она всем управляет и распоряжается продуктами так, как считает нужным. В годы после революции она смогла занять господствующее положение почти беспрепятственно потому, что процесс шёл под флагом коллективизации. Считалось, что, если класс капиталистов лишит собственности, наступит социализм; и капиталистов, несомненно, лишили собственности. У них отняли все – заводы, шахты, землю, дома, транспорт; а раз всё это перестало быть частной собственностью, значит, стало общественной собственностью. Ангсоц, выросший из старого социалистического движения и унаследовавший его фразеологию, в самом деле выполнил главный пункт социалистической программы – с результатом, который он предвидел и к которому стремился: экономическое неравенство было закреплено навсегда.

Но проблемы увековечения иерархического общества этим не исчерпываются. Правящая группа теряет власть по четырём причинам. Либо её победил внешний враг, либо она правит так немело, что массы поднимают восстание, либо она позволила образоваться сильной и недовольной группе средних, либо потеряла уверенность в себе и желание править. Причины эти не изолированные; обычно в той или иной степени сказываются все четыре. Правящий класс, который сможет предохраниться от них, удержит власть навсегда. В конечном счёте решающим фактором является психическое состояние самого правящего класса.

В середине нынешнего века первая опасность фактически исчезла. Три державы, поделившие мир, по сути дела, непобедимы и ослабеть могут только за счёт медленных демографических изменений; однако правительству с большими полномочиями легко их предотвратить. Вторая опасность – тоже всего лишь теоретическая. Массы никогда не восстают сами по себе и никогда не восстают только потому, что они угнетены. Больше того, они даже не сознают, что угнетены, пока им не дали возможности сравнить. В повторявшихся экономических кризисах прошлого не было никакой нужды, и теперь их не допускают: могут происходить и происходят другие столь же крупные неурядицы, но политических последствий они не имеют, потому что не оставлено никакой возможности выразить недовольство во внятной форме. Что же до проблемы перепроизводства, подспудно зревшей в нашем обществе с тех пор, как развилась машинная техника, то она решена при помощи непрерывной войны (см. главу 3), которая полезна ещё и в том отношении, что позволяет подогреть общественный дух.

Таким образом, с точки зрения наших нынешних правителей, подлинная опасность – это образование новой группы способных, не полностью занятых, рвущихся к власти людей и рост либерализма и скептицизма в их собственных рядах. Иначе говоря, проблема стоит воспитательная. Это проблема непрерывной формовки сознания направляющей группы и более многочисленной исполнительской группы, которая помещается непосредственно под ней. На сознание масс достаточно воздействовать лишь в отрицательном плане.

Из сказанного выше нетрудно вывести – если бы кто не знал её – общую структуру государства Океания. Вершина пирамиды – Старший Брат. Старший Брат непогрешим и всемогущ. Каждое достижение, каждый успех, каждая победа, каждое научное открытие, все познания, вся мудрость, всё счастье, вся доблесть – непосредственно истекают из его руководства и им вдохновлены. Старшего Брата никто не видел. Его лицо – на плакатах, его голос – в телекране. Мы имеем все основания полагать, что он никогда не умрёт, и уже сейчас существует значительная неопределённость касательно даты его рождения. Старший Брат – это образ, в котором партия желает предстать перед миром. Назначение его – служить фокусом для любви, страха и почитания, чувств, которые легче обратить на отдельное лицо, чем на организацию. Под Старшим Братом – внутренняя партия; численность её ограничена шестью миллионами – это чуть меньше двух процентов населения Океании. Под внутренней партией – внешняя партия; если внутреннюю уподобить мозгу государства, то внешнюю можно назвать руками. Ниже – бессловесная масса, которую мы привычно именуем «пролами»; они составляют, по-видимому, восемьдесят пять процентов населения. По нашей прежней классификации пролы – низшие, ибо рабское население экваториальных областей, переходящее от одного завоевателя к другому, нельзя считать постоянной и необходимой частью общества.

В принципе принадлежность к одной из этих трёх групп не является наследственной. Ребёнок членов внутренней партии не принадлежит к ней по праву рождения. И в ту и в другую часть партии принимают после экзамена в возрасте шестнадцати лет. В партии нет предпочтений ни по расовому, ни по географическому признаку. В самых верхних эшелонах можно встретить и еврея, и негра, и латиноамериканца, и чистокровного индейца; администраторов каждой области набирают из этой же области. Ни в одной части Океании жители не чувствуют себя колониальным народом, которым управляют из далекой столицы. Столицы в Океании нет: где

находится номинальный глава государства, никто не знает. За исключением того, что в любой части страны можно объясниться на английском, а официальный язык её – новояз, жизнь никак не централизована. Правители соединены не кровными узами, а приверженностью к доктрине. Конечно, общество расслоено, причём весьма чётко, и на первый взгляд расслоение имеет наследственный характер. Движения вверх и вниз по социальной лестнице гораздо меньше, чем было при капитализме и даже в доиндустриальную эпоху. Между двумя частями партии определённый обмен происходит – но лишь в той мере, в какой необходимо избавиться от слабых во внутренней партии и обезопасить честолюбивых членов внешней, дав им возможность повышения. Пролетариям дорога в партию практически закрыта. Самые способных – тех, кто мог бы стать катализатором недовольства, – полиция мыслей просто берёт на заметку и устраняет. Но такое положение дел не принципиально для строя и не является неизменным. Партия – не класс в старом смысле слова. Она не стремится завещать власть своим детям как таковым; и если бы не было другого способа собрать наверху самых способных, она не колеблясь набрала бы целое новое поколение руководителей в среде пролетариата. То, что партия не наследственный корпус, в критические годы очень помогло нейтрализовать оппозицию. Социализм старого толка, приученный бороться с чем-то, называвшимся «классовыми привилегиями», полагал, что ненаследственное не может быть постоянным. Он не понимал, что преемственность олигархии обязательно должна быть биологической, и не задумывался над тем, что наследственные аристократии всегда были недолговечны, тогда как организации, основанные на наборе, – католическая церковь, например, – держались сотни, а то и тысячи лет. Суть олигархического правления не в наследной передаче от отца к сыну, а в стойкости определённого мировоззрения и образа жизни, диктуемых мёртвыми живым. Правящая группа – до тех пор правящая группа, пока она в состоянии назначать наследников. Партия озабочена не тем, чтобы увековечить свою кровь, а тем, чтобы увековечить себя. Кто облечён властью – не важно, лишь бы иерархический строй сохранялся неизменным.

Все верования, обычаи, вкусы, чувства, взгляды, свойственные нашему времени, на самом деле служат тому, чтобы поддержать таинственный ореол вокруг партии и скрыть подлинную природу нынешнего общества. Ни физический бунт, ни даже первые шаги к бунту сейчас невозможны. Пролетариев бояться нечего. Предоставленные самим себе, они из поколения в поколение, из века в век будут всё так же работать, плодиться и умирать, не только не

покушаясь на бунт, но даже не представляя себе, что жизнь может быть другой. Опасными они могут стать только в том случае, если прогресс техники потребует, чтобы им давали лучшее образование; но, поскольку военное и коммерческое соперничество уже не играет роли, уровень народного образования фактически снижается. Каких взглядов придерживаются массы и каких не придерживаются – безразлично. Им можно предоставить интеллектуальную свободу, потому что интеллекта у них нет. У партийца же, напротив, малейшее отклонение во взглядах, даже по самому маловажному вопросу, считается нетерпимым.

Член партии с рождения до смерти живёт на глазах у полиции мыслей. Даже оставшись один, он не может быть уверен, что он один. Где бы он ни был, спит он или бодрствует, работает или отдыхает, в ванне ли, в постели – за ним могут наблюдать, и он не будет знать, что за ним наблюдают. Небезразличен ни один его поступок. Его друзья, его развлечения, его обращение с женой и детьми, выражение лица, когда он наедине с собой, слова, которые он бормочет во сне, даже характерные движения тела – всё это тщательно изучается. Не только поступок, но любое, пусть самое невинное чудачество, любая новая привычка и нервный жест, которые могут оказаться признаками внутренней неурядицы, непременно будут замечены. Свободы выбора у него нет ни в чём. С другой стороны, его поведение не регламентируется законом или четкими нормами. В Океании нет закона. Мысли и действия, караемые смертью (если их обнаружили), официально не запрещены, а бесконечные чистки, аресты, посадки, пытки и распыления имеют целью не наказать преступника, а устранить тех, кто мог бы когда-нибудь в будущем стать преступником. У члена партии должны быть не только правильные воззрения, но и правильные инстинкты. Требования к его взглядам и убеждениям зачастую не сформулированы в явном виде – их и нельзя сформулировать, не обнажив противоречивости, свойственной ангсоцу. Если человек от природы правоверен (благомыслящий на новоязе), он при всех обстоятельствах, не задумываясь, знает, какое убеждение правильно и какое чувство желательно. Но в любом случае тщательная умственная тренировка в детстве, основанная на новоязовских словах самоотпор, белочерный и двоемыслие, отбивает у него охоту глубоко задумываться над какими бы то ни было вопросами.

Партийцу не положено иметь никаких личных чувств и никаких перерывов в энтузиазме. Он должен жить в постоянном неистовстве – ненавядя внешних врагов и внутренних изменников, торжествуя очередную победу, преклоняясь перед могуществом и мудростью партии.

Недовольство, порожденное скудной и безрадостной жизнью, планомерно направляют на внешние объекты и рассеивают при помощи таких приемов, как двухминутка ненависти, а мысли, которые могли бы привести к скептическому или мятежному расположению духа, убиваются в зародыше воспитанной сызмала внутренней дисциплиной. Первая и простейшая ступень дисциплины, которую могут усвоить даже дети, называется на новоязе самостоп. Самостоп означает как бы инстинктивное умение остановиться на пороге опасной мысли. Сюда входит способность не видеть аналогий, не замечать логических ошибок, неверно истолковывать даже простейший довод, если он враждебен ангсоцу, испытывать скуку и отвращение от хода мыслей, который может привести к ереси. Короче говоря, самостоп означает спасительную глупость. Но глупости недостаточно. Напротив, от правоверного требуется такое же владение своими умственными процессами, как от человека-змеи в цирке – своим телом. В конечном счете строй зиждется на том убеждении, что Старший Брат всемогущ, а партия непогрешима. Но поскольку Старший Брат не всемогущ и непогрешимость партии не свойственна, необходима неустанная и ежеминутная гибкость в обращении с фактами. Ключевое слово здесь – белочерный. Как и многие слова новояза, оно обладает двумя противоположными значениями. В применении к оппоненту оно означает привычку бесстыдно утверждать, что черное – это белое, вопреки очевидным фактам. В применении к члену партии – благонамеренную готовность назвать черное белым, если того требует партийная дисциплина. Но не только назвать: еще и верить, что черное – это белое, больше того, знать, что черное – это белое, и забыть, что когда-то ты думал иначе. Для этого требуется непрерывная переделка прошлого, которую позволяет осуществлять система мышления, по сути, охватывающая все остальные и именуемая на новоязе двоемыслием.

Переделка прошлого нужна по двум причинам. Одна из них, второстепенная и, так сказать, профилактическая, заключается в следующем. Партиец, как и пролетарий, терпит нынешние условия отчасти потому, что ему не с чем сравнить. Он должен быть отрезан от прошлого так же, как от зарубежных стран, ибо ему надо верить, что он живет лучше предков и что уровень материальной обеспеченности неуклонно повышается. Но несравненно более важная причина для исправления прошлого – в том, что надо охранять непогрешимость партии. Речи, статистика, всевозможные документы должны подгоняться под сегодняшний день для доказательства того, что предсказания партии всегда

были верны. Мало того: нельзя признавать никаких перемен в доктрине и политической линии. Ибо изменить воззрения или хотя бы политику – это значит признаться в слабости. Если, например, сегодня враг – Евразия (или неважно, кто), значит, она всегда была врагом. А если факты говорят обратное, тогда факты надо изменить. Так непрерывно переписывается история. Эта ежедневная подчистка прошлого, которой занято министерство правды, так же необходима для устойчивости режима, как репрессивная и шпионская работа, выполняемая министерством любви.

Изменчивость прошлого – главный догмат англофашизма. Утверждается, что события прошлого объективно не существуют, а сохраняются только в письменных документах и в человеческих воспоминаниях. Прошлое есть то, что согласуется с записями и воспоминаниями. А поскольку партия полностью распоряжается документами и умами своих членов, прошлое таково, каким его желает сделать партия. Отсюда же следует, что, хотя прошлое изменчиво, его ни в какой момент не меняли. Ибо если оно воссоздано в том виде, какой сейчас надобен, значит, эта новая версия и есть прошлое и никакого другого прошлого быть не могло. Сказанное справедливо и тогда, когда прошлое событие, как нередко бывает, меняется до неузнаваемости несколько раз в год. В каждое мгновение партия владеет абсолютной истиной; абсолютное же очевидно не может быть иным, чем сейчас. Понятно также, что управление прошлым прежде всего зависит от тренировки памяти. Привести все документы в соответствие с требованиями дня – дело чисто механическое. Но ведь необходимо и помнить, что события происходили так, как требуется. А если необходимо переиначить воспоминания и подделать документы, значит, необходимо забыть, что это сделано. Этому фокусу можно научиться так же, как любому методу умственной работы. И большинство членов партии (а умные и правозверные – все) ему научаются. На старом языке это прямо называют «покорением действительности». На новом языке – двоемыслием, хотя двоемыслие включает в себя и многое другое.

Двоемыслие означает способность одновременно держаться двух противоположных убеждений. Партийный интеллигент знает, в какую сторону менять свои воспоминания; следовательно, сознает, что мошенничает с действительностью; однако при помощи двоемыслия он уверяет себя, что действительность осталась неприкосновенна. Этот процесс должен быть сознательным, иначе его не осуществишь аккуратно, но должен быть и бессознательным, иначе возникнет ощущение лжи, а значит, и вины. Двоемыслие – душа англофашизма, поскольку партия пользуется

намеренным обманом, твердо держа курс к своей цели, а это требует полной честности. Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, – все это абсолютно необходимо. Даже пользуясь словом «двоемыслие», необходимо прибегать к двоемыслию. Ибо, пользуясь этим словом, ты признаешь, что мошенничаешь с действительностью; еще один акт двоемыслия – и ты стер это в памяти; и так до бесконечности, причем ложь все время на шаг впереди истины. В конечном счете именно благодаря двоемыслию партии удалось (и кто знает, еще тысячи лет может удаваться) остановить ход истории.

Все прошлые олигархии лишились власти либо из-за окостенения, либо из-за дряблости. Либо они становились тупыми и самонадеянными, переставали приспосабливаться к новым обстоятельствам и рушились, либо становились либеральными и трусливыми, шли на уступки, когда надо было применить силу, – и опять-таки рушились. Иначе говоря, губила их сознательность или, наоборот, атрофия сознания. Успехи партии зиждутся на том, что она создала систему мышления, где оба состояния существуют одновременно. И ни на какой другой интеллектуальной основе ее владычество нерушимым быть не могло. Тому, кто правит и намерен править дальше, необходимо умение искажать чувство реальности. Ибо секрет владычества в том, чтобы вера в свою непогрешимость сочеталась с умением учиться на прошлых ошибках.

Излишне говорить, что тоньше всех владеют двоемыслием те, кто изобрел двоемыслие и понимает его как грандиозную систему умственного надувательства. В нашем обществе те, кто лучше всех осведомлен о происходящем, меньше всех способны увидеть мир таким, каков он есть. В общем, чем больше понимания, тем сильнее иллюзии: чем умнее, тем безумнее. Наглядный пример – военная истерия, нарастающая по мере того, как мы поднимаемся по социальной лестнице. Наиболее разумное отношение к войне – у покоренных народов на спорных территориях. Для этих народов война – просто нескончаемое бедствие, снова и снова прокатывающееся по их телам, подобно цунами. Какая сторона побеждает, им безразлично. Они знают, что при новых властителях будут делать прежнюю работу и обращаться с ними будут так же, как прежде. Находящиеся в чуть лучшем положении рабочие, которых мы называем «пролами», замечают войну лишь время от времени. Когда надо, их можно возбудить до иступленного гнева или

страха, но, предоставленные самим себе, они забывают о ведущейся войне надолго. Подлинный военный энтузиазм мы наблюдаем в рядах партии, особенно внутренней партии. В завоевание мира больше всех верят те, кто знает, что оно невозможно. Это причудливое сцепление противоположностей – знания с невежеством, циничности с фанатизмом – одна из отличительных особенностей нашего общества. Официальное учение изобилует противоречиями даже там, где в них нет реальной нужды. Так, партия отвергает и чернит все принципы, на которых первоначально стоял социализм, – и занимается этим во имя социализма. Она проповедует презрение к рабочему классу, невиданное в минувшие века, – и одевает своих членов в форму, некогда привычную для людей физического труда и принятую именно по этой причине. Она систематически подрывает сплоченность семьи – и зовет своего вождя именем, прямо апеллирующим к чувству семейной близости. Даже в названиях четырех министерств, которые нами управляют, – беззастенчивое опрокидывание фактов. Министерство мира занимается войной, министерство правды – ложью, министерство любви – пытками, министерство изобилия морит голодом. Такие противоречия не случайны и происходят не просто от лицемерия: это двоемыслие в действии. Ибо лишь примирение противоречий позволяет удерживать власть неограниченно долго. По-иному извечный цикл прервать нельзя. Если человеческое равенство надо навсегда сделать невозможным, если высшие, как мы их называем, хотят сохранить свое место навеки, тогда господствующим душевным состоянием должно быть управляемое безумие.

Но есть один вопрос, который мы до сих пор не затрагивали. Почему надо сделать невозможным равенство людей? Допустим, механика процесса описана верно – каково же все-таки побуждение к этой колоссальной, точно спланированной деятельности, направленной на то, чтобы заморозить историю в определенной точке?

Здесь мы подходим к главной загадке. Как мы уже видели, мистический ореол вокруг партии, и прежде всего внутренней партии, обусловлен двоемыслием. Но под этим кроется исходный мотив, неисследованный инстинкт, который привел сперва к захвату власти, а затем породил и двоемыслие, и полицию мыслей, и постоянную войну, и прочие обязательные принадлежности строя. Мотив этот заключается...»²²⁷.

²²⁷ Оруэлл, Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – Москва: Астрель, 2012. – С. 185–201.

**«Философский
энциклопедический словарь»**

«Религия»

«Религия (от лат. religio – благочестие, набожность, святость) – мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение, определяемое верой в существование Бога, божества; чувство связанности, зависимости и долженствования по отношению к тайной силе, дающей опору и достойной поклонения. Особенности различных религий должны быть выведены из специфических душевных и народно-психологических особенностей исповедующих религию людей; эти особенности наиболее ярко могут обнаруживаться в различных представлениях о божестве, которые они себе составляют»²²⁸.

**«Философский
энциклопедический словарь»**

«Вера»

«Принятие чего-либо за истину, не нуждающееся в необходимом полном подтверждении истинности принятого со стороны чувств и разума и, следовательно, не могущее претендовать на объективную значимость»²²⁹.

²²⁸ Философский энциклопедический словарь. – Москва: Инфра-М, 1997. – С. 391.

²²⁹ Философский энциклопедический словарь. – Москва: Инфра-М, 1997. – С. 64

**«Философский
энциклопедический словарь»**

«Вера»

«Состояние субъекта, тесно связанное с духовным миром личности, возникающее на основе определённой информации об объекте, выраженной в идеях или образах, сопровождающееся эмоцией уверенности и рядом других чувств и служащее мотивом, стимулом,

установкой и ориентиром человеческой деятельности.

Вера является необходимым элементом индивидуального и общественного сознания, важным моментом деятельности людей. Объекты веры – факты, явления, тенденции развития природной и социальной действительности – не даны субъекту чувственно и выступают лишь в виде возможности. При этом объект веры представляется существующим в действительности, образно, эмоционально. В качестве субъекта веры может выступать индивид, социальная группа и общество в целом. Вера отражает не только объект, но главным образом отношение к нему субъекта, а тем самым и общественное бытие субъекта, его потребности и интересы»²³⁰.

«Психологический словарь»

«Вера»

«Убеждённость, уверенность в чём-либо, не требующая доказательств, в сочетании с правом на уверенность в этом убеждении, основанная на личном и intersubъективном опыте, доверии авторитету, а также доводах разума»²³¹.

²³⁰ Философский словарь. – Москва: Политиздат, 1987. – С. 61.

²³¹ Психологический словарь. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2006. – С. 134.

**Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(1829–1908 гг.)**

**Православный священник,
общественный деятель.
В 1990-м году канонизирован
Русской Православной
Церковью в лике праведных**

«Моя жизнь во Христе»

«Как через электрический телеграф мы быстро сообщаемся с отдалёнными от нас лицами, так через живую веру, как через какой-либо телеграф, мы быстро сообщаемся с Богом, Ангелами и святыми. Как вполне мы полагаемся на быстроту электрического тока и его доходчивость, так совершенно должны полагаться на быстроту и доходчивость молитвы веры. Пусть по телеграфу веры прошение своё к Богу или святым и немедленно получишь ответ. Просты ответные показания телеграфа, но опытные читают их; просты и действия на сердце Бога духов и всякой плоти и святых, но опытный понимает их»²³².

**Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(1829–1908 гг.)**

**Православный священник,
общественный деятель.
В 1990-м году канонизирован
Русской Православной
Церковью в лике праведных**

«Моя жизнь во Христе»

«Когда сердце наше покрывается мраком сатанинским, мраком страстей, тогда оно отрицает Бога, хотя бы следовало, как и должно, отрицать свет самого сердца; оно помрачилось, потому смежило духовные очи свои, не видит Бога, а не то, что Бога нет. «Рече безумен в сердце своем: несть Бог» (Пс. 13, 1). Воистину безумен»²³³.

²³² Святой Праведный Иоанн Кронштадтский *Моя жизнь во Христе*. – Москва: Центр Благо, 1999. – С. 725.

²³³ Святой Праведный Иоанн Кронштадтский *Моя жизнь во Христе*. – Москва: Центр Благо, 1999. – С. 724.

**Алексий II.
(1929–2008 гг.)
Патриарх Московский
и Всея Руси (1990–2008 гг.)**

**О воле Божией
и человеческой**

«Бог действует в человеческой жизни там, где человек оставляет ему место для Его действия и Его воли. Человеческая воля должна «потесниться», должна отказаться от самочиния и соединиться с влей Божией.

Так в человеке голос его совести действителен, лишь если воля человека послушна велениям совести»²³⁴.

**С.Н. Булгаков
(1871–1944 гг.)
Русский философ,
православный священник,
богослов, экономист**

«Два града.

**Исследования о природе
общественных идеалов»
Религия человекобожия
у русской интеллигенции**

«Упразднив религию Бога, человечество старается изобрести новую религию, причём ищет божеств для неё в себе и кругом себя, внутри и вне; пробуются поочередно: религия разума (культ разума во время великой французской революции), религия человечества Конта и Фейербаха, религия социализма, религия чистой человечности, религия сверхчеловека в новое время и т. д. В душе человечества, теряющего Бога, должна непременно образоваться страшная пустота, ибо оно может принять ту или иную доктрину, но не может заглушить в себе голоса вечности, жажды абсолютного содержания жизни. И, погасив солнце, оно стремится удержать свет и тепло, делает судорожные усилия к

²³⁴ Мысли русских патриархов от начала до наших дней. – Москва: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. – С. 528.

тому, чтобы спасти и удержать божественное и заполнить пустоту новыми богами, но зыбкая почва проваливается под ногами, и духовная атмосфера становится всё напряжённее и тяжелее. В высшей степени трогательна эта борьба человечества за духовное своё существование и мучительные его усилия искать твердую почву то там, то здесь.

В «Деяниях Апостольских» есть приснопамятный рассказ о проповеди ап. Павла в Афинах, этом Париже древнего мира, средоточии наук и искусств, философов, ученых и художников. Этот город был полон идолов, как и наша культура, так что и великий апостол «возмутился духом» при виде их. Однако, он усмотрел среди этих алтарей жертвенник с надписью «Неведомому Богу», которая и послужила внешней темой его проповеди. Следует искать, по примеру апостола, такого жертвенника в современных Афинах, и, конечно, можно найти его и здесь и под покровом отрицательных слов и разрушительных идей усмотреть тлеющую искру веры и благочестивый жертвенник. Если спросить себя, чем живет современный человек, во что он уверовал вместо Бога, ну хотя если спросить среднего русского студента или взрослого гимназиста из «сознательных», то, конечно, он тотчас ответит: хочу приносить пользу человечеству, затем, подумав, прибавит: выработав себе научное мировоззрение. Вера в прогресс, в науку, в возможность разрешить все жизненные противоречия в историческом развитии науки и человечества составляет несложный катехизис современного человека. Это – общее, а затем начинаются частности, различия: с.-р., с.-д., к.-д. (и другие комбинации букв). В основу его положен догмат веры в разум, всесилие науки. Однако совместима ли эта вера в разум с общим учением о человеке как двуногом животном, которое в силу случайности, игры материальных атомов и борьбы за существование достигло теперешнего состояния, а в будущем имеет достигнуть еще большего? Откуда у этого «оципанного петуха», как определил человека философский нигилист-циник Диоген, берётся разум и наука и на чем опирается такая вера в них? Что есть истина, которую хочет познавать наука?

Этот пилатовский вопрос, обращенный к Тому, Кто сказал о Себе: «Я Путь, Истина и Жизнь», к самому божественному Логосу, звучит на всю историю человечества и не находит ответа иначе, как в связи с религиозной верой. Как возможна наука и знание законов мира? Вот вопрос, поставленный человечеству критической философией в лице Канта. Как и почему комочек материи,

хотя и известным образом организованной, может познавать вселенную, воспроизводя ее в себе идеально? Что это за таинственная сила идеальной репродукции? Иногда отмахиваются от этих вопросов ссылкой на завоевания науки: да разве современная техника не свидетельствует о силе ума и знания?

Но ответить так – значит неизвестное подтверждать известным, отодвигать проблему, и не требует ли в таком случае уже самый этот факт объяснения? Орган познания – головной мозг с нервной системой – и функция познания настолько несоизмеримы и несоответственны между собой, что говорить о познании мозгом и нервами мира и его законов – значит, впасть не только в мистическую, но прямо мифологическую бессмыслицу или же утверждать громовое чудо, которого вообще не допускают представители новейшей науки. Одно из двух: или человек действительно есть такое ничтожество, ком грязи, каким его изображает материалистическая философия, но тогда непонятны эти притязания на разум, науку; или же человек есть богоподобное существо, сын вечности, носитель божественного духа, и возможность научного познания объясняется именно этой природой человека. Очевидно, что достоинство науки и ее права не ограничиваются, а только утверждаются религиозным учением о человеке, а вместе с устранением последнего подрывается и первое. Наука принципиально опирается на религию, а не противоречит ей, как это странным образом сложилось в современных представлениях. Рассматривая же разум и науку как продукт и орудие борьбы за существование при свете своеобразно понятого дарвинизма, мы должны окончательно развенчать их. Если сила и значение научной истины только в полезности, как говорят дарвинисты в биологии и в гносеологии, то откуда взяли, что истина всегда полезна и что не полезнее иногда, а может быть и всегда, заблуждение? Это сомнение, высказанное Ницше и повторенное в некоторых сочинениях по теории познания, нечем обессилить. «Нет ничего более нездорового, чем мышление», – вырвалось у О. Уайльда; вслед за греческими софистами он вместе с другими модернистами считает возможным «всё доказывать», ничего не считая истиной, подсмеиваясь над тяжеловесным благочестивым отношением к науке. Науке приставляют к горлу нож, ею же отточенный, надвигается кризис научного и философского сознания, сходный с кризисом, пережитым античным миром, и не придется ли еще науке искать опоры у гонимой ею теперь религии? Назревающий кризис науки, софистико-пилатовский скептицизм, быть

может, яснее установит действительное отношение между религией и наукой, которое создавалось и всегда великими учеными и мыслителями, но не понималось полнаукой. Наука сама основывается на вере в разум, в единство разумного начала в микрокосме и макрокосме, на религиозном и благочестивом признании ценности истины и любви к ней.

В новое время часто раздаются голоса о кризисе и даже банкротстве науки, причем иногда эти утверждения выставляются как аргументы в пользу веры. Я считаю эти сетования и эти утверждения совершенно немотивированными и вижу в них род недоразумения. Наука жива и здорова и, конечно, будет жить и здравствовать. *Vivat, crescat, floreat!*²³⁵ Под кризисом науки разумеется обыкновенно утрата ею совершенно не принадлежащей ей компетенции, ее универсалистических притязаний, которые ей приписываются лишь теми, кто хотел религиозную веру заменить наукой. Задачи и значение науки вполне относительны и ограничены: она имеет дело с определенным (логически и философски) кругом проблем опытного (в кантовском смысле) знания, причем она способна к бесконечному прогрессу по самой своей идее; горизонт постоянно отходит перед нею, новое знание раздвигает шире область незнания, но остров знания по-прежнему окружен морем тайны и вечности, по слову поэта:

*Как океан объемлет шар земной,
Так наша жизнь кругом объята снами,
Настанет ночь – и звучным волнами
Стихия бьёт о берег свой.*

*То глас её: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растёт и быстро нас уносит
В неизмеримость тёмных волн.*

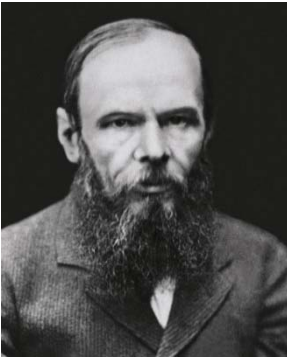
*Небесный свод, горящий славой звёздной,
Таинственно глядит из вышины,
И мы плывём, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

Таким челном, окруженным «пылающей бездной», несущимся по стихии тайны, чувствует себя строгая наука, и этим чувством питается религиозная вера великих ученых. Перед последними вопросами жизни и смерти, добра и зла наука стоит безответно теперь, как и прежде.

²³⁵ Пусть живёт, растёт, процветает! (лат.).

Заслуживает внимания еще и то обстоятельство, что наука как конкретное целое существует лишь в виде совокупности наук, беспрерывно разрастающихся научных специальностей. Это машина, составленная из великого множества колес или частей. Целое знание, мировой разум, или книга природы открывается человечеству лишь в его истории, и конкретно каждая индивидуальность, как бы велика ни была ее умственная сила, прочитывает в этой книге только страницы или строки. Поэтому предположение, что наука действительно разрешает все вопросы, может быть основано только на общей вере в силу науки, в научный метод, в научный разум, но эта вера опытной проверки не допускает.

Итак, наука не в состоянии ни заменить, ни упразднить религиозной веры, ни даже не может сама защитить свое существование против набегов бесшабашного скептицизма без молчаливого или открытого признания религиозных предпосылок, именно веры в объективный разум»²³⁶.

**Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)**

Русский писатель, мыслитель

«Бесы»

«Молчи, ты не поймёшь ничего. Если нет Бога, то я бог.

– Вот я никогда не мог понять у вас этого пункта: почему вы-то бог?

– Если Бог есть, то вся воля его, и из воли его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие.

– Своеволлие? А почему обязаны?

– Потому что вся воля стала моя. Неужели никто на всей планете, кончив Бога и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие, в самом полном пункте? Это так, как бедный получил наследство и испугался и не смеет подойти к мешку, почитая себя мало-сильным владеть. Я хочу заявить своеволие. Пусть один, но сделаю.

– И делайте.

– Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому.

²³⁶ Булгаков, С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов / С. Н. Булгаков. – Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – С. 254–256.

– Да ведь не один же вы себя убиваете; много самоубийц.

– С причиною. Но безо всякой причины, а только для своеволия – один я.

«Не застрелится», – мелькнуло опять у Петра Степановича.

– Знаете что, – заметил он раздражительно, – я бы на вашем месте, чтобы показать своеволие, убил кого-нибудь другого, а не себя. Полезным могли бы стать. Я укажу кого, если не испугаетесь. Тогда, пожалуйста, и не стреляйтесь сегодня. Можно сговориться.

– Убить другого будет самым низким пунктом моего своеволия, и в этом весь ты. Я не ты: я хочу высший пункт и себя убью.

«Своим умом дошёл», – злобно проворчал Петр Степанович.

– Я обязан неверие заявить, – шагал по комнате Кириллов. – Для меня нет выше идеи, что Бога нет. За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал Бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать Бога. Пусть узнают раз навсегда.

«Не застрелится», – тревожился Петр Степанович.

– Кому узнавать-то? – поджигал он. – Тут я да вы; Липутину, что ли?

– Всем узнавать; все узнают. Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным. Вот Он сказал.

И он с лихорадочным восторгом указал на образ Спасителя, пред которым горела лампада. Петр Степанович совсем озлился.

– В Него-то, стало быть, всё ещё веруете и лампадку зажгли; ужу не на «всякий ли случай»?

Тот промолчал.

– Знаете что, по-моему, вы веруете, пожалуйста, еще большие попа.

– В кого? В Него? Слушай, – остановился Кириллов, неподвижным, исступленным взглядом смотря пред собой. – Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека – одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Ему такого же, и никогда, даже до чуда. В том и чуде, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и Этого, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и

Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевиль. Для чего же жить, отвечай, если ты человек?

– Это другой оборот дела. Мне кажется, у вас тут две разные причины смешались; а это очень неблагонадежно. Но позвольте, ну, а если вы Бог? Если кончилась ложь и вы догадались, что вся ложь оттого, что был прежний Бог?

– Наконец-то ты понял! – вскричал Кириллов восторженно. – Стало быть, можно же понять, если даже такой, как ты, понял! Понимаешь теперь, что всё спасение для всех – всем доказать эту мысль. Кто докажет? Я! Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам богом стал, есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь – ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет? Это я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только бог поневоле и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие. Все несчастны потому, что все боятся заявлять своеволие. Человек потому и был до сих пор так несчастен и беден, что боялся заявить самый главный пункт своеволия и своевольничал с краю, как школьник. Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека... Но я заявлю своеволие, я обязан уверовать, что не верую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасет всех людей и в следующем же поколении переродит физически; ибо в теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего Бога никак. Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своеволие! Это всё, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою.

Лицо его было неестественно бледно, взгляд нестерпимо тяжёлый. Он был как в горячке. Петр Степанович подумал было, что он сейчас упадёт»²³⁷.

²³⁷ Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. – Москва: Эксмо-пресс, 1998. – С. 551–553.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Кто открывает тайну, как радоваться благу, не огорчаясь от сопутствующего зла, тот решит задачу. Это вечное движение»²³⁸.

Б. Паскаль
(1623–1662 гг.)

Французский физик, философ

«Мысли. Афоризмы»

«Опасно слишком настойчиво убеждать человека, что он не отличается от животных, не доказывая одновременно его величия. Опасно и доказывать его величие, не вспоминая низости. Ещё опаснее оставлять его в неведении того и другого, но очень полезно показывать ему и то и другое.

Человеку не следует ни полагать себя равным животным или ангелам, ни пребывать в неведении о том и другом, а следует знать и то, и другое»²³⁹.

²³⁸ Паскаль, Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – С. 69.

²³⁹ Паскаль Б. Мысли. Афоризмы / Б. Паскаль. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – С. 86.

**С.Н. Булгаков
(1871–1944 гг.)
Русский философ,
православный священник,
богослов, экономист**

«Два града.

**Исследования о природе
общественных идеалов»
Религия человекобожия
у русской интеллигенции**

«Поэтому в качестве разрешения мировой драмы христианством обещается действительное сохранение всех ценностей и восстановление человечества для новой, вечной жизни. Человек, стало быть, здесь не самозванный человекобог, но действительно обоженная тварь, бог по благодати. Можно ли больше возвеличить человека? Недаром в обряд православного богослужения введено каждение не только иконам, но и молящимся, которые приравняются иконам. И действительно, если человек почтён образом Божиим, как бы ни искажал он его в себе, разве он не есть живая икона, живой «образ»?

Современное мировоззрение отвергло всю религиозную основу этого учения, но удержало те его стороны, которые непосредственно относятся к человеку: удержало любовь к ближнему, обозвав её альтруизмом, веру в божественность человека, возведя его в человекобога, веру в спасение человечества, настаивая на учении о прогрессе. Удалены, казалось бы, лишь религиозные суеверия, осталось всё существенное, по крайней мере для современности. Но не рушится ли без фундамента и постройка, не ползёт ли почва из-под ног современного человечества, не ускользает ли из рук, как бледный призрак, как дух земли, явившийся Фаусту, это человечество, когда мы хотим обнять его? Есть много признаков, что это так, и много причин, почему это иначе быть и не может.

Человеку внушается, что он есть высшее в мире, что он автономен, что прекрасен, что он разумен, самодовлеющ, что он бог, если не в единичности и обособленности своей, то в своём целом, вместе с другими. Но Богу свойственна жизнь, а этот бог есть разлагающийся труп, дни его и годы есть постепенное умирание, приближение к могиле, в которой, как известно, «и гения череп наследье червей». Когда Платон схоронил своего Сократа, божественного

мужа, бывшего для него светом жизни, каким кладбищем стал для него этот мир, и не становится ли он таким для каждого из нас, когда мы опускаем в могилу самое любимое и дорогое, то, что любим более себя! И когда столько жизней вокруг отдаётся ради верно или неверно понятых идей, не становится ли это противоречие особенно жгучим, мучительным! Можно ведь силой закалённой воли подавлять в себе эти чувства или привычкой дисциплины оставаться в строю, когда падают кругом близкие и дорогие, но пересилить боль напряжением воли, стиснув челюсти, не значит победить её. Смерть вносит диссонанс в мир, которого не может не слышать и глухой; отсюда и постоянная борьба со страхом смерти то мечниковской прививкой, то слабыми утешениями а la Фейербах.

Итак, смертен бог в отдельности, смертен и в целом, поколение за поколением неспешной чередой тянутся в могилу, оставляя все дела и заботы. И нас хотят уверить, что служение этим делам и этим заботам само ради себя способно не только наполнить, но и осмыслить жизнь. Эта религия человечества есть какая-то кладбищенская философия; неудивительно, что она всё больше теряет кредит, уступая место культуре гордого, обособленного Я, в свою очередь раскалывающегося на отдельные переживания, или, в конце концов, культу этих переживаний! Зачем мне искать какого-то кумира вне себя, в другом, в таком же, как я, или хуже меня, вообще в толпе, во многих (*Viel zu Viele*), когда я сам себе доволю и сам себе могу поклоняться, когда я «единственный» (*der Einzige*)? Зачем святыня, зачем добро и зло, когда можно стать и выше – точнее, вне этого различия? Оставим мораль попам и филистерам, перестанем быть колпаками, станем свободными личностями. Независимый живет в свободе абсолютной пустоты, повелительного своеволия момента. Почему обязательна и последовательность, зачем даже внутреннее единство личности, логика настроений, когда ведь есть только отдельные, разорванные переживания? Умей проложить себе дорогу, умей устроиться, и горе погибающим.

Нигилистический индивидуализм, к которому приводит наша культура, подобно и античной, составляет самое серьёзное явление духовной жизни современности. В борьбе с индивидуализмом изоцируют все свои усилия общественники, чтобы как-нибудь сплотить рассыпающееся, амортизирующееся человечество господством сплочённого большинства, анархический индивидуализм обуздать социалистической муштрой. Но какие же орудия для этого сплочения имеются, чем побеждается разлагающий яд индивидуализма?

С того времени, как отвергнута была религиозная санкция морали, перед сознанием стал вопрос о природе морали. Поскольку философия в лице Канта и его школы делала и делает отчаянные усилия спасти мораль долга, над чем изоцряет свою логику в настоящее время и немецкий идеализм, она приходит к религии как необходимой предпосылке нравственности. В системе Канта практический разум приводит к постулатам бытия Бога и бессмертия души, т. е. к религиозной опоре. Напротив, в тех мировоззрениях, которые лишены всякой религиозной окраски, проблема морали принимает характер совершенно безнадежный: мораль приводится к самоупряднению с отвержением идеи долга и заменой её идеей интереса, личного или группового, инстинктом звериного самосохранения. Подобно тому как в медицине развитие литературы об известной болезни есть лучшее свидетельство её распространённости и серьёзности, так и кризис морали в новое время, так же как и в эпоху античного декаданса, вызывает необыкновенное развитие литературы по нравственной философии: каждый изобретает свою мораль и доказывает её по-своему.

Но нас уверяют, что этот кризис непродолжителен, что близится золотой век не только свободы и равенства, но и братства; на чем же опираются эти радужные надежды: на духовном перетвороте, на возрождении личности, на новой вере? Нет, говорят нам, это произойдет в силу исторической, по преимуществу экономической необходимости. Об этом говорит экономическая наука, это предсказывает социология. Позвольте на это заметить, что наука, оставаясь наукой и обладая присущей ей осторожностью и скромностью, вовсе не предсказывает таких вещей, об этом говорит вера, а не наука. Во-первых, самая способность социальной науки делать предсказания вообще многими не без основания оспаривается, и именно новейшие логические исследования о природе социальной науки (назову хотя бы Риккерта) как раз приводят к этому заключению; во-вторых, и это самое главное, если экономическая наука и может ещё кой-что предусмотреть о характере экономического строя в ближайшую эпоху, то ведь этим ничего ещё не сказано о том, какова будет духовная жизнь этой эпохи, какова будет человеческая личность. Ведь поверить, что экономическая реформа приведёт к духовному возрождению, можно, только приняв предварительно такое учение о человеке, по которому он «есть только то, что ест», есть вполне рефлекс экономической обстановки или классового положения. Да и при принятии всех этих

неприемлемых положений остается ещё вопрос, какие именно перемены в психологии, в чувствованиях, в самооценке вызовет перемена экономической обстановки и будет ли эта перемена именно такова и совершится ли в том направлении, как это представляют себе теперь. Позволительно думать, что человеческая личность хотя и зависит от еды, экономической обстановки, вообще условий своей материальной жизни, но есть прежде всего то, во что она верит, чем живёт, чего хочет, что читит; исходя же из такого понимания, правильнее заключить, что и в новом строе личность тоже может оказаться опустошённой и морально разлагающейся. Потому сколько бы высоко мы ни ставили заботы о материальных нуждах обездоленных классов, нельзя забывать и о духовных нуждах человека. В современном человечестве не только у нас, но и на Западе произошёл какой-то выход из себя вовне, упряднение внутреннего человека, преобладание в жизни личности внешних впечатлений и внешних событий, главным образом политических и социальных. Отсюда такая потребность суеты, внешних впечатлений. Современный человек стремится жить, как бы не бывая дома наедине с собою: сознание заполнено, но достаточно приостановиться этому калейдоскопу внешних впечатлений, и можно видеть, как бедна или пуста его жизнь собственным содержанием. История сохранила нам ослепительной яркости и глубокого значения образ, символизирующий наше теперешнее духовное безвременье, поучающий и предостерегающий. Один из крупнейших представителей раннего гуманизма, носивший уже в себе противоречия нашей теперешней эпохи позднего гуманизма, Петрарка, рассказывает в описании одного из своих путешествий, как он, взойдя на высокую гору, откуда открывался чудесный вид, раскрыл наудачу Исповедь Августина, которую всегда имел при себе, и в ней прочёл следующие слова: «И вот люди идут и с удивлением смотрят на высокие горы и далёкие моря, на бурные потоки и океан и небесные светила, но в это время забывают о самих себе». Петрарка погрузился в глубокое раздумье.

Эпохи упадочные, сопровождающиеся высоким уровнем развития культуры, отличаются вообще господством философии эпикуреизма, наслаждения жизнью в её утончённых, эстетически облагороженных формах. Этот культ наслаждений разработало античное язычество в эпоху своего упадка, в эту же колею вступает и современное неоязычество.

Итак, добилось ли, начинает ли добиваться человечество счастья и радости, гармонии и покоя? Приближается ли оно к нему?

Едва ли кто, наблюдая симптомы духовной жизни европейского человечества, решится это сказать. Напротив, морщины напряженной тревоги, мучительной тоски, замалчиваемого, но тем не менее грозного, ибо непобедимого, страха смерти легли на его челе. «Уныние народов и недоумение» – этими евангельскими словами может быть характеризовано настроение века. Или, как сказано в Апокалипсисе: «Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания».

Леденящий пессимизм и какой-то страх жизни, смешанный со страхом смерти, заползает в душу, маловерные легко становятся суеверными, чувство тайны, живущее в душе, разрешается в искании таинственного, потребность в религии ищет выразиться в беспредметной религиозности, утолится хотя музыкой религиозного чувства, создается мистицизм в религии, демонизм без веры в Бога. Муки современной души, тоска современного сердца о Боге яснее всего, конечно, отражаются в искусстве, которое не может лгать, не может притворяться. Но красноречивее всяких книг эпидемические самоубийства, которые по поводу и без повода, просто от тоски и бесцельности жизни становятся чаще и чаще, особенно среди нашей нервной, оторванной от почвы молодёжи и даже детей; конечно, влияют и внешние события и поводы, но они нередко только обостряют назревавший кризис.

Уже Достоевский с обычной своей пронизательностью отметил симптоматическое значение этого явления, теперь так усилившегося, и связал его с потерей религиозной веры. Эпоха упадка Римской империи, насыщенная неверием и пессимизмом, отличалась эпидемией самоубийств. Киренский философ Гегезий получил даже прозвище оратора смерти и был выслан из Александрии за успешность своей проповеди самоубийств. «Против бедствий жизни есть благоденствие смерти», – учил Сенека, у которого находим настоящий гимн добровольной смерти. У одних смерть была введена в систему эпикурейского использования жизни, у других была выходом для отчаяния. И тогда эпикуреизм оказывался столь же смертоносен, как и теперь.

Но на небе уже восходила тогда Вифлеемская звезда, и на неё взирали учёные и неучёные, волхвы и пастухи, рождалась в мире великая радость, радость навеки. «Да радость Моя в вас пребудет и радость ваша да будет совершенна». Теперь сумерки снова надвигаются над человечеством, уходящим в душливное подземелье и из-

немогающим там от ига жизни, и с этим лучом каждому раскрывающемуся сердцу приносится тихий зов: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас». Пессимизм, раз он появился и осознан, непобедим иначе как религиозной верой, ибо он питается сомнением в смысле мира и в возможности мировой гармонии. Зло в мире и дисгармония настолько реальны и непобедимы внешними средствами, что пессимизм безысходен, если не откроется в душе целебный родник веры и надежды, который «иго» жизни сделает «благим и лёгким», хотя оно и не перестанет быть игом. Не безболезненный праздник, о котором так тщетно мечтают земные устроители человечества, сулит религия, напротив, тяжёлый подвиг и крест, но она даёт и силы его нести, указуя его высший смысл и цель, и скорбь и труд напоая радостью, той чистой радостью, которая утеривается человечеством.

Какое поразительное сопоставление получается, если мы сравним духовное состояние античного общества в I веке нашей эры с его культурой, но и с его развращённостью и пессимизмом и духовное состояние первых христианских общин, описанное в «Деяниях Апостольских»! Каким небесным светом озарено это повествование, нельзя его читать без радостного волнения! Я думаю, что никогда в истории люди не жили радостнее, нежели эти бедные общины, состоявшие из рыбаков, рабов, пастухов и лишь немногих представителей образованного класса. Они не имели тех культурных благ, с которыми владели свои дни античное общество, но в их душе бил живой ключ радости и веры – благодатная жизнь детей Божиих!

Мне, однако, представляется этот современный пессимизм здоровой и даже благородной реакцией души на попытку развенчать человека, лишить его веры в высшее добро и заставить его удовлетворяться самим собой. Ибо это самоудовлетворение, самодовольство и равновесие в таком положении, в котором невозможно человеку оставаться в равновесии, есть уже извращение человеком своего естества, угашение духа, продажа прав первородства за чечевичную похлёбку. Это есть то мещанство, от которого так задыхался наш Герцен. Человек не в силах вынести земного благополучия, ему дана только борьба, только крест, и когда он землю проклятия, которая так глубоко пропитана потом и кровью, превращает для себя в удобную постель и покойную подушку, забывая о всех противоречиях своего бытия, он опускается и пошлет. Нет, в современном пессимизме залог того, что человек создан для вечности и для Бога, но, потеряв это, страдает и тоскует тем напряжённее, чем выше он сам. Вот

почему «царство зверя», т. е. цивилизация, воздвигнутая без Бога и против Бога, неизбежно должна быть мрачной, когда люди начинают кусать языки от боли. И как бы ни ломали головы учёные и философы, какие бы суррогаты религии они ни придумывали, они не дадут человеку того покоя, который даёт лишь живая вера в Того, Кто обещает: «Приидите ко Мне и обряцете покой душам вашим»²⁴⁰.

**Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(1829–1908 гг.)**

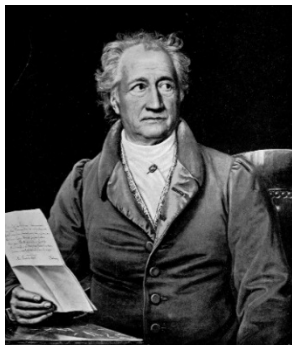
**Православный священник,
общественный деятель.
В 1990-м году канонизирован
Русской Православной
Церковью в лике праведных**

«Моя жизнь во Христе»

«Душа – простое существо. Как образ и подобие Божие; потому, когда она бывает благоустроена и живёт согласно с волею Божиею, тогда бывает и мирна, и легка, и радостна; а когда соизволит на грех, или сделает какой грех, или нудится от врага ко греху, тогда бывает беспокойна, мрачна, тяжела. Итак, твори непрестанно волю Божию и будешь прости, мирен; но если будешь грешить, не будешь иметь мира. Не поддавайся врагу; он приносит в душу томление, тесноту, мрак, огонь. «Отымите лукавства от души ваших» (Ис. 1, 16)»²⁴¹.

²⁴⁰ Булгаков, С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов / С. Н. Булгаков. – Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – С. 257–260.

²⁴¹ Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. – Москва: Центр Благо, 1999. – С. 664.

Иоганн Вольфганг фон Гёте
(1749–1832 гг.)
**Немецкий поэт, драматург,
учёный-энциклопедист, критик**

«Фауст»

*Я дух, всегда привыкший отрицать.
И с основаньем: ничего не надо.
Нет в мире вещи, стоящей пощады.
Творенье не годится никуда.
Итак, я то, что ваша мысль связала
С понятием разрушенья, зла, вреда.
Вот прирожденное моё начало,
Моя среда.*

(1774–1831 гг.)²⁴²

В. Франкл
(1905–1997 гг.)
Австрийский психиатр, философ

«Воля к смыслу»

«Люди, сводящие реальность к тому, что видимо и осязимо, и по этой причине априори отрицающие бытие абсолютного существа, также вытесняют религиозные чувства. Наряду с теми, кто слишком изощрён, чтобы принять наивные представления религии, существуют и люди слишком незрелые, чтобы преодолеть примитивную эпистемологию. Такие люди настаивают: Бог должен быть видимым. Но если бы они хоть раз постояли на сцене, они бы кое-что поняли: когда человек стоит на сцене, ослеплённый софитами и подсветкой, он не видит аудиторию. Вместо зала – огромная чёрная дыра. Человек на сцене не видит зрителей, которые смотрят на него. Так и человек, стоящий на подмостках жизни, играющий свою роль, не видит, перед кем он её играет. Он не знает, перед кем несёт ответственность за то, чтобы сыграть эту роль как следует. В слепящем свете того, что происходит на первом плане в любой жизни,

²⁴² Гёте, И. В. Фауст: трагедия / И. В. Гёте. – Москва: Э, 2016. – С. 54.

человек порой забывает о наблюдателе, о том, кто таится в темноте, в ложе, и наблюдает за ним, о том, кто «мрак сделал покровом своим», как сказано в псалме (Пс. 17:12). А мы часто испытываем желание напомнить человеку, что занавес уже поднят и каждый его поступок на виду»²⁴³.

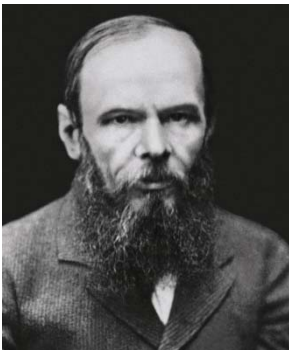

Алексий II.
(1929–2008 гг.)
Патриарх Московский
и Всея Руси (1990–2008 гг.)

**Грех – болезнь,
а не юридическое состояние**

«Православное богословие в отличие от западно-христианского грехопадение осмысливает прежде всего как болезнь, а не как юридическое состояние. Дело не в гневе Божиим на преступление человека.

Дело в болезни самого человека. И Бог делает всё, чтобы изменить человека (а не просто снять с него «судимость», юридически помиловав его). Но нельзя менять человека без его на то свободного согласия. Христос принёс нам возможность преобразования. От личного же выбора каждого человека и каждого сообщества людей зависит, будет ли действителен Крест Христов на нас или нет»²⁴⁴.

Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)
Русский писатель, мыслитель

«Идиот»

«Я хочу всё объяснить, всё, всё, всё! О да! Вы думаете – я утопист? идеолог? О, нет, у меня, ей богу, все такие простые мысли... Вы не верите? Вы улыбаетесь? Знаете, что я подл иногда, потому что веру теряю; давеча я

²⁴³ Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл. – Москва: Альпина Нон-Фикшн, 2018. – С. 178–179.

²⁴⁴ Мысли русских патриархов от начала до наших дней. – Москва: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. – С. 527.

шёл сюда и думал: «Ну как я с ними заговорю? С какого слова надо начать, чтоб они хоть что-нибудь поняли?». Как я боялся, но за вас я боялся больше, ужасно, ужасно! А между тем, мог ли я бояться, не стыдно ли было бояться? Что в том, что на одного передового такая бездна отсталых и недобрых? В том-то и радость моя, что я теперь убеждён, что вовсе не бездна, а всё живой материал! Нечего смущаться и тем, что мы смешны, не правда ли? Ведь это действительно так, мы смешны, легкомысленны, с дурными привычками, скучаем, глядеть не умеем, понимать не умеем, мы ведь все таковы, все, и вы, и я, и они! Ведь вы, вот, не оскорбляетесь же тем, что я в глаза говорю вам, что вы смешны? А коли так, то разве вы не материал? Знаете, по-моему, быть смешным даже иногда хорошо, да и лучше: скорее простить можно друг другу, скорее и смириться; не всё же понимать сразу, не прямо же начинать с совершенства! Чтобы достичь совершенства, надо прежде многого не понимать. А слишком скоро поймём, так, пожалуй, и не хорошо поймём. Это я вам говорю, вам, которые уже так много умели понять и ... не понять. Я теперь не боюсь за вас: вы ведь не сердитесь, что вам такие слова говорит такой мальчик? Конечно, нет! О, вы сумеете забыть и простить тем, которые вас обидели, и тем, которые вас ничем не обидели; потому что всего ведь труднее простить тем, которые нас ничем не обидели, и именно потому что они не обидели, и что, стало быть, жалоба наша неосновательна: вот чего я ждал от высших людей, вот что торопился им, ехав сюда, сказать, и не знал, как сказать... Вы смеетесь, Иван Петрович? Вы думаете: я за тех боялся, их адвокат, демократ, равенства оратор? – засмеялся он истерически (он поминутно смеялся коротким и восторженным смехом). – Я боюсь за вас, за вас всех и за всех нас вместе. Я ведь сам князь исконный и с князьями сижу. Я чтобы спасти всех нас говорю, чтобы не исчезло сословие даром, в потёмках, ни о чём не догадавшись, за всё бранясь и всё проиграв. Зачем исчезать и уступать другим место, когда можно остаться передовыми и старшими? Будем передовыми, так будем и старшими. Станем слугами, чтоб быть старшинами.

Он стал порываться встать с кресла, но старичок его постоянно удерживал, с возраставшим однако ж беспокойством смотря на него.

– Слушайте! Я знаю, что говорить не хорошо: лучше просто пример, лучше просто начать... я уже начал... и – и неужели в самом

деле можно быть несчастным? О, что такое моё горе и моя беда, если я в силах быть счастливым? Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его! О, я только не умею высказать... а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребёнка, посмотрите на божью зарю, посмотрите на травку, как она растёт, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...»²⁴⁵.

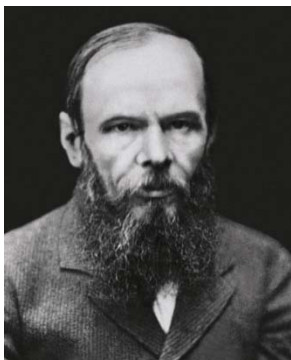
**Алексий II.
(1929–2008 гг.)
Патриарх Московский
и Всея Руси (1990–2008 гг.)**

**О религиозности
как «общем деле»**

«Лишь осознав как свою личную жизненную нужду всё более обнажающуюся неправедность и неправду положения человека в мире, мы можем увидеть путь к спасению. Нащупав этот путь, следует вступить на него с желанием дойти до Бога и с надеждой, что в ходе моего восхождения к Центру мироздания и лежащая вокруг меня частица мира будет приближена к Нему, исцелена, преображена, спасена»²⁴⁶.

²⁴⁵ Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – Москва: Эксмо-пресс, 1999. – С. 570–572.

²⁴⁶ Мысли русских патриархов от начала до наших дней. – Москва: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999. – С. 529.

Ф.М. Достоевский
(1821–1881 гг.)

Русский писатель, мыслитель

«Братья Карамазовы»
Из бесед и поучений
старца Зосимы

Нечто об иноке русском

и о возможном значении его

«Отцы и учителя, что есть инок? В просвещённом мире слово сие произносится в наши дни у иных уже с насмешкой, а у некоторых и как бранное. И чем дальше, тем больше. Правда, ох правда, много и в монашестве тунеядцев, плотоугодников, сластолюбцев и наглых бродяг. На сие указывают образованные светские люди: «Вы, дескать, лентяи и бесполезные члены общества, живёте чужим трудом, бесстыдные нищие». А между тем сколь много в монашестве смиренных и кротких, жаждущих уединения и пламенной в тишине молитвы. На сих меньше указывают и даже обходят молчанием вовсе, и сколь подивились бы, если скажу, что от сих кротких и жаждущих уединенной молитвы выйдет, может быть, ещё раз спасение земли русской! Ибо воистину приготовлены в тишине «на день и час, и месяц и год». Образ Христов хранят пока в уединении своём благолепно и неискаженно, в чистоте правды божией, от древнейших отцов, апостолов и мучеников, и, когда надо будет, явят его поколебавшейся правде мира. Сия мысль великая. От востока звезда сия воссияет. Так мысля об иноке, и неужели ложно, неужели надменно? Посмотрите у мирских и во всём превозносящемся над народом божиим мире, не исказился ли в нём лик божий и правда его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута во все, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: «Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай» – вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу. И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное

самоубийство, а у бедных – зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности ещё не указали. Уверяют, что мир чем далее, тем более единится, слагается в братское общество тем, что сокращает расстояния, передаёт по воздуху мысли. Увы, не верьте таковому единению людей. Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства. Иметь обеды, выезды, экипажи, чины и рабов-прислужников считается уже такою необходимостью, для которой жертвуют даже жизнью, честью и человеколюбием, чтоб утолить эту необходимость, и даже убивают себя, если не могут утолить её. У тех, которые небогаты, то же самое видим, а у бедных неутоление потребностей и зависть пока заглушаются пьянством. Но вскоре вместо вина упьются и кровью, к тому их ведут. Спрашиваю я вас: свободен ли такой человек? Я знал одного «борца за идею», который сам рассказывал мне, что, когда лишили его в тюрьме табаку, то он до того был измучен лишением сим, что чуть не пошёл и не предал свою «идею», чтобы только дали ему табаку. А ведь этакой говорит: «За человечество бороться иду». Ну куда такой пойдёт и на что он способен? На скорый поступок разве, а долго не вытерпит. И не дивно, что вместо свободы впали в рабство, а вместо служения братолюбию и человеческому единению впали, напротив, в отъединение и уединение, как говорил мне в юности моей таинственный гость и учитель мой. А потому в мире всё более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей и воистину встречается мысль сия даже уже с насмешкой, ибо как отстать от привычек своих, куда пойдёт сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навывдумал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше. Другое дело путь иноческий. Над послушанием, постом и молитвой даже смеются, а между тем лишь в них заключается путь к настоящей, истинной уже свободе: отсекаю от себя потребности лишние и ненужные, самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушанием, и достигаю тем, с помощью божьей, свободы духа, а с нею и веселья духовного! Кто же из них способнее вознести великую мысль и пойти ей слу-

жить – уединённый ли богач или сей освобождённый от тиранства вещей и привычек? Инока коряг его уединением: «Уединился ты, чтобы себя спасти в монастырских стенах, а братское служение человечеству забыл». Но посмотрим ещё, кто более братолюбиво поусердствует? Ибо уединение не у нас, а у них, но не видят сего. А от нас и издревле деятели народные выходили, отчего же не может их быть и теперь? Те же смиренные и кроткие постники и молчаливники восстанут и пойдут на великое дело. От народа спасение Руси. Русский же монастырь искони был с народом. Если же народ в уединении, то и мы в уединении. Народ верит по-нашему, а неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален. Это помните. Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая православная Русь. Берегите же народ и оберегайте сердце его. В тишине воспитайте его. Вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ – богоносец.

Нечто о господах и слугах и о том, возможно ли господам и слугам стать взаимно по духу братьями

Боже, кто говорит, и в народе грех. А пламень растления умножается даже видимо, ежечасно, сверху идёт. Наступает и в народе уединение: начинаются кулаки и мироеды; уже купец всё больше и больше желает почестей, стремится показать себя образованным, образования не имея нимало, а для сего гнусно пренебрегает древним обычаем и стыдится даже веры отцов. Ездит ко князьям, а всего-то сам мужик порченый. Народ загноился от пьянства и не может уже отстать от него. А сколько жестокости к семье, к жене, к детям даже; от пьянства всё. Видал я на фабриках десятилетних даже детей: хилых, чахлах, согбенных и уже развратных. Душиная палата, стучащая машина, весь божий день работы, развратные слова и вино, вино, а то ли надо душе такого малого ещё дитяти? Ему надо солнце, детские игры и всюду светлый пример и хоть каплю любви к нему. Да не будет же сего, иноки, да не будет истязания детей, восстаньте и проповедуйте сие скорее, скорее. Но спасет бог Россию, ибо хоть и развратен простолоудин и не может уже отказать себе во смрадном грехе, но всё же знает, что проклят богом его смрадный грех и что поступает он худо, греша. Так что неустанно ещё верует народ наш в правду, бога признает, умиленно плачет. Не то у высших. Те вослед науке хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа, как прежде, и уже провозгласили, что нет преступления, нет уже греха. Да оно и правильно по-ихнему: ибо если нет у тебя бога, то какое же тогда преступление?

*В Европе восстает народ на богатых уже силой, и народные вожаки повсеместно ведут его к крови и учат, что прав гнев его. Но «проклят гнев их, ибо жесток». А Россию спасет господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и смирения его. Отцы и учителя, берегите веру народа, и не мечта сие: пора жало меня всю жизнь в великом народе нашем его достоинство благолепное и истинное, сам видел, сам свидетельствовать могу, видел и удивлялся, видел, несмотря даже на смрад грехов и нищий вид народа нашего. Не раболепен он, и это после рабства двух веков. Свободен видом и обращением, но безо всякой обиды. И не мстителен, и не завистлив. «Ты знатен, ты богат, ты умен и талантлив – и пусть, благослови тебя бог. Чту тебя, но знаю, что и я человек. Тем, что без зависти чту тебя, тем-то и достоинство мое являю пред тобой человеческое». Воистину, если не говорят сего (ибо не умеют ещё сказать сего), то так поступают, сам видел, сам испытывал, и верите ли: чем беднее и ниже человек наш русский, тем и более в нем сей благолепной правды заметно, ибо богатые из них кулаки и мироеды во множестве уже развращены, и много, много тут от нерадения и несмотрения нашего вышло! Но спасет бог людей своих, ибо велика Россия смирением своим. Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже самый развращённый богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение сие, поймёт и уступит ему с радостью, и лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим: на то идёт. Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас. Были бы братья, будет и братство, а раньше братства никогда не разделятся. Образ Христов храним, и воссияет как драгоценный алмаз всему миру... **Буди, буди!***

Отцы и учителя, произошло раз со мною умиленное дело. Странствуя, встретил я однажды, в губернском городе К., бывшего моего денщика Афанасия, а с тех пор, как я расстался с ним, прошло уже тогда восемь лет. Нечаянно увидел меня на базаре, узнал, подбежал ко мне и, боже, сколь обрадовался, так и кинулся ко мне: «Батюшка, барин, вы ли это? Да неужто вас вижу?» Повёл меня к себе. Был уже он в отставке, женился, двух детей-младенцев уже прижил. Проживал с супругой своею мелким торгом на рынке с лотка. Комнатка у него бедная, но чистенькая, радостная. Усадил меня, самовар поставил, за женой послал, точно я праздник какой ему сделал, у него появившись. Подвел ко мне деток: «Благословите, батюшка».

– «Мне ли благословлять, – отвечаю ему, – инок я простой и смиренный, бога о них помолю, а о тебе, Афанасий Павлович, и всегда, на всяк день, с того самого дня, бога молю, ибо с тебя, говорю, всё и вышло». И объяснил ему я это как умел. Так что же человек: смотрит на меня и всё не может представить, что я, прежний барин его, офицер, пред ним теперь в таком виде и в такой одежде: заплакал даже. «Чего же ты плачешь, – говорю ему, – незабвенный ты человек, лучше повеселись за меня душой, милый, ибо радостен и светел путь мой». Многого не говорил, а всё охал и качал на меня головой умиленно. «Где же ваше, спрашивает, богатство?» Отвечаю ему: «В монастырь отдал, а живём мы в общезжитии». После чаю стал я прощаться с ними, и вдруг вынес он мне полтину, жертву на монастырь, а другую полтину, смотрю, сует мне в руку, торопится: «Это уж вам, говорит, странному, путешествующему, пригодится вам, может, батюшка». Принял я его полтину, поклонился ему и супруге его и ушёл обрадованный и думаю дорогой: «Вот мы теперь оба, и он у себя, и я, идуций, охает, должно быть, да усмехаемся радостно, в веселии сердца нашего, покивая головой и вспоминая, как бог привёл встретиться».

И больше я уж с тех пор никогда не видал его. Был я ему господин, а он мне слуга, а теперь, как облобызались мы с ним любовно и в духовном умилении, меж нами великое человеческое единение произошло. Думал я о сем много, а теперь мыслю так: неужели так недоступно уму, что сие великое и простодушное единение могло бы в свой срок и повсеместно произойти меж наших русских людей? Верую, что произойдёт, и сроки близки. А про слуг прибавлю следующее: сердился я прежде, юношею, на слуг много: «кухарка горячо подала, денщик платье не вычистил». Но озарила меня тогда вдруг мысль моего милого брата, которую слышал от него в детстве моем: «Стою ли я того и весь-то, чтобы мне другой служил, а чтоб я, за нищету и темноту его, им помыкал?» И подивился я тогда же, сколь самые простые мысли, воочию ясные, поздно появляются в уме нашем. Без слуг невозможно в миру, но так сделай, чтобы был у тебя твой слуга свободнее духом, чем если бы был не слугою. И почему я не могу быть слугою слуге моему и так, чтобы он даже видел это, и уж безо всякой гордости с моей стороны, а с его – неверия? Почему не быть слуге моему как бы мне родным, так что приму его наконец в семью свою и возрадуюсь сему? Даже и теперь ещё это так исполнимо, но послужит основанием к будущему уже великолепному единению людей, когда не слуг будет искать себе человек и не в слуг пожелает обращать

себе подобных людей, как ныне, а, напротив, из всех сил пожелает стать сам всем слугой по Евангелию. И неужели сие мечта, чтобы под конец человек находил свои радости лишь в подвигах просвещения и милосердия, а не в радостях жестоких, как ныне, – в объядении, блуде, чванстве, хвастовстве и завистливом превышении одного над другим?

Твёрдо верую, что нет и что время близко. Смеются и спрашивают: когда же сие время наступит и похоже ли на то, что наступит? Я же мыслю, что мы со Христом это великое дело решим. И сколько же было идей на земле, в истории человеческой, которые даже за десять лет немислимы были и которые вдруг появлялись, когда приходил для них таинственный срок их, и проносились по всей земле? Так и у нас будет, и воссияет миру народ наш, и скажут все люди: «Камень, который отвергли зиждущие, стал главою угла». А насмешиников спросить бы самих: если у нас мечта, то когда же вы-то воздвигнете здание свое и устроитесь справедливо лишь умом своим, без Христа? Если же и утверждают сами, что они-то, напротив, и идут к единению, то воистину веруют в сие лишь самые из них простодушные, так что удивиться даже можно сему простодушию. Воистину у них мечтательной фантазии более, чем у нас. Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовёт кровь, а извлекий меч погибнет мечом. И если бы не обетование Христово, то так и истребили бы друг друга даже до последних двух человек на земле. Да и сии два последние не сумели бы в гордости своей удержать друг друга, так что последний истребил бы предпоследнего, а потом и себя самого. И сбилось бы, если бы не обетование Христово, что ради кротких и смиренных сократится дело сие. Стал я тогда, ещё в офицерском мундире, после поединка моего, говорить про слуг в обществе, и всё-то, помню, на меня дивились: «Что же нам, говорят, посадить слугу на диван да ему чай подносить?» А я тогда им в ответ: «Почему же и не так, хотя бы только иногда». Все тогда засмеялись. Вопрос их был легкомысленный, а ответ мой неясный, но мыслю, что была в нем и некая правда.

О молитве, о любви и о соприкосновении мирам иным

Юноша, не забывай молитвы. Каждый раз в молитве твоей, если искренна, мелькнёт новое чувство, а в нём и новая мысль, ко-

торуя ты прежде не знал и которая вновь ободрит тебя; и поймёшь, что молитва есть воспитание. Запомни ещё: на каждый день и когда лишь можешь, тверди про себя: «Господи, помилуй всех днесь пред тобою представших». Ибо в каждый час и каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и души их становятся пред господом – и сколь многие из них расстались с землею отъединенно, никому не ведомо, в грусти и тоске, что никто-то не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе: жили ль они или нет. И вот, может быть, с другого конца земли вознесётся ко господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не знал его вовсе, а он тебя. Сколь умирительно душе его, ставшей в страхе пред господом, почувствовать в тот миг, что есть и за него молещик, что осталось на земле человеческое существо, и его любящее. Да и бог милостивее воззрит на обоих вас, ибо если уже ты столь пожалел его, то кольми паче пожалеет он, бесконечно более милосердный и любовный, чем ты. И простит его тебя ради. Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле. Любите всё создание божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну божью постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь её познавать всё далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью. Животных любите: им бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же её, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли божией. Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный оставляешь после себя – увы, почти всяк из нас! Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам. Горе оскорбившему младенца. А меня отец Анфим учил деток любить: он, милый и молчаливый в странствиях наших, на подайные грошики им пряничков и леденцу, бывало, купит и раздаст: проходить не мог мимо деток без сотрясения душевного: таков человек. Пред иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: «Взять ли силой али смиренною любовью?» Всегда решиай: «Возьму смиренною любовью». Решишься так раз навсегда и

весь мир покорить сможешь. Смирение любовное – страшная сила из всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего. На всяк день и час, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтоб образ твой был благолепен. Вот ты прошёл мимо малого ребёнка, прошёл злобный, со скверным словом, с гневливой душой; ты и не заметил, может, ребёнка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащитном сердечке остался. Ты и не знал сего, а может быть, ты уже тем в него семя бросил дурное, и возрастет оно, пожалуй, а всё потому, что ты не уберегся пред дитятей, потому что любви осмотрительной, деятельной не воспитал в себе. Братья, любовь – учительница, но нужно уметь её приобрести, ибо она трудно приобретается, дорого покупается, долгою работой и через долгий срок, ибо не на мгновение лишь случайное надо любить, а на весь срок. А случайно-то и всяк полюбить может, и злодей полюбит. Юноша брат мой у птичек прощения просил: оно как бы и бессмысленно, а ведь правда, ибо всё как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь – в другом конце мира отдаётся. Пусть безумие у птичек прощения просить, но ведь и птичкам было бы легче, и ребёнку, и всякому животному около тебя, если бы ты сам был благолепнее, чем ты есть теперь, хоть на одну каплю да было бы. Всё как океан, говорю вам. Тогда и птичкам стал бы молиться, всецело любовью мучимый, как бы в восторге каком, и молить, чтоб и они грех твой отпустили тебе. Восторгом же сим дорожи, как бы ни казался он людям бессмысленным.

Други мои, просите у бога веселья. Будьте веселы как дети, как птички небесные. И да не смущает вас грех людей в вашем делании, не бойтесь, что затрёт он дело ваше и не даст ему совершиться, не говорите: «Силен грех, сильно нечестие, сильна среда скверная, а мы одиноки и бессильны, затрёт нас скверная среда и не даст совершиться благому деланию». Бегите, дети, сего уныния! Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской. Друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за всё и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват. А скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщишься и на бога возропцешь. О гордости же сатанинской мысля так: трудно нам на земле её и постичь, а потому сколь

легко впасть в ошибку и приобщиться ей, да еще полагая, что нечто великое и прекрасное делаем. Да и многое из самых сильных чувств и движений природы нашей мы пока на земле не можем постичь, не соблазняйся и сим и не думай, что сие в чем-либо может тебе служить оправданием, ибо спросит с тебя судия вечный то, что ты мог постичь, а не то, чего не мог, сам убедишься в том, ибо тогда всё узришь правильно и спорить уже не станешь. На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом. Многие на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное оцущение живой связи нашей с миром иным, с миром горным и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и взошло всё, что могло взойти, но возвращенное живёт и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе. Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее. Мыслию так.

Можно ли быть судиею себе подобных? О вере до конца

Помни особенно, что не можешь ничьим судиею быть. Ибо не может быть на земле судья преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он такой же точно преступник, как и стоящий пред ним, и что он-то за преступление стоящего пред ним, может, прежде всех и виноват. Когда же постигнет сие, то возможно стать и судиею. Как ни безумно на вид, но правда сие. Ибо был бы я сам праведен, может, и преступника, стоящего предо мною, не было бы. Если сможешь принять на себя преступление стоящего пред тобою и судимого сердцем твоим преступника, то немедленно прими и пострадай за него сам, его же без укора отпусти. И даже если б и самый закон поставил тебя его судиею, то сколь лишь возможно будет тебе сотвори и тогда в духе сем, ибо уйдёт и осудит себя сам ещё горше суда твоего. Если же отойдёт с целованием твоим бесчувственный и смеясь над тобою же, то не соблазняйся и сим: значит, срок его ещё не пришёл, но придёт в свое время; а не придёт, всё равно: не он, так другой за него познает, и пострадает, и осудит, и обвинит себя сам, и правда бу-

дет восполнена. Верь сему, несомненно, верь, ибо в сем самом и лежит всё упование и вся вера святых. Делай неустанно. Если вспомнишь в ночи, отходя ко сну: «Я не исполнил, что надо было», то немедленно восстань и исполни. Если кругом тебя люди злобные и бесчувственные и не захотят тебя слушать, то пади пред ними и у них прощения проси, ибо воистину и ты в том виноват, что не хочешь тебя слушать. А если уже не можешь говорить с озлобленными, то служи им молча и в уничижении, никогда не теряя надежды. Если же все оставят тебя и уже изгонят тебя силой, то, оставшись один, пади на землю и целуй её, омочи её слезами твоими, и даст плод от слез твоих земля, хотя бы и не видал и не слышал тебя никто в уединении твоём. Верь до конца, хотя бы даже и случилось так, что всё бы на земле совершилось, а ты лишь единственный верен остался: принеси и тогда жертву и восхвали бога ты, единственный оставшийся. А если вас таких двое сойдутся, то вот уж и весь мир, мир живой любви, обнимите друг друга в умилении и восхвалите господу: ибо хотя и в вас двоих, но восполнилась правда его. Если сам согрешишь и будешь скорбен даже до смерти о грехах твоих или о грехе твоём внезапном, то возрадуйся за другого, возрадуйся за праведного, возрадуйся тому, что если ты, согрешил, то он зато праведен и не согрешил. Если же злодейство людей возмутит тебя негодованием и скорбью уже необоримую, даже до желания отомщения злодеям, то более всего страшись сего чувства; тотчас же иди и ищи себе мук так, как бы сам был виновен в сем злодействе людей. Примми сии муки и вытерпи, и утолитса сердце твоё, и поймешь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как единственный безгрешный и не светил. Если бы светил, то светом своим озарил бы и другим путь, и тот, который совершил злодейство, может быть, не совершил бы его при свете твоём. И даже если ты и светил, но увидишь, что не спасаются люди даже и при свете твоём, то пребудь тверд и не усомнись в силе света небесного; верь тому, что если теперь не спаслись, то потом спасутся. А не спасутся и потом, то сыны их спасутся, ибо не умрёт свет твой, хотя бы и ты уже умер. Праведник отходит, а свет его остается. Спасаются же и всегда по смерти спасающего. Не принимает род людской пророков своих и избивает их, но любят люди мучеников своих и чтят тех, коих замучили. Ты же для целого работаешь, для грядущего делаешь. Награды же никогда не ищи, ибо и без того уже велика тебе

награда на сей земле: духовная радость твоя, которую лишь праведный обретает. Не бойся ни знатных, ни сильных, но будь премудр и всегда благолепен. Знай меру, знай сроки, научись сему. В уединении же оставаясь, молись. Люби повергаться на землю и лобызать её. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, всё люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар божий, великий, да и не многим дается, а избранным.

О аде и адском огне, рассуждение мистическое

Отцы и учителя, мысля: «Что есть ад?» Рассуждаю так: «Страдание о том, что нельзя уже более любить». Раз, в бесконечном бытии, не измеримом ни временем, ни пространством, дана была некоему духовному существу, появлением его на земле, способность сказать себе: «Я есмь, и я люблю». Раз, только раз, дано было ему мгновение любви деятельной, живой, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счастливое существо дар бесценный, не оценило его, не возлюбило, взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным. Таковой, уже отшедший с земли, видит и лоно Авраамово и беседует с Авраамом, как в притче о богатом и Лазаре нам указано, и рай созерцает, и ко господу восходить может, но именно тем-то и мучается, что ко господу взойдет он, не любивший, соприкоснется с любившими любовью их пренебрегший. Ибо зрит ясно и говорит себе уже сам: «Ныне уже знание имею и хоть возжаждал любить, но уже подвига не будет в любви моей, не будет и жертвы, ибо кончена жизнь земная и не придёт Авраам хоть каплею воды живой (то есть вновь даром земной жизни, прежней и деятельной) прохладить пламень жажды любви духовной, которую пламенею теперь, на земле её пренебрегши; нет уже жизни, и времени более не будет! Хотя бы и жизнь свою рад был отдать за других, но уже нельзя, ибо прошла та жизнь, которую возможно было в жертву любви принести, и теперь бездна между тою жизнью и сим бытием». Говорят, о пламени адском материальном: не исследую тайну сию и страшусь, но мысля, что если б и был пламень материальный, то воистину обрадовались бы ему, ибо, мечтаю так, в мучении материальном хоть на миг позабылась бы ими страшнейшая сего мука духовная. Да и отнять у них эту муку духовную невозможно, ибо мучение сие не внешнее, а внутри их. А если б и возможно было отнять, то, мысля, стали бы оттого ещё горше

несчастными. Ибо хоть и простили бы их праведные из рая, созерцая муки их, и призвали бы их к себе, любя бесконечно, но тем самым им ещё более бы приумножили мук, ибо возбудили бы в них ещё сильнее пламень жажды ответной, деятельной и благодарной любви, которая уже невозможна. В робости сердца моего мысля, однако же, что самое сознание сей невозможности послужило бы им наконец и к облегчению, ибо, приняв любовь праведных с невозможностью воздать за неё, в покорности сей и в действии смирения сего, обрящут наконец как бы некий образ той деятельной любви, которою пренебрегли на земле, и как бы некое действие с нею сходное... Сожалею, братья и други мои, что не умею сказать сего ясно. Но горе самим истребившим себя на земле, горе самоубийцам! Мысля, что уже несчастнее сих и не может быть никого. Грех, рекут нам, о сих бога молить, и церковь наружно их как бы и отвергает, но мысля в тайне души моей, что можно бы и за сих помолиться. За любовь не осердится ведь Христос. О таких я внутренно во всю жизнь молился, исповедуюсь вам в том, отцы и учителя, да и ныне на всяк день молюсь. О, есть и во аде пребывавшие гордыми и свирепыми, несмотря уже на знание беспорное и на созерцание правды неотразимой; есть страшные, приобщившиеся сатане и гордому духу его всецело. Для тех ад уже добровольный и ненасытимый; те уже доброхотные мученики. Ибо сами проклинали себя, прокляв бога и жизнь. Злобною гордостью свою питаются, как если бы голодный в пустыне кровь собственную свою сосать из своего же тела начал. Но ненасытими во веки веков и прощение отвергают, бога, зовущего их, проклинают Бога живаго без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было бога жизни, чтоб уничтожил себя бог и всё создание свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти»²⁴⁷.

²⁴⁷ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – URL: <https://ilibrary.ru/text/1199/p.42/index.html> (дата обращения: 02.12.2023).

**С.Н. Булгаков
(1871–1944 гг.)**

**Русский философ,
православный священник,
богослов, экономист**

«Два града.

**Исследования о природе
общественных идеалов»**

Из философии культуры

«Тому, кто привык вдумчиво относиться к окружающей действительности и прислушиваться к подлинному голосу жизни, потаённому и интимному её

шёпоту, обычно заглушаемому для рассеянного уха площадным шумом и гамом, едва ли покажется неожиданным и спорным то утверждение, что в духовном обиходе современного человечества давно уже что-то неладно, что назревает какой-то кризис, быть может, предвестие грядущего перелома. Этот кризис подготовлен всей новой историей. Начиная с конца средневековья, духовная жизнь человечества, произведшего ещё невиданные в истории чудеса техники и вообще материальной культуры, развившего в небывалой степени научное знание, в особенности точные науки, обнаружившего невиданный размах социального творчества, изоцирившего до чрезвычайной остроты и тонкости философскую мысль, создавшего могучее искусство в разных его разветвлениях, – вся эта духовная жизнь развивалась под знаком светского, внерелигиозного и даже антирелигиозного начала жизни, утверждала односторонне-человеческий, противобожеский принцип, культивировала заветы одностороннего или отвлечённого гуманизма. В этом смысле всему так называемому новому времени должно быть усвоено название, которым окрещена лишь одна из начальных его эпох: века гуманизма, в чисто натуралистическом, языческом смысле, в смысле бунта осознавшего свои силы человечества против средневекового аскетического мировоззрения, ошибочно смещиваемого с истинным, т. е. универсальным христианством, против средневекового инквизиционного клерикализма, ошибочно принимаемого за церковь Христову. (Для нашей родины эта эпоха гуманизма наступает лишь в XIX веке, особенно во второй его половине, отчасти как естественное отражение западного гуманизма, отчасти же как неизбежный протест против филаретовского катехизиса, принимаемого за полное и точное изображение

учения христианства, и против полицействующего победоносцевского клерикализма, смешиваемого с истинной церковностью). Человечество порвало с патриархальной опекой и навсегда оставило даящие, хотя и величественные своды средневековой готики. Сын берёт своё наследство и оставляет дом отца, отправляясь в «страну далёку» пожить на свободе.

И вот свобода испытана, приобретённая опытом духовная зрелость достигнута, но унесённое из дома наследство уже иссякает, начинается время питания горькими рожками и духовного голода, в которое невольно вспоминается и покинутый отчий дом. Современный блудный сын только едва начинает втихомолку, в глубине души вздыхать о покинутой родине и, может быть, не близко ещё время, когда он совершит подвиг духовного самоотречения, победит своё напряжённое самоутверждение и скажет: «Отче, согрешил я перед небом и пред Тобою».

Но уже несомненным становится и теперь, что современное человечество духовно питается не ожидавшимися роскошными яствами, но горькими и тяжёлыми рожками, только обманывающими, а не утоляющими голод. «Уныние народов и недоумение» – вот пока окончательный итог современной культуры, который незримо откладывается в интимной жизни, в глубине глубин общечеловеческого сознания. Отдайте только себе отчёт в высших и последних ценностях, которые всё собирается переоценивать самодовольный, хотя и растерявшийся век. Не горькие ли рожки – импотентность современной философской мысли, ушедшей на формальную схоластическую работу, или же беспомощная умственная и нравственная неврастения её более требовательных представителей, как Ницше, со скептическим адогматизмом, возведённым в догмат, с аморализмом, превращённым в систему морали, или, наконец, развесёлый, разухабистый скептицизм Ренана с эстетически-религиозным гарниром и с бульварным романом вместо Евангелия. Также и современная наука необыкновенно обострила духовное зрение человечества во всём, что касается внешней коры явлений, но ни на один дюйм не подняла покрыва Изиды, закрывающего природу явлений. Теперешняя техника сделала человека удивительным ремесленником, отточила и утончила его рабочий инструмент, но человек, живущий в этом ремесленнике, остаётся по-прежнему с протанутой рукой. Современное искусство при всём богатстве и роскоши новых форм художественной техники опускается до мёртвого натурализма или самоубийственной тенденциозности; мистическое по самому своему

существо, оно больше всего страдает от религиозной беспочвенности века. Вся современная культура, разросшаяся в пышное и могущественное дерево, начинает чахнуть и блекнуть, лишенная глубоких корней религиозно-мистического питания. Наибольшую горечь пришлось вкусить современному человечеству во взаимных отношениях. Век гуманизма выставил великие христианские заветы, старое отцовское наследие – идеалы свободы, равенства и братства, но выставил их как своё создание и свою собственность, оторвав прекрасный цветок от родимого ствола. Для воплощения этого идеала он мобилизовал величайшие социальные силы, сплотив целую международную армию социализма, ведущую правильную и успешную войну за эти идеалы. Создаются новые, всё более совершенные формы общения и внешнего объединения людей, стены здания социализма возводятся на крыше, и не особенно далеко то время, когда принципиальная победа социализма станет (и уже становится) совершившимся фактом и когда капиталистический мир рухнет, уступив место социалистическому. Но вот роковой и страшный вопрос, который ставится уже в человеческом сознании: не окажутся ли плоды и этой победы лишь горькими рожками, создаст ли внешняя победа социализма действительно человеческую солидарность?

Становятся ли люди ближе между собою, устанавливается ли между ними не только равенство, но и братство, больше ли стало любви на земле, теснее ли соединяются внутренней связью люди, принадлежащие даже к одному союзу, к одной партии и ставящие себе задачей благодетельствование человечества посредством внешних реформ? Мы думаем, что искренний и добросовестный ответ на этот вопрос не может быть положительным. Не сближение хотя бы внешне и объединяемых людей характеризует нашу эпоху, но отъединение и уединение, какая-то стеклянная, прозрачная, но осязаемая стена разделяет человеческие сердца. Не солидарность, а духовное одиночество, не братство, а убийственный, безысходный индивидуализм, и не равенство, основанное на внутреннем смирении отдельных лиц, но самомнение и жажда власти (*Wille zur Macht!*)²⁴⁸ – таково истинное духовное состояние человечества.

Прочтите гениальный рассказ одного из самых тонких психологов нового времени Мопассана под заглавием "*Solitude*" (Одиночество) –

²⁴⁸ Воля к власти (нем.).

вот исповедь современной души. И когда уединившиеся (по выражению Достоевского) люди, весьма способные к святой (а рядом и не святой) ненависти, но утратившие представление о том, что такое святая любовь, говорят о будущем «рае на земле», который наступит сам собою после уничтожения капитализма, то не знаешь, чему больше надо удивляться, их наивности или духовной слепоте. Должна произойти величайшая духовная революция, люди должны восстановить утраченный секрет объединения не только внешнего, механического, но и внутреннего, мистического, не только в общей ненависти или интересе, но и в общей любви, чтобы действительно мог воцариться мир на земле и благоволение в людях. Иначе же при всём стремлении к соединению люди будут только ударяться друг об друга головами (по выражению того же Мопассана), достигнут благоустроенного муравейника, в котором за отсутствием социальной борьбы будет царить ещё большая пустота и растерянность (рядом с самодовольным меицанством), но не будет побеждено уныние и теперешний демонический или же неврастенический индивидуализм. Внешнее объединение в определённых целях сравнительно легко устанавливается принудительной или даже добровольной дисциплиной, своего рода социалистической муштрой, но она несколько не устраняет ужасов одиночества и разединения и в царстве социализма и экономического коллективизма. Действительное объединение людей может быть только мистическим, религиозным, и, насколько стремятся достигнуть этого вне религии, это есть совершенно недостижимая цель. Нельзя отрицать полезности и значения благородных усилий современных гуманистов уничтожить все внешние причины зла и вражды, но они глубоко заблуждаются, если думают, что устранением внешних препятствий положительным образом разрешается вопрос о свободе и равенстве. Экономический союз, социалистическое государство, может устранить внешние перегородки, существующие между людьми и грубо нарушающие справедливость, но он лишен творческой силы объединения, какую имеет только религиозно-мистический союз веры и любви, утверждающийся на реальном мистическом единстве, т. е. Церкви. Только Церковь может ставить себе и способна разрешать задачу, за которую берется социализм, задачу объединения и организации человечества на основе благодатных даров, данных Спасителем, на основе любви к Нему, одновременно и личной, и общей. Те же, которые заранее отрицают religio, т. е. единственно реальную внутреннюю связь между людьми, устанавливаемую общию их связью со Христом, строят своё здание на песке, не понимая действительной природы человеческого общения.

Всемирно-историческое удаление блудного сына из дома отца, эпоха гуманизма, в течение которой человечество испытывает свои силы и делает отчаянную попытку устроиться и прожить без Бога, имеет свой смысл и свою необходимость. В устройении Царствия Божия, которое есть процесс богочеловеческий и основывается на самодетельном усвоении человечеством божественного содержания жизни, необходимо свободное развитие чисто человеческой стихии, проба сил на стороне; поэтому гуманистический, внерелигиозный, даже антирелигиозный период исторического творчества необходим для богочеловеческого дела. Представляя собой явную односторонность и обнаруживая окончательное своё бессилие, он в то же время осуществляет собой диалектический момент развития, религиозный антитезис, ведущий к высшему синтезу.

Но не всё человечество ушло из отчего дома, там оставался старший брат, который всё время был при отце и с таким ревнивым недоброжелательством встретил возвратившегося брата. Что было с ним, что было с церковью в этот внецерковный и даже антицерковный гуманистический век? Нельзя отрицать, что она приняла за это время некоторые черты духовного облика старшего брата, как он изображен в евангельском рассказе. При верности и строгости своего служения она вместе с тем усвоила высокомерно-недоброжелательное и фарисейски-мертвенное отношение к младшему брату, который хотя и «согрешил пред небом и пред отцом» во время своих странствий, но сохранил открытую живую душу. Помирятся ли внутренне и поймут ли друг друга оба брата? Вот великий и роковой вопрос, который становится теперь историей.

Раскол жизни на «светскую» и церковную – внецерковность и внерелигиозность (отчасти же и антицерковность и антирелигиозность) современной культуры и внекультурность (отчасти же и антикультурность) современной церкви вносят разлад и двойную бухгалтерию даже в души тех, кто сознаёт всю историческую ответственность и внутреннюю ненормальность этого раздвоения. Создать подлинно христианскую церковную культуру и возбудить жизнь в церковной ограде, победить противоположность церковного и светского – такова историческая задача для духовного творчества современной Церкви и современного человечества.

Высказанная мысль, вероятно, оскорбит многих церковных людей старого закала. Церковь мыслится ими как совершенная полнота благодатных даров, которую нужно только хранить согласно преданию, и поэтому речь о новом творчестве, по мнению их, будет

неуместна. Такому воззрению на церковь, согласно которому ей приписываются лишь функции охранительные, консерватизм предания, мы противопоставляем идеал церкви творящей, растущей, развивающейся. Как учреждение богочеловеческое, она имеет неподвижную мистическую основу в лице своего Божественного Главы и, конечно, церковно-догматического учения о Нем, и человеческую стихию, развивающуюся исторически в границах пространства и времени. Взаимодействием мистической основы и человеческой стихии и обуславливается исторический прогресс церкви, призванной ввести историческое человечество в сферу Царствия Божия. Поэтому было бы также ошибочным ограничивать и область влияния церкви, а следовательно, и церковной жизни, или, точнее, жизни в церкви, какой-нибудь одной узкой сферой, например, богослужения или храмового благочестия. Благодаря этому неправомерному сужению понятия церкви в привычном словоупотреблении она обычно понимается лишь как церковь-храм, но не как церковь-человечество, церковь-культура, церковь-общественность, и это сужение сферы влияния и жизни церкви и является главной причиной, а вместе и симптомом её исторической слабости в данный момент. По идее религия, а следовательно, и церковь как область религиозной жизни должна быть всем, распространяясь на все области жизни верующих. Не должно быть ничего, принципиально «светского», не должно быть никакой нейтральной зоны, которая была бы религиозно индифферентна, не имела бы того или иного религиозного коэффициента. Духовная деятельность исторического человечества, т. е. культура, овеществляющаяся и во внешних материальных объектах, и в продуктах духовного творчества, должна вырастать также на духовной почве церкви, в церковной ограде, ею должны святиться, находясь в интимном общении с ней, все стороны жизни. До известной степени осуществлялось это требование в средние века, но ценою духовного деспотизма, пора которого навсегда миновала. За своё отрицание прав свободного творчества средневековая церковь поплатилась, с одной стороны, гуманистическим отторжением от неё наиболее деятельной ее части, а с другой – своим собственным оскудением. Следствием угашения духа и враждебного противопоставления стихий светской и церковной и явилось вырождение, извращение церковной жизни и деятельности и за пределами храма. Церковная организация стала не творческой, но консервативной и даже реакционной силой истории, оказавшись в естественном и прискорбном союзе с темными историческими силами, при этом унижаясь до роли, совершенно уже не

соответствующей её достоинству. Но если церковная организация не должна остаться навсегда крепостью обскурантизма и реакции и быть приютом лишь для усталых и отсталых, не для работников и мужей, то необходимо должна начаться, рядом с общей молитвой, и общая, соборная жизнь в церкви, жизнь, полная духовных даров, в том размахе и диапазоне, от которого не может и не должен отказаться современный человек, даже если б этого хотел, а следовательно, должно начаться и культурное творчество. Церковная ограда должна вместить в себе не один только дом для инвалидов и богадельню, для которых в ней находилось место до сих пор, но и рабочую мастерскую, и учёный кабинет, и художественную студию. Должна вновь возродиться церковная жизнь, но не на основе инквизиционного режима, а на основе свободного общения и соборного творчества, так чтобы для участия в творчестве культуры не нужно было удаляться в «страну далеку», за пределы соборной жизни и церковного общения.

Итак, христианская культура, церковное творчество, направленное *ad extra*²⁴⁹, такова всемирно-историческая задача, которая ставится нашему веку. Не наше дело спрашивать, в какой мере осуществима эта задача – это решит за нас Вышняя воля, мы только должны определить, действительно ли она существует, и, если да, должны посильно работать для её разрешения.

Трудно себе представить, насколько изменилась бы вся наша жизнь, какими радужными красками расцветилась бы она, как стала бы легка и благостна, если бы вспыхнуло подлинное пламя христианского творчества и вдохновения, если бы в церкви восстановилась та полнота жизни, которой жаждет современный человек. Ожила бы внутренне наука, которая перестала бы томить мертвой и безыдейной специальностью, оторванной от целого, или же муками Фауста, следствием пустого и нелепого притязания поставить часть вместо целого, заменить одной наукой и философией, и религию. Сколько праздных вопросов, навязанных ей этой несвойственной функцией и связанных с ними праздных теорий, отвлекающих так много умственных сил, отпало бы вследствие этого освобождения науки из тисков позитивизма и материализма, вследствие восстановления связи с религиозными корнями. И философия, оплодотворившись религией, получила бы силы выйти из трясины импотентного скептицизма и бесплодности, в которой она теперь находится. Одно из двух: или европейская философия

²⁴⁹ К последнему пределу (лат.).

совершила уже свой цикл развития и сказала последнее слово (как думал в последние годы жизни Вл. Соловьёв), или же возрождение её может совершиться только на почве нового религиозно-мистического углубления. Лишь при этом условии может быть снова испытана радость метафизического творчества, дело великих мыслителей найдет себе новых продолжателей, и творческий разум, Логос, победит «отвлеченные начала» современной философии и произнесет над ними суд.

Ещё большую важность должно иметь христианское искусство. Ведь, может быть, именно в направлении искусства и лежат новые откровения, ибо неложно слово, что «красота спасет мир», что «совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, но и в самом деле, – должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь». Но, конечно, эта задача не только не по силам, но просто даже не вмещается в сознание теперешнего искусства, в котором господствует бескрылый натурализм, утилитарная тенденциозность или же бессильный эстетизм. Новые сферы действия и новые задачи искусства под силу только новому, религиозному искусству, мистерии будущего. Если бы создалась, наконец, эта христианская, церковная общественность, то и социализм потерял бы свой мертвенный, классовый характер, какой он имеет теперь, приуроченный к узкой классовой основе; он стал бы живым воплощением вселенской евангельской любви и перестал бы соединяться с духовным опустошением, которое узостью своей проповеди он вносит в сердца своих адептов теперь. Вся вообще политическая и социальная жизнь потеряла бы тот нудный, прозаический оттенок, какую-то бескрылость, которая чувствуется особенно на Западе, и получила бы вдохновенный и пророческий характер. И вся культура, освещённая внутренним светом, оказалась бы светопроницаема, полна света и жизни. Задача эта превышает не только силы, но и разумение одного поколения, это идеал, а не практическая программа. Но этот идеал дает вполне определённые указания, создает соответственные настроения и чувства и заставляет бороться с настроениями, чувствами, мнениями, ему противоречащими. Противоречит же ему тот дух отрешённости, который просто утвердился в современном церковном сознании и который питается самодовольным, но бесновательным мнением, что в «культуре» всецело царит тёмное, сатанинское начало. Между тем там ключом бьёт жизнь, которой не нашлось места в церковной ограде, накопляется всемирно-исторический и общечеловеческий опыт, который необходим и для церковного

сознания; ведь даже и со строго догматической точки зрения допустимо так называемое «естественное» откровение, и кто же поставит ему границы и пределы, кто скажет, что нет ему места в теперешней «светской» культуре. Поэтому нужно любовно, без кичливости, но с христианским смирением открыть своё сердце «светскому» миру и, может быть, тогда и старший брат вместе с Отцом дожждется радостного дня, когда увидит, что блудный сын был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся. И с той, и с другой стороны должна быть признана обоюдная вина и принесена духовная жертва, и тогда, естественно, возникнет взаимное притяжение и воссоздастся живая, творящая, взыскующая грядущего града, воистину воинствующая церковь. «Се стою у дверей и стучу...».

Расширение церковного самосознания необходимо и для завершения всемирно-исторической трагедии, для окончательного выявления сил добра и зла и грани, их разделяющей. Пока существует обширная религиозно-нейтральная зона «светской» культуры, последнее решительное столкновение добра и зла не созрело для последней жатвы, ибо не может быть осознано во всей своей широте и непримиримости. «Ничто в мироздании не должно остаться двусмысленным» (Шеллинг). Лишь при внесении света в неосвещённые доселе области обнаружатся светопроницаемые точки. Пока облачённая в солнце жена скрывается в пустыне, не раскрыта ещё вся противоположность между невестой Христовой, в брачном убранстве ждущей Жениха, и женой, сидящей на одре багряном, облечённой, в порфиру и багряницу, с именем на челе: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным (Апок. 17, 5).

Пусть же загорится скорее этот пламень религиозного вдохновения, который озарит собой мир и культуру, и тогда поднимется человечество на высшую, последнюю ступень всемирно-исторического и религиозного сознания. Ей, гряди, Господи Иисусе!»²⁵⁰.

²⁵⁰ Булгаков, С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов / С. Н. Булгаков. – Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – С. 345–350.

**Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский
(1829–1908 гг.)**

**Православный священник,
общественный деятель.
В 1990-м году канонизирован
Русской Православной
Церковью в лике праведных**

«Моя жизнь во Христе»

*«Как реки текут в море, так души
людей к Богу»²⁵¹.*

**И.В. Тальков
(1956–1991 гг.)**

**Русский, советский
рок-музыкант, актёр**

«Бывший подьесаул»

*Природа мудра, и Всевышнего глаз
Видит каждый наш шаг
на тернистой дороге
Наступает момент, когда
каждый из нас
У последней черты
вспоминает о Боге.*

(1990 г.)²⁵²

²⁵¹ Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. – Москва: Центр Благо, 1999. – С. 788.

²⁵² Тальков, И. В. Бывший подьесаул / И. В. Тальков. – URL: <https://tekst-pesni.online/igor-talkov-byvshij-podesaul> (дата обращения: 18.11.2023).

Глава 5. LINGUA LATINA EST LINGUA LINGUARUM.

«КРЫЛАТАЯ ЛАТЫНЬ»

Таблица 1

№ п/п	Лексическая единица/ поговорка на латинском языке	Перевод/эквивалент на русский язык
1	2	3
1	Carpe diem!	Лови день! Цени момент! (Гораций)
2	Nulla dies sine linea!	Ни дня без строчки! (Плиний Старший)
3	«Amicus Plato, est sed magis amica est veritas»	«Платон мне друг, но истина дороже» (Аристотель)
4	«Scio me nihil scire»	«Я знаю то, что я ничего не знаю» (Сократ)
5	Docendo discimus	Уча, учимся (Сенека)
6	Si vis vincere disce pati	Хочешь побеждать – учись терпеть
7	Amicus verus cognoscitur amore, more, ore, re	Верный друг познаётся в любви, нраве, слове, деле
8	Circulus vitiosus	Порочный круг
9	Falsa in uno, falsa in omnibus	Ошибка в одном – ошибка во всём
10	Homo homini amicus est	Человек человеку друг
11	Homo homini lupus est	Человек человеку волк/враг
12	Bellum omnium contra omnes	Война всех против всех
13	Mala herba cito crescit	Дурная трава быстро растёт/ Дурной пример заразителен
14	Pigritia est mater vitiorum	Праздность – мать порока
15	Repetitio est mater studiorum	Повторение – мать учения
16	Omnia vincit amor	Любовь побеждает всё
17	Quod errat demonstrandum	Что и требовалось доказать
18	Tertium non datur est	Третьего не дано
19	Errare humanum est	Человеку свойственно ошибаться
20	Ignorantia non est argumentum	Незнание – не аргумент
21	Cogito ergo sum	Я мыслю – значит я существую

Окончание таблицы 1

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
22	Vera ornamenta matronarum pudicitia sed vestes	Лучшее украшение женщины – скромность, а не одежда
23	Elephantum ex musca facere	Делать из мухи слона
24	Domus propria, domus optima	Мой дом – моя крепость
25	Dum spiro, spero	Пока дышу – надеюсь
26	E fructu arbor cognoscitur	Дерево узнается по плодам/ Яблоко от яблони не далеко падает
27	Dura lex, sed lex	Закон суров, но он закон
28	Epistula non erubescit	Письмо не краснеет/ Бумага стерпит всё
29	Sapient sat	Умный поймет с полуслова
30	Qui non laborat non manducet	Кто не работает – тот не ест
31	Qui seminat mala metet mala	Что посеешь – то и пожнёшь
32	Plenus venter non studet libenter	Сытое брюхо к учению глухо
33	Homo sum et nihil humani a me alieno puto	Я человек и ничто человеческое мне не чуждо

Философия. Курс закончился. И что? ...

Улья
11-1

Понимает философия добавь интересный предмет: все эти поговорки, определения и понятия, Сократ, Платон да Аристотель, Бэкон, Кант, Вильям и т.д. Мне было интересно узнать это все, что они значат, но...

Но некоторые простые практические истины, такие как, что такое жизнь, мировоззрение, определение смысла жизни и своего поведения, формирование себя, на мой взгляд, родители закладываются родителями с самого рождения своему ребенку.

Из курса философии для себя я вынес следующее: это отношение большинства людей к философии можно назвать недовольством.

Я узнал для себя поговорки на латинском языке, их значение и первую, которая я ~~узнал~~

пришло в голову написать, в редакцию
 дало с моей просьбой почитать, она
 рассказала мне про одного человека,
 с которым у неё давно был роман,
 но в итоге этот человек оказался не
 тем за кого себя выдает, и как она
 сказала, читая: "Я ошиблась в нём!", на
 что я ответил: "ERRARE HUMANUM EST!
 Человеку свойственно ошибаться". Свою
 любимую фразу вспоминаю, у которого не
 получилось дать имя задумав как я
 сказал слезу в слезу: "Si vis vincere disci-
 pabí - хочешь победить учись ~~не~~ терпеть.

Отсутствие мысли суждений
 к философии и у себя в делах, на мой
 взгляд неправильное. Их заставляют
учиться и ходить казаться, когда это их
основная, главная задача на данном этапе
жизни. Именно такие прогнозы

проблем, настоятельная неготовность к параличу
Движения доказательств ^{того} ~~того~~, что урба
для них совершенно неважно.

На предере ~~и философия~~ нас все
заставляли думать, Мысль, но я слышу что
(некоторые люди неправы), ~~не вступают~~
думать мы все делаем сами, и никто
думает нас это заставляет думать, без
Соджо ерго сам - я мыслю - я существую.
Думать и мыслить вдали мира бездумно,
кельза кельза бездумно.

На зорятиях философии преподавать
нам рассказывали сказки. Сказка - Благозарт,
своей образности, полноты, полноты в
умных прозе, в познании истины.

Сказка которая мне очень нравится
это сказка про шарик. Французский шарик - это
день который пришел к с канцелии
выбрасывали эти шарик и появлялись

мысли: что же сегодня я сделаю? Что мне
 может дать? Как же добавит эти минуты?
 Что на это я могу рассчитывать с такой нагрузкой?
 Говорю им уже так мало? И эта сказка
 заставляет задуматься о секретарях
 Филиппа и Евстафия.

Тогда же мне запомнилась одна
 показательная пример, который привели к
 делу. Там обычно спрашивают повороток
 произойдет впечатление. Одну из одноклассниц
 преподаватель спросил: как ты относишься
 поворотку *Carpe diem!*? И что она ответила:
 "нужно в этой жизни попробовать всё".
 Преподаватель дал ей стержень от ручки и
 сказал: "... Суй в розетку! В этой же жизни
 нужно попробовать всё!". Из этого я сделал
 вывод, что мне мысли, о том, что нужно
 отгадать отчёт своим словам и действовать,
 лучший раз затвердиться, нужно уметь, пере-
жить, как что-то сказать.

Философия. Курс закончился. И что???

Карел
11-

Наш курс философии подошёл к концу. Это означает, что каждый из посещавших её, в том числе, конечно же, и я, должны были что-то да увидеть.

Философия - это древнейшая, но вечно обновляющаяся форма мысли, различные разработанные виды и уровни мировоззрения. В свою очередь мировоззрение - это система взглядов, определяющих видение человеком кто он, в каком мире он живёт, ради чего он живёт, кто его друзья, а кто враги.

Мне наиболее запомнился момент в курсе, в котором мы разбираем латинские поговорки. Было очень интересно не только попытаться самой "докапаться" до смысла отдельно взятой поговорки, но и посмотреть как на слит ^{то} же латинское выражение высказываются ^{другие} и какие мысли у них возникают. Иногда мысли у собеседников совпадали с моими, а иной раз заставляли

подумать в другую сторону. Мне же в
наибольшей степени понравились две поговорки:
ERRARE humanum est - человеку естественно
ошибаться, и cum grano seleno - пока грину надеюсь.

Я думаю, что мне понравились именно они,
так как эти высказывания наиболее касаются
моей жизни, поэтому, поверное и ~~таким~~ ~~или~~
можно отнести к ней и "omnia vincit amor -
любовь побеждает всё".

Также, благодаря парам^{но} синонимии, я изучаюсь
правилами, красоте и грамотнее ставить свою
речь. Знаю те же поговорки и учено употребле
ни, можно преобразовать свою речь.

Самое главное для человека - это уметь думать
и размышлять, без этого человек не может
быть в полном смысле человеком. И думать
следует не только о том, как бы так сделать
чтобы сейчас было хорошо и вечно, но и о
последствиях этого "хорошо сейчас" в будущем.
Но, к сожалению, в последнее время много

судящие понимают о возможности поспешных
наблюдений, и как бы это не было грустно, многие
слишком поздно осознают свои ошибки, зачастую, тогда,
когда уже поздно что-либо исправить.

После прохождения курса ершовщины, я начала
по-другому воспринимать содержание книг. Я считаю,
что если сейчас начать переиздавать книгу
Лавро Кэтио "Алжамин", которую я читала больше
всего назад, она для меня откроется совсем другой,
наиболее яркими красками, откроются новые
смыслы и подтексты, которые ранее я не замечала.

Закончился курс, и это...?

Вот и подошел наш курс философии к концу. Именно на этом курсе я поняла очень много и стала наконец-то задумываться о вопросах, о которых ранее не думала. Я начала размышлять о себе, больше узнавать. Кроме этого мы все стали более мудрее. Я считаю, что именно философия помогла мне разобраться в некоторых вопросах, разобраться в себе. Я наконец-то поняла, что нужно уделить время с помощью поговорок сагге діет. Мне очень сильно понравились некоторые поговорки. На этом курсе я начала формулировать свои мысли, и начала говорить с людьми. Курс закончился, но мое познание не остановится на этом. Мне кажется мы все должны работать дальше и развиваться. Но если говорить только за себя, то я так же буду заниматься над собой и продолжать изучать, это-то интересное. И хочу переосмыслить поговорки, которые я бы

поговорова всем: falsa in uno falsa in omnibus

dura lex, sed lex. Именно эти поговорки

заставили меня очень хорошо подумать.

Я была очень рада изучать философию, хоть

это просто основы, но все таки это лучше,

чем ничего Только на этом предмете

я могла говорить свою точку зрения.

С помощью ваших сказки про шорки я стала

придавать каждому дню особое значение.

Когда вы зачитывали разные сказки я

серьезно задумывалась и искала смысл и

у меня это получалось. Вспомнивая все фильмы,

у меня до сих пор есть чувство, которое

не передать словами.

Я считаю, что этот курс был очень

полезен и интересен. И это только начало

нашего развития.

Кирилл 11-11

Сочинение.

"Рисовали. Курс закончили. И что?..."

До первого сентября 2019г, я и не мог представить, что мне будет, с тех и все студент пришел на первое занятие по Рисованию. После первого занятия я понял, что эта дисциплина помогает разобраться в жизни, помогает дружить, делать правильные выборы в жизни, видеть то, что не видит и не замечают множество людей. Инструктор просит не шуровать этот предмет и они перестают на него ходить, вы говорят, что мне них это нужно, но на самом деле они не хотят принять то, что мир не такой уж сам собой и привлекательный, что в нем не так как в фильме или аниме, просто люди живут в своей мире и не хотят выходить из него. Они не хотят входить в мир другой день, что то

короче в мир где на это выходящими сошь
поговори в философии „Nulla dies sine Linea“ -
ни дня без строчки. Философия за этот мир
причина мне и именно мне, дама мне
множество прожитых и прожитых поворотов,
которые постоянно вырываются в жизнь,
хочу до этого и пережить, и покажи, что
время - это лучшее, что даю мне в жизни
и что жизни исполняется очень быстро и
пережить, и покажи, что человек думает
только о себе в этой жизни, покажи, что
жизнь обидеть свою Творца покажи бы она
не была ведь в любой стране есть любовь
и милость. В. укажите это.

Ну и на последнюю пережить не самую главную
без потерь и бы всего этого не удали. Это
или преподаватель Михаил Сергеевич Романов,
этот человек настоящий профессионал,
который горит и живет своим делом,
который полностью читает перед собой

и своими студентами, уже которого мы — это Бетте. На занятиях он познакомил студентов, всегда есть, что показать и рассмотреть, особенно сюжеты, которые прямо зрелищнее в шоу, и думаю, что такое понятие как широта уже утеряно в нашей среде, но оправдывается тем этим примером и случаем Ирины Сергеевны. И напоследок, и хотел бы вам сказать о другом эпизоде! Вся ситуация мне шире на шире, показана что такое хорошо, а что такое плохо. Это ни в коем случае не есть, а действительное то ли широты, спасибо вам за ваши откровения!

Для меня курс философии Боси довольно тяжелым. Сначала я не понимала для чего мне нужен этот предмет, в нем то смысл. Но мере прохождения курса я общилась с семьей ^{текущие} темой. В процессе обсуждения я повторила материал и извлекала для себя полезное мысли. Затем я поняла для ^{чего} ~~чего~~ нужен этот предмет. Мне понравилась учесть различные повороты, вернее сами факты, что я их выучила. Мне понравилось, когда вы затронули тему сложнейших проблем, они очень актуальны, нужно в них разбираться. Когда я сидела на парах и вы рассказывали о древнеархейских философиях, о идеях, материализме, фрейдизме, я не понимала зачем они нужны под этим, когда это и так было понятно. В последствии тема

я, также, была важна для себя очевидна
 вещи. И потом пришла, наконец философия
 сложней предмет в теме осмысливая того, что уже придумали.
 Я никогда не задумывалась над этим, но пришла теперь, что это все не просто так. Затем по
 мне пришла осознание того, насколько философия отличается от других
 предметов в нашей коллегии. Вот не ставите автоматом (теперь я по-
 няла почему), соответственно это увеличивает мотивацию ходить на
 пары. Но! Отличие этого предмета (лично для меня) в том, что на по-
 бой другой паре зочет или экзамин с помощью пары заданней не показат
 бы мои знания в целом. Тут нас через разговор действительно можно
 понять, получили мы чему-нибудь или

Нет, потому что из одной мысли можно пойти в совершенно разные направления и познать, насколько мы можем думать и рассуждать.

Воспитание окончившая девушка, может сказать, что я, в принципе, люблю учиться, и тому, что осталось у меня в голове я рада. Я рада, что, повторяю, знаю несколько поговорок, знаю историю людей, которые очень много сделали в этой области, могу поговорить о современных проблемах в мире, на работе, может быть, даже порассуждать о вещах, про которые раньше не думала.

Люди уже имели доступ тех тем, которые мы прошли. Может быть, больше заинтересованы современными проблемами общества, не имеют древности и возможности больше как-нибудь ^{или творчески} активнее задумываться.

Заключивается курс философии, я открыл глаза на многое. Пары проходили очень насыщенно, многое обсуждалось, многие проблемы человечества были улажены и подвергались обсуждению. Формы морали, нравственности, «Сказки для взрослых» не прошли для меня даром, я смог усвоить уроки с каждой рассказанной историей. Дались время поразмыслить над всем улаженным на наших занятиях.

Благодаря философии я могу раскрывать истинную суть моих желаний, рассуждать на многие темы, которые волнуют человека.

Если сравнивать меня до поступления в НИУ и сейчас, то перед собой вы увидите совершенно другого человека. Человека, выросшего не в высоту или ширину, а нравственно.

На философии удалось узнать и порассуждать над поговорками, которые используются по сей день в своей речи. У меня с друзьями даже есть поговорка, которую мы используем при хороших

события, происходящих в нашей жизни:
"carpe diem!". Малое количество людей
понимают истинную суть этой поговорки,
ведь ее значение известно "избранному"
кругу лиц.

И, конечно нельзя забыть ту пару,
на которой мы всей нашей дружеской группой,
включая преподавателя, кушали блины и безуду-
ли, наслаждаясь, их. Это незабываемо!!!

При просмотре фильмов, прослушивании
песен, рассказе "сказок для взрослых" я открываю
для себя что-то новое каждый раз, ведь не
"у" всегда с первого раза замечаешь малейшие
детали. Все это заставляет задуматься не
только о происходящем моменте, а в общем,
о жизни, о сделанных и не сделанных много
делах, о сказанных словах близким, друзьям.

По завершению курса философии я не
планирую останавливаться и буду развивать
свои знания по запланированной маршруту.

Ведь мы изучили малость, но сравнительно с тем, сколько всего предстоит нам узнать и над чем можно поразмышлять. Три вопроса с преподавателем Филиппом Максимом Сергеевичем в будущем я смогу гордо показать руку и обсудить интересные вопросы, на которые не найду ответа. Я рад, что смогу посетить такой курс погружения в мир размышлений и раздумий. Ведь на наших курсах мы просто ЖЛИ не по-детски!!!

Спасибо за интересно проведенное время, ведь оно не прошло зря!

Елизавета
11-11
Философия. Курс закончился.
И что???

И закончились наши шаржи весьма неожиданно, даже остались у нас один шарж.

Возможно мы бы уехали послушать на одну сессию больше, а после задумчиво вошли на аудиторию и бурно обсуждать, малая часть, или на следующий день. К сожалению мы молчали на уроках, да и в конце не много говорим. После возможности лично все обсудить, сказать и поговорить, а теперь шаржи закончились. Маль... Маль и то, что сама ощутила эту возможность. После иногда было так перебивать преподавателя. Его слова подхватили более активно составлять картинку о происходящем

и все более и более критически
расшифривать окружающую
нас действительность.

Бывало, что мы потягивая соглас-
но с Владимиром Вайсманом, об-
щались совсем, или почти совсем
нейтрально. Бывало что французское поколе-
ние и мир, в котором выросли
мы и вы.

Время действительно пролетело,
мы пробегали, что мы запом-
нили с первого занятия "Время
бежит, дни мигают, годы падают." Но
за годы поройнейшей перемены
слотались некоторые традиции:
выпавать в магазин утром и
поговорить с мамой, когда отвечаешь,
почему иногда это забавно и
как-то прощались, иногда казалось,
будто мы покороче сокрушились;

видеоролики, статьи, которые моя
мама читала маму, а как было
мать, когда смотрел документ, то
как нас удивил фильм "Угасла"
наше его позиции; и конечно
те разговоры, к которым мы все
внимательно готовились. Однако мне
больше нравилось, когда нас спра-
шивали те разговоры, которые
нам давали на уроке и сразу же
мы их пытались объяснить. Было
интересно слушать мысли друзей
и сопоставлять со своими. Порой
казалось, что в философии нашей
мирационного общества и модели
принимается и объясняется.
Мать, что мы прошли не все
темой, зато мы, но больше
конечно во, разговаривали. Просто
это мы "одно мнение" (это шутка).

Боже ты сколько узнаешь Вас,
 Боже ты сколько изучаешь философию,
 но без первоисточников, хотя
 всё тебе близко и кажется тужи-
 ми, опирайся нас и можно
 справиться.

Но вас не забудем и это
 точно. Однако не переусаживайся,
 думаю, увидимся и ещё
 не раз.

Алексей ИИТ-

Философия. Курс закончился
 и что...

Я впервые столкнулся с такой глубокой
 изучением философии именно здесь. Я никогда
 не думал, что значимость этого предмета
 так велика. Я сейчас я уверенно могу сказать,
 что изучение философии должно быть
 обязательно во всех высших учебных заве-
 дениях, несмотря на их направление. Если
 человек живет в социуме, то так или иначе,
 ему придется адаптироваться, а в этом,
 по сути, и заключается философия. И сейчас
 я даже не могу представить учебу без
 философии... Хочу и буду изучать ее
 дальше и глубже, ведь это поистине важная
 жизнь.

Философия для меня понятие, что такие
 вопросы, на которые нет ответов, либо их

наоборот очень много и они все разные, противоречивые, так вот, они только лишь помогают жить. Ведь жить хорошо - надо уметь, это как искусство.

Искусство жить. И эти вопросы, как: „Кто я такой? Зачем я здесь? Ради чего живу?“ - они помогают учиться жизни.

Мы пытаемся ответить на эти вопросы, чтобы познакомиться с нашими болями и страданиями.

Когда человек несчастлив, плачет и радуется,

вред ли он будет задавать себе вопросы:

„Почему это со мной происходит? За что это мне ???“ Ведь мы чаще забываем

настоящие уроки тогда, когда страдаем.

Искусство жить учит, что каждый раз,

когда мы испытываем боль и печаль,

мы должны остановиться и задать себе

вопрос: „Почему я страдаю? Чему учит меня жизнь в данный момент?“ ...

Когда человек учится жить, судьба все

ставит перед ним определенное испытание

и если он его преодолевает, то может
уже с полной уверенностью идти следую-
щего истинным. Невозможно хотеть
надуваться жидь и при этом позволить
себе поuzzi и теснить по своей жиди.
Вместо того чтобы быть „бревном“,
которое течение реки дросвет то в одну,
то в другую сторону, нужно суметь
превратиться в лодку с веслами, надувшись
для начала, управлять собой и справиться
с теми „течениями“. Философия, это как
инструмент познания ~~себя~~ мира через самого
себя. Как возможность замкнуть через
себя во всееленно, шьа ответы на все
эти вопросы.

У мене нет однозначных ответов на все
эти вопросы, но пока они мене волнуют, пока
я задаю их себе, я ищу, я меняюсь, я
пытаюсь и я чувствую что я живу. Ведь я
все еще живу. Cogito ergo sum.

Однозначно это был самый неординарный предмет из всех! Было много интересного материала, но что-то действительно заставило в серую задуматься... В моем случае это было сочинение-рассуждение на тему "что значит простить?" В плане восприятия и понимания! Кроме этого вопроса появились еще один, а зачем? Как это просто взять и простить человека за его злое деяние, и не важно, осознанное или нет, ведь оно ранит твои чувства... Но вскоре я поняла, что рано или поздно мы все равно опустим данную ситуацию, так зачем до определенного момента откладывать это и копить этот негатив?

Благодаря этому курсу начинаешь задумываться о вещах, которые ежедневно окружают нас, на которые мы не обращаем никакого внимания, и не видим очевидного.

Я считаю, что узнала больше, чем предполагалось. Когда нам сообщили,

то у нас будут курсы философии если честно, то я представляла худшие рассказы о великих философских и основных понятиях, но вместо этого был свободный "полет" организаций и мыслей.

(Большое вам за это спасибо, что на занятиях не приходилось сидеть и за многие интересные мысли). На некоторые вещи и вовсе поменял взгляд и отношение.

Философия везде, если "открыть глаза".

На курсах мы находим ее в песнях, стихотворениях, видеороликах, играх и во многих других вещах. Но она так же в нашей голове. Мы каждый день делаем еще множество ошибок (false) и на них не учимся, потому что жизнь без "инструкции". Мы учимся на протяжении всей жизни. Так что окончание курса не означает, что философия в нашей жизни закончилась (вот то самое отсюда, сюда и все), нет. Вся наша жизнь и ее смысл - это и есть философия. Это так сказать "духовные витамины/пища",

Послесловие

С точки зрения автора, предложенного вниманию читателя учебного пособия по философии – хрестоматии «**Знать и Думать**» – материалом, способным и должным стать его финальным аккордом, или, выражаясь в сдержанно-нейтральной стилистике, текстом, обладающим инспирирующей характеристикой и направленностью, лаконично сворачивающим и подчёркивающим лейтмотив труда в целом, может выступить статья, которую составителю данной хрестоматии было поручено написать в период проходившей в России избирательной кампании 2016-го года.

Её задачей не являлась агитация за конкретного претендента на должность в органах власти. Она должна была стать средством побуждения граждан к реализации ими, некогда пострадавшего и дорого оплаченного избирательного права – права отдать свой голос в рамках проведения выборов того или иного уровня. Иными словами, она представляла призывом прийти на избирательные участки и сделать свой, личный осознанный выбор.

Это обстоятельство обусловило её дух и стилистику: по задумке автора они должны были отозваться в душе, зацепить в ней нечто такое, что действительно запустило бы в ней некий внутренний движитель.

Когда она была закончена и напечатана в центральной газете одного муниципального образования, стало понятно, что текст, под названием «Будущее делается сейчас»²⁵³, подходит и к прочим аспектам жизнедеятельности человека и общества, в т. ч. к области и

²⁵³ Особый вес и подкрепление некогда выбранному названию статьи и, естественно, её содержанию, придаёт тот факт, что ровно об этом же заявил Президент России, выступая на 20-м ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 05.10.2023 г. В частности, он сказал следующее: «Я с интересом, уважаемые друзья, прочитал доклад, подготовленный Валдайским клубом к нынешнему заседанию. В нём говорится, что сегодня все стремятся понять, представить образ будущего. Это совершенно естественно и объяснимо, особенно для интеллектуальной среды. В эпоху кардинальных перемен, когда рушится весь привычный уклад, очень важно осознать, куда мы идём, к чему хотим прийти. И, безусловно, будущее создаётся сегодня, не только на наших глазах – нашими руками». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>. Очевидно, что язвительные инсинуации в данном случае совершенно неуместны. Ссылка на слова В.В. Путина обуславливается тем, что выраженная в них идея, носит концептуальный характер, акцент на чём и был сделан Президентом России, являющегося среди всего прочего фигурой,

сфере образования, т. е. может быть своего рода катализатором решения образовательно-воспитательных задач. Собственно, поэтому она и была опубликована в одном из сборников научных статей²⁵⁴.

В этом виде она и приводится далее в качестве Послесловия к новому проекту.

**Слышу голос из прекрасного далёка,
Он зовёт меня в чудесные края,
Слышу голос, голос спрашивает строго:
А сегодня что для завтра сделал я?**

Ю. Энтин, к/ф «Гостья из будущего»

Наверное, каждому знакомо приятно-радостное чувство, появляющееся от намеренного, а особенно – неожиданного, соприкосновения с чем-то хорошо знакомым, любимым, *уже прошедшим* (давно или не очень непринципиально), много времени не попадавшим на глаза, встреча с которым волей-неволей порождает размышления, серьёзные размышления. Знакомо? Уверен, что да. Вот и я на днях приятно, но при этом очень здорово, призадумался. Призадумался, когда в Интернете случайно наткнулся на удивительно добрый и содержательный советский фильм детям про Алису Селезнёву. Помните, был такой многосерийный фильм «Гостья из будущего»?

А задуматься есть над чем. Причём, не только и не столько о добром, светлом прошедшем детстве, т. е., скорее, предаться тёплым воспоминаниям, нежели размышлениям. Задуматься именно взрослым, что-то узнавшим и прочувствовавшим умом, из позиции сегодня, глядя во вчера, задумываясь о завтра... Сильно? Трудно? Жёстко? Да? Но ведь именно этот, говоря современным языком «мэссэдж», красиво и настоятельно посылая *тогда ещё* маленьким советским мальчишкам и девчонкам главная песня фильма «Гостья из будущего». Представляете теперь какой «крутой» идейный уровень и смысловая нагрузка прямо и косвенно задавались,

генерирующей, артикулирующей и посылающей послания народу страны, а в нынешних непростых условиях и всему миру.

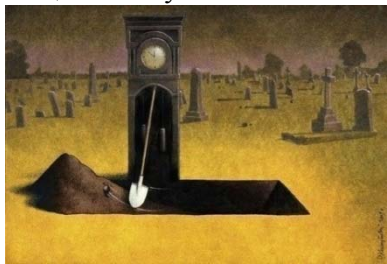
Получение такого рода сигнала-послания с высокой трибуны и от авторитетнейшего политика мирового масштаба текущего момента, являющегося твоим Президентом и твоим современником, однозначно, окрыляет и интенсифицирует собственную работу: подтверждает правильность лично почувствованного, самостоятельно уловленного направления следования именно на своем уровне и месте.

²⁵⁴ Приоритетные направления развития науки и образования. – №2. – 2016.

казалось бы, простым фильмом-сказкой, хотя и научно-фантастической советской сказкой...

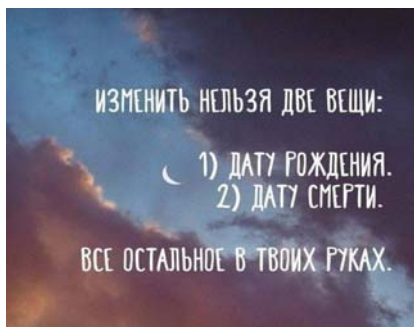
Действительно, если хотя бы иногда задавать себе этот действительно «крутейший» вопрос – «А сегодня что для завтра сделал я?» и не убегать от него при его появлении в голове, то, наверное, очень многое бы изменилось, реально изменилось. В лучшую сторону.

Почему и вследствие чего? Да хотя бы от того и тем, что он по-настоящему заставляет действовать, даёт «ощутить кожей» как стремительно пролетает время, которое при взрослом, именно взрослом, отношении очень жалко тратит, разбазаривать на пустые сетования о том, что всё плохо; на поиски виноватых в жилищно-коммунальном хозяйстве (ЖКХ), плохо моющим полы и

метущим дворы; на продуктовом рынке, обвешивающим и продающим подгнивающий товар; в школьном учителе, вычитывающим и начитывающим материал, а не воспитывающим и образующим школьника и т. д., и т. д.

Сразу же строго и жёстко отметаю позицию стонущего нытика, причитающего и обвиняющего систему, чиновников, тещу – всех, кроме себя единственного. Во-первых – это не продуктивно, т. е. не приносит результата. Во-вторых – это просто уже надоело. Порой, даже думается, что это уже именно сложившаяся позиция «отмазки»

от всего и вся. Ну, ведь, правда, жизнь идёт, значит, надо жить! Ну, а если без эмоций и серьёзно, то ведь и в ЖКХ, и на рынке, и в школе, и в системе, и в семье – обычные люди, т. е. мы с вами. Мы, – у которых есть воля, сила, которые можно, нужно и должно *управить* и направить серьёзным, взрослым умом!

Ну, кто, например, мешает дворнику, у которого есть и бензиновая косилка, а не литовка, и метла, а не пальцы (всё не неэкипированными руками работать) добросовестно выполнить ту задачу, на которую он *сам* же подвизался? Да,

может не самая чистая и денежная работа сегодня, но ведь на неё человек поступил *сам*. Значит, и мести – наводить чистоту, – которая будет радовать многих, он должен ответственно, с пониманием.

Да, сегодня многое поставлено с ног на голову. Но кто это сделал? Вспоминаются, слова Ф.Ф. Преображенского («Собачье сердце» М.А. Булгакова) про разруху, которую он представил в обра-

разе старухи с клюкой, которая выбила все стекла, но которую он сам же и устранил, подчеркнув то, что «разруха не в клозетах, а в головах».

Говоря всё это, на что меня лично подтолкнули слова песенки «Прекрасное далеко», я подразумеваю и именно призываю не размножать серость и негатив, которых сегодняшняя жизнь с избытком предоставляет современнику. Мне думается, если несколько раз, именно несколько (3–5–10 – пока не «зацепит») раз внутренне повторить самому себе слова: «*А сегодня что для завтра сделал я?*», – многое встанет на место, потому что обозначит меня самого. Меня, который может пойти в спортивный зал и немного, пусть не с олимпийской нагрузкой, но потренироваться, вместо того, чтобы сесть в чистом сквере, *ранее выметенном тем же дворником*, и напиться пива, побросав после рядом с собой бутылки, «бычки» и упаковки из-под чипсов, уверяя и оправдывая себя установкой: «А, чё!!! Есть же дворник! Вот и пусть метёт, он же деньги получает. Из налогов, которые я плачу!!!». Меня, который добросовестно примет и обслужит больного в поликлинике, понимающего, что от моего решения и воли, в которые отдаёт себя каждый проходящий к врачу, зависит ... здоровье, а значит здоровье пациента.

И снова так показательно-отрезвляющими оказываются слова: «*А сегодня что для завтра сделал я?*»... Действительно, от меня зависит одно, от соседа – другое, от коллеги – третье. Всё, казалось бы, понятно, ясно, очевидно. Однако что-то мешает... Думается, необходимо как раз подобное воспоминание о чём-то свершившемся. Которое именно тем и подвигло бы изменить настоящее, сейчас, тем более что, снова столкнувшись с прописной истиной, и серьёзно подойдя к ней, в душе и разуме заговорят не эмоции и сентиментальность, но опыт, понимание и видение того, что будущее делается сейчас!!!

Учебное издание

Фомин Максим Сергеевич

В МИРЕ МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

Учебное пособие

Чебоксары, 2024 г.

Компьютерная верстка *А. Д. Федоськина*
Дизайн обложки *М. С. Фёдорова*

Подписано в печать 31.08.2024 г.

Дата выхода издания в свет 04.09.2024 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 23,94. Заказ К-1316. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru